

КОРЕ
ХОЛТ

**СОСТЯЗАНИЕ
•
СТРАНСТВО**

В книгу включены две повести известного современного норвежского писателя. В «Состязании» рассказывается об экспедициях Скотта и Амундсена к Южному полюсу (1910–1912 гг.), в «Странствии» — о попытке Нансена и Юхансена достичь Северного полюса в 1893–1896 гг. Публикуется также очерк Тура Хейердала о Нансене.

Для широкого круга читателей.

- [Коре Холт](#)

-
-
-

- [Предисловие](#)

- [Состязание](#)

-

- [Амундсен I](#)

- [Скотт I](#)

- [Амундсен II](#)

- [Скотт II](#)

- [Амундсен III](#)

- [Скотт III](#)

- [Амундсен IV](#)

- [Скотт IV](#)

- [Амундсен V](#)

- [Скотт V](#)

- [Беседа](#)

- [Амундсен VI](#)

- [Скотт VI](#)

- [Амундсен VII](#)

- [Скотт VII](#)

- [Эпилог](#)

- [Странствие](#)

- [Приложения](#)

-

- [Тур Хейердал](#)

- [Хроника жизни Р. Амундсена, Р. Скотта и Ф. Нансена](#)

- [Об Арктике и Антарктике](#)

- [Произведения Коре Холта](#)

- [Рекомендуемая литература](#)

-

- [notes](#)

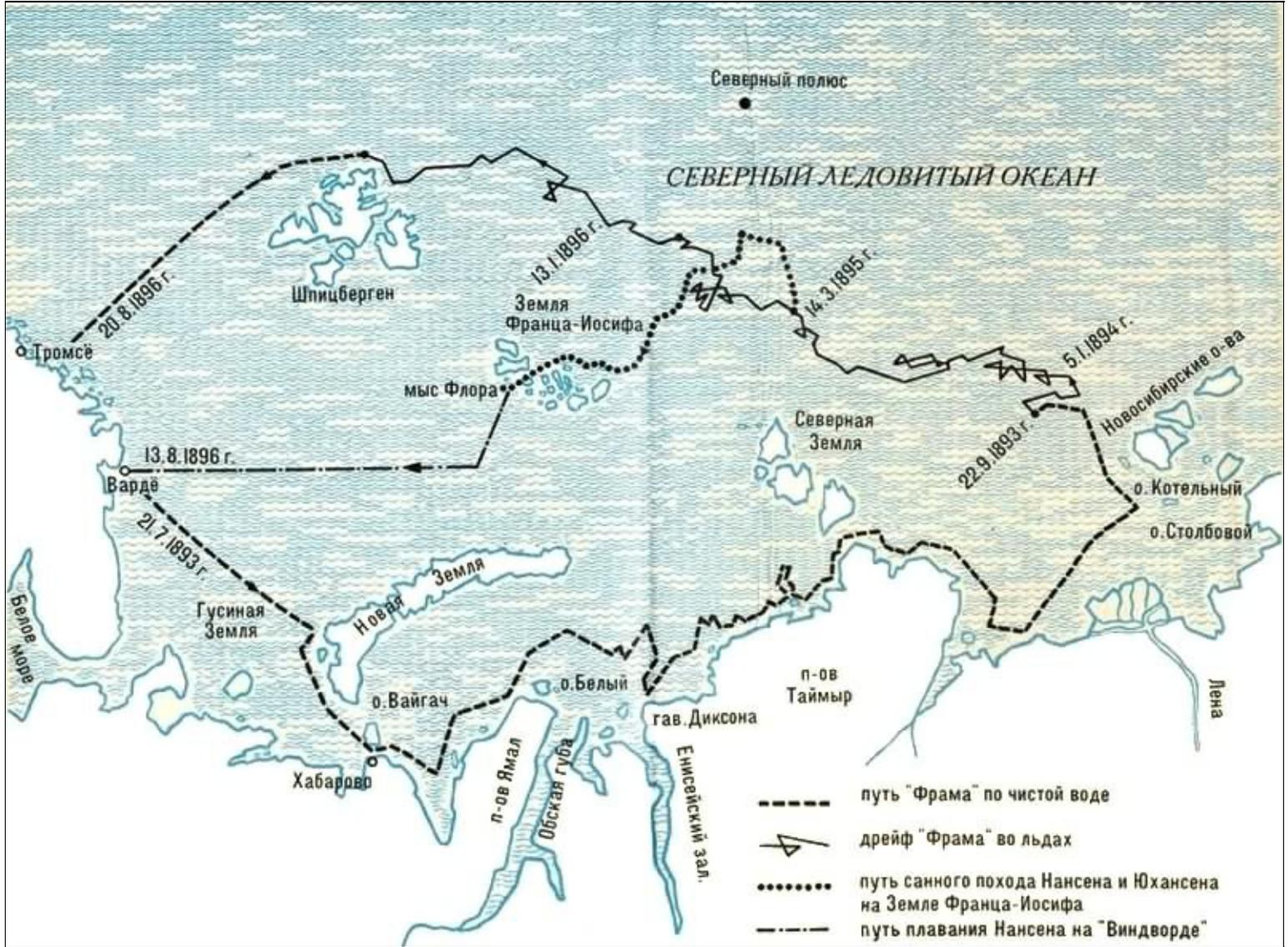
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-
-

Коре Холт

Состязание. Странствие

Предисловие

Три четверти века отделяют нас от событий, которые описываются в этой книге, однако интерес к ним до сих пор не ослабевает. Литература по истории открытия Южного полюса ежегодно пополняется новыми произведениями, авторы которых пытаются дать оценку деятельности первопроходцев и провести сравнения результатов их исследований с достижениями современной науки. Гораздо реже предпринимались попытки оторваться от освещения сугубо научных проблем и обратиться к раскрытию характеров участников антарктической одиссеи.

В самом деле, интересно было бы узнать, какими они были в реальной жизни, эти первопроходцы Антарктиды? Какими мотивами руководствовались, рискнув пойти на единоборство с грозными силами природы? Как претворяли свои намерения? Каковы были подлинные взаимные контакты лидеров первых экспедиций к Южному полюсу? Очевидно, что выяснение этих вопросов может в немалой степени помочь разобраться в причинах, предопределивших гибель Скотта и успех Амундсена.

Все эти вопросы поставил перед собой Коре Холт, один из крупнейших писателей современной Норвегии. Сын железнодорожного рабочего из провинции Вестфолд, он прошел суровую жизненную школу, сменил в молодости ряд профессий и в полной мере познал тяжесть нужды и безработицы. Особое место в его жизни занимало участие в рабочем движении, а также в Сопротивлении в годы второй мировой войны. Холт с детства глубоко интересовался литературой и рано стал сотрудничать в рабочей газете. Он начал писать романы. Первый успех ему принес роман «Великое распутье» (1949 г.), воскрешающий события военных лет. Здесь необычайно остро был поставлен вопрос о выборе правильного пути в критической ситуации.

Советский читатель познакомился с творчеством Холта по двум романам — «Тризна по женщине» и «Морской герой», выпущенным в переводах Л. Г. Горлиной и Л. Л. Жданова в 1982 г. издательством «Радуга». Первый из этих романов переносит нас в мир саг на заре истории Норвегии, когда на территории Вестфолда (родины писателя) правила королева Аса. Значительное место в романе отводится интерпретации данных археологии, давно интересовавшей Холта. Второй роман посвящен деятельности норвежского полководца Турденшолда во время Северной войны 1700–1721 гг., в которой Дания и Норвегия воевали против шведского короля Карла XII на стороне России.

При большом разнообразии исторического фона — от раннего средневековья до второй мировой войны и послевоенного времени — Холт в своих произведениях отражал извечное стремление людей к миру, свободе и счастью, осуждал деспотизм и тиранию. Всю силу своего незаурядного таланта писатель подчинил многостороннему раскрытию характеров своих героев, нередко действующих в необычных и экстремальных условиях.

Поэтому вполне понятен неподдельный интерес Холта к судьбам полярных исследователей. В 1974 г. он опубликовал роман «Состязание», который существенно меняет устоявшиеся представления о событиях, связанных с открытием Южного полюса. Самую большую сенсацию вызвало изображение первооткрывателя полюса Р. Амундсена в довольно неприглядном свете. Средства массовой информации в Норвегии буквально ополчились на Холта, обвиняя его в том, что он развенчал образ национального героя, овеянного ореолом мировой славы. На страницах газет и журналов обсуждался этический вопрос: правомочна ли вообще дискредитация таких выдающихся личностей? Кроме того, ставилась под сомнение обоснованность фактов, приведенных в книге Холта.

Писатель совершенно спокойно отнесся к нападкам прессы, поскольку был уверен в своей

правоте. Ведь работе над романом предшествовал напряженный период тщательного анализа многочисленных литературных и научных источников, а также недавно обнаруженных архивных документов. Убедившись в достоверности информации и преодолев собственные сомнения, Холт показал Амундсена как эгоистичного, завистливого, двоедушного человека, снедаемого непомерным честолюбием и одержимого погоней за славой и деньгами. Он обладает нездоровой психикой и не способен на искреннее проявление дружеских чувств. Холодный ум, мелочное самолюбие и расчетливость дополняют портрет Р. Амундсена.

В свете такой нелестной характеристики становится понятным безудержное стремление Амундсена достичь Южного полюса любой ценой, даже путем прямого обмана. Достаточно напомнить, как ему удалось воспользоваться доверием Нансена и получить судно «Фрам» якобы для похода к Северному полюсу, в то время как он втайне готовился идти в Антарктику, и своему английскому сопернику Скотту он сообщил об этом только с острова Мадейры.

Антиподом Амундсена в романе по логике вещей должен быть руководитель английской экспедиции Роберт Скотт. Он изображен как довольно типичный британский офицер. Холт неоднократно отмечает, что Скотт лишен воображения, бесцветен и просто неинтересен. Странное впечатление на читателя производят его чрезмерные проявления набожности, особенно в трудные моменты похода к полюсу. Вместе с тем писатель создает образ человека честного, мужественного, способного на самопожертвование. Скотт любит людей и жалеет животных. Участники английской экспедиции с уважением и симпатией относятся к своему лидеру. По мере приближения трагической развязки Скотт воспринимается все более тепло и его образ приобретает черты возвышенного благородства, а сама гибель Скотта и его спутников превращается в тяжкую утрату, вызвавшую скорбь английского народа.

Вершина писательского мастерства Холта — воображаемый диалог Амундсена и Скотта, якобы происходивший незадолго до гибели последнего. В этом диалоге противопоставление лидеров экспедиций выражено особенно резко. Чтобы усилить драматизм повествования, писатель искусно чередует главы, посвященные Амундсену и Скотту. В итоге усиливается эмоциональный накал изображаемых событий и героев, а также колоритно воссоздается атмосфера азарта, царившая во время поединка Амундсена и Скотта.

Для того чтобы разобраться в причинах трагедии, разыгравшейся среди снегов и льдов Антарктиды три четверти века назад, целесообразно еще раз объективно рассмотреть некоторые особенности организации и проведения обеих экспедиций. Прежде всего надо отметить, что их руководители имели примерно одинаковый опыт участия в полярных экспедициях. Амундсен зимовал в 1897–1899 гг. в экспедиции А. Жерлаша на судне «Бельжика» и, кроме того, первым проплыл по Северо-Западному проходу в 1903–1906 гг. на моторно-парусной шхуне «Йоа». Скотт руководил в 1902–1904 гг. экспедицией на Землю Виктории и шельфовый ледник Росса. Об этом рассказывается в романе.

Примерно сходными были и природные условия на трассах маршрутов Скотта и Амундсена к Южному полюсу. Советский историко-географ В. С. Корякин, проанализировав эти маршруты («Природа», 1978, № 10, стр. 86–97), справедливо указал, что, хотя у Амундсена путь был на 163 километра короче, чем у Скотта, последнему больше повезло в преодолении самого трудного участка, расположенного между шельфовым ледником Росса и волнистым плато в пределах ледникового щита Антарктиды. На этом участке с Трансантарктических гор спускаются крупные долинные ледники, различающиеся по условиям проходимости. Ледник Бирдмора, по которому двигался отряд Скотта, характеризуется довольно спокойным рельефом и только в самой верхней части расчленен крупными трещинами. В одну из них 21 декабря 1911 г. угодили Аткинсон и Эванс, однако в целом пересечение ледника Бирдмора не вызвало у англичан чрезмерных затруднений.

Норвежцам, напротив, пришлось двигаться по сильно расчлененной трещинами поверхности ледника Акселя Хейберга и пересечь верховья целого ряда ледников в сквозных долинах Трансантарктических гор. Здесь с крутых бортов долин неоднократно сходили лавины. Весь этот нелегкий путь занял у норвежцев 18 дней (против 13 на аналогичном участке у англичан). Следует добавить, что и на начальном этапе пути через шельфовый ледник Росса норвежцы пересекали гораздо больше трещин, чем англичане. Последние, однако, не сумели использовать своих преимуществ и, выбравшись из сквозных долин Трансантарктических гор, резко сократили темпы движения к полюсу.

В историко-географической литературе неоднократно и вполне справедливо отмечалось, что выбор транспортных средств в экспедиции Амундсена продуман и осуществлен более рационально, чем в экспедиции Скотта. Попытка англичан использовать моторные сани, прообраз нынешних снегоходов, оказалась неудачной из-за несовершенства техники той эпохи. Собаки были гораздо более надежными помощниками, чем лошади, плохо приспособленные к передвижению по рыхлому снегу и ледникам, особенно при низких температурах. Еще в начале экспедиции Скотта пало 9 лошадей, во время основного похода на шельфовом леднике Росса до подъема на плато погибла большая часть лошадей, а остальных пришлось пристрелить.

Избавившись от лошадей, Скотт и его спутники были вынуждены сами тащить сани с тяжелым грузом — продовольствием и снаряжением. Использование лыж сводилось к минимуму: англичане плохо освоили этот способ передвижения. Напомним, что предварительную заброску продовольственных складов Амундсен осуществил гораздо лучше, чем Скотт, поскольку норвежские склады находились ближе к Южному полюсу. Самый дальний склад был устроен у 82° южной широты, а соответствующий английский склад, известный под названием «Одна тонна», несколько южнее 79°. Всего в 18 километрах от этого склада были обнаружены трупы Скотта и его спутников.

Конечно, определенную роль в этой трагедии сыграли неблагоприятные погодные условия. Отряду Амундсена удалось завершить поход к полюсу еще в декабре, до наступления свирепых морозов и метелей, и через месяц вернуться к своей базе на побережье. Скотт и его спутники достигли полюса только в середине января 1912 года. Оказавшись вдали от складов, они испытывали нехватку продовольствия и, попав в объятия антарктической зимы, погибли от холода и истощения.

До сих пор, однако, невозможно ответить на вопрос: как повлиял на гибель английского отряда проигрыш в состязании с норвежцами? Ведь очевидно, что и Амундсен и Скотт ставили перед собой одну и ту же цель — достижение полюса. Этого никогда не отрицал Амундсен, да и вся деятельность Скотта в Антарктиде так или иначе была подчинена задаче покорения полюса. Во всяком случае, круги, организовавшие и субсидировавшие экспедицию Скотта, были кровно заинтересованы в распространении господства Британской империи на шестой материк, а факт открытия полюса мог использоваться как символ утверждения прав англичан.

В «Дневнике капитана Скотта» (Л., 1934, стр. 339–341) сообщается об ужасном разочаровании, которое испытали англичане, увидев следы пребывания Амундсена на Южном полюсе. На этом основании Стефан Цвейг, Лион Фейхтвангер и ряд других авторов стали связывать гибель английского отряда главным образом с падением их духа, ослаблением воли к жизни, боязнью возвращения на родину в положении побежденных. В какой-то мере этой версии придерживается и Коре Холт.

На наш взгляд, было бы, конечно, неправильно сбрасывать со счетов роль эмоционального фактора в жизни и деятельности полярников, однако не менее наивно возводить его в абсолют. В этом плане показательна точка зрения З.М. Каневского («Природа», 1978, № 10, стр. 97), который пытался охарактеризовать настроение Р. Скотта и его спутников в последние дни их

жизни следующим образом: «Без вины виноватые, они страшились своего же благополучного возвращения! Они двигались к побережью, думая не о желанном спасении, а об избавительнице-смерти. Яснее ясного они сознавали, что медленный темп убьет их, но, поддаваясь самообману, полагали, будто идут на предельной скорости».

Право, читая такие предположения, можно подумать, что речь идет о неврастениках, а не о кадровых офицерах, которыми был в основном укомплектован состав отряда Скотта. Видимо, З. М. Каневский забыл о том, что около береговой базы экспедиции Скотта на острове Росса на деревянном кресте под именами погибших имеется надпись: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Те, кто вырезал ножом эту строку из поэмы Теннисона «Улисс», очевидно, не сомневались в мужестве и стойкости своих друзей.

Уместно напомнить, что в составе английской экспедиции было немало ученых. Сам Скотт не раз заявлял (и это отмечено в романе Холта), что открытие Южного полюса не является его единственной целью. Даже предварительный выбор места для базы и трассы маршрута к полюсу имел научную подоплеку. По рекомендации президента Берлинского географического общества профессора Альбрехта Пенка Скотт ставил перед собой задачу выяснения природных особенностей и истории развития Антарктиды на основе комплекса геологических, геоморфологических, метеорологических и биологических наблюдений. Эти работы регулярно выполнялись на протяжении всего маршрута к полюсу и не прекращались даже в самые последние дни, вплоть до трагической развязки. Они много дали науке и легли в основу фундаментальных современных представлений об Антарктиде. В то же время проведение научных наблюдений потребовало немало затрат времени и отразилось на темпах передвижения отряда Скотта.

Сам Скотт заранее четко осознавал сложившуюся ситуацию и вскоре после первого известия о появлении норвежцев в Китовой бухте писал: «Не знаю, что сказать насчет Амундсена и его намерений. Если ему суждено достичь полюса, то он должен попасть туда раньше нас, поскольку будет двигаться на собаках и непременно выступит рано. Поэтому я давно решил поступать совершенно так, словно его и не существует. Бег с ним наперегонки расстроил бы мой план. К тому же мы сюда пришли вовсе не за тем».

Выраженную в этих пророческих словах расстановку сил четко понимал и учитывал Амундсен. Ему принадлежит следующее высказывание: «Английское путешествие было предпринято с чисто научными целями, а полюс являлся как бы приложением, в то время как в моем расширенном плане полюс занимал центральное место». Недаром историки полярных исследований, и в частности М. И. Белов («Атлас Антарктики», т. 2. Л., 1969, стр. 60), расценивают поход Амундсена к Южному полюсу как спортивное соревнование.

Хотя Амундсен уделял научным исследованиям довольно мало внимания, все же надо признать, что и те ограниченные сведения, которые были собраны его отрядом, оказались полезными для науки. Они привлекались для экстраполяции материалов экспедиции Р. Скотта. Таким путем удалось, например, выяснить размещение крупных элементов рельефа и геологических структур Антарктиды, установить главные закономерности распределения температур и осадков, а также типов погоды от побережья материка до полюса.

Несмотря на успех антарктической экспедиции, Амундсену досталась не только слава победителя, но и многочисленные упреки, особенно со стороны англичан, открыто обвинявших его в нечестной игре. Это обвинение омрачило последующий период его жизни, который в самых общих чертах описан в романе Коре Холта.

После покорения Южного полюса Амундсен стал лелеять мечту побывать и на Северном полюсе. С этой целью он решил дрейфовать во льдах Северного Ледовитого океана на специально построенном судне «Мод». В июне 1918 г. Амундсен отправился в путь вдоль

северного побережья Сибири, но из-за суровой ледовой обстановки был вынужден несколько раз зимовать у южного побережья Чукотского моря. Уже в 1922–1925 гг. судно совершило дрейф в восточном секторе Арктики, на значительном расстоянии от полюса.

Сам Амундсен, впрочем, не принимал участия в этом ледовом плавании: он покинул «Мод» еще в 1920 г. и занялся подготовкой к перелету в Америку через полюс. Его воздушная экспедиция, стартовавшая со Шпицбергена на двух самолетах в 1925 г., окончилась неудачей: один из самолетов потерпел катастрофу, а на другом оба экипажа вернулись обратно. Неудача не охладила пыла Амундсена. Ровно через год на дирижабле «Норвегия» ему удалось совершить первый полет над Северным полюсом.

Смерть подстерегла Амундсена в 1928 г., когда он занимался поисками участников экспедиции Умберто Нобиле^[1], потерпевшей крушение к северо-востоку от Шпицбергена. Самолет, на котором Амундсен отправился в путь, бесследно исчез в просторах Арктики. Только спустя два месяца, в конце августа 1928 г., предметы с этого самолета были выловлены рыбаками у северного берега Норвегии.

Последние страницы жизни Амундсена действительно являют собой пример бескорыстного подвига, совершенного во имя людей. Незадолго до аварии дирижабля Нобиле Амундсен, которому было тогда 56 лет, приобрел мировую известность. В Норвегии его почитали как национального героя. Вспомним, что написал об Амундсене Константин Симонов:

Все подвиги его давно известны,
К бессмертной славе он приговорен.
И ни одной душе не интересно,
Что этой славой недоволен он.

(«Старик», 1939)

Что побудило немолодого полярника отправиться в последнее путешествие, обернувшееся трагической развязкой, — этого мы, вероятно, так никогда и не узнаем. Однако нельзя отбросить версию, которой придерживается Коре Холт: Амундсен сознательно шел навстречу опасностям, полагая, что героическая гибель окончательно реабилитирует его и заставит забыть неблагоприятное поведение во время состязания со Скоттом.

Среди других героев романа «Состязание» выделяется Ф. Нансен, выдающийся норвежский естествоиспытатель и гуманист. Фактически он, а не Скотт является антиподом Амундсена. Это мнение выражает Ялмар Юхансен, участник арктической экспедиции Нансена на «Фраме» и экспедиции Амундсена в Антарктику. Постоянно напоминая Амундсену о его великом сопернике, Юхансен навлекает на себя гнев и исключается из состава полярного отряда норвежцев.

Образ Нансена настолько заинтересовал Холта, что он решил посвятить этому замечательному человеку самостоятельное произведение. Оно было закончено осенью 1986 г. и публикуется в этой книге под названием «Странствие» (хотя, может быть, в данном случае правильнее было бы перевести норвежское слово «vandringen» как «поход»).

Эта повесть освещает один из наиболее напряженных этапов вышеупомянутой экспедиции на «Фраме», но, конечно, не дает полного представления о многогранной деятельности великого норвежца.

Жизнь Нансена — это эпопея мужества, стойкости и отваги, воплощение героических подвигов человеческого духа в безбрежной ледяной пустыне. Естественно, нельзя забывать, что

и до Нансена многие пытались разгадать сокровенные тайны Арктики. Однако мало кто мог решиться пойти на совершенно беспрецедентный риск и сознательно поставить на карту свою жизнь. Нансен первый совершил дерзновенный переход на лыжах через огромный Гренландский ледниковый щит в 1888–1889 гг. И он первый предложил и осуществил проект научной экспедиции в Центральную Арктику в 1893–1896 гг.

Во время этой экспедиции Нансен вместе с Юхансеном совершили героический поход к полюсу, описанный в повести «Странствие». Они вышли в путь в марте 1885 г., взяв с собой 28 собак и 2 лодки. Им удалось проникнуть до высоких северных широт ($86^{\circ}14'$), куда раньше не ступала нога человека. Сообразуясь с оставшимися запасами продовольствия, отважные путешественники были вынуждены повернуть на юго-запад. Через три месяца они добрались до одного из островов Земли Франца-Иосифа и там перезимовали в хижине, построенной собственными руками из камней и снега. За 15 месяцев, проведенных среди льдов и на необитаемых островах, Нансен и Юхансен не раз оказывались в тяжелых и опасных ситуациях. Им пришлось съесть всех собак, а затем питаться только мясом белых медведей и морского зверя. Случайная встреча с английской экспедицией Джексона на Земле Франца-Иосифа предоставила им возможность вернуться в Норвегию, где их ждала торжественная встреча. На обеде, устроенном в их честь в Бергене, Нансен провозгласил тост за Россию и ее людей, содействовавших успеху экспедиции. В 1898 г. он был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Экспедиция на «Фраме» обогатила науку новыми данными о природе Центральной Арктики. Впервые выяснилось, что около Северного полюса нет никакой суши и что Северный Ледовитый океан фактически занимает глубокую впадину. Еще до экспедиции Нансен высказал предположение, что в Северном Ледовитом океане существует мощная система течений. Оно полностью подтвердилось. Именно динамикой водных масс было предопределено перемещение экспедиционного судна «Фрам» среди льдов. Благодаря наблюдениям экспедиции удалось получить ценные сведения о климате Центральной Арктики, которую впоследствии справедливо назвали «кухней погоды» всего Северного полушария.

К обработке научных материалов экспедиции на «Фраме» были привлечены видные норвежские ученые, что, естественно, повысило ценность серии опубликованных трудов. Самый большой вклад был внесен самим Нансеном, который проявил себя как глубокий и многосторонний исследователь. В его творчестве удачно сочетались способность к тщательному анализу фактов и умение широко обобщать конкретные данные.

В самом начале своего пути в науке Нансен выступил как зоолог. Его работы в области анатомии и гистологии моллюсков, ракообразных и низших морских позвоночных животных до сих пор считаются классическими. Во время экспедиции на «Фраме» Нансен глубоко заинтересовался океанологией. Он сам обработал океанографические материалы экспедиции и объединил их в отдельном томе. Нансен ратовал за внедрение новых приборов и точных методов изучения морей. Он выдвинул ряд основополагающих концепций в области физической океанологии.

За свою жизнь Нансен написал большое число фундаментальных научных работ по океанологии, климатологии и геоморфологии Арктики. К этим работам постоянно обращаются исследователи природы нашей планеты.

Наряду с научной работой Нансен с молодых лет придавал важное значение популяризации знаний. Стремление рассказать широкой читательской аудитории об окружающем мире проявилось у молодого исследователя сразу же после гренландского похода 1888–1889 гг., когда вслед за научным отчетом он написал книгу о жизни и быте эскимосов. Она была издана во многих странах, включая и Россию. В книге было убедительно показано пагубное воздействие

европейской цивилизации на коренных жителей Гренландии. Гуманистические идеи Нансена впоследствии были развиты в других его книгах, где затрагивались насущные проблемы жизни современного человечества.

Нансен принял самое активное участие в движении норвежского народа за национальную независимость. Успех этого движения, приведший к полному отделению Норвегии от Швеции в 1905 г., был во многом обязан международному авторитету Нансена, защищавшего интересы своей страны. В связи с его публичными выступлениями в защиту прав норвежцев шведский посол в Англии в те годы сокрушенно отмечал, что «имя Нансена в Англии пользуется большим авторитетом, чем вся Швеция».

После провозглашения независимости Норвегии Нансен два года был послом в Англии, не прекращая при этом научной деятельности. В это время он создал капитальный труд по истории исследований Арктики, опубликованный в России под названием «В тумане Севера».

Дипломатическая деятельность была Нансену не по душе, и при первом удобном случае он вернулся к научной работе и экспедициям. Наиболее значительным было плавание на шхуне «Веслемей» в район архипелага Шпицберген. Нансен собрал и обработал материалы океанографических наблюдений, а также составил интересное географическое описание этого архипелага. В это же время он обратился к новым отраслям науки — геоморфологии и неотектонике. Оригинальные идеи о воздействии оледенения на рельеф и динамику земной коры были широко представлены в солидной монографии Нансена «Страннфлат и изостазия», вышедшей в 1920 г.

В 1913 г. английское акционерное общество пригласило Нансена принять участие в экспедиции в Сибирь. Нансен, всегда живо интересовавшийся Северным морским путем и освоением Сибири, принял это предложение. Он проплыл до устья Енисея, далее поднялся вверх по этой реке до Красноярска, а оттуда проехал по Сибирской железной дороге до Владивостока. Пораженный величием природы и несметными богатствами Сибири, Нансен создал замечательную книгу «По Сибири» (в русском переводе «В стране будущего»), которая и теперь читается с большим интересом. В ней есть пророческие слова о большом будущем этого края: «Здесь лежат бесконечные пространства, таящие блестящие возможности, и только ждут приложения творческих сил человека».

Первая мировая война прервала экспедиционную деятельность Нансена. В эти годы он не раз привлекался к дипломатической работе. В частности, в 1917 г. он добился организации поставок продовольствия из США в Норвегию, устранив нависшую над этой страной угрозу голода.

В 1920 г. Нансен был назначен представителем Норвегии в Лиге Наций. На этом посту он провел титаническую работу по возвращению на родину сотен тысяч военнопленных. В том же году Нансен посетил Москву, где встречался с видными государственными деятелями Советской Республики. Он беседовал с В. И. Лениным и высказал мысль о необходимости изучения и использования Северного морского пути. Выслушав Нансена, Ленин, в свою очередь, сообщил ему о подготовке плана развития производительных сил севера России. Тогда особую остроту приобрел вопрос освоения западной части Северного морского пути, от устьев Енисея и Оби до Архангельска и Мурманска; необходимо было вывезти сибирский хлеб для голодающих районов Европейской России. Нансен посоветовал обратиться за помощью к капитану Отто Свердрупу, хорошо знающему эти места. В. И. Ленин принял рекомендацию. Отто Свердруп выполнял обязанности капитана ледокола «Красин» в 1921 г. и руководил проведением судов в Карском море.

В 1921 г. в результате катастрофической засухи погиб урожай в Поволжье. Максим Горький обратился в органы зарубежной печати с призывом оказать помощь голодающим. Одним из

первых на этот призыв откликнулся Нансен и создал специальную комиссию. Ему пришлось столкнуться с ожесточенным противодействием ярых врагов Советской страны и с равнодушием буржуазных правительств. Получив отказ от официальных органов, комиссия Нансена прибегла к частной благотворительности. Деятельность Нансена спасла от смерти многих людей и была высоко оценена в нашей стране и за рубежом. Моссовет в 1922 г. избрал Нансена своим почетным членом как друга советского народа.

В том же году ему была присуждена Нобелевская премия мира. Большую ее часть Нансен истратил на покупку оборудования для двух показательных машинно-тракторных станций, которые передал Советскому правительству.

В 1923 г. на страницах зарубежных газет появились статьи Нансена о поездках в Советскую Россию. Великий гуманист рассказал правду о нашей стране и призвал другие государства установить с ней дружеские отношения. По материалам этих статей была подготовлена книга Нансена «Россия и мир», в которой высказывается мысль о том, что благополучие всего мира тесно связано с благополучием России. Нансен писал, что в недалеком будущем «Россия принесет Европе не только материальное спасение, но и духовное обновление».

Благородная гуманистическая общественная деятельность Нансена отличалась необычайной многогранностью. Он принял большое участие в устройстве судеб армянских и греческих беженцев из Турции. Благодаря его усилиям тысячи армян смогли приехать в Советскую Армению. Оценивая деятельность Нансена, его друг известный норвежский океанолог Х. Свердруп сказал, что «Нансен был велик как полярный исследователь, еще более велик как ученый и гораздо более велик как человек». Он поистине один из великих гуманистов нашей эпохи. Борьба за право людей на свободную и счастливую жизнь в деятельности Нансена всегда сочеталась с выступлениями в защиту мира, против гонки вооружений. Все это и сейчас, спустя много десятков лет, сохраняет свою актуальность. Поэтому мы воспринимаем Нансена как нашего современника, посвятившего свою жизнь бескорыстному служению людям.

В литературе о Нансене иногда проскальзывает тенденция изображать великого норвежца таким гражданином мира, оторвавшимся в своей международной деятельности от национальной почвы. Эта точка зрения не соответствует истине. Нансен всегда и во всем оставался сыном своей страны, которую он беззаветно любил. В дни самых суровых тягот и испытаний он всегда обращался к родной Норвегии. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать его книги о путешествиях в Арктику.

Именно потому, что Нансен был подлинным патриотом Норвегии, прошедшей непростой путь к независимости, он глубоко понимал чаяния других народов, которым приходилось бороться за свои права, и всегда был готов помочь эксплуатируемым и обездоленным. Жестокость и произвол капиталистического общества встречали осуждение в его душе.

В Норвегии Нансен — один из самых почитаемых национальных героев, эталон мужества, душевного благородства и бескорыстия. Поэтому величественный образ Нансена в произведениях Коре Холта совершенно оправдан, особенно если вспомнить видную роль, сыгранную этим исследователем в открытии полярных районов Земли.

Интересно заметить, что в романе «Состязание» упоминаются русские люди, впервые побывавшие на материке Антарктиды. В экспедиции Амундсена работал штурман Александр Степанович Кучин, а в экспедиции Скотта — каюры Антон Лукич Омельченко и Дмитрий Семенович Гирев. Первый из них впоследствии был приглашен В. А. Русановым в экспедицию на «Геркулесе», следы которой затерялись в просторах Арктики в 1912 г. Омельченко и Гирев встретили Октябрьскую революцию на родине и приняли участие в жизни Страны Советов. Подробные сведения о первых русских в Антарктиде приведены в статье Н. Болотникова «Их имена запечатлены на карте Антарктиды» («Наука и жизнь», 1969, № 10) и в книге

А. Ф. Трешникова «Антарктика: исследования, открытия» (Л., 1980).

За последние десятилетия в изучении полярных областей Земли произошли большие изменения, особенно в связи с реализацией крупных научных проектов международного ранга. В них подняты проблемы хозяйственного освоения, в частности, разработки минеральных ресурсов, транспортировки айсбергов в аридные страны, создание баз для обслуживания морского флота и т. д. Колоссальный вклад в осуществление этих проектов вносит Советский Союз, регулярно направляющий научные экспедиции в Арктику и Антарктику.

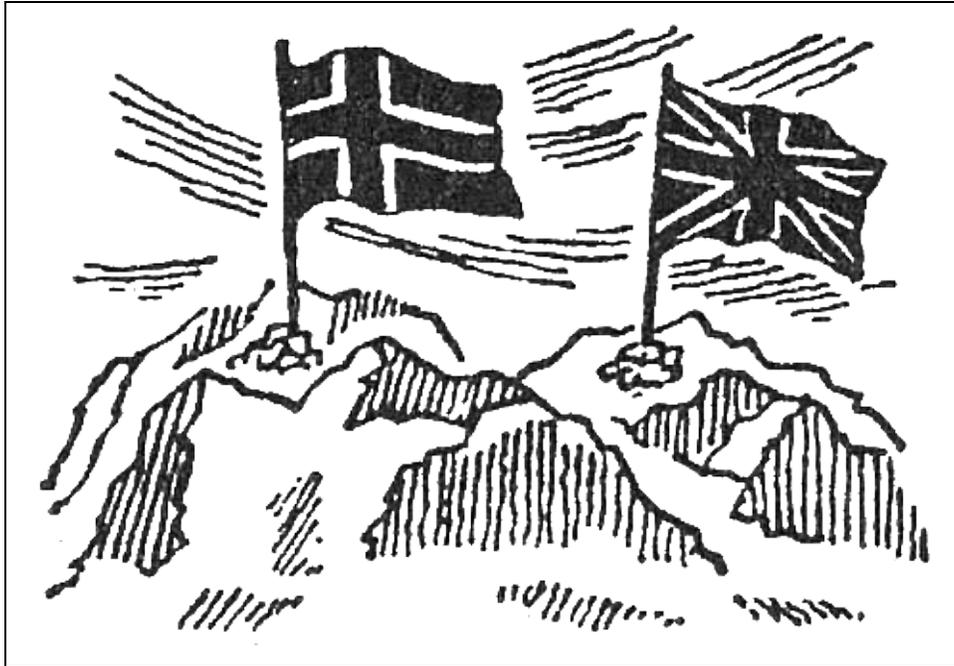
Научно-технический уровень работ, проводимых в полярных областях, стал несравнимо выше, чем во времена Нансена, Скотта и Амундсена, однако до сих пор не сняты с повестки дня проблемы, имеющие прямое отношение к миру человека, — такие как выживаемость, психическая совместимость, рациональная организация питания, труда, отдыха в неблагоприятных условиях среды. При решении этих проблем приходится постоянно обращаться к опыту наших предшественников, пионеров освоения Арктики и Антарктики. Поэтому произведения Коре Холта «Состязание» и «Странствие», предлагаемые вниманию читателей, имеют не только историческое, но и прикладное значение. Вместе с тем мы надеемся, что читатели по достоинству оценят художественное своеобразие произведений выдающегося норвежского писателя.

Доктор географических наук

Л. Р. Серебрянный

Состязание

Памяти погибшего в войну на море моего брата Артура, который когда-то лежал рядом со мной на полу и читал записки Амундсена и Скотта

По улицам Христиании бежал молодой человек в тесных лаковых полуботинках и котелке, держа в руках череп, который он решил продать. Его мать, волевая женщина, велела ему изучать медицину, не спрашивая, желает он сам того или нет. Когда она умерла, он бросил занятия. Череп оказался лишним, и он продал его, чтобы на вырученные деньги купить книги о полярных областях. Суровый крепыш, он был молчалив и не очень общителен, у него совсем не было возлюбленной и очень мало было друзей. В школе он не блистал. Его орфография отличалась оригинальностью, отражающей скорее упрямство, чем тупость. Его способность ненавидеть со временем проявилась в полной мере. Не менее велика была его способность сохранять верность друзьям — покуда друзья признавали его превосходство и он мог их использовать. Была у него склонность к угодничеству, от которой он так никогда и не избавился. Он мастерски прибегал к подхалимажу, когда нужно было добиться каких-то преимуществ. В сотрудники подбирал людей, похожих на него, только масштабом поменьше — маленьких властолюбцев, склоняющихся перед ним, властителем. Планируя втайне свои великие экспедиции, он был гением. Он первым достиг Южного полюса.

...Вот Руалд Амундсен новобранец в военном лагере: задолго до подъема он вскакивает с койки и делает пробежку по пересеченной местности. Когда на воскресном утреннем построении капитан спрашивает, есть ли желающие пойти в церковь, он вызывается первым. Вообще-то, в церковь он ни ногой. Здесь же шагает на богослужение во главе отряда. Позднее в жизни он пожнет немало похвал за этот эпизод — достаточно незначительный и достаточно фальшивый, чтобы производить впечатление достоверного. Этим вовсе не сказано, что в тот раз он покривил душой. Напротив, он был верен своему неодолимому стремлению всегда быть первым. В любой ситуации, когда есть риск оказаться вторым, он пускает в ход свою могучую волю к борьбе.

Его род происходил из Валера и с давних времен был связан с морем. Отец и дядья владели собственными судами и плавали по всему свету. Буйная отвага сочеталась в его роду с утонченным аристократизмом. У отца — четыре незамужние сестры. Он строит для них дом по соседству со своим собственным, и они ведут там замкнутый образ жизни среди горшечных цветов и лаванды. Сам отец — работорговец, как величают его одни; в глазах других он белый господин, сумевший выжить, когда кучка цветных бандитов устроила бунт.

Отец везет из Китая в Гавану китайских кули. Три сотни кули заперты в грузовом трюме. Чтобы товар не пропал — за него уплачены деньги, — им необходимо достаточное количество свежего воздуха. Группами по десять-двенадцать человек их на один час выпускают на палубу. И вот невольники решают захватить корабль. Одному из них удается выкрасть топор у плотника.

Шкипер стоит у борта, глядя в морскую даль. Китаец нападает со спины. Шкипер круто оборачивается. Топор только рассекает щеку. Начинается бешеная схватка. Команда загоняет китайцев обратно в грузовой трюм. Невольники разводят в трюме огонь, чтобы их выпустили. Команда задраивает люки. Китайцы задыхаются в дыму. Они вынуждены сами потушить пожар. Лицо шкипера залито кровью. Вместе с ним на борту находится его молодая жена. Она еще не стала матерью покорителя полюса. Штопальной иглой и шерстяной ниткой она зашивает рану. Шкипер с шерстяной ниткой в щеке приказывает китайцам:

— Судите сами вашего главаря — или умрете все!

Главарь повешен своими сообщниками.

Образец верной политики: не трусость кучки невольников, а разумная тактика. Один из безымянных вождей в истории проиграл. Он разумен и понимает ситуацию: я должен умереть; повесив меня, мои товарищи смогут жить и продолжать борьбу. Удайся бунт, и Руалд не появился бы на свет, Скотт первым достиг бы Южного полюса.

У Руалда был старший брат по имени Леон. Много лет они были близки друг другу. А кончилось все жестокой враждой. Совсем юношами они отправились среди зимы в поход по плато Хардангервидда. Поход, который по-своему оказался не менее дерзким и рискованным, чем многие экспедиции, задуманные и осуществленные впоследствии Руалдом Амундсенем. Они взяли с собой спальные мешки; палатку не брали. Попали в буран и заблудились. Нетрудно представить себе владевшие ими чувства, упорство, стремление дойти до цели. Единодушие, братство, воля, способность выложиться до конца. Рассказ, записанный Руалдом вскоре после этого похода, выдержан в простых, гармоничных тонах, пронизан дружеским отношением к Леону и прочной уверенностью в себе. Душа еще не надломлена. В этом походе Леон спас своего брата Руалда от смерти.

Вечером они устраиваются на ночлег на гребне. Кругом горная пустошь, ночной мрак и густой туман, они совсем сбились с пути. Потеплело. Они откапывают себе каждый по яме в снегу. Руалд заползает в укрытие головой вперед. Втаскивает следом спальный мешок, влезает в него. И засыпает в тепле и уюте.

Среди ночи он просыпается. С вечера подморозило. Одна рука его, лежащая поверх мешка, примерзла ко льду. Он никак не может ее освободить. И замечает, что его пещерка герметически закупорена. Становится трудно дышать. Кровь стучит в висках. Он пробует пробиться на волю ногами. Но спальный мешок тоже примерз. Он зовет брата. Крик отдается, словно в глубоком ледяном подвале. Его окружает мрак. Но где-то сквозь снежный покров просачивается слабый свет. Он воспринимает его как издевательство — или как прощальное послание жизни, радости которой он только-только начал познавать.

Он совсем задыхается — тем сильнее, чем отчаяннее силится пробиться на свободу. Очевидно, брат тоже очутился в западне. В мыслях он сопоставляет горный простор и тесное ледяное убежище, из которого не может выбраться. Конец самообладанию. Истерия берет верх. Он отчаянно колотит ногами по спальному мешку. И не может оторвать его ото льда.

Внезапно до слуха его доходит какой-то слабый звук. Он кричит как безумный. Может, ему почудилось, может, это ложная надежда? Или это брат пытается его откопать? С рождением надежды он обретает трезвое спокойствие и способность планировать. Поставь все на эту карту. Дыши спокойно, не расходуй без нужды кислород. Если это Леон, у тебя есть шанс выжить. Единственный шанс.

Это Леон. Три часа откапывал он Руалда. Потом они вышли к людям.

Леону и только ему доверил Руалд свои дерзкие мечты пройти по следам сэра Джона Франклина к Северо-Западному проходу. И одному Леону доверился он, когда изменил северный курс на южный, чтобы попытаться раньше Скотта достигнуть Южного полюса.

А кончилось все судебной тяжбой между братьями. Вспоминая былое в книге «Моя жизнь полярника», Руалд Амундсен, говорит о своем товарище по горному походу лишь как о спутнике. Не называет его ни братом, ни Леоном. Свое единственное доверенное лицо во время подготовки экспедиции на Южный полюс именует секретарем. Когда же доходит до описания тяжбы, то вспоминает имя брата и страницу за страницей заполняет злыми словами.

Мы догадываемся, что к этому времени, на закате своей жизни, он сломлен сверхчеловеческими физическими усилиями, штормами над Антарктикой, честолюбием, не ведавшим предела. Он стал вульгарным в своей погоне за деньгами — деньгами, которые были ему необходимы, чтобы свершить то, что он свершил, и чего никто другой не мог бы свершить. Он стоит перед нами обнаженный, в потускневшем ореоле славы. Он предвидит суровый суд истории.

Но тут он ошибается.

Леденящая дистанция отделяет нас от гения; как человек он мелок. Он уплатил цену победы и выиграл — или проиграл. Таким предстает он перед нами — человеком с душой властелина, человеком, который держал в тайне свой замысел быть первым там, где никто до него не бывал и где людям нечего делать. В своем одиночестве он велик.

* * *

Молодой Руалд Амундсен играет в карты со Смертью. Ему 25 лет, он штурман на «Бельжике». Руководит экспедицией барон Адриен де Жерлаш. Ее задача — исследовать антарктические воды. По моде того времени штурман носит усики и холеную острую бородку. Высокий череп одет еще не поредевшей шевелюрой. Каюта маленькая и неуютная. Воздух в ней тяжелый; судно затерто льдами. За бортом грохочут льдины, они встают на дыбы, сталкиваются между собой, крошатся, уходят под воду, стискивают корабль, обрушиваются на палубу. Судно и люди объаты мраком. Мраку не видно конца. Сидя на койке, Руалд играет в карты со Смертью. У молодого ученого Данко цинга, он скоро умрет. Лицо его пожелтело. Глаза налиты кровью и светятся в сумеречной каюте.

Он кричит:

— Играй со мной в карты!.. Я скоро умру!..

Все участники экспедиции больны цингой. Больны и Руалд, и американский врач Фредерик Альберт Кук. Но эти двое еще сохраняют какие-то силы. Они нашли средство против смерти: пьют кровь. Нет-нет да высунется из разводья тюленья морда, нет-нет да и покажется один-другой пингвин. В темноте они подкрадываются к птицам и зверю, безжалостно вонзают в добычу нож, припадают губами к открытой ране и пьют, пока жертвы еще корчатся в судорогах. Волокут добытое мясо на судно, пытаются заставить и других есть его сырым. Но руководитель экспедиции отказывается. И запрещает своим людям. Воспаленные глаза Адриена де Жерлаша излучают безумие. Он подозревает двух охотников в желании умертвить остальных членов команды. Каждое утро следует приказ: «Кровь не пить!»

И вот молодой Руалд, нарушитель приказа, с запекшейся в бородке кровью, сидит на краю койки рядом с умирающим товарищем и играет с ним в карты. Проигрывает кон за коном. Но Данко еще достаточно соображает, чтобы видеть, что противник нарочно поддается. И он кричит в отчаянии:

— Ты думаешь, я уже мертв!

Руалд играет всерьез и выигрывает.

Тогда Данко кричит:

— Тебе нисколько не жаль меня!.. Я ведь умру!..

Человек с окровавленной бородкой пытается затолкать кусок сырого мяса в рот своего умирающего товарища. Хотя знает, что это уже не поможет.

Судно затерто льдами из-за невежества Адриена де Жерлаша. Он не был знаком с обстановкой в антарктических водах. Пробиваясь сквозь льды, они попали в шторм. Дул северный ветер. Опытные моряки тотчас взяли бы курс на открытое море. Жерлаш увидел на юге широкое разводье. Решил, что там никакой шторм их не достанет. Так и вышло. Но их затерло льдами, и они провели тринадцать месяцев в ледовом плену.

После Руалд без тени кичливости говорил, что он видел опасность. Понимал, что Жерлаш делает как раз то, чего нельзя было делать. Но, говорил Руалд, никто не спрашивал моего мнения. Поэтому я молчал. Угодничество? Возможно. В таком случае угодничество в сплаве с самообладанием. После нескольких недель ледового плена Жерлаш, свалившись от болезни, пишет завещание.

Фактическим руководителем остается Руалд Амундсен. Но в одном Жерлаш непреклонен:

— Кровь никому не пить!

Столь же непреклонна воля Руалда:

— Все должны пить кровь!

Но члены команды «Бельжики» боятся сырого мяса больше, чем смерти. Поговаривают, что этот норвежец задумал всех прикончить, принуждая их пить кровь.

За этот год во льдах Руалд проникается глубоким уважением к американцу доктору Куку. Много позже случилось так, что Кук, вернувшись из Арктики, заявил, что достиг Северного полюса. Его уличили в обмане. Сверх того, Кук был пойман на денежных махинациях и очутился в тюрьме в Канзас-Сити. К тому времени Амундсен приобрел мировую славу. Он приезжает в Канзас-Сити с лекцией. Посещает в тюрьме своего друга. Американские газеты обрушиваются на него с нападками. Дескать, Амундсен стал на сторону жулика. Амундсен должен был это предвидеть до того, как постучался в тюремные ворота. Но, как всегда, он был непреклонен.

О чем говорили они с Куком, никому не известно.

Может быть, о матросе на «Бельжике», который заболел манией величия, меж тем как Данко ждал смерти?.. О крадущихся шагах на палубе, о звуке разбивающихся льдин, похожем на крик погибающего человека? О Данко, который вскакивает на койке, бодает подволоку, теряет сознание, снова приходит в себя и кричит:

— Не один я умру!.. Играй со мной в карты!..

Возможно, они говорили о последнем странствии Данко. Его тело опускают в полынью. Серый рассвет занялся надо льдами, над судном, которое накренилось так сильно, что люди должны держаться за канаты, ступая по наклонной палубе. Вся команда, включая руководителя экспедиции, барона де Жерлаша, выбралась на палубу. Они словно ходячие трупы — желтые, отощавшие, большинство без зубов. Только двое сохранили силы и румяный цвет лица: те, что пили кровь.

Данко зашивают в парусину. К ногам привязывают груз. На леденящем ветру произнесены положенные слова, после чего Руалд и доктор Кук спускают тело за борт. Покойник становится в воде торчком. Медленно погружается. Две льдины трутся друг о друга с причудливым звуком; кажется, это смеется покойник.

Дело обстоит так, что либо они выберутся изо льдов, либо все погибнут. То тут, то там открываются разводья, но снова закрываются прежде, чем удастся вывести судно на волю. И здесь доктору Куку приходит в голову идея: они должны прорезать себе путь из плена. Руалд поддерживает его. Двум сильным волям противостоят много слабых. У команды нет сил для работы. До ближайшего разводья сотни метров, а у них нету приличных пил, они обречены

оставаться во льдах. Обречены на смерть.

Но многим слабым волям противостоят две сильных. Амундсен до конца жизни не забывал о своей благодарности доктору Куку. «Бельжика» вышла из льдов.

Знаем ли мы, чего это стоило даже самым сильным? Где лежит предел, за которым душа надрывается? Когда они встретились в следующий раз, один из них был мошенником. Другой судился с собственным братом.

* * *

Есть снимок, на котором Руалд Амундсен сидит в люльке, подвешенной к воздушному змею. Очевидно, фотограф был специально приглашен. Амундсен висит довольно высоко над землей, на нем цилиндр, крахмальный воротничок, перчатки, лаковые полуботинки. В богатыре есть что-то от барышни. Так и кажется, что он пользуется губной помадой. Зная, что его будут фотографировать, он печется о своем достоинстве — мещанин, который не считает возможным шокировать публику, снимаясь без перчаток. Оригинальный в выборе вспомогательных средств — предполагалось, что воздушный змей обеспечит лучший обзор, поднимая его надо льдами, — он до неприличия пристоеен в своих манерах. Он никогда не прекословит тем, кто, в его понимании, занимает более высокое положение в обществе. Постепенно у него вырабатывается привычка возражать любому из подчиненных, кто в чем-либо не согласен с ним.

В 1900 году происходит первая встреча Амундсена с Нансеном. Один уже известен миру, другой — всего лишь возвратившийся из плавания штурман; никто не уделил ему внимания, мало кто знает, как он жаждет славы. Читая то, что писал об этой встрече Амундсен четверть века спустя, мы можем представить себе его униженную позу при входе в дом Нансена, его смиренное поведение в доме, чувство глубокой благодарности, с которым он уходил. И сверх того — о чем он, естественно, умолчал — оттенок зависти. Встретились два весьма непохожих человека. Один — с крупным черепом и умом большого масштаба, светский человек, знающий толк в политических интригах, не робеющий ни перед кем, ученый, не чурающийся великих проблем и вместе с тем способный подурачиться. Другой — замкнутый, лелеющий свое «я», чувствительный, болезненно реагирующий на всех скупящихся на славословия в его честь, мелочный, весь кругозор которого сводится к точке на карте, где никто еще не бывал и куда он должен прийти первым. Как раз это ему удалось.

Он гений и рычащий тигр, и он тряпка, кланяющийся без нужды низко, когда уходит. Вряд ли они понравились друг другу. Они никогда не станут друзьями.

После Амундсен обманул Фридтьофа Нансена. Пошел на умышленное умолчание — стало быть, солгал.

При первой встрече Амундсен излагает свой план найти Северо-Западный проход^[2]. Нансен обещает ему всяческую поддержку.

* * *

Он стоит в наполненной водой плоскодонке, проверяя герметичность смазки на сапогах. Мазь для обуви — одна из многих проблем для человека, который замыслил найти Северо-Западный проход. Он купил «Йоа» — суденышко чуть больше черпака, длиной всего в несколько метров — соринка в океане; многие воспринимают это как смертельный приговор. Теперь он занят покраской «Йоа». И стоит в воде в смазанных сапогах. Каких только мазей не

перепробовал, и ни одна не годится. Смешивал разные жиры, перемазываясь с ног до головы, варил, бранился, плевал в варево, даже добавлял в него собственную сокровенную влагу. Снова и снова проверял результат — шесть часов должен сапог стоять в воде, не промокая. И наконец он добился своего.

Экспедиции надо было взять с собой снаряжения на пять лет, 1800 дней, а потому следовало основательно все продумать, прежде чем действовать. Подготовка длилась два года. Вот он, человек за кулисами: одинокий мастер, повелитель, расспрашивающий сведущих людей, воздерживающийся от оценки ответов и следующий собственными путями. Сэр Джон Франклин^[3] пробивался в Северо-Западный проход на двух больших судах со 134 человеками команды. Никто из них не вернулся. В последующие десять лет было послано 50 спасательных экспедиций. Многие потерпели аварию. Человек, который в Тромсё испытывает мазь для обуви, пока здесь ремонтируется «Йоа», избрал прямо противоположный путь. Маленькое суденышко, которому не так страшны мели. Маленькая команда, люди, умеющие делать все необходимое, а сверх того от них мало что требуется.

Так по какому же принципу подбирал он людей? Не только по принципу послушания, хоть это и было первой заповедью. Когда изучаешь всех тех, кто следовал за ним, вырисовывается общая картина. Все они были умельцами. И возможно, это было не менее важно, чем обладать физической силой и хорошо ходить на лыжах. Мастера своего дела — это главное; притом, как уже сказано, послушные ему, руководителю. За все годы только один из его сотрудников погрешил против этого требования. За что и был исключен из отряда, который затем покорил Южный полюс. Требование беспрекословного послушания от подчиненных совсем не обязательно толковать как признак высокомерия. Сторонник системы в делах, он знает, что именно такая экспедиция, небольшая, с сильным руководителем и людьми, которые преклоняются перед ним, более всего может рассчитывать на успех. А в успехе заключено все счастье.

Так в нем растет и укрепляется это свойство: потребность в покорности со стороны других. Надо думать, чем дальше, тем больше радости доставляло ему сопоставление малости его команды с собственным величием. Зараза налицо, где-то в глубине таился зародыш душевного надлома. Под конец жизни его высокомерие станет очевидным для многих.

Но на пути через Северо-Западный проход он — умный руководитель, способный, когда требуется, и на смирение, молодой, сильный, неsgiбаемый.

Всякая экспедиция, отправляющаяся в неведомое, остро нуждается в деньгах. Так и здесь. У него еще нет громкого имени; да и став всемирно известным исследователем, он будет вынужден попрошайничать. Человек в непромокаемых сапогах стирает с пальцев жир. Тщательно вытирает руки старой газетой. Подправляет бородку портновскими ножницами; заключает, что надобно сменить брюки. Заходит за упаковочные ящики и переодевается. Меняет также лицо. Надевает крахмальный воротничок. Обнаружив на воротничке жирное пятно, выворачивает его — умелец! — наизнанку. Делается смиренным угодником, подбирает льстивые слова, с поклоном отворяет тяжелые двери, с поклоном выходит обратно. Льстит толстосумам словами о том, что деньги — знак нравственной силы. По пути домой блюет в подворотне. Расстается с частицей своей души.

В нем зреет холодное презрение к людям. Нужда в деньгах не покидает его до конца жизни, и он носит крахмальный воротничок, чтобы скрыть этот изъян.

Незадолго до выхода «Йоа» в море — они уже в Христиании — один из поставщиков требует, чтобы судно конфисковали и Амундсена арестовали за долги. Амундсен никогда потом не называл фамилию этого поставщика, скорее всего из тактических соображений — ведь могла понадобиться помощь других фирм, связанных с этим человеком. Сейчас он действует

оперативно. Ночью собирает команду, и «Йоа» выходит в море.

Описывая чувство свободы, испытанное им у маяка Фердер, он не скрывает своей радости. И — в виде исключения — находит искренние слова для выражения подлинных чувств. Бежав от денежных проблем, защищенный барьером высоких волн в фьорде, в обществе горстки послушных людей, охотно следующих за ним навстречу приключению, он счастлив.

Зимовщик он непревзойденный. К ледяной пустыне относится как богомолец к распятию. Страх смерти не ведает. А может быть, как раз ведает, но трезво обдумывает проблему. Знает, что в страхе смерти содержится вызов: он усугубляет опасность провала, а потому необходимо его победить. Амундсен редко говорит о смерти возвышенными словами. Перед лицом последнего врага — или друга — надевает узду на свою скудную лексику.

Отношения с эскимосами строит умно. Нередко выказывает подлинную человечность. Возможно, это тактика. В драматическом эпизоде проявляется его превосходство. Приближается кучка эскимосов, вооруженных луком и стрелами. У Амундсена и его спутников — ружья. Когда эскимосы оказываются на расстоянии выстрела, Амундсен командует:

— Бросьте ружья!

Его люди подчиняются. Тогда эскимосы тоже бросают свое оружие.

Он помогает эскимосам, они почитают его. Он умеет править собачьей упряжкой, спать на снегу. Ведет меновую торговлю и платит хорошо — швейными иглами. Еще одно проявление гения в планировании: на загруженной до предела «Йоа» нашлось место и для швейных игл. Но он умеет быть суровым господином, когда видит в этом смысл.

Кто-то из эскимосов крадет несколько банок консервов. Он созывает их всех, мечет громы и молнии на непонятном им языке, требует выдать виновных — и отправляет их прочь. Никакой пощады, потому что... Впрочем, причин много, но все они сводятся к одной: ты ведь должен победить? Ты за этим пришел сюда? Если они будут красть, могут возникнуть трудности. А это умаляет твои шансы на победу.

Он одолевает проход, который стольких манил и который, строго говоря, никому не нужен. Во льдах у западного побережья ему встречается потерпевший крушение китобоец. Фамилия шкипера — Могг, ему необходимо добраться до ближайшего телеграфа, чтобы вызвать помощь. Амундсену тоже надо туда. Он горит нетерпением известить мир — как и любой на его месте горел бы, а он тем более. Но у него нет денег.

У Могга деньги есть, и приходится победителю сопровождать неудачника через дебри в роли покорного слуги. Амундсен бежит по снегу впереди, за ним следует собачья упряжка, Могг сидит на санях и дремлет. У покорителя Северо-Западного прохода такое чувство, словно его обратили в рабство.

В пути между двумя ночевками он останавливается и говорит:

— Здесь я поворачиваю и иду обратно. Ты без меня не справишься.

Двое мужчин. До третьего — десятки километров. Они меняются ролями. Доходят до цели. Телеграммы отправлены. Деньги удастся раздобыть.

Он выходит под белые звезды и благодарит всемогущего бога.

Возможно, думает про себя, что и всемогущему не мешало бы поблагодарить его.

На очереди Южный полюс.

* * *

Прежде чем ближе рассмотреть экспедицию к Южному полюсу, остановимся на некоторых событиях последующих лет жизни Амундсена. Держа их в памяти, нам будет легче понять

человека, который победил в гонке к полюсу, введя в заблуждение весь мир. Игра с высокими ставками — и крупный выигрыш для ограниченного гения, унижающегося, когда это требовалось для дела. Человека не такого значительного, каким его считали современники, но значительнее, чем мы склонны полагать.

После возвращения с Южного полюса его ожидала трудная пора. И продлилась она до конца его жизни. Следующие экспедиции не были такими удачными, как две первые. Он задумал пройти через Северо-Восточный проход^[4] и дрейфовать через Арктический бассейн, как это сделал Нансен. Началась первая мировая война. Амундсен стал спекулянтом и зарабатывал деньги на немецких подводных лодках. Одновременно он — справедливо — отзывался с презрением о военных действиях этих лодок. Возвратил медаль, полученную от кайзера. Его глаза не видели двойной морали. Это не его область исследований. Описывая этот эпизод, он гордо повествует, как явился к посланнику, зачитал приготовленную речь, поклонился, вернул медаль и ушел. Не без смущения, с хитровой ухмылкой говорит затем о деньгах, заработанных благодаря тем же самым подводным лодкам.

Новое судно, «Мод», не принесло ему успеха. Дрейф через Ледовитый океан и все, что затем последовало, сулило Амундсену сплошные издержки. Он не совершил ничего выдающегося. Можно сказать, что он постепенно закисал. И одновременно в чем-то делался тверже, если это только возможно; отсутствие страха смерти становится абсолютным. Похоже, что растет его страх перед людьми. Именно в эту пору особенно наглядно проявляется его неприятие всякого, кто не подлаживается под него, лидера.

Трудности усугубляются маленькими происшествиями. Маленькими или большими: перелом руки, ничего катастрофического, но без врача во льдах, когда плечо быстро коченеет, нужна железная воля, чтобы тренировать руку. Приподнимать ее чуть выше каждый день, каждую ночь, а кругом торосятся льды, храпят усталые мужчины, звучат кислые отрыжки, глядят угрюмые лица, ничего не происходит, дни подобны серым мерзлым картофелинам, все истории давно рассказаны, старые анекдоты отдают тухлятиной. И болит рука. А ты попробуй поднять ее чуть выше, чем вчера.

Медведь сбил его с ног и распорол спину. Оперируя своей скудной лексикой, он попытается потом придать этому происшествию забавную окраску: «Будь я ранен в грудь, показывал бы шрам как медаль за отвагу». Затем — отравление угарным газом.

Это самый серьезный несчастный случай в его жизни. Сердце начинает пошаливать. Вернувшись на материк и побывав у врачей, он узнает, что это не шутки: «Поставьте крест на дальнейших экспедициях». И он отправляется в новые экспедиции. Через несколько лет на Аляске совершает самый тяжелый переход в своей жизни: тысяча шестьсот километров на лыжах и собачьих упряжках за шестнадцать дней. Он горд — и по праву.

Кроме того, он ожесточен. Мы ясно видим это. Истерия, которая смолоду таилась, лишь изредка проявляясь, теперь выходит на поверхность. Она опасна — и вместе с тем она источник силы. Он топчется во льдах. Он бродит по колено в мокром снегу. Ничего не ладится, удача не дается ему в руки. Он уже далеко не молод.

Нам мало что известно о женщинах в его жизни.

Быть может, одинокой душе покоем служит одиночество во льдах. С внешними вызовами он умеет справляться. С внутренними проблемами справиться не так-то просто.

Есть, однако, в его жизни трогательный эпизод. Он спасает от гибели двух эскимосских девчушек. Заботится о них, привозит домой. Деловитость и тут не изменяет ему. Девочки учатся в норвежской школе. Слухи, которые, несомненно, до него доходят, он отвергает с едкой улыбкой. Затем отсылает девочек обратно.

Можно посчитать это жестокостью. Но теперь эти две стали помехой. Он собирается в

новые экспедиции; ему ли, исследователю, нянчить детей?

История умалчивает о дальнейшей судьбе двух юных эскимосок.

Так, может быть, ей следовало вообще умолчать об этом эпизоде?

Под конец жизни он судится с собственным братом. Незаменимый брат, единственное доверенное лицо Руалда, вместе они ходили в поход по плато и выжили. Тот же Леон был потом первым, кому Руалд рассказал об изменении своих планов, когда пошел на юг, вводя в заблуждение весь мир. Бухгалтерией всегда занимался брат. Юридические хлопоты, неотъемлемая часть всякой крупной экспедиции, также были уделом брата. Похоже, что различные тактические ходы разрабатывались ими вместе. Руалд берет на себя ответственность перед миром. Леон — тень, человек, который стоит за кулисами, молчит и знает.

Внезапно братское тепло сменяется ледящим полярным ветром. Мучительная сцена разыгрывается на виду у публики. И все-таки похоже, что Леон сдерживает свою неприязнь, тогда как Руалд беспощаден. Внутри него прорвалась некая плотина. Душа не вынесла напряжения.

Ему не терпится побывать на Северном полюсе. Люди разных наций стоят наготове. Самый истеричный, малоизвестный план Амундсена — безумная попытка с одним спутником пролететь на одномоторном самолете от Аляски до Шпицбергена. Самолет терпит аварию на старте. Не смерти ли он ищет? Чувствуя себя сломленным, вспоминая Скотта, подводит итоги и заключает, что его великий соперник победил — когда проиграл и погиб. Он сидит в номере гостиницы в Нью-Йорке и не знает, брать ли трубку. Телефон звонит, Амундсен банкрот. Славу прежних экспедиций словно ветром сдуло. Он весь в тяжбах. Лекционное турне по Штатам обернулось провалом. Давно, давно прошли те времена, когда он возвращался в родной фьорд, встречаемый роем лодчонок с вымпелами и флагами, и пушки столичной крепости Акерсхюс салютовали так, что гром отдавался в пригорках. Брать трубку?..

Многие звонят.

Некоторые анонимно, чтобы обрушить на него брань, другие из любопытства, у третьих безумные планы, сулящие им славу, а ему расходы.

Он берет трубку.

— Моя фамилия Элсуорт. У меня есть деньги.

Экспедиция, которую они вместе планируют и осуществляют, одна из самых смелых в истории полярных исследований. Амундсен попадает в яблочко, и это его последняя удача. Рядом люди, слепо следующие за ним, ценящие его великие качества и закрывающие глаза на остальное. Элсуорт был благородным человеком — и незначительным. Два самолета берут курс на север. Когда моторы начинают барахлить, они находят одно из столь редких в этих широтах разводий. До людных мест 1000 километров. 24 дня они обходятся 225 граммами продовольствия в день на человека. Наконец взлетают на одном самолете и благополучно возвращаются домой. Замечательное достижение. Они превзошли самого Скотта: сперва поражение, почти равное смерти, которое в последнюю минуту обернулось торжеством жизни и победой. Весь мир опасался их гибели, уже настроился считать ее фактом, приготовился воздать почести мертвым героям, а герои возвращаются домой живехоньки. Это волшебство. На что им полюс? Все преклоняются перед невероятным, и в центре шестерки стоит он, снова он; черного призрака судебной тяжбы как не бывало, лодки встречают с вымпелами и флагами, грохочут пушки Акерсхюса, Амундсен в цилиндре, белые дамские зонтики, собака срывается с поводка и кусает полицейского за ногу, триста мальчишек дерутся на главной улице Осло, потому что каждый хочет быть Амундсеном, шестеро в открытой коляске подъезжают к дворцу, министры в черных фраках сгибаются в поклоне.

Он счастлив.

А вот полет дирижабля «Норвегия» не принес ему счастья. Муссолини посадил на дирижабль Нобиле, чтобы тот умножил славу Италии, отхватив возможно больший кусок от славы, которую Амундсен так отчаянно отстаивал для себя. Сам по себе полет смел. Вокруг экспедиции разыгрывается вульгарная комедия: раздоры из-за формы, из-за наград, соперничество между людьми, борьба за права, жалко камуфлируемая криками о требованиях науки и чести исследователя.

Затем в путь отправляется дирижабль «Италия» — и терпит катастрофу.

Амундсен загнан в угол. Всему миру известно его отношение к Нобиле. Скажет «нет», откажется участвовать в спасательной экспедиции — будут говорить, что он недостаточно велик, чтобы рисковать жизнью для спасения недруга. Скажет «да», получит еще один букет роз. Удастся спасти Нобиле — триумф будет великолепен. Не удастся спасти, и Амундсен погибнет — память об их натянутых отношениях будет вечно озаряться благородным светом погибшего спасателя.

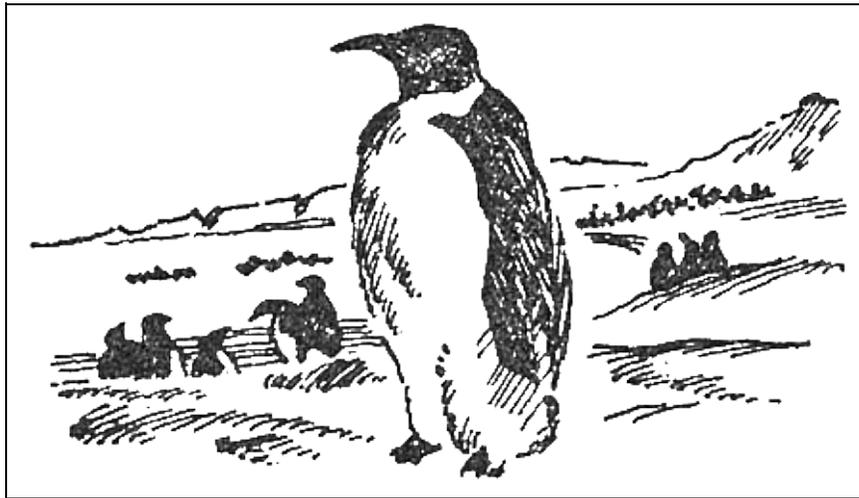
Как планировщик он гениален.

Нам неизвестно, что он планировал; Но мы вправе полагать, что он не рассчитывал жить до глубокой старости. Ему пятьдесят шесть. Как никто, он выжимал все возможное из своего организма. Как у других, у него лишь одно сердце. Спрашивать, велико оно или нет, — значит задавать загадку, на которую мы никогда не получим ответа. Слава обладает свойством увядать. Ее необходимо постоянно обновлять. Последний жест в великом благородном стиле — и затем уйти? Смерть — хорошая реклама.

Он погибает и выигрывает очко.

Думал ли он о Скотте, когда умирал?

Королеву звали Виктория. В ее империи мужчине надлежало либо быть бесполом, либо завоевать мир. Джон Эдвард Скотт относился скорее к первому типу, хотя мечтал принадлежать ко второму. Он владел старой пивоварней в Плимуте, обладал слабым здоровьем и до конца дней своих был недоволен жизнью. Все же со временем он обзавелся женой. Это удивило многих, и удивление возросло, приобретя тягостный характер, когда к тому же на свет явились дети. Старший сын, Роберт Фолкон Скотт, стал одним из великих исследователей в истории Британской империи. Он еще не видел толком снега, когда отправился в свою первую экспедицию к Южному полюсу.

У отца было четыре брата. Они либо бороздили мировые океаны, либо служили в индийской армии. Вытягивались в струнку перед королевой; но закон позволял им овладеть с воинским кличем женщиной, чтобы затем отбросить ее. Что же до Джона Эдварда, то он должен был заботиться о родителях жены. Они жили с ним в одном доме, понемногу старея и становясь все прозрачнее. О королеве они говорили с почтением и легко краснели, когда кто-нибудь между прочим или по неосторожности упоминал, что у нее тоже есть дети. Пивоварня была сомнительным предприятием. Джону Эдварду Скотту она не принесла ни славы, ни состояния.

Однако он явно обладал сильной волей. Он никогда не пил свое пиво. Естественнее нам было бы видеть, как он постепенно опускается, не расставаясь с кружкой пива, а затем и стаканчиком виски. Он не опустился. Вместо этого мы видим, как он борется с постигшим его злым роком: угрюмый, ожесточенный, преследуемый тошнотой, которая частенько доводит его до рвоты. Он обращается к врачу, но никто не может определить его недуг. Возможно, кто-то из врачей предлагал:

— Не поступить ли вам в индийскую армию?..

Джон Эдвард ведет такую скучную жизнь, что за ним наблюдают с растущим интересом. Его открывает для себя консервативная партия. Ему предлагают выставить свою кандидатуру на выборах в парламент. Люди кругом надежные, непоколебимые, они пьют пиво и скучают, у них есть теща и тесть, они беседуют о королеве. Он может быть уверен в избрании. Однако вынужден отказаться от почетного предложения. Кандидату надлежит не только финансировать свою предвыборную кампанию, но и вносить вклады в партийную кассу. Это ему не по карману. Естественно предположить, что от него напрасно было бы ждать и других вкладов, стань он политиком.

Ему не везет в жизни, не везет и в супружестве, у него одни только дочери. Британским исследователям до сих пор не удалось выяснить, каким образом во времена правления Виктории, когда упорно замалчивались существенные вопросы, мужчины и женщины все же

ухитрялись сходиться и делаться родителями. Первые недели существования новорожденных отрицалось. Слухи о том, что у младенца к тому же есть пол, с трудом доходили до самого тесного круга. Тем не менее отец, надо думать, быстро узнал, что оба его ребенка — девочки. В разговорах с близкими людьми он признает, что воспринимает это как личную обиду.

Наконец — вот оно, величие борьбы истинного мужа за свою репутацию! — на свет появился сын. Даже не располагая документами, мы знаем, что радость отца прорвалась наружу. На короткий срок он стал счастливым человеком, что в принципе представлялось ему несчастьем. В его мечтах сын становится победоносным адмиралом, героем великих битв — раненый, но живой, с запекшейся кровью в основании ногтей, тщательно смываемой перед визитом к королеве в Виндзор. Но тут, ко всеобщему ужасу, выясняется, что сын похож на отца. Он слаб здоровьем, угрюм, склонен к тошноте.

Тяжелейший удар для отца. Но он борется. В дом приходят гости, которые утонченно злословят:

— Из него, наверно, выйдет такой же хороший пивовар, как вы сами.

Мы знаем, что отцовское отвращение к пиву было рано привито сыну. Сыну, которому предстояло окончить свою жизнь в снегах. Сильное отвращение может обернуться сильной волей, ненависть — надеждой, надеждой завоевать империю.

Простора для завоеваний остается совсем мало. Флаг королевы развеивается надо всеми морями. Правда, сэр Джон Франклин не вернулся из Северо-Западного прохода. Пятьдесят экспедиций, высланных на его поиски, тоже кончились неудачей. Совсем не тронута еще Антарктида. Перед нами последнее поколение, которое еще может надеяться найти белое пятно, и перед нами последний материк, на который не ступала нога человека.

Сын неважно учится в школе. Это удивляет, но не сокрушает отца. Надо думать, между отцом и сыном было достаточно разговоров с глазу на глаз. Мы не знаем, к каким средствам прибегал родитель. Сын умалчивает об этом в своей относительно короткой жизни; с изысканной лояльностью проявляет лишь уважение и любовь к отцу.

Однако вряд ли дело ограничивалось любовью. Наверно, не обходилось и без экзекуций: когда-то отец мечтал стать военным моряком — правда, не затем, чтобы подвергаться наказаниям, а чтобы карать других. Мы представляем себе темные глаза отца, как они вдруг сверкают белками, слышим строптивые крики сына, замечаем его ожесточенное сопротивление, догадываемся, как твердеет его воля. Женщины нервно снуют в коридорах. Им не положено знать, что происходит. Этого требует честь Империи.

Отец постепенно становится истериком. Сын безупречно владеет собой. Все же иногда что-то шевелится за фасадом: то ли боль, то ли глухой бунт — растущая могучая сила. Отец делается все слабее и угрюмее, сын — сильнее и обходительнее. Обходительность абстрактная, с красивой улыбкой; он вежливо сдержан, постоянно готов говорить правильные вещи, умнее, чем можно было ожидать, судя по школьным отметкам, усидчив, способен подолгу трудиться. К тому же он скромный юноша. Все так считают. Ни тогда, ни после он не обнаруживает непомерной жажды славы.

Но, как уже говорилось, он склонен к тошноте. Так что мореплавание ему противопоказано.

Отец определяет его служить на флоте.

К тому времени мальчику исполнилось тринадцать лет.

Дартмут — порт с богатыми традициями в истории военно-морского флота. Отсюда англичане вышли в море и разбили испанскую армаду. В гавани Дартмута стоял старый линейный корабль под названием «Британия». По старой привычке он еще держался на воде, и его использовали как учебное судно для будущих офицеров флота. Полтора года парней спали на подвесных койках в такой тесноте, что лишь самые худощавые могли забраться на свое ложе, не

опрокинув при этом койку соседа. Сто пятьдесят тринадцатилетних мальчишек должны были смолкать и засыпать по команде, просыпаться по команде, молиться всемогущему богу тоже по команде, по-военному тактично улыбаться, буде офицерам заблагорассудится пошутить. Что случалось чрезвычайно редко.

Кое-кому из ста пятидесяти трудновато свыкнуться с дисциплиной. Один из них — Роберт Фолкон Скотт. Впоследствии он придавал большое значение дисциплине среди своих подчиненных. Теперь же, пока он сам принадлежал к страдающей стороне в игре между мужчинами, не очень ее жаловал. И признавался в этом только самому себе, усвоив искусство помалкивать, притворяться, делать вид, будто ситуация совсем не такая, какая она на самом деле. Но именно это позволяет трезво оценивать ситуацию, изображать красивую улыбку, стоять «смирно» с таким видом, будто нет в жизни большего счастья, и сознавая, что тебе противно то, что ты делаешь. Он обладал одним из свойств, которые необходимы большим руководителям: никогда не говорить правду своим людям. Если же что-то говоришь, делай это так, чтобы все верили, что это чистая правда, и вся правда, приятная или неприятная, доверяемая только им, и они отплатят за доверие еще большей верностью руководителю.

В эти суровые, мрачные, скучные месяцы он научился концентрировать внимание на деталях. Он был наделен хорошей памятью — и умел ее редактировать. Точно знал, что необходимо помнить и что вполне спокойно можно позволить себе забыть. Он был достаточно умен, чтобы не прослыть угодником. Одна из причин, почему офицеры обратили на него внимание.

Ни тогда, ни после он ни в ком не вызывал неприязни. Он обладал качеством, которое никогда его не покидало: искренним дружелюбием, окрашенным хорошей улыбкой — в дополнение ко всем другим улыбкам тактического свойства. Последовательно держался взглядов, отвечающих критериям приличия своей среды. Кадет британского военно-морского флота был обязан сам платить за свою форму. Отец Роберта средствами не располагал. Сын держал в узде и умело аранжировал свои сетования на денежные затруднения. Порция сочувствия отцу. Затем критика правительства, тоже в мягкой форме, за то, что правительство не обеспечивает кадетов бесплатной формой. Большинство знавших его считали, что из него выйдет хороший офицер.

И никто не полагал, что он шагнет дальше: станет бунтарем или отважным мореплавателем, видной фигурой, человеком, который балансирует на краю бездны и чешет за ухом, глядя вниз. Недооценивавшие Роберта Скотта недооценивали его чувство долга и умение контролировать свои побуждения. А еще они недооценивали его честолюбие.

К тому же он страдал морской болезнью. Слабость, которая запросто могла дать повод для неудержимого хохота на борту в обществе полутораста юношей. Все они были жертвами устоев военной службы. Каждый день им вдалбливали нерушимые принципы, и один из них гласил: моряк не блюет в море. Роберт страдал от морской болезни и блевал. Секрет его первого великого подвига был занесен в архивы памяти и погребен вместе с ним: как он ухитрился одолеть этот изъян и остаться кадетом британского флота.

И вот он назначен на командную должность. Первое робкое начало — по чести говоря, довольно комическая ситуация в глазах многих, кто продвинулся дальше по службе и теперь тешил свое самолюбие, посмеиваясь над скромным стартом других. Тем не менее с ним что-то происходит. До сих пор он был анонимен. Теперь вдруг выходит из общего строя и становится личностью. В этом есть что-то таинственное, волшебное. Он такой же обходительный, как прежде, в том числе с людьми, которые ему подчинены. Все так же непоколебимы его взгляды на свои обязанности. Тайники души закрыты, как всегда, и лишь очень немногим со временем будет позволено проникнуть в них.

После нескольких лет службы он участвует в большом плавании. На маневры в Вест-Индию направляется морской отряд. На борту флагманского корабля находится одна из многих курьезных фигур, какими богата Англия, отчасти карикатурная — этакий карандашный набросок на полях толстой книги о Южном полюсе: секретарь Королевского Географического общества Клементе Маркхем^[6]. Он носит бакенбарды и мечтает завоевать какой-нибудь континент. В молодости Маркхем служил на флоте. Он не выдержал военной дисциплины. В ту пору молодых кандидатов в офицеры наказывали плетью за нарушения устава. Маркхем ушел с флота. Впоследствии он восхвалял дисциплину на британских кораблях. И высоко ценил молодых людей, которым она будто бы была по душе. Теперь он познакомился с Робертом Фолконом Скоттом.

Клементе Маркхем участвовал в одной из экспедиций, посланных на поиски сэра Джона Франклина. Затем он путешествовал в Перу, писал книги о географических открытиях и лелеял свою великую мечту: чтобы англичане завоевали последний еще не завоеванный материк — землю вокруг Южного полюса. Он считал это задачей военных моряков. Возможно, сообразил, что для такого масштабного предприятия потребна дисциплина. А может быть, решающим было соображение, что преодолеть огромные океанские просторы на пути к Антарктиде лучше всего смогут военные моряки. Похоже, ему было невдомек, что по-настоящему поход на юг начнется, когда корабли вынуждены будут остановиться. Он явно не задумывался над необходимостью преодолевать льды и снега. Ему никогда не доводилось ходить на лыжах.

* * *

Клементе Маркхем обладал редкостной выдержкой. Он знал, что даже в такой стране, как Англия, с ее традициями в области географических открытий, добывать средства на новое завоевание — все равно что идти вброд по болоту. И он повел целеустремленную борьбу, осаждая власти и меценатов, газеты, школы и различные общества. Играл на всех национальных струнах. Каковых было предостаточно.

Итак, сейчас он — участник плавания в Вест-Индию, приглашен как секретарь Королевского Географического общества. В один из дней устраиваются гонки на малых судах. Участники должны не только возможно быстрее пройти дистанцию, но и убрать паруса и мачту на финише. Победил Роберт Фолкон Скотт.

Клементе Маркхем сказал:

— Этот парень завоюет Британии новый континент!

Молодой офицер приглашен в каюту Маркхема. Он вел себя образцово. В общении со старшим другом лишь постепенно раскрывал свои незаурядные достоинства. Будущий руководитель неприметно осваивал роль руководителя. Отношения между ними всегда оставались глубоко человеческими.

Но Роберт Фолкон Скотт еще не видел толком снега.

* * *

Не один год минул, прежде чем Скотт встретился со снегами. Мы видим его молодым офицером флота, юношей в стадии возмужания: жалованьишко скудное, другие водятся с женщинами, он — нет. С вежливой, суховатой, отчасти раздражающей улыбкой слушает рассказы коллег об их победах. Сам ничего не рассказывает. Причины могут быть разные.

Наиболее вероятная: ему не о чем рассказывать. А может быть, он ловко скрывал свои связи, соединяя застенчивость с торжеством, видя наибольшую радость в том, чтобы хранить победы в тайне. Нам остается только гадать.

Теперь еду ему приносили более молодые люди. Люди, которым он мог командовать «смирно», содержали в порядке его каюту и койку. Приветствовали его, когда он приходил и когда уходил. Он и сам, когда мимо проходили офицеры в более высоком звании, вытягивался в струнку. Лицо гладкое, без единой морщинки, тело (на удивление всем, знавшим его с детства) пышет здоровьем. Сверстники полагали, что он наверно далеко пойдет. Когда же его командиры в промежутке между двумя стаканчиками исчерпывали все темы для разговоров, они неожиданно для себя заговаривали о нем. «Вряд ли он пойдет далеко?.. Чего-то ему не хватает».

Определить, чего именно, было трудно. Он был бесцветен. Не бранился, как пристало доброму британцу. Был не просто религиозен на официальный манер, как положено офицеру, верному слуге трона, верящему в бога во славу королевы и потому, что в Англии воскресенье по закону посвящалось заботам о душе. Роберт Фолкон Скотт был религиозен в совсем необычном духе: он верил в бога. Прямо чудо господне.

Мы видим, как он направляется к новому месту службы в Ванкувере на западном побережье Северной Америки. Он плывет туда на пассажирском пароходе. Судно попадает в шторм. Пассажирам грозит гибель. Волны захлестывают каюты. Женщины и дети всплывают на поверхности воды, мужчины сражаются с океаном, он в их рядах. После — еще до того, как родина назвала его героем, — его поведение было описано очевидцами. Вот он пробивается через волны, держа в руке стакан воды. Представляете себе эту картину! Мокрый насквозь, со стаканом воды, которую надо донести, не расплескав. Страдающий морской болезнью, которая, однако, отступает, когда, казалось бы, должна проявиться особенно сильно. Одна из женщин попросила воды. Он приносит воду.

Возвращается, сражаясь с штормовым ветром: другие нуждаются в его помощи. Его хватает и на улыбки, он приносит подушку, она мокрая, вы уж извините, но сами понимаете, других сейчас не найти. Можно положить вам ее под голову? Грозит ли нам опасность? Вряд ли. Не думаю, чтобы такое современное судно, как это, затонуло, но следует приготовиться к тому, что ближайшие несколько часов могут быть неприятными. Простите — меня зовут.

В числе пассивно покорившихся волнам были и молодые мужчины. Он ставит их на ноги. Говорит с ними приветливо, встряхивает их, одному дает оплеуху, берет его за плечи и поднимает силком, удивляясь крепости собственных мышц и отмечая — трезво, без заносчивости, — что не ощущает страха. Подняв парня и дав ему оплеуху, говорит: «Следуй за мной или тони». Парень берет стакан воды и следует, балансируя, за своим великим, еще безымянным лидером, пытаясь, как и тот, изобразить вежливую улыбку. Идет помогать какой-то из женщин.

Отслужив срок на западном побережье, Роберт возвращается в Англию. Королева Виктория еще жива. Кое-кто замечает шепотом, что она зажила, ее идеалы — тем более. В эту пору умирает Джон Эдвард Скотт. Он продал пивоварню и несколько лет жил иллюзией, что у него вдоволь денег на жизнь. Иллюзия лопнула. Тогда он умер.

Теперь ответственность за семью лежит на Роберте и его младшем брате. Один из идеалов королевы как раз и гласит, что мужчина всегда должен нести ответственность за свою семью. Через год умирает и брат.

Остается он — молодой офицер со скромным жалованьем. Ему бы начинать по-настоящему жить, а он должен заботиться о том, чтобы прокормить других. На его попечении мать и четыре сестры. Ничто не говорит о том, чтобы он тогда или после испытывал по этому поводу горькое чувство. Он начинает энергично карабкаться вверх по многочисленным ступеням военно-

морской лестницы для офицеров, желающих возвыситься. Но в мирное время все происходит медленно. Он обучается искусству торпедных залпов. Умный ход честолюбивого молодого офицера. Торпеда — новейшее оружие.

За двенадцать лет после его первой встречи с Клементсом Маркхемом они виделись еще два раза. Говорили о полярных экспедициях, о судах и людях, но сколько-нибудь тесного контакта между ними не возникло. И вот очередной приезд Скотта в Лондон. Он идет по Букингем Палероуд. На другом тротуаре замечает Маркхема. Скотт пересекает улицу.

Мы никогда не узнаем, жалел ли он потом об этом.

Стиснув британские зубы, Маркхем сражался за свою великую идею: Великобритания должна завоевать последний еще не завоеванный материк. Норвежцы уже побывали там: первым на берег Антарктиды ступил человек по имени Карстен Борхгревинк. Уже снаряжена и бельгийская экспедиция. Ни Маркхем, ни Скотт не подозревают о существовании штурмана по имени Руалд Амундсен.

Маркхем встречен с пониманием в Англии, но больше понимания — инерция, и это в стране, которая открыла и завоевала такие обширные области земного шара. Красивые слова, но никаких денег. Все же ему удалось добиться принципиального решения о подготовке и отправке экспедиции в Антарктику, как только будут добыты деньги. А вот денег-то и нет. Маркхем твердо стоит на том, что снарядить экспедицию, выделить офицеров и корабли должно военноморское ведомство. Однако оно отказывается.

Но вот два толстосума, желая приумножить славу Англии и свою собственную, ассигнуют крупные суммы на планы завоевания Южного полюса. Экспедиция может стать реальностью.

Скотт этого еще не знает, когда пересекает улицу и здоровается с Маркхемом.

— Ты слышал, что произошло?..

— Нет...

Два дня спустя Скотт шлет ходатайство о том, чтобы его назначили руководителем экспедиции. Он не знал, что в списке кандидатов на этот пост, составленном Маркхемом, значился шестым. Долго на закрытых заседаниях продолжается спор: кто должен возглавить экспедицию — ученый или офицер?

Выбор пал на офицера.

К этому времени Скотт все еще не видел толком снега.

* * *

В нем трогательно сочетаются ребенок и мужчина, когда он, только что назначенный начальником экспедиции, отправляется в Христианию на встречу с Фридтёфом Нансеном. Нансен — великая знаменитость, Скотт — всего лишь заурядный офицерик. Покоритель необозримых пространств принимает гостя с таким искренним радушием, что вежливый молодой человек чувствует себя неловко и стесненно. Он приехал, чтобы ему рассказали о полярных областях. Хочет познакомиться с санями, изучить возможность их использования на местности, которая, наверно, отличается от условий Англии. Спрашивает также мнение Нансена о лыжах. Что это за штука, годятся ли они для такого дела? Не исключено, что хозяин на секунду вынужден был отвернуться. Скотт все еще не видел толком снега. Теперь отправляется в глубь страны, чтобы посмотреть на него.

Это, так сказать, внешняя картина. Есть и внутренняя: неопытный человек, жадно впитывающий все, чем может поделиться опытный исследователь. Нансен не вчера родился. Он видит кандидата насквозь — перед ним человек с задатками сильного, одаренного

руководителя, способного решать великие задачи. Быть может (всякое видится, когда пристально всматриваешься в человека), быть может, не лишенный наивности, которая может дорого обойтись, и не обладающий жесткостью, которая спасает жизнь, когда все поставлено на карту, хотя бы только собственную жизнь.

Скотт берется за дело систематически. Подходит к задаче, как к экзаменационной сессии, и сдает зачеты. Скоро он знает почти все, что можно знать о полярных экспедициях. Но такие вещи, как тайны лыжных креплений, искусство управлять собачьей упряжкой, не могли войти в его плоть и кровь. Дома, в Англии, ученые мужи ведут жаркие споры относительно ездовых собак. Клементе Маркхем говорит «нет». Сани должны тянуть люди! Собаки не выдержат. Англичане не могут похвастать положительным опытом использования собак в полярных областях. Однако проблема не подвергалась тщательному анализу. Никто не может толком объяснить причину горьких разочарований прежних британских экспедиций по этой части. Маркхем — личность авторитетная. Его не так-то просто обойти, тем более что главная заслуга в организации этой экспедиции принадлежит ему. Никаких собак! Другие ударяют кулаком по столу:

— Собаки нужны непременно!

Не похоже, чтобы у Скотта было свое мнение на этот счет. Дело кончается компромиссом: в Сибири закупают 23 собаки. Слишком мало, если делать на них ставку как на тягло, а тогда зачем они Скотту? Закупленные собаки принадлежат к разным породам. Сани не конструируются с расчетом на собак.

Корабль, предоставленный военно-морским ведомством, называется «Дискавери». Все, что касается судна и его оборудования, особых проблем не составляет. Сложнее обстоит дело, когда решается вопрос о количестве офицеров и ученых на борту. Кого должно быть больше? Разгорается соперничество между учеными. Военно-морское ведомство ограничивает количество своих людей. Как всегда, при снаряжении какой-либо экспедиции, выясняется, что денег не хватает. Добыть еще можно только унижительным попрошайничеством. В это время разражается англо-бурская война^[7].

И он готов сдаться, еще не выйдя в плавание, — он тоже. В выколачивании денег Скотт становится трагической фигурой, напоминающей его соперника и коллегу Руалда Амундсена, который сейчас держит курс к Северо-Западному проходу. Но пусть даже Скотту достало бы решимости признать поражение и выйти из игры до начала экспедиции, для других уже стало вопросом престижа, чтобы он не сдавался. И он неохотно соглашается продолжать борьбу. Мы не знаем, жалел ли он потом об этом. Наконец «Дискавери» готов и выходит в море.

Познакомимся с некоторыми участниками плавания.

Доктор Эдвард Уилсон — благороднейший человек, больной туберкулезом, со слабыми нервами, не один месяц провел в Новергии, оправляясь от болезни. Он считал, что ему будет полезен холодный воздух. В экспедициях к Южному полюсу он вдоволь им надышится. Эдвард Уилсон был талантливым художником, умел запечатлеть на бумаге увиденное; умный, скромный, с изящным чувством юмора, он ко всем относился по-дружески, сохраняя при этом известную замкнутость, которая делала его дружбу особенно ценной для тех, кому он совершенно открывался. Фактически он открылся так только одному человеку — Скотту.

Они погибнут вместе.

Суровый, коренастый, сильный как медведь младший офицер Эдгар Эванс, которому любая практическая задача по плечу. В Эвансе есть что-то от мужлана. При всем его несовершенстве во многих отношениях он превосходный малый, покуда находится в подчинении у других. В критической ситуации, если к тому же руководство не на высоте, ему недостает выдержки. Скотт восхищается им. Скотт ошибается в его оценке. В один прекрасный день Эванс сломается.

Эрнесту Шеклону^[8] было суждено сыграть большую роль в жизни Роберта Скотта. Шеклтон уже на ранней стадии подготовки заявил о своем желании участвовать в экспедиции «Дискавери». Шотландец родом, офицер торгового флота; вот только душевные качества его не совсем ясны. Казалось, нет у него свойств, потребных для такой экспедиции. И ему отказали. Однако он не сдался, продолжал упорно добиваться своего. А тут один из членов команды вынужден бить отбой. Время не терпит. Один из друзей Шеклтона идет к Скотту, чтобы замолвить за него словечко. Скотт разводит руками и кричит кому-то из своих офицеров:

— Попробуйте что-нибудь разузнать об этом человеке!

Офицеру некогда. Он ничего не узнаёт. Шеклтона включают в состав экспедиции.

И вот он на борту — с тяжелым характером, полный фанатической воли, одержимый жаждой славы, возможно и мстительностью. «Дискавери» выходит в море.

Они везут с собой вяленую рыбу. Она предназначена для собак и закуплена в Норвегии. Рыба хорошего качества, но на судне ее хранят бестолково. И когда впоследствии собаки хиреют и выходят из строя, большинство видит причину в корме. Еще один пример умозрительного подхода Скотта к практическому вопросу. Он что-то слышал о вяленой рыбе. В экспедиции нет людей, знающих ее с малых лет. Возможно, в рыбе завелись черви. Передают, будто Нансен покачал головой, когда до него дошла эта история. Неудача с собаками косвенно возымела роковые последствия для Скотта в его следующей — последней экспедиции.

Но плавание на юг проходит гладко. Скотт и его люди — искусные моряки. Наконец перед ними льды. Большинство членов отряда никогда еще их не видели.

Они преодолевают пак, подходят к барьеру, высаживаются на берег. Сооружают домик у мыса Хат-Пойнт^[9]. На календаре 1902 год.

Участники экспедиции зимуют на борту «Дискавери». Случается и здесь, как это было на «Бельжике», что люди выходят в темноту и кричат. Заставляют себя смолкнуть, изображают на лице улыбку, идут обратно, находят во мраке судно, поднимаются на борт. Обретают спокойствие — ненадолго. Проникаются ненавистью к судну, к членам экспедиции, ко всему вокруг. Снова выходят в темноту и кричат.

Все ли на борту раскисают и впадают в мрачность? Мы видим, во всяком случае, одно исключение: один человек неизменно вежлив, всегда обходителен, почти неизменно доволен всем. Бывают дни, когда он кажется угрюмым. Но и только. Человек этот — начальник экспедиции.

Особая дружба устанавливается у него с двумя участниками плавания — с Уилсоном и Шеклтоном. Насчет дружбы с Уилсоном все ясно. Что же до Шеклтона, то не исключено, что тут играют роль тактические соображения. Шеклтон наделен неким магнетизмом. Но магнетизм может и отталкивать. Мы представляем себе, как обходительный Скотт входит в тесную каюту Шеклтона и протягивает ему руку; за бортом торосятся льды. Вежливый вопрос, смущенная улыбка:

— Нам следовало бы дружить?.. Это может пойти на пользу остальным, не говоря уже о том, что я лично почитал бы для себя честью быть вашим другом...

Кончается зима. С наступлением весны экспедиция выйдет на юг.

Попытается ли она достигнуть полюса? Прямо об этом никогда не говорилось, но, наверно, тайной целью похода был полюс. Скотт сам возглавлял отряд. Остальные два участника — Уилсон и Шеклтон.

Они отправляются в путь с собаками, но без лыж. Собаки в первый же день разочаровывают их. Возможно, виновата червивая рыба. Члены отряда не обладают нужным опытом и не умеют управлять собачьей упряжкой. Местность тяжелейшая. Они бредут по пояс в снегу. В день удается пройти только лишь считанные километры.

Три друга отправляются в этот первый отважный поход на юг, но возвращаются не три друга. Никогда еще здесь не ходили люди. Они видят далекие горы, которые тут же исчезают в тумане. Выясняется, что взято слишком мало провианта. Собаки сидят на санях, их везут люди. Собак приходится пристрелить. В 620 километрах от полюса три путника вынуждены повернуть назад.

На обратном пути Шеклтон сломался. О том, что тогда произошло, нам никогда точно не станет известно. Но мы можем представить не владеющего собой больного человека. Может быть, он тайком ел рыбу, предназначенную для собак, наглотался червей и это его подкосило? Товарищи хотят вести его на санях. Он отказывается. Три человека в ледяной пустыне, за ними по пятам крадется смерть. Скотт — руководитель, но не слаб ли он для этой роли? Возможно, тесная дружба Скотта и Уилсона — дополнительное психическое бремя, ставшее последней каплей для Шеклтона. Скотт не расстается с библией. Но здесь она не помогает. Надо думать, они обмениваются не только библейскими изречениями.

Все же им удастся дойти обратно до Хат-Пойнта. Жизнь Шеклтона в опасности. «Дискавери» еще затерт льдами. Из Англии выслано вспомогательное судно — «Морнинг», некогда принадлежавшее Свенду Фойну и называвшееся «Моргенен».

«Морнинг» увозит Шеклтона домой в Англию. Он больной человек, к тому же потерпевший поражение, однако в проигравшем таятся неукротимые силы. В отношении между ним и Скоттом вкрался ледяной холод полярной области.

Годом позже в Англию возвращаются Скотт и его отряд.

Их приветствуют как героев, и они этого заслуживают. Никогда еще, говорят про них, люди не забирались в такие дали, не производили таких обширных исследований, не достигали таких результатов. Кто теперь вспоминает Шеклтона?

Но его память крепка и воля тверда, с оттенком ненависти. Он обладает практической сноровкой, а потому более эффективен, чем Скотт. Ему недостает уравновешенности Скотта, но неуравновешенность тоже может быть сильной в своих проявлениях.

Скотт становится самым молодым в Англии командиром линейного корабля. В это время к нему приходит любовь. Но его все равно манит полярный материк.

Манит она и Шеклтона.

Оба теперь повидали снег.

* * *

Не без удивления Скотт обнаруживает, что стал знаменитостью. Ныне, столько лет спустя, невозможно с уверенностью судить, нравилось это ему или нет. Вызывающая неприязнь улыбка Амундсена, с какой он принимает почести, красноречиво говорит о том, что ему приятно. Лицо Скотта на фотографиях той поры выражает робость, он весь напряжен, губы изогнуты в смущенной гримаске, которая, видимо, должна изображать счастливую улыбку. Его окружают беснующиеся толпы. Они приветствуют героя.

Он быстро привыкает к весу наград. Здесь он стоит на твердой почве: морскому офицеру известны правила, как размещать на мундире ордена, чтобы не надорвать грудные и спинные мышцы. Он никогда не славился ораторским талантом. Теперь осваивает это искусство, учится оперировать громкими фразами, порой находит и простые слова, которые звучат веско, если в них вдуматься. Он обзаводится авторитетом.

Может быть, именно поэтому в его характере проявляются мелкие черты, которых прежде не было. Шеклтон поправился. Он желает реабилитироваться. Для видимости — как друг

Скотта. По сути — как его недруг. В глубине души Шеклтон называет вещи своими именами. Речь идет о мести — мести человеку, который во льдах оказался сильнее и отправил проигравшего домой. Отправил ради спасения его жизни, но право же — Скотт ведь тоже человек — не без чувства радости, что избавляется от трудного спутника.

Шеклтон замышляет собственную экспедицию и хочет использовать домик на мысе Хат-Пойнт. Скотт считает этот домик своим. Скотт сам собирается в путь — с научными целями, пишут газеты, — возможно, то же написано и в его душе. Но где-то, и он это знает, большими буквами (больше, чем про то когда-либо узнает общественность) начертано, что подлинная цель, зовущая его в новый поход, — полюс, покорение полюса.

Но тогда Шеклтону следует оставаться дома.

В переписке той поры между Скоттом и Шеклтоном ощущается некоторая напряженность, ее угадываешь между строк. А тут еще командир линейного корабля во время учений сталкивается с другим судном. Сверх того, на него обрушивается беда иного рода. Он влюбляется.

У него бывали подружки, но дальше сплетен по этому поводу не шло. Теперь он знакомится с Кэтлин Брюс. Она скульптор. На фотографиях видим статную женщину с несколько надменными губами, красивую, мягкую и страстную — иные толковали эту страсть расширительно. К этому можно добавить, что она в меру честолюбива, а после женитьбы — честолюбива за двоих. Любовь сжигает его, мучает и воодушевляет.

Но подходит ли она ему? Этого мы не знаем. Он долго ходит около нее кругами, словно командир военного корабля вокруг противника, и никак не может составить план боя, чтобы перейти в атаку. По своему викторианскому прошлому он знает, что мужчине надлежит обзавестись супругой. От этого союза бывают дети, будь на то воля божья и дозволение короля. Вероятно, в наиболее фривольные минуты мысли его обращаются и к чисто технической стороне этой проблемы. Проходят недели, годы. Тем временем Шеклтон отправляется к Южному полюсу.

Однако Скотт не из тех мужчин, которые уклоняются от моральных последствий своей влюбленности. В данном случае это означает, что ему надлежит обратиться письменно к своей избраннице. Но с присущим флотскому офицеру понятием о декоруме он сперва обсуждает проблему со своей семьей. Мать еще жива. Нынешнее жалованье позволяет ему содержать ее и двух сестер, а также, коли постигнет его мрачный жребий, жену и детей. Подчиняясь уговорам матери, он наконец собирается с духом и делает предложение. Ответ положительный.

Он статный молодой человек. На свадебной фотографии выглядит еще более скованным, чем прежде. Она смотрит владычицей. У нее есть для этого все основания. Она завладела не каким-нибудь замухрышкой.

Вскоре Кэтлин уже ждет ребенка.

Но удастся ли Шеклтону дойти до полюса?

Проблемы, проблемы...

Королевская чета посетила судно Шеклтона и пожелала ему счастливого пути. Англия ликовала, флаги развевались на ветру, новый герой отправился завоевывать мир. И Шеклтон выполнил свою задачу — почти. Бросок к полюсу, совершенный им и тремя его спутниками, принадлежит к числу наиболее дерзких, наиболее тяжелых и наиболее рискованных походов в истории полярных областей. Они взяли с собой четыре пони. Выбор тягла предвосхищает некоторые черты последующей трагедии Скотта. В этом отношении он последует примеру Шеклтона.

Шеклтон и его спутники поднимаются на Полярное плато и первыми видят, что дальше на юг простирается плоская равнина. Однако тут они вынуждены повернуть обратно. Слишком

мало провианта. До полюса остается всего 160 километров.

Разве не могли они смошенничать при желании? Поди потом докажи, что они не дошли до цели. Но упрямый, с тяжелым характером, Шеклтон — честный человек. Несколько месяцев спустя, Пири достигает Северного полюса. Сколько раз потом говорилось, что это никем не доказано.

Мы не знаем, какие надежды лелеет Скотт, хотя можем догадываться; просто он достаточно умен, чтобы не доверять бумаге свои затаенные желания касательно Шеклтону и его экспедиции. Пусть даже где-то в глубине души он желает, чтобы Шеклтон не дошел до цели, это еще не умаляет его человеческих качеств. Шеклтон возвращается в Англию, которая чувствует его как великого героя.

Они встречаются публично. Говорят, рукопожатию предшествовали некие переговоры. Оно реализуется на глазах у всех, сердечно, демонстративно, украшенное двумя широкими улыбками. За спиной у них приветственно машет руками Империя.

Теперь очередь Скотта. Никуда не денешься, ситуация сложилась так, что назад пути нет. Чуть ли не все охотятся за Южным полюсом. Поговаривают, будто сам Пири, покоритель Северного полюса, скоро отправится в путь. Из Норвегии ничего не слышно. О ней никто не думает.

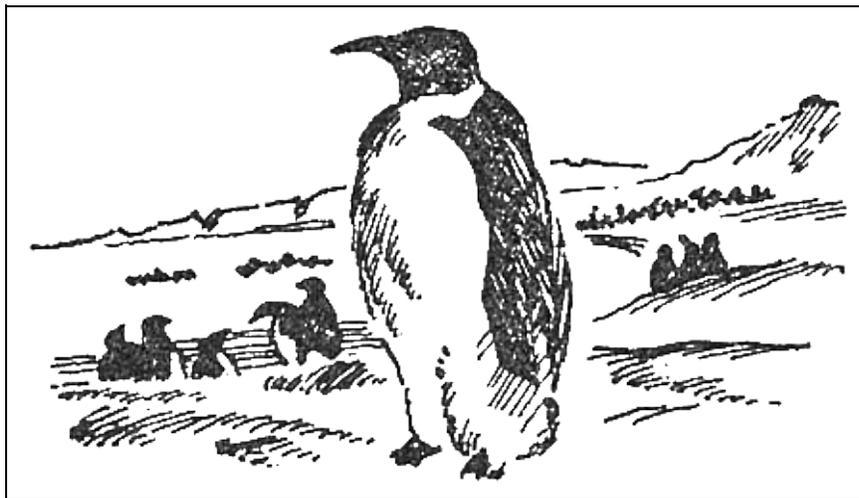
Англия наконец-то зашевелилась. Даже деньги появляются, ко всеобщему удивлению; верное свидетельство того, что назревает нечто значительное. На прицеле сам полюс.

Ничего не скажешь, Скотту можно записать в актив то, что иные назовут признаком благородного характера: чуть ли не в самый день рождения первенца^[10] он приступает к подготовке новой экспедиции на юг.

Выбор момента можно также истолковать как своеобразное проявление эгоизма.

Продолжение обеспечено. Бог и сын будут существовать, если ему суждено погибнуть.

Во второй раз Руалд Амундсен пришел к Нансену в 1907 году. Пришел с просьбой, чтобы тот разрешил ему воспользоваться «Фрамом». Амундсен вернулся из Северо-Западного прохода, он уже не был неизвестным штурманом, но все же в мечтах и воображении соотечественников отнюдь не стоял вровень с великим метром. Теперь он по примеру своего предшественника задумал совершить дрейф через Северный Ледовитый океан и попытаться достигнуть полюса. План этот выглядел плагиатом. Нансен ответил, что ему необходимо поразмыслить.

За несколько лет до того два человека зимовали в двойном спальном мешке на Земле Франца-Иосифа. Их окружали щелеватые каменные стены, над крышей по неделям бушевали штормы, ели они моржовое мясо, и у каждого было по одной рубашке, которую они вывернули наизнанку, когда наступил сочельник. Нансен — великан духа и правдолюбия, по мнению людей и в собственных глазах, возможно, единственный человек, выдержавший единоборство с полярной ночью без ущерба для психики. Ялмар Юхансен^[11] — мастер в преодолении ледяной пустыни, твердый как камень, несокрушимый, но лишенный качеств большого руководителя, зато критически относящийся ко всяким руководителям, кроме одного — Нансена.

Когда один поворачивается в спальном мешке, второй тоже должен повернуться; один принаравливает свой вдох к выдоху другого. Это требует от обоих строгой самодисциплины и взаимного уважения. Когда один спит, другому следует делать то же; когда один, борясь со скукой, способной доконать человека, говорит, другой обязан заставить себя слушать, нравится это ему или нет. Перед нами два человека, идеально соответствующие друг другу. Оба умные, один заражен рефлексией, другой простодушен, звезд с неба не хватает, но предельно честен и способен на собачью преданность своему хозяину — если хозяин того достоин.

Здесь, в домике на Земле Франца-Иосифа, Нансен во всех подробностях продумывает будущую экспедицию к Южному полюсу, которая должна была стать кульминацией его жизни исследователя. Мы не знаем, собирался ли он взять с собой Юхансена. Мы вправе предполагать, что собирался. Впечатляющая самозащита великана от хандры в полярной ночи: планировать новую экспедицию в такой же ночи, но предельно далеко от точки земного шара, где он находится сейчас.

Затем оба возвратились на материк.

Нансен поразмыслил насчет «Фрама» и решил отказать Амундсену. Помимо всего прочего, немало сил было вложено им в политические маневры, увенчанные расторжением шведско-норвежской унии в 1905 году. Да и годы брали свое. Если и впрямь думать об экспедиции на юг, следовало поторапливаться.

Амундсен уже пришел. Нансен спускается со второго этажа с твердым намерением

произнести горькое «нет».

Но в доме есть еще один человек — его жена Ева. Мы успеваем разглядеть ее; похоже, она уже больна: вскоре она умрет. Ева выглядывает из своей комнаты и говорит:

— Я знаю, что ты задумал.

Вероятно, эти слова означали упрек ему, супругу. Они подолгу находились в разлуке. Можно также истолковать их как половинчатое одобрение: «Ты принял решение? Поступай, как считаешь нужным». Слова жены отдаются в его душе уколами, которые склоняют его в противоположную сторону. Решение было принято. Но оно явно держалось на волоске. Готовый совершить поступок, он вместе с тем чувствовал, что это может обернуться проступком против нее.

Амундсен получает «Фрам».

Поглядим сейчас на знаменитого штурмана — спина изогнута в поклоне, голова чуть поднята, в глазах что-то собачье, возможно, кончик языка высунулся наружу. Нансен встал с кресла. Сдерживая раздражение, говорит начистоту:

— Я собирался на юг! А тут вы с вашими планами! Разумеется, вы вправе идти на север! Но я уступаю вашему желанию ради другого человека. На севере столько еще неоткрытого. Знайте, однако: с горечью в душе я отдаю вам «Фрам». Он пригодился бы мне самому...

Амундсен выпрямляется, почтительно благодарит и уходит. Он не из тех, кого тормозят чувства другого человека. В тот же день начинает планировать экспедицию к Северному полюсу.

Планы доводятся до сведения общественности, парламент ассигнует средства, поступают частные пожертвования. В основном Амундсен предполагает следовать по пути Фридтьофа Нансена. В это время телеграф извещает, что доктор Кук достиг Северного полюса.

Гений Руалда Амундсена был неотделим от его честолюбия. Мы можем представить себе его в момент, когда приходят газеты с известием о покорении Северного полюса Куком. Сокрушительный удар. Все пошло прахом. Наверно, у него перехватило дыхание, он отбросил газету, топтал ее ногами, снова поднял, плюнул на нее и вытер, прежде чем снова прочесть: доктор Кук дошел до полюса.

Вероятно, Амундсен сразу сообразил, что это может быть правдой, а может и нет. Но что подумает мир, если он направится к полюсу, утверждая, что его старый друг, доктор Кук, солгал? Возможно, по щекам его текли слезы. Возненавидев весь свет, он бросился на кровать, чертыхался, даже подумывал о самоубийстве.

Но тут же он понимает: «Ты должен скрыть свои мысли».

Не подавай виду, даже если тебе хочется, чтобы это оказалось обманом. Он берет себя в руки. Душа и нервы, лицо и сердце, руки и ноги — все должно быть в норме. Выходит, встреченный журналистами. Говорит, что всецело верит в истинность полученного известия:

— Мой добрый друг доктор Кук покорил Северный полюс. Я поздравляю его.

Но тут приходит новая телеграмма: американец Роберт Эдвин Пири тоже утверждает, что дошел до Северного полюса.

Пири обвиняет Кука во лжи. Кук, улыбаясь, стоит на своем. Амундсен публично поклонился одному герою, он не может сразу после этого раскланиваться перед другим. Ему совершенно ясно: пусть даже удастся разоблачить одного, обоих разоблачить невозможно.

Теперь на земном шаре остается лишь одна точка, на которую не ступала нога человека.

И его осеняет идея.

Он останавливается на ходу, озирается, быстро проводит рукой по макушке. Идея настолько смелая, что его охватывает дрожь. Он пробует отстранить ее, но по нахлынувшему чувству радости понимает, что к нему возвращаются силы и жажда жизни. Но — молчок. Никому, ни за

что ни слова.

Да-да, молчок: в Англии планируют экспедицию. У них нет никакой монополии. Но если я проговорюсь, дойдет до газет, и поход на юг может оказаться невозможным из-за наших близких отношений с англичанами. Шеклтон ведь пробился достаточно далеко? Теперь туда собирается Скотт. Покоритель Северо-Западного прохода сжимает руками голову. В ней все гудит. Он невротик, но умеет владеть собой.

Он встречает свою Тень, брата Леона. Они обсуждают проблему. Руалд открывает Тени свои замыслы. Тень — единственный, кому он всецело доверяет. Они вместе ходили в тот памятный горный поход. Знают слабости друг друга, знают про честолюбие, не ведающее преград. Тень умнее своего брата Руалда, однако лишен его смелости. Он не избранник, но возмещает это тем, что умеет быть незаменимым в редких, особых случаях.

Примечательная картина: двое в гостиничном номере, две пары сверкающих глаз в полумраке. Из опасения, что кто-нибудь услышит, они не смеют говорить громко. Первые наброски на бумаге. Лихорадочный поиск карт — как добыть карты Антарктиды? Нам необходимы карты. Не покажется это подозрительным, если мы пойдем в магазин и купим карту? Ты ведь знаком с тем районом, ходил туда на «Бельжике»? У англичан нет монополии.

Но — молчок.

Если получится — нам все простят.

Не получится — будет полный крах, тебя осудят как бесчестного человека. Я, Тень, смогу уйти в тень. Тебе придется стоять на виду с клеймом бесчестия. Ты ставишь на карту все. Ты должен либо быть первым, либо умереть.

Вот когда нам является масштаб и характер гения Амундсена. Это самый рискованный и смелый шаг в его жизни. Не то, что он достиг полюса, а что втайне перекроил свои планы, заменил север югом. Дело тут не в морали. А в том, чтобы пожелать и воплотить желание в жизнь.

Он побеждает потому, что масштаб его личности позволяет принять масштабное решение.

За его спиной стоит с суровым видом Тень. Ощутил ли на какое-то мгновение покоритель Северо-Западного прохода, как на него повеяло холодком от старшего брата? Сметливого брата, который все понимает, но не избран что-либо совершить? Впоследствии в них произошел разлад.

Руалд обманывает Нансена.

Он обманывает парламент.

Обманывает общественность и всех жертвователей.

Он знает: придет на полюс первым — его оправдают. И опозорят, ославят, если он не будет первым в точке, где никто еще не бывал и где людям нечего делать.

* * *

Амундсен решает поместить свою зимнюю базу на шельфовом леднике в Китовой бухте^[12] в море Росса. Если Скотт высадится там, где зимовала экспедиция «Дискавери», Амундсен окажется ближе него к полюсу на целый градус, или на сто десять километров.

Когда Шеклтон в 1908 году подошел к ледовому барьеру в Китовой бухте, его встретило устрашающее зрелище. Огромные льдины, откальваясь от барьера, вставали на дыбы и разбивались вдребезги. Из каши обломков вздымались новые льдины, барьер громыхал, солнечный луч, прорвавшись сквозь тучи, озарял причудливые ледовые образования, которые тут же исчезали в туманной пелене. И корабль с испуганными людьми — соринка в польне —

поспешно повернул кругом, чтобы пробиться к материку у мыса Хат-Пойнт.

Амундсен знает об этом. Перед нами пример его независимости и отваги: взяв карту, перед отплытием он изучает ее в одиночестве, не спешит с решением, это не в его натуре, медленно, после многочасовых одиноких прогулок, когда мысли перемальывают проблему, как волны перемальывают льдины, созревает его план — именно в Китовой бухте, на шельфовом леднике в море Росса, разобьет он лагерь и перезимует.

На первый взгляд, безумный план. Но у него есть контраргументы, которые он мысленно предъявляет неизбежным критикам. Если бы Шеклтон вошел в Китовую бухту днем позже или одной ночью раньше?.. Вели бы себя море и льды так же бурно? Нет ли признаков, указывающих на... И он отыскивает доводы в давних отчетах, тщательно анализирует собственный опыт, наблюдения над ледовой обстановкой в тот раз, когда он ходил на юг на «Бельжике», прислушивается, наконец, к голосу своего инстинкта.

Нет ли признаков того, что Китовая бухта неглубока, что где-то внутри нее подо льдом скрываются островки? Наверно, там есть щеры, цементирующие лед, делающие его сравнительно прочным? Пусть море иногда беснуется в гневе, как укрощенный великан. Но вообще-то экспедиция может спокойно зимовать на льду?

Наверно — и если это получится, его ждет похвала. Не получится — вряд ли критика дойдет до него. Да, он рискует жизнью, и не только своей, но ведь на то и жизнь, чтобы рисковать ею? Если его что и заботило, то можно выразить это так: пусть погибнут все либо никто.

Итак, он решает устроить зимовье на льду Китовой бухты. Твердо, не отступая ни на вершок, стоит на этом решении, без колебаний осуществляет свой план. Но никому не говорит о своих мыслях по этому поводу.

Не говорит даже членам экспедиции. Пусть тревоги останутся уделом одного человека.

Между тем в Христианию приезжает Скотт. Он молодожен и привез Кэтлин с собой. Она прекрасно одета и не скупится на приветливость; подчеркнуто гордится своим мужем; женщина с выдающимися данными — внутренними и внешними. Достаточно умная, наделенная тонким вкусом, но готовая забыть об этом во имя тактических соображений. Нансен любит ее. Он человек высокой культуры. Ему довелось быть посланником в Лондоне, и он прекрасно знает английские нравы и обычаи. Умеет поцеловать ручку и выразительно поднять одну бровь, а то и обе, коли есть в том прок. К тому же он обходителен, как всегда, и, как всегда, услужлив. Скотт носит соломенную шляпу. Он не такой робкий, как при их первой встрече. Однако дистанция сохранилась. По-прежнему Нансен мэтр, а он ученик. Эти роли отлично устраивают обоим, особенно Нансена. Они отправляются в город и знакомятся с санями, вновь обсуждают проблему лыж. Старший охотно делится своим богатым опытом, супруга щебечет, супруг вежливо кланяется. У всех троих радостное настроение. Один из них отправится на Южный полюс и погибнет.

Скотт теперь увлечен идеей моторных саней. Это новое изобретение, управляться с ними не просто. Скотту следовало бы знать, что редко новинки оправдывают себя сразу. Первое испытание практикой дает опыт, но не обязательно приносит победу. Если мне нужно приобрести опыт, я беру сани. Если рассчитываю покорить полюс, лучше оставить их дома.

Он взял сани и приобрел опыт.

Нансен спрашивает:

— Собаки или лошади, мистер Скотт?

— Господин Нансен, как раз об этом спорят ученые мужи у меня дома, в Англии.

Скотт задумал проехать в глубь Норвегии, чтобы найти снег для испытания саней.

— Но прежде всего, господин Нансен, мой супруг и я очень хотели бы встретить этого...

как его фамилия? Покорителя Северо-Западного прохода?

— Я согласен с тобой, Кэтлин. Нам следует повидаться с ним. Он ведь собирается на Северный полюс?

— Вы подразумеваете господина Амундсена, миссис? Я попрошу своего секретаря позвонить ему.

Секретарь звонит снова и снова. Занято.

А если не занято, чей-то голос отвечает, что Амундсен на прогулке, Амундсен отправился в город, Амундсен в море, его нет дома.

В загородном доме в Оппегорде, который теперь купил Амундсен, хозяин отдал распоряжение. Он стоит в сторонке, трубку не берет — «Я вышел!» — твердо намерен добиться своего, чего бы это ни стоило. Напряженное лицо, скованные мышцы, бегающие глаза, хмурый взгляд.

— Как жаль, что нам не удалось с ним встретиться, господин Нансен. Он ведь собирается на Северный полюс?..

Они так никогда и не встретились.

В саду Амундсена в Оппегорде строится домик. Разборный домик, который предполагается взять с собой в плавание на север. Говорилось, что он предназначен для наблюдательного поста. Странно: постройка довольно большая, способная вместить много людей, и никто, знакомый с северными льдами, не мог взять в толк, зачем он там нужен. Но сборка шла быстро и ладно, Амундсен умел находить ухватистых людей, с которыми мог сотрудничать. Он нанял молодого плотника по имени Ёрген Стюбберюд. Ёрген искусно обращался с инструментом и был наделен способностью почитать своего работодателя, обеспечившей ему и после много радостей в жизни. Амундсен был идеальный работодатель. Как он пекся о бесхитростном Ёргене — оказывал знаки внимания, хвалил его труд, помогал сам, когда надо, чуть ли не провидчески угадывая, как говорить и вести себя с таким честным и добрым человеком.

Сюда же прибыл Ялмар Юхансен. Его рекомендовал в экспедицию Фридрих Нансен. Амундсену ничего не оставалось, кроме как согласиться. И вот они встретились. Оба опытные полярники; Юхансен более опытный. Что там говорить: перед лыжным переходом в Арктике бледнеют любые другие полярные экспедиции. Амундсен силен физически; Юхансен еще сильнее. Оба хорошие лыжники. Время покажет, что Юхансен и тут лучше. Оба с практической хваткой и с фантастической способностью к выживанию, когда все поставлено на карту. Оба уверены в своих возможностях. Один — незаурядный руководитель, когда ему предоставлена возможность отбирать людей по своему вкусу. Но крутой, негибкий и неподатливый в отношениях с людьми, которые недостаточно преклоняются перед ним. Юхансен способен преклоняться. Если объект того стоит. Он знает только одного человека, достойного его преклонения. Этот человек не Амундсен.

Кроме того: ледовые пустыни Арктики даже на Юхансена наложили свою печать. Не сокрушили его, но и не миловали, оставили шрамы на душе. Возвращение на родину из экспедиции с Нансеном для него было праздником. Он не совсем тот, что прежде. А впрочем, такой же сноровистый, такой же сильный гимнаст из Шиена, и теперь может пройти колесом под аплодисменты зрителей. Не боится трудных испытаний. Но какие там трудные испытания в Оппегорде?

Сплошь серые будни, так с какой стати ему преклоняться перед человеком, заметно уступающим тому, перед кем он преклонялся? Притворство чуждо его натуре.

Они встречаются в один ничем не примечательный день. И сразу проникаются неприязнью друг к другу.

Авторитет Нансена сочетался с душевностью.

Авторитет Амундсена — с сухостью.

Покоритель Северо-Западного прохода так никогда и не подружился с полярником, зимовавшим на Земле Франца-Иосифа.

Зато с собаками Амундсен на «ты». Они уже доставлены в Кристиансанд в количестве 97 штук. У Амундсена повсюду контакты, он использует их, сочетая обаяние и ловкость, нахрап и энергию. Собаки — гренландские лайки, тщательно отобранные через знакомых в Копенгагене, упитанные, но не жирные, и попадают они к хозяину, который умеет быть и мягким, и жестким.

Он знает толк в собаках. Видно, это врожденный дар, он ведь не рос с собаками. Они понимают его своим глубоким, затаенным разумом. Он излучает твердость и дружелюбие, челюсти незнакомого пса его не пугают. Энергично чешет их за ухом, катает по земле, поднимает за загривок и отпускает, не слишком щедр на лакомства, подразнит, прежде чем милостиво угостит. Тщательно осматривает каждого пса. Щупает костяк, мышцы спины, быстро запоминает приметы, держит в уме клички всех девяти семи. Однако так же быстро и жестко прикидывает: вы будете есть друг друга. И мы будем вас есть. Почему бы человеку не есть собачину?

В руках у него плетка, которой он бьет строптивых.

Одной из проблем Скотта было сострадание к животным, используемым во льдах. Это не помешало ему их использовать. Но сознание того, что он поступает дурно, давило на него тяжелым бременем.

Амундсен день и ночь работает над снаряжением. Конструирует сапог, напоминающий лодку. Сапог тверд и мягок одновременно, оба качества необходимы. Нога, говорит Амундсен, обута с утра до вечера. Трудно сделать что-то, если она начинает мерзнуть. Ты скоро утратишь контакт с ней. Замерзнув, ступня становится как бы отдельным существом, лишенным чувствительности. Чтобы этого не случилось, она нуждается в просторе. Сапог должен быть мягким, но лыжное крепление требует твердой обуви. В этом заключается проблема. Отношения между обувью и ногой решают успех или провал экспедиции. Он разрабатывает проблему теоретически, возводя ее в ранг философии. После чего находит сапожника, способного воплотить разработку в жизнь.

Затем он берется за проблему подштанников, достаточно широких сзади. Если в спину человека будет дуть штормовой ветер, вопрос победы или провала будет зависеть от правильной конструкции подштанников. Их надобно сшить из подходящего материала. Военно-морское ведомство выделяет ему две сотни старых шерстяных одеял. Они подходят для подштанников, но найдется ли мастер, готовый взяться за столь малопочтенную работу? Он сам идет к портному и пускает в ход актерский талант, который тоже ему присущ, и пусть не очень часто, но все-таки находит применение. Беспардонная ложь вкупе с простонародным юмором и обаятельной улыбкой — и вот уже портной растаял. Смотрите — импортный материал! Пощупайте, какая выделка, посмотрите на цвет, уверен — такой мастер, как вы, шутя справится с работой. Вы когда-нибудь задумывались, как важны для героя просторные подштанники во время шторма?..

Здесь есть женщины?

Нет, ну так вот... Сами понимаете, мужчина есть мужчина, с положенным ему, слава богу, прибором, хе-хе. Но не дай бог его застудить.

Здесь, в подштанниках, кроется дорога к полюсу.

Хе-хе.

Выходит, ухмыляясь, — и злясь. Нуждаясь в человеке, с которым можно отвести душу. Для этого годится только один человек — брат Леон.

Идет к нему.

Руки дрожат, он стоит перед Тенью, ища утешения, они выпивают по рюмочке коньяку.

Но в душе у Руалда зреет неприязнь. Наступит день, когда она прорвется наружу. Тень непогрешима. Она послушно следует за хозяином. Она слишком много знает.

* * *

«Фрам» в океане был не ахти какое зрелище. Корыто, да и только, позорище на фоне более благородных судов. «Фрам» принимал волну, точно обрубок доски; посмотреть, так ни за что не выстоит, но с доской его объединяла непотопляемость. Знай идет, покачиваясь, с небольшими парусами и с мотором, тихо похрапывающим подобно старому дядюшке-пропойце, задремавшему после плотного обеда. Этакий плавучий табор с грузом необычного снаряжения и столь же необычной командой. Судно торопилось на юг. Обогнуть мыс Горн, потом — на север, через Тихий океан к Берингову проливу. Так говорилось. Только один человек на борту знал правду, а он помалкивал. Один он знал истинную причину спешки. Требовалось раньше Скотта прийти в Китовую бухту. Амундсена вдруг осенило: «Что, если Скотт тоже захочет разбить там свой зимний лагерь, чтобы быть поближе к полюсу?»

Начальник экспедиции обряжает свое лицо в приветливую улыбку. Она будто штора, подвешенная на булавках, в любую минуту может оборваться. По ночам он в своей тесной каюте точно зверь в клетке; порой выскакивает на палубу, спотыкаясь о собак. Команда ничего не знает, он обманул ее. Люди наняты для рассчитанного на несколько лет плавания в северных льдах. Суровые мужчины подписали строгие контракты. Держали ручку так, словно то была лыжная палка. В контракте они заверяют, что последуют за Амундсеном, будут повиноваться Амундсену, подчиняться Амундсену. Но ведь это при условии, что поименованный Амундсен сказал им правду? Чего он не сделал.

Он зверь в клетке и усердно помогает команде во всех работах. Начальник не гнушается никакого дела. Кто-то смывает с палубы собачий кал. Тотчас начальник присоединяется к нему. Он это умеет — скользить по палубе в резиновых сапогах, споласкивая доски так, что сапоги становятся такими же грязными, как палуба. Еще один способ завоевывать приверженцев. В то же время он чем-то отталкивает от себя и сам об этом знает.

Впрочем, на борту есть еще один человек, которому теперь известно, куда идет судно. Фамилия капитана — Нильсен. Он моряк, далек от философских высот. Твердо стоит на палубе и не спотыкается ни о собственный каблук, ни о свои воззрения. Амундсен скоро уразумел, что Нильсену следует знать все. Играть в молчанку со шкипером негоже. Обманывать шкипера на борту судна, где он хозяин, неприлично. А потому — разговор с глазу на глаз. Сперва твердое рукопожатие, затем несколько коротких слов:

— Понимаете, Нильсен... Я ведь могу на вас положиться?.. Вы понимаете, что я подразумеваю?..

Нильсен кивает, хотя ничего не понял и не знает, что наполовину уже куплен. А начальник экспедиции вдруг наклоняется над столом — герой севера и юга, человек, о котором кричали газеты, глаза словно шилья, и в то же время он ухитряется изобразить нужду в поддержке:

— Нильсен! Вы можете хранить тайну?..

— Конечно!

— Тогда я вам расскажу все.

И вот — он тщательно подготовился — из бумажника извлекается написанный загодя документ. Нильсен ставит свою подпись. Он будет нем как могила. И его посвящают во все.

Посреди Атлантики, не сказав Нильсену, что другие тоже будут посвящены в их тайный план, начальник продолжает наступление на тех, кто может забить отбой, когда ему вскоре

придется выложить правду. На борту есть два лейтенанта, Ертсен и Престрюд. Умный начальник не станет держать в неведении лейтенанта. Хитрый начальник заводит разговор наедине сперва с одним лейтенантом, говорит: «Об этом известно только капитану и мне, а теперь и вам, ведь я могу положиться на вас, Престрюд? Подпишите?»

На очереди второй лейтенант. Может ли он отказаться, когда первый уже обещал помалкивать? Теперь остается команда.

От собачьего воя на «Фраме» ад кромешный. На борту судна 97 собак. Они привязаны повсюду, гадят всюду, люди спотыкаются о псов, чешут уши псам, нянчат псов, сидят на псах; в зоне пассата, ища на палубе спасения от жары, спят на псах. Но эскимосских лаек отличает склонность выть в унисон. Какая-то одна запеваёт, однако найти, какая именно, почти невозможно. Тайный запевала избран на эту роль самым всевышним, и голос у него такой, что горы дрожат и шторм пристыженно затихает. Вот он начал. Ему вторят остальные. То прибывая, то убывая в силе, хор собачьих голосов перебирает все ноты гаммы, с могучей силой разносится над океаном, и судно подставляет палубу зыби, дрожа и кренясь от давления звуковых волн. Вот кто-то выскочил из каюты. Он чертыхается. За ним появился другой, пинает первую попавшуюся собаку. Но это не та собака, не заводила, та сейчас предусмотрительно помалкивает. Зато остальные девяносто шесть удваивают мощностъ, посылая свои голоса к звездному небу. Еще двое появляются на палубе, сжимая кулаки. Один из них в деревянных башмаках. Он снимает башмак, целится. Промахивается, башмак летит за борт, и хозяин башмака обнаруживает, что стоящий рядом товарищ смеется. Затрещину ему! Но это уже чересчур. Еще секунда, и начнется потасовка. Тут вмешивается шкипер. Каким-то чудом его рыканье прорывается в паузу, когда собачий хор переводит дух, чтобы тотчас продолжить концерт. Взамен драки между людьми начинается потасовка с собаками. И пошла баталия, на одного человека приходится шесть, восемь, десять собак. Но псы продолжают выть. И «Фрам» ковыляет через океан, подгоняемый слабым бризом с правого борта и старомодным маленьким храбрым мотором, что похрапывает, точно добрый дядюшка, который задремал, пропустив в рождественский вечер три лишних стаканчика.

Внезапно псы смолкают.

Кругом — собачий кал. Псы постарались под собственную музыку. Все наверх — споласкивать палубу.

Познакомимся поближе с одним из членов команды. Он никогда еще не плавал в море. Сейчас его одолевает морская болезнь. Житель глухой долины Моргедал, он мало что повидал за ее пределами. Он лучший лыжник в мире. Его возили в Париж. Он соревновался на лыжах во Франции; кто-то объяснил ему, что это за страна. Он выиграл гонку. На вокзале в Гамбурге команда норвежских лыжников встретилась с Амундсеном. Улав Бьоланд спросил:

— Возьмешь меня с собой в следующую экспедицию? Он не знал, куда собирается Амундсен.

— Почему же не взять, — услышал он в ответ. И вот теперь он здесь.

Притом Улав Бьоланд не пентюх какой-нибудь. Пусть все его образование — передвижная школа, но он усвоил норвежский язык, отдающий землей и потом, и этим языком записывает свои впечатления на пути к полюсу. Он человек дела, немногословен. Силен как жеребчик, и ему нипочем любые морозы. Умеет сносить обиду, свободен от чрезмерного честолюбия. Гладко рассуждать не мастер. Но чувствует верно и твердо знает: при всех неприятных чертах начальника в нем есть и много располагающего.

Поэтому он ему верен. Не все одобряет, однако всегда лоялен, в этом и толика крестьянской хитрости: с начальником лучше ладить. Но угодничать он не способен. Суть в том, что он заявил о своем участии в гонке и намерен выиграть. Еще один пример умения Амундсена точно

подбирать людей.

Они приходят в Фуншал на острове Мадейра. Здесь псам скармливают целую лошадь. Кровавая палуба, спящие собаки, пальмы на берегу, чудный пляж, воздух дрожит от жаркого марева. И на борт поднимается Тень.

Да-да — Леон из Норвегии, он здесь, пришел на Мадейру на другом корабле. Предстоит решить последние практические проблемы, желательно также оплатить некоторые счета; в каюте с глазу на глаз обсуждаются неотложные дела, затем отправляются секретные телеграммы.

Настал решающий час.

Много позже, сидя над своими записками, Амундсен все еще не может скрыть нервозности. Он тщательно все подготовил. Продумал шаг за шагом все, что должно произойти, взвесил каждое слово. Собрать всех на палубе. Заставить подождать. Не слишком долго, чтобы не раздражались. Но и не слишком коротко, пусть растет напряжение. Начальник тоже вырастает в глазах своих подчиненных, когда заставляет их ждать, — немного.

Шкипер Нильсен выходит на палубу, держа под мышкой свернутую карту.

За ним выходят вместе оба лейтенанта, потом из каюты поднимается Леон, держа в руке тяжелый портфель.

Только бы псам не вздумалось выть в эту минуту!

Момент важный и неподконтрольный. Случись так, никакой начальник не справится с ситуацией. Люди могут вспылить, разозлиться — и что тогда? Но собаки доели остатки конины, в их желудках преют мясо и кровь. Это тоже входит в план. Даст бог, воздержатся от концерта.

Наконец на палубе появляется начальник экспедиции. И на головы участников обрушивается истина — просто и твердо, ультимативно.

Мы пойдем не на север, а на юг.

Всем предоставлен свободный выбор, формально. Но кому охота в одиночку возвращаться домой с Мадейры?

И номер удается. Невероятно, но удается. Актер владеет публикой, он снова торжествует. Видит, как потрясение сменяется облегчением. Одно из главных препятствий на пути к полюсу взято.

Пальмы на берегу машут листьями, зыбь катит на юг. Скоро в путь.

Леон сходит на берег с телеграммами. Одна из них адресована Скотту. Она будет послана только из Норвегии, когда туда вернется Леон. К тому времени Скотт будет в Мельбурне, направляясь на юг.

Телеграмма составлена туманно. В ней говорится лишь, что Амундсен пойдет на юг, и ни слова о намерении покорить полюс.

Гений вправе действовать. Из этого еще не следует, что мы любим гениев.

Люди на борту — все, кроме Юхансена, — сильнее прежнего преклоняются перед начальником. А ведь он морочил им голову? И псы его обожают. А он потчует их пинками.

* * *

«Фрам» попадает в полосу штиля. Мотор слабый, да и топливо нужно беречь. Неуклюжее суденышко безвольно покачивается на черных волнах. Жара. То одна, то другая собака поднимается и воеет. Вой тонет в зное; спящий в тени под тентом человек приоткрывает один глаз, но тут же снова засыпает. Момент терпения. Тягучие часы, жаркие ночи, невыносимые дни. Пресную воду необходимо экономить. Она помутнела, почти непригодна для питья. Псы

страдают от жажды. Лежат и пыhtят, свесив языки. Языки уже не красные, а серые.

И тогда он обходит своих людей и говорит:

— Ответственность лежит на мне!

Это не приказ и не доверительное признание, просто дружеское сообщение; он берет на себя груз мыслей, обременяющий собеседника. Он не торопится. Садится рядом с тем, кто уныло стругает палочку. Сам достает перочинный нож, чистит им ногти. Чертыхается вместе с тем, кто отводит душу бранью, молчит с тем, кто отмалчивается. Напоминает:

— Ответственность лежит на мне!

У него удивительное умение разряжать атмосферу в трудный момент — далеко в океане, когда судно топчется на месте и тянутся нескончаемые часы нестерпимой скуки.

Но о том, что его по-настоящему тревожит, он помалкивает: «Поспеем мы в Китовую бухту раньше Скотта?..» Ведь нельзя исключать возможность того, что Скотт тоже захочет разбить там лагерь, чтобы быть ближе к полюсу. Пришедший последним должен будет уступить первому. Однако эти опасения — удел самого Амундсена, ими он ни с кем не делится. Он ходит по судну и говорит:

— Ответственность лежит на мне!

Они отпускают собак с привязи. Это его приказ. Собакам нужно размяться. На заставленной снаряжением палубе не очень-то разгуляешься. Всех собак отпускают одновременно. Полтора месяца они сидели на привязи. Поначалу даже не замечают, что теперь можно свободно двигаться. Проходит полчаса. Никаких изменений. Но на борту растет напряжение. Всякое может случиться. Люди ожили, смотрят: что теперь будет? И вот первый пес поднимается на ноги и делает несколько шагов по палубе.

Останавливается, озадаченный. Его ничто не держит. В следующую секунду на борту разражается ураган, полудикие псы бросаются вперед, чтобы покарать отступника, и обнаруживают, что свободны все. Стоит оглушительный вой. Сейчас они зададут трепку врагам. Собакам невдомек — это было сделано, когда они дремали, разморенные зноем, — что морды их туго перевязаны, чтобы они не загрызли друг дружку насмерть. Драка — их страсть. В Гренландии драка составляла их традицию, их культуру. Сейчас они померяются силами на палубе.

Однако они не могут кусать. Бросаются друг на дружку, а пасть открыть не могут, бодают противника, бьют лапами, царапают когтями, сбивают с ног — и воют, сквозь сомкнутые челюсти прорывается приглушенный вой. Но проблема разминки решена. И люди пробуждаются от спячки.

Он повторяет:

— Ответственность лежит на мне!

На смену штглю приходит шторм. Принимая ветер с кормы, судно развивает ход. Палубу поливают соленые брызги. Конечно, «Фрам» непотопляем, это всем известно, но качает его, как никакое другое судно. Начальник экспедиции не сомневается, что все будет в порядке. Судном управляют настоящие моряки. Люди, на которых можно положиться и которые в критическую минуту доверятся ему. У него нет причин для беспокойства. Можно ложиться спать. Он забирается на койку, думая про себя: «Ответственность лежит на мне. Теперь мы быстро идем на юг».

Сразу после наступления нового, 1911 года они входят в паковые льды. Люди и собаки облегченно вздыхают. На льдинах лежат тюлени. Охота приносит свежую пищу, прибавляющую сил команде и псам. Появляются и пингвины. Очень важные в своих выходных костюмах, они как будто не совсем довольны тем, что их покой нарушают бесцеремонные пришельцы с севера. Но ведут себя учтиво, пряча за учтивостью любопытство; потешно переваливаются с ноги на

ногу. Стрелять в пингвина — все равно что стрелять в престарелого начальника уездной полиции дома, в Норвегии. Охотников это не смущает.

«Фрам» уверенно протискивается между льдинами, здесь он в своей стихии. Через паковые льды они входят в море Росса, черное, свободное от льда. И продолжают идти на юг.

Наконец перед ними вздымается из воды сам великий барьер. День ясный. Ледовая стена — могучая, отвесная, синяя, суровая и грозная. От нее веет холодом. Кругом ни души. Маленький кораблик в море, на кораблике — горстка людей, они убрали паруса и медленно приближаются к стене, как бы с вежливым вопросом на устах: «Разрешите?..»

Двое суток идут они вдоль ледового барьера. Высота стены где пятьдесят, где двадцать, где тридцать метров, но всюду она одинаково неприступна. Мертвый ледовый массив жестко отталкивает судно и людей. Но вот в барьере открывается маленький залив. Это Китовая бухта.

Минуты лихорадочной тревоги: «Меня не опередили?..» Он карабкается на мачту — за спиной море, впереди страна льдов — и смотрит в бинокль, напрягает зрение так, что глаза слезятся. Капитан окликает его. Он не слышит. Ему сейчас ни до кого. Ответственность лежит на нем. Если Скотт здесь, Амундсен, всему миру раскрывший свой обман, проиграл. Если Скотта нет, шулер еще может выиграть — выиграть все. Никого не видно? Он скатывается вниз и тут же снова лезет на мачту: кругом море и льды, внизу его люди, все молчат, даже собаки сегодня притихли.

Они подходят к кромке льда в глубине Китовой бухты. Никого.

Они пришли первыми.

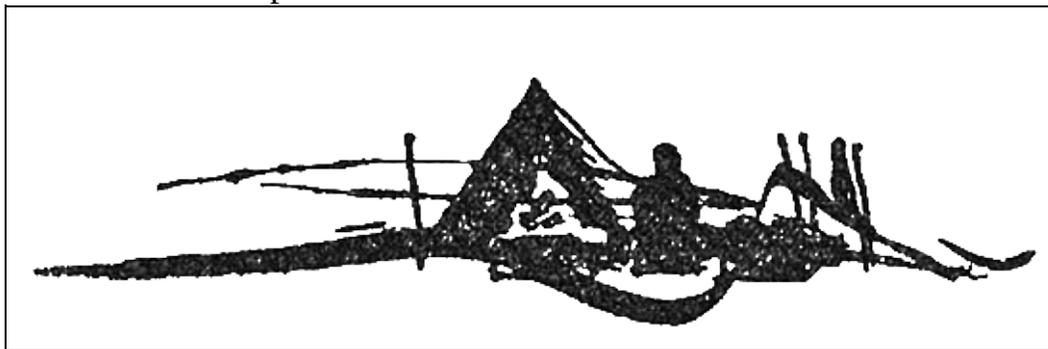
Может быть, Скотт совсем и не собирался сюда, но твердой уверенности в этом не было. Он спускается с мачты.

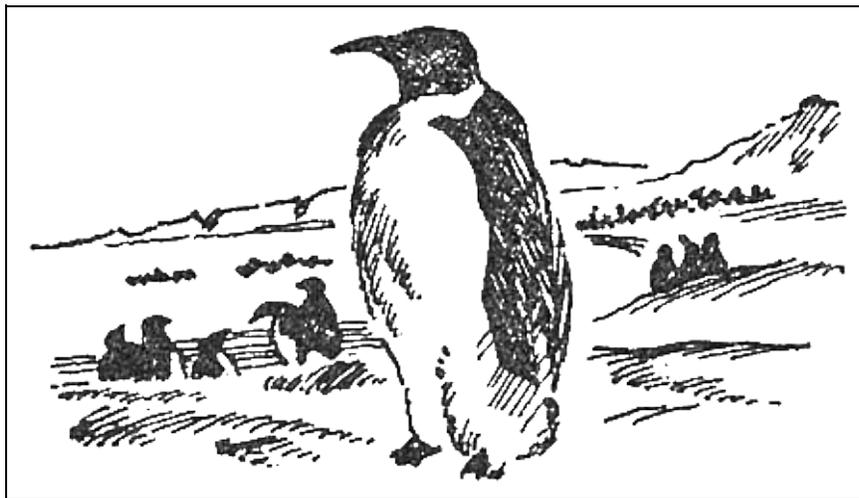
Все в порядке. Тебе посчастливилось — и на этот раз.

Ты пришел на место днем раньше срока, предусмотренного твоим планом.

Никто не должен видеть, что у тебя дрожат руки.

— Я отвечаю за все! — говорит он и смеется.

Скотту исполнилось 42 года. Характером далеко не вояка, он носил высокое воинское звание. Никто не видит теперь изъянов, которые каждому бросались в глаза, когда он был молод. Плечи бугрятся мышцами. Тело плотное, крепкое. Освоено наконец — так думает он сам — трудное искусство принимать решения, делать ответственный выбор между одинаково неприятными альтернативами. Так считают и люди, знающие его.

Возможно, он был лишен воображения. Как человек военный, строго следовал определенным установкам, пусть не всегда с восторгом. Перед ликующими толпами обряжал свое лицо в красивую улыбку, популярность его была велика, после Нельсона ни одного представителя британского флота не встречали такими овациями. Оригинальностью суждений не блистал. Кое-кто думал: «Он скучен». Возможно, в трудные минуты жизни он в глубине души спрашивал себя: «Почему я так неинтересен?..»

Судно, назначенное вести экспедицию на юг, называлось «Терра Нова». Во время экспедиции «Дискавери» оно выполняло вспомогательные функции. Скотта не было на борту, когда «Терра Нова» вышла из Англии с полным грузом и, командой. Он отплыл в Южную Африку на другом корабле и уже там перешел на «Терра Нову». Империя чествовала его, губернаторы слали почтительные приглашения, мужчины в военной форме вытягивались в струнку. Офицеров и рядовых разделяла четкая грань; на флоте действуют свои законы, хотя бы речь шла о покорении Южного полюса. Еще продолжали поступать денежные взносы, большие и малые. Однако денег все равно не хватало.

Капитана судна (он же заместитель начальника экспедиции) звали Эдвард Эванс. Ему лишь недавно исполнилось тридцать лет. Красивый, черноволосый, загорелый, обаятельный; женщины при виде его падали в обморок от восторга. В ряду его талантов было умение собирать средства. Сочетая очаровательную бесцеремонность и лукавую тактику, он выступал на сотнях собраний, и одна только его улыбка вызывала приток денег там, где Скотт, ораторствуя часами, добивался куда худших результатов. Скотт восхищался им. Он говорил об этом сам, говорил искренно. Эванс был с лихвой наделен качествами, каких не было у Скотта. Возможно, избыточная осторожность начальника была обусловлена недостатком осторожности у его заместителя.

«Терра Нова» приходит в Мельбурн. Здесь тоже владения Империи, с британским чаем и британскими флагами, приемом у губернатора, где Скотт произносит речь. Совсем неплохой оратор, солидный, не скупящийся на положенные в таких случаях напыщенные фразы, пусть даже ему не доставляет большого удовольствия слушать собственный голос.

Толпа гудит.

— Вы слышали: Империя готовится покорить Южный полюс!

— Последняя еще не покоренная точка земного шара!

— А вы знаете, что Скотт — самый молодой командир линейного корабля в Британской империи?

— Сэр, вам телеграмма...

Ему недосуг ее читать, телеграммы идут сплошным потоком, в том числе от женщин. Злые языки утверждают, будто его добрый друг, Эдвард Эванс, получает больше телеграмм, чем начальник экспедиции. Он сует листок в карман. В мундире карманов хватает. Один из них предназначен для телеграмм. Бумаги должны лежать в нем так, чтобы не высовывались наружу.

Он возвращается на борт.

Достает телеграмму.

От Амундсена — какого такого Амундсена? А, ну да — Амундсен... «Довожу до вашего сведения, что „Фрам“ направляется в Антарктиду».

Словно удар под дых. Команда спит. Кроме вахтенных. Он может позвонить, но не звонит, сидит молча, глядя в пространство перед собой. Амундсен? Но ведь он собирался на Северный полюс? В Христиании встретиться с ним не удалось. А теперь он плывет на юг? В телеграмме не сказано — зачем. Задумал исследовать берега, проникнуть в глубь материка с другого конца? Ведь не такой же он бестактный человек, чтобы включиться в борьбу за полюс?

На борту находится один норвежец — Трюгтве Гран.

Он инструктор по лыжам. Неужели Скотту невдомек, что в этом есть что-то чудовищное: в полярной экспедиции — инструктор по лыжам и кучка людей, которые еще не знают, как лыжи крепятся к сапогам. Сапоги? Подходят ли их сапоги к лыжным креплениям?

Он вызывает Грана. Гран советует послать телеграмму Нансену. Скотт следует его совету. «Известно ли вам, намерен ли Амундсен идти к полюсу?» Поступает ответ. Одно слово: «Неизвестно».

Да, неизвестно. Кому известны планы молчаливого покорителя Северо-Западного прохода, человека, который протиснулся там, где нашли свою гибель большие экспедиции. Скотт сохраняет самообладание. Он заключает: мы должны следовать задуманному нами плану. Никаких поправок. Никакой спешки, махина движется, курс проложен, можно ли сделать что-либо сверх того, что уже сделано?

Кроме того: разве наша истинная цель состоит в том, чтобы первыми достичь полюса? Да — но об этом мы молчим. Недаром женщины падают в обморок на выступлениях Эдварда Эванса: молодой красавец вместе со своим доблестным начальником отправляется на полюс. Дети разбивают копилки и шлют свою лепту Скотту. Ведь он будет первым на полюсе? Однако вслух об этом говорить не следует, чтобы не сглазить. Экспедиция носит научный характер. Но что важнее — наука или полюс?

И то и другое важно: кто решится сделать выбор в таком трудном вопросе? Хорошо, что на борту есть инструктор по лыжам. С наставником чувствуешь себя спокойнее.

Он поворачивается к Грану и говорит:

— Английский джентльмен не поступил бы так, как поступает Амундсен.

Потом беседует с глазу на глаз со своим другом и заместителем Эдвардом Эвансом, или просто Тедди. Тедди:

— Почему бы нам не ответить на этот вызов большей находчивостью, сэр? Мы ведь хотим быть первыми, верно? Появление нового конкурента требует от нас новых, смелых шагов?

Начальник экспедиции не отвечает. Он не против смелых шагов. Но они должны быть основательно подготовлены и подчинены рассудку.

Ночные часы полны тягостных размышлений. Детство его во многом протекало так

размеренно. Молодость, когда он складывался как мужчина, тоже не знала резких скачков. Став наконец мужчиной, он достиг желаемого: стал мужчиной. Но что-то норовит обогнать его в темноте? Что-то, чему он может противопоставить только вежливость.

* * *

Литтелтон в Новой Зеландии — последний порт, куда заходит «Терра Нова» перед тем, как взять курс на юг. Здесь на судно грузят 3 тонны льда (желательно, чтобы он не растаял, пока они не войдут во льды), 162 бараньи туши, 3 говяжьих, 340 бочек свинины. Вопрос свежей пищи — вопрос жизни и смерти. Скотт знаком с цингой, знает также, как трудно многим участникам полярных экспедиций заставить себя пить кровь тюленей и пингвинов. Он понимает их. В нем живет глубокая неприязнь ко всему, что выходит за рамки приличия; ему претят бранные слова, немытые руки, люди, которые кашляют, не прикрывая рот ладонью.

Вот почему для него так мучительна первая встреча с сибирскими пони^[13], доставленными из Владивостока. Их девятнадцать, на пути к Новой Зеландии они пять раз меняли судно. Они измотаны качкой и жаждой, их поили раз в сутки, да и то тухлой водой. Кормили скверно. Никто их не выгуливал. Понурился, они стоят в закутках на палубе среди гор снаряжения и тающего льда, слыша гомон людей, заканчивающих погрузку. Впереди у лошадей долгие недели в море. Они впали в апатию, глаза их потухли. Они не ржут. Они обречены на смерть на пути к полюсу, в море или в снегах.

Вряд ли кто усомнится в том, что Роберт Скотт — честный человек. При виде страдающего животного он сам страдает. Душа его раздваивается, сердце разрывается на части, когда он видит мучения животных. Это подтачивает его силы на пути к цели. Вот почему он не считает для себя поражением, когда ему и его людям приходится самим впрягаться в сани в ледяной пустыне. Идя навстречу смерти, он освобождается от бремени, которое тяготило его душу, когда он видел, как умирает надорвавшаяся лошадь.

Он протягивает руку к морде пони, чтобы тот облизал ему ладонь. Пони не реагирует. Скотт подзывает матроса и просит принести ведро воды. Животное пьет долго, опустошает все ведро, другие пони тянутся мордами, прося пить.

Он знает: они неделями томилась жаждой. И еще не одну неделю вот так же будут просить пить. «Терра Нова» не может взять на борт столько воды, чтобы животные могли пить вдоволь на долгом пути к югу.

Собаки тоже прибыли. Их тридцать пять. Слишком мало, чтобы рассчитывать на них как на тягло, но тогда зачем они здесь? Собаки закуплены в Маньчжурии. Для них припасено пять тонн галет. Специалист по собакам Сесл Мирз говорит, что этого мало. И предупреждает, что не станет кормить собак мясом тюленей или пингвинов. Мирзом владеет какое-то мистическое нежелание использовать возможности, предоставляемые Антарктидой. Наверное, Скотт понимал, что Мирз не прав. Однако перед нами один из тех случаев, когда ему недостает характера. Он слишком вежлив, чтобы спорить со специалистом. Собаки уже выглядят хилыми.

Но человек в каюте начальника экспедиции не забыл, что он был одним из ста пятидесяти, которые спали на подвесных койках на борту старого линейного корабля «Британия». С той поры он неважно чувствует себя в коллективе. Однако давно научился это скрывать. Офицеры размещены в каютах «Терра Новы» как сельди в бочке. Они должны спать, вытянувшись в струнку, чтобы оставалось место для коленей соседа. Начальник экспедиции мастер сглаживать неудобства. Приветливость никогда не покидает его. Учтивость начальника — образец для всех. Даже когда он шутит (бывает и такое), шутки его изысканны и сдержанны — юмор

воспитанного человека, который никого не обижает и мало кого смешит.

Моторные сани, счетом три, не забыты. Вот они стоят торчком. Побывали в норвежских горах, прошли там испытание. Скотт при этом присутствовал, Кэтлин тоже. Нансен проявил большой интерес. Газеты всей Империи писали, что Южный полюс будет покорен на моторных санях. Пока Скотт разыскивал Руалда Амундсена по телефону — из чистой вежливости, этот человек его совсем не интересовал — и пока Амундсен не снимал трубку, моторист Скотта со вздохом отмечал, что моторы не без изъянов. Так ли уж это страшно? По гладкому твердому снегу сани идут хорошо. Но всегда ли снег гладок и тверд? Полоз проваливается, рвется цепь, перегревается подшипник. Что делать, сэр? Скотт решает брать сани с собой.

Зеленые окрестности Литтелтона радуют глаз своей красотой, небо высокое, светлое, голубое. Сотни людей столпились на набережных, они машут руками, некоторые поют; подходит буксир.

Миссис Скотт находится на борту «Терра Новы». Она спустилась в каюту. Никто не знает, что они говорят друг другу. Честолюбие, которое выражалось в страстном желании славы для супруга, теперь тяготит ее. Простившись, они вместе поднимаются на палубу.

Все смотрят на них.

Буксир выводит «Терра Нову» в море. Земля прижалась к горизонту.

Она оставляет судно и на буксире возвращается в порт.

Они машут друг другу.

* * *

«Терра Нова» идет вперевалку по волнам на юг. Такого палубного груза еще никто не видывал. Мешки с углем образуют целые горы, на ящиках с моторами завывает свора собак. Глухо стучит машина, ей помогают паруса. Если сохранится хорошая погода, все будет в порядке. Но она не сохраняется. Вскоре после выхода из Новой Зеландии «Терра Нова» попадает в шторм.

Поначалу ветер не очень свиреп, судно принимает его с правого борта и послушно кренится, захватывая волну. Однако это всего лишь легкая проба сил двух давних противников — судна и океана, на стороне которого ветер и тяжелые тучи на западе. Когда они выходили из порта, море было синим. По ночам ловило звезды и щедро делилось ими. Сейчас оно черное, местами белое, гребни волн курятся, шторм заходит с левого борта, и волны принимаются дубасить кораблик, вдавленный в воду тяжелым грузом.

Впрочем, до урагана еще далеко. Терпеть можно, и люди пробираются между угольными мешками и прочим палубным грузом, спотыкаются о собак, поскользываются на куче навоза и пытаются острить — дескать, теперь волны очистят палубу. Начальник экспедиции — в непромокаемой робе. Внезапно рвется веревка, крепящая керосиновую бочку, она сбивает с ног человека, он теряет сознание, сейчас его смоем за борт. В последнюю секунду его перехватывают. Острый край бочки разрезает веревки, которыми связан штабель угольных мешков. Распарывает сами мешки. Уголь рассыпается. Часть угля смывают волны, остатки забиваются во все дыры, сильный порыв ветра вздымает над судном тучу угольной пыли и уносит в море.

Угольная пыль просачивается в щели между досками палубного настила внутрь судна, грозя большой бедой. Один мешок за другим срывается с места, бьется о переборки, угольная пыль смешивается с захлестывающей палубу морской водой. Во всех переходах — угольная пыль. Она струится вниз по трапам, заполняет коридоры, оседает на койках. Внезапно волны уносят за

борт собаку.

Она была привязана на крышке ящика с моторными санями. Обрушившаяся с грохотом на судно волна рвет поводок. Собака всплывает на гребне. Кто-то бросается к ней, хватая за загривок, собака вырывается, человек поскользывается и выпускает ее. Собака судорожно цепляется зубами за железную трубу. Волна отступает, но тут же на палубу обрушивается следующая. Собака понимает, что ей грозит. Она ненавидела жизнь на борту. Теперь борется за то, чтобы сохранить ее. Лучше здесь, чем в море. Челюсти разжимаются, собаку несет к фальшборту, поднимает над ним, новая волна возвращает ее на палубу. Она плывет, отчаянно перебирая лапами. Кто-то кричит — не Скотт ли, начальник экспедиции, который, любя собак, подвергает их таким мучениям. Он спешит к собаке. Поздно. Она уже за бортом, в море, всплывает на гребне, ее опять накрывает волной, но она снова всплывает, она жива.

Судно сидит глубоко в воде, волны ходят вровень с палубой. Собака не теряет надежды. Она умеет плавать, хотя в Маньчжурии ее этому не учили; была красивая, в серой рубашке, теперь черная, нахлебавшаяся воды, выбивается из последних сил. Пропала.

Нет, показалась снова, работает лапами, задрал морду кверху, вот мелькнули ее глаза — лучше бы их не видеть... Остальные псы дружно воют. В этом вое попытка подбодрить своего товарища, последний привет и выражение собственного страха. Бедняга тонет.

Необходимо сбросить часть груза. Дана команда. На захлестываемой ледяными волнами, кренящейся палубе люди подбегают к мешкам с углем, перерезают веревки, берутся по двое за мешок. Участники экспедиции загромождали палубу этими мешками, надеясь, что всевышний дарует им хорошую погоду до самой Антарктиды. Но господь подвел их. Мешок за мешком отправляется за борт, судно делается малость легче, но оставшиеся мешки продолжают рваться и без конца в трюмы и каюты проникает угольная пыль.

Помпы работают вовсю. Внезапно капитану докладывают:

— С помпами что-то неладно...

Капитан корабля — Тедди Эванс, человек, чью улыбку женская аудитория вознаграждала сотней фунтов. С помпами что-то неладно? Он спрашивает, что именно. Один из офицеров полагает, что повинна угольная пыль. Где-то ведь она завершает свой путь — может быть, в клапанах и фильтрах насосов? Помпы работают безостановочно. Но качают плохо.

«Терра Нова» легла в дрейф. Ее захлестывают волны. В машинном отделении, где кочегары селятся держать пар в котлах, прибывает вода. Струйки черной, смешанной с нефтью воды соединяются с потом, который катит градом с людей. Всюду вода, она сочится из всех щелей, и нелегко огню выдерживать осаду загрязненной угольной пылью влаги. В кочегарке и жарко, и холодно. У кочегаров мерзнут ноги. Они стоят в воде. Торс лоснится от пота, руки подбрасывают уголь в топку, но уровень воды растет. Раздается чей-то голос:

— Помпы отказывают.

Если судно пойдет ко дну, люди здесь, в машинном отделении, будут заперты. Они безымянны. Память о них до нас не дошла. Им дана команда — и они выполняют свой долг. Сколько их было — восемь или шестеро? Этого теперь никто не знает.

И вот гаснет огонь под котлом.

Капитан кричит:

— Всем разобрать ведра!

Они выстраиваются в цепочку — на скользких трапах, в узких проходах, на палубе, которую нещадно дубасят волны.

Одни в промасленной робе, другие полуголые, и все мокрые насквозь. Вот кок — его имя нам неизвестно, вот Скотт, направляющийся к полюсу, чтобы умереть. Здесь все, кто не занят на других постах. Ведра взлетают из кочегарки, передаются из рук в руки, вода выплескивается за

борт, шторм бросает ее обратно. Замеряют уровень воды в трюме. Он растет. «Терра Нова» лежит на волнах, точно подраненная птица. Наступает ночь. И тут гаснут фонари.

Теперь ковыляй в темноте, пробираясь по узким проходам, наступая на собаку, которая присоединяет свой негодующий голос к голосу шторма во мраке. А как там лошади? Кто-то говорит, что одна из них сдохла. Резкий голос возражает: ничего подобного. И все же из уст в уста передается:

— Одна лошадь сдохла.

Она опустила на колени. Потом упала на бок. Такой долгий путь проделала. И не доехала до цели. Мокрая, дрожащая от холода, встречала удары волн, понурился голову, наконец упала и молча испустила дух. Теперь ее надо сбросить за борт.

Но у кого есть силы и время заняться дохлой лошастью — все брошены на вычерпывание воды из трюма. Снова замеряется ее уровень. Он перестал расти. Хоть какая-то надежда. Каждый знает: в колодец, где находятся фильтры насосов, ведет лишь один путь — через готтлюк. Раздраить люк — значит открыть путь забортной воде, и судно в несколько минут пойдет ко дну.

А может быть, все-таки есть другой путь? Грузовой трюм отделен от кочегарки дощатой переборкой. Если ее проломить, можно будет добраться до фильтров.

Смелый план. Переборки сделаны из дубовых досок. Там, внизу, тесно. Фонари не горят. Эванс берет с собой двух человек. Его ждет великое испытание; впоследствии будут еще. Он смел, не боится никакого риска, не в его привычках взвешивать за и против. Инструмент самый примитивный. В судовую мастерскую проникнуть невозможно. Где-то нашлось долото, где-то — дрель. «Терра Нова» не такое уж хлипкое суденышко, как утверждали некоторые. Во всяком случае, дубовая переборка достаточно крепка.

Они стоят в воде по колени. Но судно сидит глубоко и сильно кренится. Их бросает на переборку, долото соскальзывает, они режут себе руки, к черной от угольной пыли морской воде примешивается кровь. Они пытаются зажечь свет. Он тут же гаснет. Работают в темноте, рубят топором, откалывают несколько щепок, яростно чертыхаются, всхлипывают, снова чертыхаются, откалывают еще несколько щепок. Нужна достаточно большая дыра, чтобы мог пролезть взрослый мужчина. Время идет.

Шлепая по воде, раза три к ним добирается мокрый насквозь кок с каким-то пойлом в чайнике. Волны сбивают его с ног, он продвигается чуть ли не вплавь; если чайник раньше был неполон, то теперь содержимое льется через край. Час спустя он снова идет к ним. Они не видят его, он пробирается в темноте, они рубят топором, долотом, пробуют сделать что-то дрелью. Подходит кок. Чай смешан с угольной водой и нефтью. Эванс пьет холодную бурду из носика, передает чайник своим товарищам. Кок принес и цыпленка. Они рвут его руками и зубами.

Наконец топор пробивает переборку насквозь. Однако расширить дыру не так-то просто. Для троих тружеников не существует ни дня, ни ночи, ни надежды, ни ада, только адски тяжелая работа в пахнувшей нефтью холодной воде. Мало-помалу дыра становится больше. Они слышат, как их товарищи вычерпывают воду, передавая друг другу ведра, слышат скрип кренящегося судна, тревожное ржание пони, слышат рев ветра и гул миллионов тонн воды, вздымающихся к небесам и обрушивающихся на «Терра Нову».

Дыра в переборке все шире. По ту сторону находится колодец с клапанами судовых насосов. Удастся ли их очистить? Уже девятнадцатый час они рубят переборку. Наконец Эванс протискивается в соседний отсек.

Здесь тоже темно. Он отыскивает колодец. Фильтры внизу. До них два метра. Надо нырять. Он не знает — точно ли в фильтрах дело. Нырять в грязную воду, когда судно бросает из стороны в сторону... Он погружается в тесный колодец. Кругом железные трубы, он

задерживает дыхание, все скользкое, все холодное, он что-то нащупывает, пытается отвернуть. Не идет. В глазах чернеет. Надо всплывать.

Но это вопрос жизни или смерти. Через дыру в переборке ему кричат, что уровень воды в машинном отделении снова растёт. И он опять ныряет. Какая-то штука поддается его усилиям, но до конца отвинтить ее он не успевает, вынужден всплыть за воздухом.

Зато теперь он сориентировался. Силы еще не покинули его. Кто-то окликает его, он набирает в легкие воздух и кричит в ответ, чтобы заткнулись. Ныряет в третий раз.

Он знает, как действовать. Вот когда окупаются дни, потраченные на подробное изучение судна. Машинное отделение не его епархия. Но он капитан, а капитан обязан знать о судне все. И он делает то, что нужно. Можно всплывать. В желудке булькает вода с нефтью. Он блюет в темноте.

Затем принимается выдувать грязь из фильтра. Пальцы заоченели, рот полон угольной пыли, он дует изо всех сил, выплевывает набившуюся в рот гадость, снова дует, чувствует, что дело пошло. Вот только некуда положить этот фильтр, пока он ныряет за следующим.

Судно тяжело кренится, тяжело выпрямляется. Крики из машинного отделения: вода прибывает. Он засовывает фильтр в рот и ныряет опять. Внезапная мысль: «Есть ли тут крысы?» Мысль, придающая бодрость. Если на борту есть крысы, еще можно на что-то надеяться. Они не покинули судно перед нашим отплытием? Нашупывает следующий фильтр, вынужден всплыть, снова ныряет, отвинчивает его и тоже продувает, освобождая от угольной пыли.

Но там — еще фильтры. Сколько времени прошло — час, два? Его окликают. Он кричит в ответ, чтобы заткнулись. В полузабытьи погружается вновь и вновь, находит искомое, убежден наконец, что фильтры все у него в руках и очищены от грязи, насколько это вообще возможно.

Судно еще держится на плаву.

Теперь надо вернуть фильтры на место.

Внезапный приступ головокружения, его рвет — рвет угольной пылью. Затем он ныряет. Завинчивать труднее, чем отвинчивать. Отверстия маленькие, надо попасть в резьбу, работая под водой, задерживая дыхание, борясь с сильной качкой.

Проходит еще один час. Вверх-вниз, вверх-вниз. Наконец осталось завинтить последний фильтр.

Он теряет сознание и падает.

Приходит в себя. Кто-то позвал его. Он знает: если хоть один фильтр не станет на место, можно было не трудиться, не чистить другие. Поднимается на ноги. Странная тишина: словно все на борту знает, что происходит в его отсеке, и понимают — теперь или никогда. Он снова ныряет.

И роняет фильтр.

На дне колодца хватает щелей. Он лихорадочно ищет. Вынужден всплыть за воздухом, цепляется за какую-то трубу, слабеет, уходит под воду — все, готов...

Но тут рука нащупывает что-то знакомое: фильтр. Из последних сил он отталкивается ногами и всплывает.

Долго налаживает дыхание, произносит вслух: «Теперь или никогда». И без промаха, сразу вставляет фильтр в нужное отверстие и завинчивает.

Всплывает.

Он стонет, но помощник, просунувший голову в дыру в переборке, все понял. Можно проверять помпы. Восемь человек бросаются к насосам. Они работают. Гонят воду за борт.

Океан возвращает ее. Но в машинном отделении вода уже не прибывает. Восемь человек, мокрые насквозь, вконец измотанные, ходят по кругу, по кругу, и поршни исправно стучат. Насосы откачивают воду. Волны бросают ее обратно. Но развить наступление уже не могут.

Из насосного колодца выбирается человек, весь в мазуте и угольной пыли. Шатаясь, бредет к отверстию в переборке, останавливается, соображая — куда теперь? Наверх или вниз? На этот раз — вверх. Хватается руками за края изрубленных досок, кто-то помогает ему, он просовывает голову, но плечи застревают, словно они разбухли от холодной влаги и не желают покидать трюм.

Он срывает с себя лохмотья, голый протискивается через дыру, дубовые щепки впиваются в кожу. И вот он снова вместе со своими товарищами.

Судно держится на плаву. Кто-то кричит:

— Вода убывает!

Восемь человек на палубе ходят по кругу, по кругу, сжимая рукоятки стертymi, закоченевшими пятернями.

Кто-то набрасывает на плечи Эванса шинель, и он поднимается на палубу.

Один из восьмерки — Скотт.

Еще трех собак смыло за борт волнами. Две лошади сдохли. Молодой парень причитает:

— Две лошади сдохли!

Трупы освобождают от цепей и отправляют за борт.

Шторм продолжает молотить «Терра Нову».

Но судно сопротивляется. Вода в кочегарке больше не прибывает.

На другое утро новое сообщение: вода начала убывать.

Шторм ревет уже не так грозно, судно мало-помалу выравнивается. Среди дня — пошли третьи сутки с начала шторма — удастся разжечь огонь в топке.

«Терра Нова», напоминающая подраненную чайку с взъерошенными перьями, начинает приходить в себя. Вот из трубы пошел дым. Судно вновь развивает ход.

На борту нет сухой тряпки, нет ничего горячего, но теперь, когда в топке гудит пламя, можно высушить несколько мешков. Скотт велел хорошенько растереть всех пони, чтобы наладить им кровообращение. Собаки лучше лошадей перенесли шторм.

Животные должны ведь жить, пока не падут во льдах?

Люди все налицо.

Рейс на юг продолжается.

* * *

«Терра Нова» вошла во льды. Судно живет, хоть и сильно потрепано, и люди, не жалея сил, устраняют повреждения. Великая пустыня на юге обдает их ледяным дыханием, гигантские айсберги, голубые на рассвете и ослепительно красные, когда над черными водами поднимается солнечный диск, плывут им навстречу, тая глубоко под водой свои загадки.

В поднебесье, расправив могучие крылья, долго корабль провожали альбатросы, словно безмолвные часовые. Теперь они пропали. Люди остались наедине с океаном, льдами и всевышним.

Льды становятся плотнее. Судно протискивается между льдинами. На палубе — осунувшиеся люди. Обессиленные лошади лежат на боку, их растирают теплыми мешками, налаживая кровообращение. Вновь принимаются выть собаки. По ночам заметно подмораживает. Порывы острого ветра, непривычные узоры высокого звездного неба. И снова рассвет.

А вот и первый тюлень. Затем к судну направляется степенная процессия вышедших на пенсию бургомистров. Они все в черно-белом облачении. Учтиво поклонившись, несколько

минут стоят, наклонив голову набок и разглядывая «Терра Нову», потом делают еще шаг вперед. Без приглашения они не соизволят подняться на борт. Ждут — сперва почтительно, потом с легким раздражением. Пингвины.

Ученые на борту оживают. Чью-то светлую голову посещает мысль, что пингвины, возможно, музыкальны. На судне есть граммофон. И вот надо льдами разносится музыка.

Вопреки сомнениям маловеров, предположение оправдывается. Самый молодой пингвин пускается в пляс. Остальные с снисходительным презрением созерцают его антраша. Но затем и старшие вроде бы оттаивают. Медленно покачиваются, словно осваивая технику танца, переступают в такт музыке, весело качают головой, забыв о степенности.

Человек с граммофоном меняет пластинку. Ставит «Боже, храни короля». Новая музыка производит совсем другое впечатление. Пингвинам явно не чуждо чувство национальной гордости, и они уважают гимн Империи. Они вытягиваются в струнку. Однако эта мелодия создает проблемы на борту «Терра Новы». Экспедиция ведь военная. Должны ли все принять стойку «смирно», хотя бы гимн игрался для стаи пингвинов? Мужчины, обросшие густой щетиной, всерьез берут под козырек — не все, кое-кто делает это в шутку. А как поступить начальнику экспедиции, который, поднявшись на палубу, слышит то, что слышит, и видит то, что видит?

Тут проявляется его изысканная гибкость, тактичный юмор, пусть в рамках флотского устава, но тем не менее человеческий, теплый. Никаких офицерских окриков, только суховатый смешок, после которого люди, отдающие честь далекому королю, опускают руку и довольно ухмыляются.

Они выводят лошадей на лед. Сейчас люди всего лишь люди, а не командиры и исполнители команд. Всех объединяет сочувствие тощим клячам из Сибири, которые проделали такое долгое плавание и которых люди теперь подпирают с боков, по двое с каждой стороны. Растирают теплыми мешками, уговаривают погрызть кусок сахара, сухую горбушку, вдоволь поят водой.

Но до чего жалко выглядят здесь лошади, в резком солнечном свете на льду, опаршивевшие, полуслепые после заточения в тесных закутках среди рваных угольных мешков на палубе. Их заново учат ходить, и они медленно оживают, меж тем как побитая штормом «Терра Нова» отдыхает у кромки льда и какой-то пес радостным воем приветствует дыхание мороза.

Они встают на лыжи. Многие члены экспедиции впервые в жизни вдевают носок сапога в ремень и пытаются заставить крепление держаться на каблуке. Им объясняют, что лыжа должна скользить по снегу, что для этого следует толкать ее вперед движением всей ноги от бедра. У многих это получается. Даже совсем неплохо. Палка тоже играет важную роль. Ею надлежит отталкиваться в согласии с лыжей.

Скотт говорит доктору Уилсону:

— Что-то меня угнетает. Не пойму, что.

Они с Уилсоном хорошие друзья. Были вместе в первой экспедиции на юг, когда Шеклтон сломался и жизнь всех троих висела на волоске. С той поры дружба Скотта и Уилсона продолжала крепнуть. Во всех своих письмах и дневниках начальник экспедиции с восхищением и даже благоговением отзывается о своем неразговорчивом, задумчивом, очень умном, сердечном друге, который постепенно обнаруживает и незаурядную внутреннюю силу.

С глазу на глаз они могут анализировать слабости друг друга. Указывать на них, спокойно выслушивать мнение товарища, извлекать урок из полученного совета. Чаще всего в роли ученика выступает Скотт. Уилсон, с его мягким юмором, щедрый на похвалу, тактичный и умный советник, делает вид, будто речь идет о его собственных изъянах, чтобы легче было наставлять друга.

— Что-то меня угнетает, Билл. Не пойму, что. Я и в мыслях своих копался, и в совести, меня что-то мучает, точно я был к кому-то несправедлив, а в чем и к кому, непонятно. Это преследует меня, мешает сосредоточиться на том, что сейчас должно быть моей главной заботой.

У начальника экспедиции заведено служить молебн. Не потому, что он чего-то опасается, — страх ему неведом. Справа по борту над черным разводьем неподвижно висит темно-синий айсберг, увенчанный лучезарным солнечным диском. Лошади снова подняты на борт. Команда выстроена на палубе. Над судном звучит его теплый, чуть охрипший, но вполне ясный голос. Он читает из священного писания.

Затем произносит молитву. Эти люди выросли в обществе, где двумя опорными столбами были набожность и честь Империи. Никому не придет в голову презрительно фыркать перед лицом проявлений этих двух форм власти. Они живут тесно и чертыхаются громко. Они не свободны от присущей мужчине скрытой боязни обнаружить свои сокровенные мысли и затаенную слабость. Они дойдут до полюса, залогом тому читаемая начальником экспедиции «Отче наш». Одной из собак захотелось повыть. Но люди стоят «смирно».

Скотту достает ума не затягивать молебн. Он сохраняет достоинство. И он приветлив, как всегда.

Потом говорит Биллу:

— Что-то меня угнетает? Не возьму в толк, что именно.

— Хочешь услышать мое мнение?

— Конечно, дорогой Билл, какой бы горькой не оказалась пилюля.

— Может быть, дело в том, что мы обязаны спасением судна и всех нас нашему общему другу Тедди? Знаю, ты воздал ему хвалу и благодарность, он этого заслужил. Но не завидовал ли ты ему? Ты, начальник экспедиции.

Они смотрят друг на друга.

— Да-да, Билл! Как раз это меня угнетает. Пойти к нему и извиниться?

— Пристало ли это тебе, начальнику? Давай обсудим этот вопрос. Не довольно ли того, что ты знаешь причину своей тревоги и теперь можешь справиться с ней. Он не заметил твоей зависти. Не позволяй своей совести подрывать твой авторитет командира.

— Может быть, мне следует быть с ним еще приветливее?

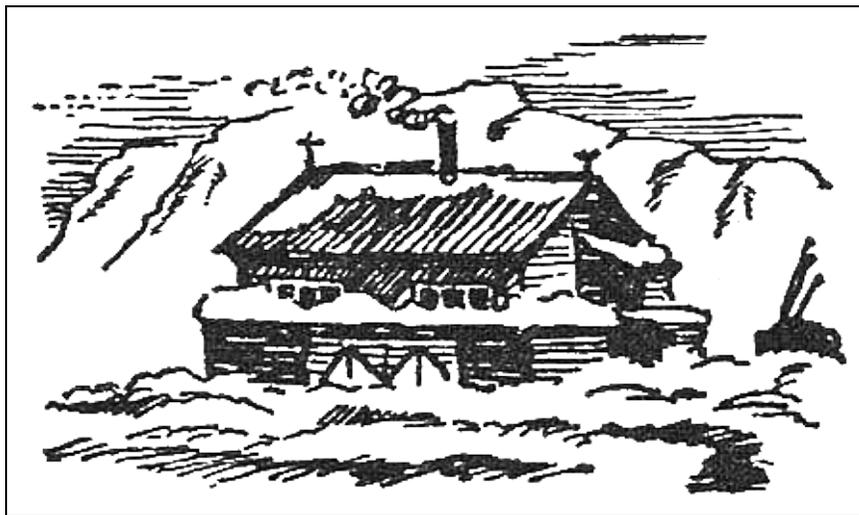
— Возможно. Но надо знать меру. Чрезмерная обходительность может показаться фальшивой. Ты отвечаешь за всех нас. Ты должен выбирать наиболее разумную линию поведения, с учетом всех обстоятельств. Подумай: если ты пойдешь к нему просить прощения за свою зависть, не скажется ли в этом желание подчеркнуть собственное совершенство?

— Так я воздержусь!

— Правильно.

— Билл, — говорит он, — напрасно я взял на себя руководство этой экспедицией. Я не переносу зрелища больной лошади.

Итак, он в Антарктиде. Икры его ликуют, мышцы плеч напрягаются, когда он мощно отталкивается палками, заставляя лыжи скользить быстрее. После многих недель на «Фраме» он утратил форму, его одолевают вялость и лень. Но уже через несколько дней здесь, на льду, он чувствует, что к нему возвращается энергия. Недаром дома он всегда вставал рано утром, чтобы пробежаться по лесу, пока еще лежит роса. Он улыбается, радуясь одиночеству. Тешится мыслью о том, что не один километр отделяет его от людей. Позади напряженные дни: переброска ящиков с провиантом и материалов для постройки дома, взбадривание собак криками и кнутом. Вечером, мокрые от пота, он и его люди забирались в спальные мешки в палатках. Напряженные — и отличные дни.

Красиво здешнее утро. Небо на севере темное. Оно отражает черную гладь открытого океана. На гранях торосов переливается солнечный свет, не такой еще яркий, чтобы надевать защитные очки. Фактура здешнего снега чрезвычайно разнообразна. Грубозернистый и рыхлый, свежесвыпавший — мягкий, как пудра, твердые сугробы, наметенные леденящим ветром. Лыжи сами скользят, можно не напрягаться, он движется плавно, как матерый волк, и знает, что в этих краях мало кто с ним сравнится.

Выходит на край барьера, где открывается вид на причаленный у кромки льда «Фрам».

Он видит два судна.

Протирает глаза, зная коварство здешнего освещения. Оно способно исказить очертания предметов, придавая им другую форму. При снежной слепоте человек не только кричит от боли — у него двоится в глазах. Может быть, у него сейчас двоится?

Он закрывает глаза рукой, отворачивается, трясет головой, как бы освобождая зрительные нервы от необычного зрелища, снова поворачивается к морю и убирает руку.

Там два корабля.

У него вырывается стон. Он быстро заходит за ледяной бугор; так прячется зверь при виде врага. Выглядывает из укрытия. Второй корабль довольно большой, у него высокие мачты, он пришвартован ко льду неподалеку от «Фрама». Ну конечно: это «Терра Нова», судно Скотта.

И сразу к горлу подступает вся та пакость, что за недели плавания вроде бы успела обрасти плотной коркой. Ведь было это: дома в Оппегорде он не подходил к телефону, когда звонил Скотт? Он лгал всем — нет, Леон знал правду, — но остальных он обманул, в глубине души радуясь при мысли, что это было необходимо. Необходимо, чтобы оказаться первым на полюсе. Совершенно необходимо хранить задуманное в тайне. И вот перед ним корабль, судно Скотта. Они нашли его.

Он срывает с руки варежку, плюется, сжимает кулак, долго и яростно чертыхается. Зная: это

все впустую. Ну, ответит он душу — все равно они здесь, и ты обязан с честью выйти из положения. Внезапная мысль: «Может быть, скрыться?..»

А? Не так уж это невозможно? Сделай вид, будто ты отправился на юг для заброски провианта. Кто-нибудь из твоего отряда поднимется на борт «Терра Новы», вежливо поздоровается и выразит сожаление. Твои люди тебе послушны. Одного часа тебе хватит на сборы. Так что, придя на «Терра Нову», посланцы будут говорить правду.

Не принизишь ли ты себя в глазах своих людей?

То-то и оно. Под первым страхом кроется второй, более глубокий, лучше скрытый, слышен чей-то издевательский хохот. Если ты скроешься? К чему это приведет в итоге, как бы не было хуже?

До сих пор ведь все шло так хорошо. Они пришвартовали «Фрам» ко льду. Совершили вылазку на барьер. Он присмотрел надежное место для зимовья. Вырубили во льду выемку глубиной побольше полуметра и собрали дом. Выгрузили на берег снаряжение. Никто не сидел сложа руки. Все было продумано, все члены экспедиции оправдали его ожидания. И один оправдал его опасения.

Он знает, что лагерь разбит на льду, который может отколоться и уплыть в море. Но надеется, что все будет в порядке. Ни с кем не делаясь своими опасениями, идет на риск, необходимый, чтобы быть к полюсу на градус ближе Скотта, если тот высадился на берегу пролива Мак-Мёрдо. «Фрамхейм» расположен в лощине между торосами. Ему случается в тревоге просыпаться ночью. Шеклтон писал, что от края шельфа могут откалываться километровые айсберги, которые штормовой ветер гонит в море. Твои люди об этом не знают.

А ты помалкивай.

Все шло так хорошо, так легко. С собаками порядок. О лыжах и говорить нечего — какие могут быть проблемы, когда его люди одни из лучших лыжников в мире. А теперь он еще убедился, что они будут отличными каюрами. Бросившись в гущу собачьей стаи, зададут псам хорошую трепку и заставят повиноваться. Что — порвали штаны? Бей рукояткой кнута, пусть воют как одержимые, пусть брызжут слюной, а ты не сдавайся, с нами бог, зато как присмирят — едят у тебя из рук. Главное, держать их в повиновении.

Теперь нагружай сани и беги следом за ними на лыжах, но собаки, учуяв тюленя, вдруг сворачивают в сторону, ты чертыхаешься, бьешь, обливаешься потом, мороз двадцать градусов, острый ветер. Единственный выход — опрокинуть сани. Собаки пыhtят, а сделать ничего не могут. Ты зол не на шутку. Колотишь их, ставишь сани прямо. Заставляешь упряжку тянуть в нужном направлении.

И так час за часом, кто кого, но ты берешь верх. В них волчья кровь, они обожают драку. Люди, которые дома, на хуторе в Телемарке, ласково гладили кошку, здесь избивают собаку. Они в Антарктиде, и в голове у них одна мысль: они должны быть первыми на полюсе.

К чему тебе совесть? К чему она твоим людям? Кончился напряженный день, наступил вечер. Вы уложились в график. Тщательно составленный график. Расписанный на бумаге еще дома, по дням и часам, столько-то саней с снаряжением, столько-то килограммов доставляется с «Фрама» в лагерь, который разбит на шельфовом леднике и может уплыть в океан. Но об этом известно только тебе.

Все шло так хорошо? Люди отвечают твоим требованиям: сильные, сноровистые, не очень далекие, в мыслители не метят. Но они умеют прокладывать путь в ледяной пустыне. Всем им органически присуще беспрекословное повиновение тебе. Всем, кроме одного.

Того самого, который здесь, в Антарктиде, самый сноровистый. Он знает и умеет все. Никто лучше него не управляется с собаками, не выматывая при этом жилы из себя. Он знает, когда уговаривать их по-доброму, а когда пускать в ход суровые средства. Со льдами знаком, как

никто другой из членов экспедиции: шел к далекому полюсу и был к нему ближе, чем кто-либо до него. К тому же за его спиной тень великого метра. Он может обронить:

— Когда мы с Нансеном...

Когда мы с Нансеном — словно укол, но ты должен улыбаться, скрывая за улыбкой зреющую ненависть. Ты не мог отказаться, когда Нансен предложил тебе этого человека. Вынужден был благодарить и изображать великую радость. Когда этот человек явился, он вежливо поздоровался, но не так, как тебе бы этого хотелось.

Он умеет все.

Ставить палатку в буран.

Укротить бастующий примус.

Стоя спиной к метели, починить ремни лыжного крепления — да так, что уже не порвутся.

Найти за ледяным бугром единственное место, защищенное от ветра, молниеносно рассупониться и облегчиться, не набрав полные штаны снега.

Искусство, от которого — кто знает? — зависит: дойти ли тебе до полюса или умереть.

Чужой корабль. Он выглядывает из-за бугра, сознавая, что это судьба. Он должен спуститься. Поход на юг для заброски провианта? Не годится.

Еще куда бы ни шло, не будь здесь Ялмара Юхансена. Тот сразу поймет, что начальник струсил. Возможно, другие тоже поймут, но только он осмелится сказать об этом вслух.

Медленно спускается к кораблю.

Сейчас он узнает то, чего предпочел бы не знать. А именно: что думают англичане о его решении идти на юг вместо севера. Возможно, услышит, что писали об этом газеты, что сказал Скотт. Дойдет ли дело до перебранки, когда он поднимется на борт? Они не могут заставить его уйти отсюда. Но он предпочел бы оградить себя от всего стороннего, сосредоточиться на одном: дойти до полюса. Вернуться оттуда победителем или же окончить жизнь в великой пустыне на юге.

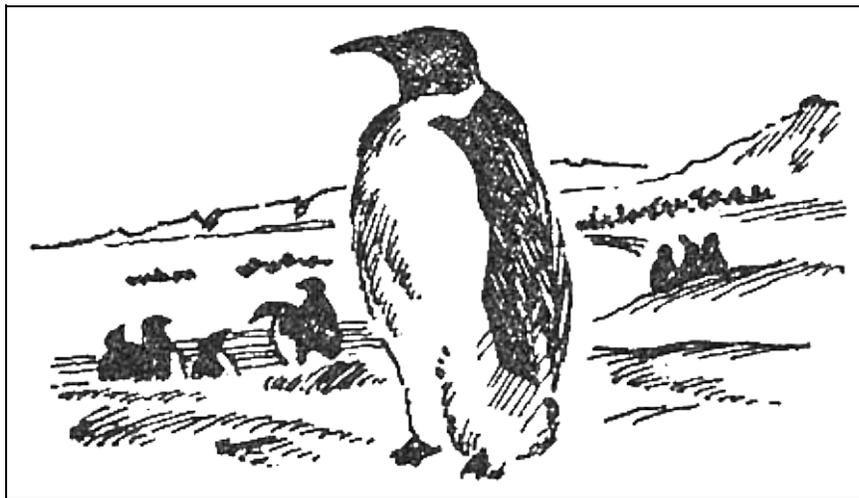
Победит — люди скажут: «Он правильно поступил!»

Умрет — скажут: «Он был героем!»

Но до чего же ему неохота встречаться с англичанами здесь лицом к лицу.

Надо. Он медленно спускается вниз, к «Терра Нове».

На краю открытого всем штормам мыса Эванса в проливе Мак-Мёрдо стоит без верхней одежды Скотт. Крепкий ветер треплет жидкие волосы, волны штурмуют берег залива. Влекомый течением, вдали плывет большой айсберг. Переливаясь белыми и голубыми бликами, он тяжело разворачивается на волнах, и кажется, по крутым граням стекают в темное море струи ядовито-зеленой краски. А между двумя островками сидит на мели «Терра Нова».

Выходя из залива, корабль очутился слишком близко от берега и врезался носом в мель. На базе забили тревогу. И начальник экспедиции прибежал на мыс, чтобы быть возможно ближе к судну. Да только надо бы еще ближе... Он знает: если судно пойдет ко дну, шестьдесят человек в проливе Мак-Мёрдо обречены.

Через год-другой тугодумы в какой-нибудь конторе дома, в Англии, направят письмо в другую контору, поднимая вопрос о возможной отправке на юг вспомогательного судна. Выдержат ли они так долго? «Терра Нова» прочно сидит на мели.

Сейчас разгар прилива. Стало быть, нечего надеяться, что прибывающая вода снимет корабль с мели. Зимний дом на берегу готов. Он прикреплен к скале болтами и будет стоять, сколько бы море и шторм ни напрягали свою мощь, чтобы раздавить обосновавшихся тут букашек. За домом высится вулкан Эребус ^[14], его макушка часто скрывается в тумане, но сегодня сверкает белизной в прозрачном воздухе. Над горой висит облачко дыма. Неожиданно вверх взлетает огненное послание, словно палец тычется в небеса, однако снег быстро гасит искры и пламя. Леденящий ветер усиливается. Нос «Терра Новы» задрался кверху.

Только что от берега отчалила шлюпка, она везет на судно канаты ледовых якорей. Скотт видит, что на «Терра Нове» разгружают носовой трюм, перенося уголь на корму.

Машина работает на полную мощность; из трубы валит черный дым. Корабль точно сжался в комок, чтобы противостоять усиливающемуся волнению.

Стоя на мысу, Скотт понимает: это одна из тех минут, когда он может либо все потерять, либо хоть что-то выиграть. Если «Терра Нова» затонет, жди полного поражения. Он останется с людьми, парализованными отчаянием. Бездна павшими духом, способными думать лишь об одном: сумеем мы выжить и дожидаться, когда к нам придет вспомогательное судно? Но ведь никто не знает, что мы вошли в пролив Мак-Мёрдо. Как они нас отыщут у этих нескончаемых берегов? И даже если на этот раз удастся снять «Терра Нову» с мели — подобные ситуации могут возникать снова и снова. Мысль о возможных бедах терзает его по ночам. Не замечая сильного ветра, не замечая мороза — минус пятнадцать, — он стоит на мысу и кричит, но никто не слышит его криков. Внезапно в голову приходит мысль, которая отчасти успокаивает его. Даже если «Терра Нова» затонет — почему бы все равно не повести своих людей на полюс?

Правильно. Мы выполним то, ради чего прибыли сюда. Хотя и не будет корабля, чтобы везти нас домой, мы продолжим движение на юг. Он проводит рукой по лицу, замечает, что на щеках замерзла какая-то влага, жалеет, что нет рядом с ним Уилсона, единственного в жизни человека, который ему по-настоящему близок. Но Уилсон — на шлюпке, что пытается подать на «Терра Нову» канаты ледовых якорей.

Тебя всегда преследовали неудачи? До катастроф не доходило, но мелкие неудачи тебя не покидали? Они подтачивали твои силы. Многое делалось не так, как ты хотел. Может быть, все дело в том, что твои планы недостаточно основательно продуманы? Ты собирался устроить базу на мысе Крозье, где обитают большие императорские пингвины. Никто еще не видел их яиц. Они насиживают их при морозе в минус шестьдесят по Цельсию. Не ты ли однажды вечером говорил с Уилсоном, дескать, вот бы обосноваться по соседству с колонией императорских пингвинов — можно было бы, не выходя из дома, сделать снимки, каких еще не видел мир. Умный, рассудительный Уилсон пришел в совсем не свойственный ему, казалось бы, восторг. Говорил о том, как замечательно было бы подержать в руках большие пингвиньи яйца, измерить их, описать окраску, зарисовать, узнать про них все-все, быть может, даже своими глазами увидеть, как пингвиненок в шестидесятиградусный мороз высовывает голову из скорлупы и выживает. Мы громко смеялись. Но высадиться там не удалось.

Не нашли места, где можно было бы пришвартоваться. А то ведь оказались бы на целый градус ближе к полюсу. Взяли курс на запад, вошли в пролив Мак-Мёрдо у мыса Эванса. Подыскали площадку для зимовья возле могучей горы Эребус с красными туманами над снегом. Фантастическое зрелище. Он записывает в дневнике: «Невероятно!» И добавляет: «В том, что мы обосновались здесь, есть свой плюс — заодно можем изучать вулкан». Но по ночам выходит один наружу из дома, устремляет взгляд на юг и видит, что здесь будет непросто продвигаться. Может быть, и вовсе невозможно?

Их остановил шельфовый ледник, и пришлось по нему доставлять снаряжение на материк. Ничего, справились. Пони обессилели за время плавания, но люди помогали им и не падали духом. Каждый растирал своего пони сеном, угощал хлебом и толкал сани сзади, отгоняя собак, чтобы не набрасывались на лошадей в надежде отхватить кусок сырого мяса.

Моторные сани тоже работали. На ровном снегу не подводили; правда, шли медленно, зато груз несли большой, как это было в далекой Норвегии. Моторы быстро перегревались. На неровной местности приходилось дружно толкать сани через бугры. Больше людей в работе — больше расход провианта. Для его транспортировки требуется горючее, которое доставляют люди, которых опять-таки надо кормить. Он принял решение. В первом походе на юг для заброски провианта моторные сани участвовать не будут, останутся на базе. Он держит при себе свое разочарование. Уилсон — единственный, с кем он говорит начистоту, — слишком умен, чтобы утешать его. Но когда весной придет время для броски к полюсу, они, быть может, накопят достаточный опыт и смогут использовать моторные сани?

Сразу после их высадки на мысу Эванса произошел ужасный случай. Сибирские собаки известны своим умом. Их держали на привязи. Появились пингвины, важные, точно священники, приглашенные на трапезу в епископскую усадьбу. Собаки срываются с места, но цепи их не пускают. Шествие степенных богословов останавливается; черные головы склоняются набок, как бы осуждая столь недостойное поведение. На другой день собаки держатся иначе. Лежат, не натягивая цепей, — голодные волки с желтой мудростью во взгляде. Снова являются птицы в черно-белом облачении, такие же неторопливые, как накануне, наделенные тонким чувством юмора.

Правда, они тоже помнят вчерашний урок. Знают, как близко можно подходить без опаски. Псы прикинулись спящими. Цепи лежат петлями на снегу. Неожиданно псы бросаются вперед.

В несколько минут птичья стая растерзана в клочья, псы захлебываются птичьей кровью, летят перья, хрустят жадно разгрызаемые косточки.

Он видел это, но помешать не мог. И его вырвало.

Настроение было испорчено. Но доставка снаряжения на базу прошла благополучно. Пони оправились и прилично тянули сани. Тут кстати и льды расступились.

Можно подводить «Терра Нову» почти к самому берегу, где стоит дом, прочно закрепленный цепями, чтобы устоять против штормовых ветров. Будет легче выгрузить остатки снаряжения, после чего судно выйдет в море и возьмет курс на Новую Зеландию.

Но перед тем «Терра Нова» пройдет вдоль побережья и попытается высадить несколько человек на Земле Короля Эдуарда^[15]. Кроме того... Впрочем, об этом Скотт помалкивает, не доверяет свои тайные мысли ни бумаге, ни кому-либо из спутников, даже Уилсону, который может посчитать такие рассуждения недостойными. И все же: вдруг Амундсен укрылся где-то в той стороне? Скотт не будет чувствовать себя спокойно, пока не получит ответ.

Итак, «Терра Нова» подходит к берегу и пришвартовывается ко льду. Последним на берег доставляют пианино.

Под розовеющим конусом Эребуса, на снегу и ветру, в окружении толпы бородачей, смущенно улыбаясь и стараясь не замечать запаха крови, мяса и внутренностей растерзанных пингвинов, садится за инструмент музыкальный зимовщик. Что сыграть? Бетховена?

— Да! Да!

— И «Боже, храни короля». Все снимают шапки.

А теперь проститься с теми, кто пойдет дальше на «Терра Нове». Судно отчаливает и садится на мель.

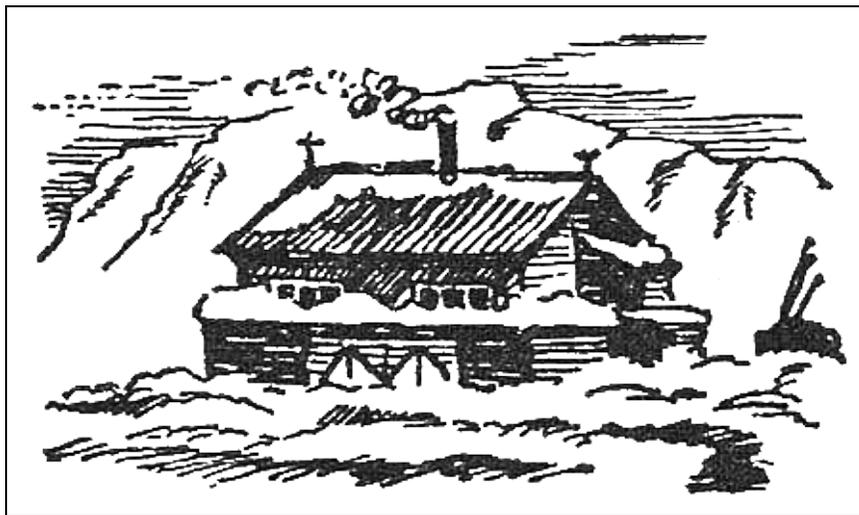
Стоя на мысу, Скотт кричит, его никто не слышит, люди на судне перебегают с одного борта на другой. Ясно: пытаются раскачать корабль. Машина включена на «полный назад». Море беспокойно. Течение несет айсберг прямо на «Терра Нову». Если он врежется в борт прежде, чем судно снимется с мели, оно разлетится в щепки, и людям каюк.

Вдруг его осеняет: если пасть на колени? Не будет ли это игрой, будешь ли ты честен пред ликом господа? Он кричит и вскидывает вверх руки. Знает, что, посылая «Терра Нову» на запад, думал не только о Земле Короля Эдуарда. Он думал также об Амундсене.

Труба извергает густой черный дым. Машина работает на пределе, люди бегают по палубе взад-вперед, взад-вперед. Кажется, судно начинает покачиваться? И тут «Терра Нова» соскальзывает с мели.

Он благодарит создателя.

Теперь представим себе необозримые просторы пустынной, одетой вечным льдом Антарктиды. Ее окружают бурные воды морей, в небе не видно птичьих крыльев, ни одно дерево не противится ветрам, зимы здесь нескончаемы, а лето так коротко, что впору сравнить его с последним вздохом умирающего. Тут горы, на которые не ступала нога человека, глубокие лощины, пересекающие лед трещины, которые никто не измерял. Две кучки людей сошли здесь на берег, у каждой свой руководитель. За спиной одного из них стоит целая Империя, другой прибыл сюда, не известив свой маленький народ.

Два судна доставили сюда экспедиции. Потрепанные штормами, сейчас они стоят бок о бок, пришвартованные к ледовой кромке, которая может и обломиться, разразись вдруг ураган. Амундсен знает: люди, с которыми он сейчас встретится, считают, что он нарушил правила и задумал сорвать банк, не имея даже права участвовать в игре. Он спускается по склону, легко скользя на лыжах, и выражение страха и ожесточения на его лице медленно сменяется искательной учтивостью.

Его заметили. Люди на «Терра Нове» вооружились биноклями и знают, что к ним приближается начальник норвежской экспедиции. Поэтому он уже начал играть роль. Гибкие движения бедер, широкие взмахи рук — он изображает опытного лыжника, изображает по праву. Его профиль хорошо смотрится: четкий, суровый. И у него неожиданно обезоруживающая улыбка. Внезапная, точно молния, в одно и то же время опасная и льстивая. Он прекрасно знает, что у них на судне хорошие бинокли. Сейчас он улыбается окружающему снегу.

Навстречу ему выходит лейтенант Кемпбелл, поставленный Скоттом во главе отряда, которому поручено исследовать Землю Короля Эдуарда. Кемпбелл прошел школу британских офицерских клубов, однако хорошие манеры — еще не все. Он не владеет лыжами, как владеет ими норвежец. Ему непривычно ощущать под сапогами снег. И он довольно неуклюже ковыляет навстречу Амундсену, чтобы сказать ему «добро пожаловать».

Зато Кемпбелл свободно говорит по-норвежски. Он провел несколько лет в провинции Ругаланд; правда, лыжи так и не освоил. Его владение норвежским языком нехоти для Амундсена. Руалд гордится своим знанием английского. Но все же это для него чужой язык, он вынужден говорить медленно, может даже, когда надо, выигрывать время, делая вид, что не все понимает. А тут человек приветствует его по-норвежски. У Амундсена такое ощущение, словно он споткнулся на старте. Но рукопожатие, которым они обмениваются, горячее, крепкое и основательное. Два противника встретились лицом к лицу. Ни один не выдает своих чувств. Оба догадываются, что на душе у другого.

Кемпбелл красив, молод и честолюбив; впоследствии он женился на одной из фрейлин

королевы Мод, и уже теперь ему известны самые замысловатые правила такта и хорошего тона. Его мундир украшен аксельбантами. В одежде Амундсена нет ничего, что обличало бы начальника экспедиции.

Кемпбелл думает: «Подлец. Он умело выбрал место для зимнего лагеря, обосновался ближе нас к полюсу».

Амундсен думает: «Он прибыл сюда шпионить за мной. Считает меня подлецом».

— Господин Амундсен, я искренне рад встретить вас здесь. Разрешите передать вам самый горячий привет от капитана Скотта. Он сказал — это были его последние слова перед тем, как мы отчалили: «Увидите капитана Амундсена, передайте ему привет и самые наилучшие пожелания!»

— Сэр, я не нахожу слов, чтобы выразить, как любезно было с вашей стороны причалить здесь. Заверяю вас, я от всей души желаю всяких успехов капитану Скотту и его людям. Он выдающийся руководитель. Я до сих пор огорчен, что не смог встретиться с ним, когда он гостил в Норвегии в прошлом году. Могу ли я надеяться, сэр, что вы и ваши офицеры сможете посетить нас в нашем зимовье наверху?

— Дорогой господин Амундсен, право же, мои офицеры и я не заслужили такой чести. Могу заверить вас, что мы с великой охотой посетим вас в вашем зимовье...

Они приходят на завтрак в «Фрамхейм» — Кемпбелл и два его офицера. Амундсен приветствует их; он рад, что теперь разговор пойдет на английском языке, ведь из троих гостей только Кемпбелл знает норвежский. В этом есть еще один плюс — большинство норвежцев не будет понимать того, что говорит Амундсен. Он наперед разработал план встречи. И теперь с великим искусством проводит его в жизнь.

— Сэр, мне известно, что капитан Скотт взял с собой собак и пони, и я убежден, что такой состав тягла будет подспорьем для британской экспедиции. Вам, очевидно, известно, сэр, что я сделал ставку на собак. Может быть, вам интересно посмотреть одну из наших упряжек в работе?

— Дорогой капитан Амундсен, вы оказываете слишком большую честь моим людям и мне...

Одного из членов отряда Амундсена зовут Хельмер Ханссен. Он родом с острова Андёйя, участвовал в экспедиции, покорившей Северо-Западный проход. Амундсен знает, что в мире мало кто сравнится с Хельмером в искусстве управлять собачьей упряжкой. Правда, его не назовешь большим мыслителем. Но Хельмер смачно чертыхается по-норвежски и сплевывает табачную жвачку. Умеет в сильный мороз сушить на собственном теле мокрые шерстяные носки. Может спать на снегу, если припрет. А вот и он.

Из сотни с лишком первоклассных собак он отобрал самых лучших. Хельмер отменно тренирован, хороший лыжник, собачьи лапы вихрят снежную пыль, сани мчатся по снегу, каюр бежит рядом, короткая команда — и собаки по широкой дуге сворачивают влево, огибая штабель замороженной тюленины, кнут щелкает, упряжка останавливается, затем опять трогается с места.

— Полагаю, сэр, что мои люди хорошо владеют этим спортом. Я сказал «спорт» — да, для них это на самом деле вид спорта. И как видите, все они в прекрасной физической форме.

Они заходят в помещение. Кок Линдстрём — мастер своего дела, и он хорошенько вытер испачканные сажей руки перед приходом гостей. Ему чужды повадки официанта, но он вывернул наизнанку рубаху, которая служит ему передником, и быстро пригладил усы, прежде чем подавать на стол угощение. Превосходный тюлений бифштекс — свежий, горячий, аппетитно пахнущий. Кемпбелл не только близкий ко двору аристократ. Он побывал в переделках на многих морях, так что и в этой ситуации отнюдь не теряется.

Придерживаясь своего плана, Амундсен говорит по-английски — не спеша, с достоинством, четко выговаривая слова:

— Как вам известно, сэр, — что уж тут скрывать, — к сожалению, мы оказались конкурентами в борьбе за полюс. Я задумал достигнуть его первым. Капитан Скотт намерен опередить меня. Я уважаю его стремление. Зная его благородный нрав, не сомневаюсь, что и он с полным уважением относится ко мне. Вышло так, что мне удалось разбить наш лагерь здесь, в Китовой бухте, в нескольких десятках километров ближе к полюсу, чем обосновался капитан Скотт у пролива Мак-Мёрдо. Как вы посмотрели бы на то, сэр, — я отваживаюсь сделать такое предложение, хотя оно может показаться несколько смелым, — чтобы мы объединились, устроили здесь совместную базу, согласились плечом к плечу трудиться на благо науки — и вместе покорить полюс?

Ход настолько дерзкий, рассчитанный на то, чтобы озадачить, что морской офицер с опытом изобилующих многозначными репликами придворных бесед на секунду теряет голову, не зная, что говорить. С вилки на стол капает соус — острый, густой, с тюленьей кровью. Наконец Кемпбелл — он раскусил Амундсена, но не показывает вида — говорит, что вряд ли капитан Скотт согласится принять столь великодушное предложение. Он ведь уже разбил свой лагерь. На что Амундсен с поклоном отвечает, что, конечно же, понимает и уважает такую позицию.

Далее он предлагает отвезти гостей на санях обратно на «Терра Нову». Они отказываются, сославшись на то, что после многих дней, проведенных в море, им только полезно пройтись. Амундсен провожает гостей. Несколько членов норвежской экспедиции проносятся мимо на собачьих упряжках, упражняясь в езде. Собаки работают отменно.

Амундсен с поклоном принимает приглашение отобедать на борту «Терра Новы». Спрашивает себя: может быть, надеть темный костюм и белый крахмальный воротничок, да и котелок не помешает? Все это он захватил с собой на «Фраме». Все же отдает предпочтение одежде полярника.

Официант на борту «Терра Новы» одет с иголочки. Вина изысканные, меню обширное. Амундсен умеет держаться за столом не хуже молодого кандидата в придворные, ухитряется даже проявлять почти человеческое тепло в смиренной, отчасти комической форме. Вдруг у него вырывается:

— Сэр, как ваши моторные сани?

Этой репликой он выдает себя, не в силах скрыть свое беспокойство, сознает это и догадывается, что Кемпбелл тоже все понимает. И он добавляет, растягивая слова, что в этом деле капитан Скотт подлинный новатор, никто еще не проверял, как поведут себя моторные сани в полярных областях.

— Надеюсь, они оправдывают ваши ожидания?

— Могу заверить вас, капитан Амундсен, что сани пока не только оправдали, но и намного превзошли наши ожидания и надежды! Осмелюсь даже сказать, что с ними проблема покорения полюса значительно упрощается...

Сейчас за столом идет война, в каждом слове заложен добавочный, скрытый смысл. Кемпбелл — искусный стрелок, ему понятно, что это война нервов; Амундсен не показывает вида, что попал под обстрел. Просто спрашивает одного из своих сопровождающих, справляется небрежным тоном, напоминая, что есть и другие виды транспорта:

— В котором часу я просил ребят заехать за мной на собаках?..

Обед завершается глубокими поклонами, крепкими рукопожатиями, наилучшими пожеланиями обеим экспедициям. Полагая, что великодушный жест напоследок подстегнет угрызения совести Амундсена, если у него вообще есть совесть, и будет сверлить его в дни

зимовки, Кемпбелл говорит:

— Капитан Амундсен, вам, конечно, известно, что «Терра Нова» пойдет обратно в Новую Зеландию, прежде чем море будет сковано льдами. Наша команда была бы рада захватить письма от вас и ваших людей.

Норвежец наносит ответный укол:

— У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность, сэр, но писание писем потребует времени, а у моих людей каждый час занят подготовкой собак и снаряжения для похода к полюсу. Сердечное спасибо, сэр!

— Капитан Амундсен! Спасибо вам!

— Передайте привет капитану Скотту!

— Передайте привет всем вашим людям!

И «Терра Нова» удаляется на всех парах. Необходимо возможно скорее доложить об увиденном Скотту.

Амундсен возвращается в «Фрамхейм». Он глубоко обеспокоен и намерен ускорить заброску провианта на полюсный маршрут.

* * *

10 февраля 1911 года. Начинается первый поход на юг для заброски провианта. В караване четыре человека, восемнадцать собак и трое саней; на каждом санях по триста килограммов груза. День теплый, безветренный. Серая мгла окутала ледовое безмолвие. Лыжи скользят хорошо. Собаки пыхтят от усердия; в такую погоду все звуки разносятся далеко. Можно подумать, что Антарктида вознамерилась в первый же день удушить их туманом. Но они еще различают позади крышу «Фрамхейма», туман не такой уж густой, местами просвечивает насквозь. Видно и снасти «Фрама». Когда они вернутся из этой вылазки, «Фрама» уже не застанут. По плану судно должно прийти за ними в следующем году. До той поры они должны достигнуть полюса.

Внезапно одна упряжка останавливается, собаки поворачивают головы на север и тоскливо воют. Тут же и другие упряжки присоединяют к хору свои голоса. Вой нарастает, гложет в тумане и уже не повторяется. На людей он действует так, что никто из них не берется за кнут. Вскоре первая упряжка трогается с места. Следом за ней трусят остальные две.

Впереди идет Престрюд. Его поставили направляющим, потому что он обладает даром не отклоняться с прямого курса. Их окружает девственный край. Здесь еще не ступала нога человека. Ни тебе лыжного следа, ни приметных камней, ни одного черного пятна. И не заметишь, как пойдешь кружить. Или станешь петлять, и твой след уподобится извилистому кровеносному сосуду. Отчего у тебя и твоих товарищей начнут сдавать нервы. А вот Престрюд будет идти прямо до тех пор, пока не устанет. Идущий сзади задает ему направление по компасу, после чего Престрюд выдерживает курс, как по линейке.

Из-за мглистого освещения плохо видно неровности рельефа. Внезапно перед носом у тебя вырастает торос. Словно притаившийся за углом психопат: ты бредешь домой в тумане, а он вдруг выскакивает из-за угла и хихикает. Ты стараешься не смотреть на него. Огибаешь. А сразу за торосом — крутой спуск. Лыжи разгоняются, ты застигнут врасплох и падаешь. Голову пронизывает мысль: «Как тут с трещинами?..»

Вот именно. Антарктида рассечена глубокими трещинами. Но здесь-то лед вроде бы прочный. Спрашивается — рисковать или нет? Без веревки удобнее, но, может быть, все-таки лучше идти в связке на длинной веревке?

Шагай дальше сквозь мглу.

Следом за Престрюдом идет Хельмер Ханссен. Он наловчился управлять собаками голосом. Поглядывая на компас и придерживая одной рукой груз на санях, скользит на лыжах вперед, прикрикивает на одного пса, бранит по-черному другого. Кричит направляющему:

— Малость левее!..

И Престрюд неприметно исправляет курс.

За Хельмером следует Ялмар Юхансен. Он в этой группе самый выносливый и самый опытный. Ему все это знакомо, он сопровождал Нансена. Он излучает олимпийское спокойствие. За этим спокойствием кроется глубокое беспокойство. Придет день, когда оно прорвется наружу. У него тоже компас в руке, он бросает взгляд на деления, проверяя впереди идущего. Курс — прямо на юг.

Замыкает группу Амундсен. У него есть свои причины идти последним. Он подбирает то, что могут обронить другие; это важно. Но истинная причина другая — здесь его никто не видит. Здесь он чувствует себя свободнее. Никто не заметит, если лицо исказится в гримасе. Негромкое слово, проклятие сквозь зубы — тут, сзади, он не обязан играть роль большого руководителя. Моторные сани? Он помянул их вслух? В этой местности они вполне могли бы работать?

С одной стороны, хорошо, если маршрут до самого полюса будет легко проходимым, это позволит собакам развить нужную скорость. С другой стороны, чем тяжелее местность, тем сложнее для моторных саней. Амундсен не хуже других управляет собачьей упряжкой, но ему недостает уравновешенности. Чуть что, хватается за кнут, злобно орет, колотит собак кнутовищем, тогда как два каюра впереди умеют обходиться строгими окриками.

Мачты скрылись за горизонтом позади. Направляющий Престрюд подустал. Тонкий нервный механизм в мозгу действует уже не так безупречно, как на первых километрах. Чем дальше, тем чаще его окликают. Поначалу приветливо:

— Давай чуть левее!

Потом резче, злее, с невысказанными обвинениями:

— Я же сказал: правее! («Ты совсем обалдел?») Правее, правее, но кругом все бело, все серо, никаких ориентиров, дело к вечеру, мышцы ноют, все четверо взмокли.

Они останавливаются на ночлег. Ставят палатку. Собаки получают вяленую рыбу, ложатся на снегу, свесив языки. Туман сгущается. Четверка забирается в палатку. С примусом здесь вполне уютно. От снега их отделяет брезентовый пол и спальный мешок. Они с аппетитом едят пеммикан. Кусок шоколада. Чашка чая.

Но все тело в поту. Белье влажное. И не уснешь, пока не высохнет на тебе. От высыхающего пота чешется кожа. Они забираются в мешок с головой, дышат медленно и глубоко, чтобы в теплом воздухе испарялся пот. Мало-помалу белье подсыхает. Но одновременно в мешок исподволь, неудержимо просачивается холодное напоминание о том, что они лежат на льду.

В палатке, стоящей на снегу, крепкий сон невозможен. Они ворочаются, просыпаются, дремлют, слыша храп соседей. Снова забываются, потому что разбитые мышцы требуют отдыха. Громко, сердито храпят. Остальные просыпаются и поминают чёрта.

Но вот и утро, надо вставать и выходить. Самые трудные минуты. Ты лежишь в спальном мешке, лежишь кислый, невыспавшийся, но все равно в мешке уютнее. А снаружи тебя ждут мгла, мороз, дела, которые делают без рукавиц. Кончай валяться! Полчаса пройдет, прежде чем растает снег в котелке. Еще полчаса будешь ждать чая. Псы затевают грызню. По их голосам слышно, что вот-вот начнется драка. Вставай и выходи! А в мешке так хорошо!..

Будь ты здесь один?.. Остальные тебе уже докучают? Одному и вставать сподручнее? Остальные все время мешаются. Размахивают руками перед твоим носом. Кто-то наступает на твой спальник в тот самый момент, когда ты собрался вылезать. Кто-то — не ты —

опрокинул примус.

Из него вытек керосин.

В палатке стоит вонь.

Ты чертыхаешься, он слышит тебя и ворчит, стало быть, это он опрокинул, только не хочет признаться, выходит, он и впрямь дерьмо? Ты ведь так назвал его мысленно. Дерьмо.

Но вслух говорить не стоит, потерпи.

Наконец все встали.

Вот и завтрак — пеммикан, кусок шоколада, немного тюленины, чашка чая. Сразу легче на душе.

Сегодня опять туман — туман каждый день. Но рельеф несложный, и они поддерживают приличную скорость. Собаки работают хорошо, все идет нормально. Они едут по краю, которого еще не видел ни один человек. И они его тоже не видят. Все окутано серой мглой.

Они достигают восьмидесятой параллели и размещают здесь первый склад.

Обратный путь проделывают быстро, кое-где можно идти по собственным следам. Они разметили трассу шестами и вяленой рыбой. Теперь у них такое чувство, точно они владельцы этого края.

Да и друг друга смогли лучше узнать. Правда, это может быть опасно. Теперь они понимают, что иногда для дела полезно и промолчать.

В последний день они без остановки проделывают стокилометровый путь; сани пустые, и они еще надеются застать «Фрам». Но когда внизу открывается Китовая бухта — туман рассеялся, выглянуло солнце, — видят, что «Фрам» ушел.

Спускаются к «Фрамхейму». Теперь здесь их дом.

* * *

Накладки для носа. Двое из обитателей «Фрамхейма» за то, чтобы в сильный мороз защищать нос накладкой. Им удастся привлечь на свою сторону еще одного члена экспедиции. Ялмар Юхансен заявляет, что в походе с Фридтьофом Нансеном он никогда не закрывал нос накладкой. Трое сторонников накладки никак не могут договориться, из чего и как ее шить. Один настаивает на том, чтобы кроить ее из тюленьей шкуры и подкладывать шерсть, причем конструкция должна позволять легко убирать накладку под наушник шапки и так же легко извлекать ее оттуда. Двое других за более легкий материал, скажем, вату, которую можно хорошенько обмять по форме носа. Развертываются долгие дискуссии. Спорщиков объединяет несогласие друг с другом.

Дальше — сапоги. Амундсен всех предупредил, чтобы захватили в экспедицию по паре толстых сапог. Какую сверх того еще обувь брать, каждый решает сам. И вот теперь выясняется, что даже самые большие сапоги недостаточно велики. В этом вопросе разногласий нет. И обитатели «Фрамхейма» садятся расшивать сапоги. От этой работы может зависеть судьба экспедиции. Не сумеют затем сшить сапоги так, как следует, придется идти к полюсу в непригодной, испорченной обуви. До сих пор сапоги напоминали формой длинные сани, забытые на снегу после гулянки. Теперь их еще удлиняют и расширяют, так что они становятся похожими на стоящие перед шлюзом лихтеры. В один сапог должны помещаться две стельки и шесть толстых шерстяных носков. Задача выполнена. Получается даже по-своему красиво.

Подтяжки. Амундсен демонстрирует свои подтяжки и напоминает, что показал первый поход, когда забрасывали провиант на маршрут. Не забывайте: в палатке тесно, подтяжки должны легко сниматься и надеваться. Но ни в коем случае не соскальзывать с плеч. И самое

главное: они не должны жать. Место, где жмет, легче всего обморозить. Но станут ли подтяжки держаться, если не будут жать? Мудреная задача. Тем более что они — это немаловажно — обязаны поддерживать штаны.

Помни: время от времени штаны надо спускать. Пусть буран, пусть сорок градусов мороза — надо. Притом без рукавиц, голыми руками. Тем важнее, чтобы застежки действовали безотказно. Хоть гвозди, хоть булавки — все равно. Только не зажимы. Зажимы могут подвести. И в мороз их не наладишь.

Итак, запомни.

Штаны надо спускать.

Потом поднимать.

И все это в спешке.

Теперь они были готовы делать следующую заброску.

* * *

Цель следующего похода — восемьдесят вторая широта. В группе восемь человек, при них семь саней и сорок пять собак — целый караван в ледяной пустыне, где их тотчас встречает буран. Ну, с бураном еще можно справиться, поднатужась: наклони голову, защищая лицо от острых как нож порывов ветра, и пробивайся сквозь косую метель, покрикивая на собак. Хуже то, что на барьере к ветру добавляется мороз. До сих пор специалисты полагали, что при сильном ветре здесь не должно быть мороза и наоборот. Они ошибались. Ветер дул вовсю, и в это же время столбик термометра пополз вниз. Собачий вой быстро заглох, словно замерз на морозе, когда они вечером первого дня разбили лагерь и сняли рукавицы, чтобы управиться с булавками в подтяжках и чувствительными приборами. После чего забрались в палатки.

Амундсен твердо знает: заброска провианта для людей и собак должна быть завершена до того, как здесь, на юге, наступит зима. Иначе жди неудачи весной, когда двинешься в путь, чтобы поспеть на полюс раньше Скотта. Так что это испытание нужно выдержать — любой ценой, рискуя жизнью. У него есть другой выбор? Ему необходим успех, — а если неудача, он навсегда останется в памяти людей как нечестный исследователь, который обманул весь мир. Мороз — минус сорок пять.

Уже на другой день собаки начинают сдавать. Это серьезно. В прошлый раз они бежали так легко. Вся разница в том, что в прошлый раз не было такого мороза. Лыжи легко скользят по пушистому снегу, но на глубине двух-трех сантиметров таится обледенелая корка. Тяжелому человеку в сапогах не страшно, а для собачьих лап — беда. Собаки не воют, не скулят, но когда человек наклоняется, чтобы осмотреть лапы, норовят в благодарность цапнуть его. В упряжке Амундсена две собаки уже хромают.

Такое начало не сулит ничего доброго. На другой день метет острая поземка, снежинки набиваются в собачью шерсть и тают; шуба мокрая, а мороз — минус сорок три. И в одежде людей снег находит малейшие щели там, где их не должно быть. Он просачивается под рукавицы, под края меховой шапки, проникает сквозь швы, которым положено быть непроницаемыми для ветра и снега. На градуснике — минус сорок пять.

В такой мороз силы у человека не те. Хуже работают легкие, тяжело сердцу, сосудам. Мышцы получают недостаточно кислорода. Приходится чаще останавливаться, поворачиваясь спиной к ветру; крикнул собакам команду — запыхался так, словно тащишь в гору тяжелый мешок.

Собаки то и дело ложатся. Хочешь не хочешь — забудь о доброте. Это касается всех. В том

числе уроженца губернии Телемарк, молчаливого крестьянского парня с орлиным взглядом Улава Бьоланда. Дома, на хуторе, у него был свой пес. Завидев хозяина, он вилял хвостом. Утро начиналось с ритуала: выйдя на крыльцо, ты носком башмака чесал шею псу и смеялся, балансируя на одной ноге. Солнце выглядывало из-за гор. Ты был молод и весел. Знал, что ты лучший лыжник мира. И пес подпрыгивал, норовя облизнуть тебе губы.

Теперь тебе, чемпиону мира, надо пробиваться на юг против встречного ветра, на градуснике минус сорок пять, и собаки ложатся, не хотят идти. У тебя в руках кнут. Пускай его в ход. Тебя мутит. Одна, вторая, третья собака встала, но вожак упирается. Ты понимаешь, что вожак надо было ставить другую собаку. Но сейчас разве поменяешь? Кнутом ее.

И ты становишься другим человеком, с другой душой. Скорей всего, она и прежде таилась в засаде. Просто ты этого не знал. Бей так, что ветер уносит клочья собачьей шерсти. Что-то мокрое на твоей щеке застыло льдинкой? Никто не видит этого, не видишь и ты.

Вот в чем силен Амундсен. Он умеет битьем заставить собаку работать. Его упряжка самая слабая. Он замыкает группу. То и дело отстает, так что остальные вынуждены ждать. Может быть, его собаки сдают потому, что каюра уже не хватает на то, чтобы протиснуться в свору, погладить псиную морду, потрепать загривок, словом, быть для своих собак другом, пусть и строгим. Забудь о нервах... Он непреклонен и тверд — каюр, который гонит упряжку вперед наперекор бурану.

После он скажет — и мы верим ему, — что это было все равно, как если бы он избивал самого себя. Рассказывая об этом годы спустя, он употребит слова, которые на довольно холодном общем фоне изложения звучат сочувственно. Возможно, отчасти здесь следует искать объяснение того, что с годами он становится более грубым, крутым и жестким, утрачивает благородные черты и порой ему изменяет вкус.

Минус сорок семь. Они забираются в палатку. Собаки зарываются в снег. Промокшие насквозь, они погрызли вяленую рыбу и глотнули снега, наполняя внутренности холодной жидкостью. Буран укрывает их белым одеялом.

Но в палатке температура поднимается. Здесь всего минус двадцать пять. А затем и минус пятнадцать. Становится чуть ли не тепло. Однако потную одежду приходится сушить на себе, и пальцы все равно коченеют. Примус гудит. Кто-то задевает его сапогом. Примус опрокидывается и гаснет. Снова разжигать. Снова растапливать снег, снова ждать. И люди в палатке отворачиваются друг от друга, чтобы не броситься на соседа и не рвать ему жилы на шее клыками, сверкающими белизной в сумраке палатки.

Наконец горячий чай. Наконец еда. И кусок шоколада. Злой комок под ложечкой рассасывается, уйдя вглубь, на смену ему приходит добродушие. И вот уже он, разгладив хмурые складки, изображает на лице веселость. Сняв рукавицы, делает записи в дневнике. Скрупулезно фиксирует все наблюдения. Беседует со своими людьми. Ухитряется всех похвалить, никого не обидев. Не лишен чувства юмора (кое-кого это удивляет), ведет себя как друг в кругу друзей, оставаясь руководителем.

А теперь, прежде чем ложиться спать, надо выйти. И лучше сейчас, чем потом. Тут он мастер. При минус сорока пяти выраженная вслух досада, тяжелый вздох, кислая мина превратят всю процедуру в мучение. А ты выдай остроту, желательно сальную, здесь все мужчины, вызови смех на себя. Это он умеет. Выбирается наружу. Залезает обратно. Доволен. Следом и остальные выходят и возвращаются. И все довольны в эту минуту.

Сон при температуре около минус пяти. Дыхание людей нагревает воздух в палатке. За ночь буран стихает. На другой день градусник показывает всего минус тридцать пять. Образовался твердый наст, который выдерживает собак, однако люди и сани проваливаются.

Из-за этого ломается ритм движения. Тяжелые сани с трехсоткилограммовым грузом то и

дело врезаются в снег одним полозом. И поднимай их, крича на собак; кнутом размахивать, когда поднимаешь сани, невозможно. Требуется помощь товарищей, и вот уже весь караван стоит. Они убеждаются в том, что им и так известно: самый сильный из них — Ялмар Юхансен.

Ну и что из того?

Или это все же играет какую-то роль?

Он неразговорчив, силен и опытен; единственный, кроме начальника экспедиции, у кого есть задатки руководителя.

Местность пошла ровная, гладкая, с небольшим набором высоты, видимости никакой — снежные заряды, клочья тумана и все кругом белым-бело.

Ни одной трещины.

Внезапно три собаки проваливаются в расселину сквозь снег.

Они отчаянно воют, висят на постромках. Оставшиеся наверху упираются лапами, не давая бедолагам падать дальше. Но снег здесь скользкий, и лапы медленно, сантиметр за сантиметром, приближаются к трещине. Подходит Ялмар Юхансен. Могучим рывком он вытаскивает наверх провалившуюся троицу. Край снежного покрова в том месте, где он только что стоял, обламывается. И летит вниз, в бездну.

Итак, они вошли в зону больших трещин. Престрюд, который и на этот раз поставлен направляющим, обвязывается для страховки веревкой. Другой конец ее крепится за ремни первой упряжки. Правда, веревка тормозит Престрюда. К тому же собаки все время ловят ее зубами. Они проголодались, так и норовят отхватить кусок. Приходится срывать веревку. Осыпая бранью собак — заодно и направляющего, которому усталость и вьюга мешают выдерживать заданный курс. Всякий раз, когда его ведет в сторону, собакам удобнее ловить веревку. И срывать опять — снова и снова. Без рукавиц. При минус сорока.

Дойдя до восьмидесяти первой параллели, они находят место для склада. Отсюда Бьоланд, Хассель и Стюбберюд вернутся, а остальные пойдут дальше, к восьмидесяти второму градусу. Так предусмотрено тщательно разработанным планом. Меньше людей на следующем этапе — меньше уйдет провианта для них и собак. Делить группу на две части рискованно, но есть и свои преимущества. След тех, кто первым пойдет обратно, может пригодиться остальным, если его не заметет бураном.

Упряжки тоже надо делить. Задача не простая. Лучшие собаки должны быть у тех, кто продолжит путь на юг. Всем ясно, что это увеличивает смертельный риск для возвращающихся первыми. И только одного не останавливает эта мысль. Он тверд, как скала, и распределяет собак, руководствуясь холодным расчетом. В такие минуты у него надменное лицо. Затем они прощаются.

При сорокапятиградусном морозе на восьмидесяти первой параллели прощаться тоже надо уметь. Это следует делать быстро. Особенно размышлять некогда. Хотя кое-какие мысли напрашиваются. Еще вчера и сегодня с утра на душе копилась неприязнь, зрели и срывались с дрожащих губ злые слова. Сейчас они неуместны. Ведь замерзши мы в этом краю — наши трупы лежали бы в одной палатке.

— Пока!

— Пока!

— Привет «Фрамхейму»!

Пять человек продолжают путь на юг.

Им надо дойти до восьмидесяти второй параллели и забросить туда тюленину, пеммикан и бидоны с керосином. Они справляются с задачей — почти. Выбившись из сил, падает одна собака. Ее добивают обухом топора. Тушу кладут на сани. Вечером она твердая, как лед. Вистинг разрубает ее на части. Бросает куски вместе с шерстью остальным псам. Они пожирают все.

Между тем мороз сказывается уже и на людях. Поубавилось сил, и выдержка не та, что была на старте. У них недостает терпения дождаться, когда вода вскипит. Пьют теплый чай, расплескивая его дрожащими руками. Сидя в спальнях мешках, заранее представляют себе, как будут зябнуть всю долгую ночь.

В это время Ялмар Юхансен вспоминает:

— Мы с Нансеном спали в одном мешке...

И сразу он здесь, перед ними — великан Норвегии. Его товарищ по зимовке на Земле Франца-Иосифа уязвил начальника экспедиции. Десятки тысяч километров отделяют их от Нансена и его полярного маршрута. Но тень великого метра падает на лицо человека, который не желает уступать ему в величии. Остальным сразу понятно, что два человека в одном спальном мешке — это больше тепла, больше товарищества и близости. Но и спрос с каждого больше. Когда один захочет повернуться, не разбудит ли он другого? Зато тепло — главное, тепло!

Юхансен:

— Это помогло нам выжить. Амундсен:

— Двое в мешке не для всех подходит.

— Не для всех?

— Не всем доставит удовольствие спать вместе.

— Удовольствие спать вместе?..

Снаружи бушует непогода. В палатке воцаряется мертвая тишина.

Юхансен курильщик. Он достает табак. Раскуривает трубку. Руки его чуть дрожат. Может быть, это от холода.

— Ты хочешь сказать, что нам доставляло удовольствие?..

Он изменяет тон, делает его резче под маской холодной вежливости:

— Господин капитан считает, что нам с Нансеном доставляло удовольствие?..

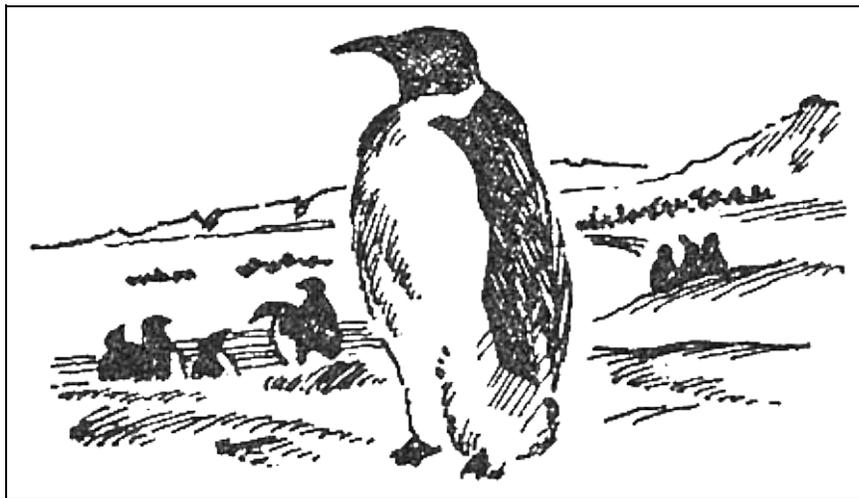
Начальник доказывает, что ему и впрямь присущи качества руководителя. Он не отвечает.

Но в последующие тяжелые, холодные дни они часто думают о двойном спальном мешке.

Они доходят — почти — до восьмидесяти второй параллели и устраивают склад. Собаки Амундсена выбились из сил. На обратном пути двух из них сажают на другие сани. Но они скатываются с саней и замерзают. Рубя на части одну тушу, Вистинг на растертой упряжке груди обнаруживает гноящуюся рану. Он закапывает тушу в снег, чтобы другие собаки не отравились. Ночью просыпается от страшного гама. Собаки откопали мертвечину и дерутся из-за добычи. Сжирают все дочиста и разбредаются — измученные, изголодавшиеся, с разбитыми лапами. Но группа в полном составе возвращается в «Фрамхейм».

Первая тройка тоже вернулась. Заброска проведена успешно. Теперь пусть приходит зима.

Одни моторные сани все еще стоят на шельфовом леднике в открытом ветрам проливе Мак-Мёрдо. Стоят в нескольких километрах от материка в окружении ящиков с запасными частями и сотен бочек с нефтью и керосином. Обернутые брезентом, они смахивают на маленькое суденышко. Сейчас они поедут на базу.

Заработал мотор, и резкое тарыхтение возвещает, что в Антарктиде наступили новые времена. Важно шествует через лед депутация пингвинов, протестуя против неведомого доселе шума. Ветер разносит ядовитый газ из мотора; восторженный молодой человек размахивает шапкой, приветствуя первые зловония на ледовом континенте. Трое саней, привезенных экспедицией, обошлись в сотни тысяч фунтов стерлингов. Внезапно кто-то из людей проваливается одной ногой в воду.

Тут же начинают проваливаться и сани, одна гусеница медленно уходит под лед, сани буксуют, кренятся и падают набок.

Шлепая по выступившей воде, к саням бросаются два десятка человек с веревками — моряки, умеющие молниеносно вязать крепкие узлы. Сантиметр за сантиметром они поднимают сани и ставят их прямо.

Подспевает Скотт, сани готовы к движению, снова запускается мотор. Но сани опять проваливаются. Кто-то орет:

— Поберегись!..

Они разбегаются в стороны, сани дыбятся, уходят под воду задним концом, на секунду застывают, напоминая торчащий из моря темный кулак, потом исчезают навсегда.

Люди поспешно выбирают на берег.

Двое саней целы.

Мысль о моторных санях не дает Амундсену спать по ночам.

* * *

Скотт устроил свою базу в двадцати пяти километрах от мыса Хат-Пойнт, где в свое время обосновались участники экспедиции «Дискавери» во главе с Шеклтоном. 24 января 1911 года Скотт выходит на юг для заброски провианта на первый склад. В отряде одиннадцать человек, некоторые из них умеют ходить на лыжах; восемь пони и двадцать шесть собак тянут сани.

И собаки и пони уже использовались англичанами в полярных областях, но сочетание разных тягловых животных создает дополнительные трудности. Собаки способны вдрут

метнуться в сторону, чтобы попытаться ухватить кусочек окорока пони. Необходимо выдерживать между ними дистанцию, разделив отряд на две части. И еще одно. Если каюр может бежать на лыжах рядом с санями, то погонщик пони должен вести лошадь за уздечку, а это влияет на ритм его движения. Приходится снимать лыжи и топтать без них по глубокому снегу.

Первая часть пути на юг — от одного мыса до другого по шельфовому леднику. По каменным осыпям на материке не пройти. Смешанный с солью снег на морском льду липкий. Сам лед ненадежен; перед глазами еще стоит картина тонущих моторных саней. Поэтому люди спешат, обливаясь потом, погоняют собак и пони. Сани тяжело нагружены. На западе видно вершину Эребуса. Увенчанный шапкой огня вулканический конус пронизывает пелену тумана. Кажется, что туман горит.

Они благополучно пересекают шельфовый ледник и первому лагерю на материке дают имя «Безопасность». Натягивают палатки. Царит военный порядок. Офицеры есть офицеры, рядовым положено знать свое место. Однако мороз загоняет людей в палатки, не считаясь с чинами. Они опасаются, как бы такая ситуация не отразилась на дисциплине. Еще хуже чувствуют себя рядовые. Они не смеют разговаривать без разрешения и должны привыкать к тому, что в живот им упираются офицерские колени. Правда, холод не делает различия, всем спится одинаково плохо. И за едой разница в званиях стирается. Светлая улыбка начальника экспедиции — точно солнечный луч.

В числе участников заброски капитан индийской армии Лоренс Оутс. Он мультимиллионер, внес свой вклад в финансирование экспедиции. После писали, что Скотт был излишне милостив к толстосумам, желавшим пополнить собой ряды участников. Но Оутс не зря занимает свое место. Этот мультимиллионер привык иметь дело с лошадьми. Он досконально их изучил, они его страсть, этих пони сопровождал всю дорогу до Антарктиды. Вот они стоят, понурясь от ветра.

Чтобы завоевать полюс для Англии, надобно сохранить возможно больше привезенных лошадей. Оутс круглые сутки не отходит от них. Смотрит, как они ставят ноги, как изгибают шею. Замечает сосульки на мордах — это значит, что температура тела недостаточна, чтобы растопить лед. На ночь для пони сооружают ограду из ледяных глыб. Они прислоняются к этой ограде. Собаки спят под снегом. Выбираются из своих нор в облачке пара. Тогда как пони коченеют от мороза.

В один из дней Оутс замечает, что две лошади отказываются от корма. Это говорит о том, что их силы на исходе. Копыта пони проваливаются в снег. Еще хуже то, что метель пронизывает шерсть до самой кожи и там снежинки тают.

Переход оказывается очень тяжелым. И вот уже Скотт вынужден задаться вопросом, что важнее: сберечь возможно больше пони или забросить провиант возможно дальше на юг. Оутс разбирается в лошадях. Но решать должен Скотт. Уилсон с его тонким длинным носом и глубоким умом всегда готов дать добрый совет. Они пробиваются дальше на юг.

Самого слабого пони прозвали Усталый Вилли. На беду ему достались самые тяжелые сани. Теперь он отстает. Усталого Вилли ведет молодой сильный норвежец — Трюггве Гран. Вскоре выясняется, что слабость Вилли оборачивается слабостью всей группы. Разражается буря.

Они разбили лагерь. Исчезли все намеки на ориентиры. Ни Эребуса с его огненной шапкой, ни неровностей рельефа, ничего, кругом сплошная белизна. Собак засыпает снегом. У стоящих за стеной из снежных кирпичей пони на спине толстый слой снега. Они мерзнут, уныло привалясь к стене; ни ногам, ни голове нет отдыха.

Люди набиваются в самую большую палатку. Если очень напрячься, можно внушить себе, что весь мир — здесь. Тонкое, в миллиметр толщиной полотно, растянутое на шестах и

укрепленное вбитыми в лед кольями, отражает натиск бурана. Гудит примус. Дышат одиннадцать человек, и столбик термометра ползет вверх к нулевой отметке. Чашки чая облегчают существование. Время от времени Оутс выбирается наружу и возвращается, сопровождаемый снегом и морозом. Говорит:

— Еще живы...

Буран лютует третьи сутки. Кажется, сама Империя проваливается в тартарары. Скотт подумывает о том, чтобы вслух прочитать «Отче наш». Но слишком тесно сидят они в палатке. Такая обстановка не располагает к молитве. Они ощущают дыхание друг друга, видят лица с бегающими глазами. Палатка качается от сильного порыва ветра. Кто-то вскакивает на ноги, наступает на соседа, бодает парусину — сейчас все рухнет... Скотт воздерживается от чтения молитвы.

Покажет ли всемогущий сегодня ночью, что его могущество превышает всяких слов? Этот вопрос сверлит мозг Скотта, когда он забирается в спальный мешок, пытаясь уснуть.

Где сейчас Амундсен?

Он ведь телеграфировал, что идет на юг?

Скотт еще не знает, что Кемпбелл встретил Амундсена в Китовой бухте.

Наконец буран стихает.

И тут на Усталого Вилли нападают собаки. За время ненастья они отоспались и накопили энергию. Усталый Вилли усталее прежнего. Он весь поник и не видит угрожающую ему опасность. Свора собак сорвалась с привязи. У них сосет под ложечкой, пасти полны слюны — так они стосковались по мясу. Псы дружно набрасываются на Вилли. Он отчаянно брыкается, бьет копытом одну собаку, промахивается по другой, челюсти третьей впиваются ему в брюхо. Вилли ложится, пытаясь раздавить врага о лед, и это ему почти удается. Но в таком положении он не может брыкаться. Со всех сторон его осаждают собаки. На них с криками бросаются люди. Кто-то орет:

— Бейте сволочей по зубам!

Они так и делают, вооружась железными штырями. Собаки отскакивают, нападают снова, рвут клыками кожаные штаны, катаются по снегу с красными от лошадиной крови мордами.

Их удастся отогнать.

Вилли еще жив. Но теперь лучше бы дать ему умереть.

Они продолжают идти на юг. Скотт готов на предельный риск, чтобы дойти до восьмидесятой параллели. Целая тонна продовольствия и снаряжения будет там ждать следующего лета, когда они пойдут к полюсу.

Но восьмидесятая параллель не дается им. Они могут достигнуть ее, если принесут в жертву Вилли. Оутс считает, что его хватит еще на один дневной переход, тогда они достигнут цели, а там можно и забить Вилли. Но Скотт против. Он пришел к выводу, что важнее довести Вилли живьем обратно на базу, ибо весной, когда они пойдут на полюс, будет нужен каждый пони.

Кто кого? Один — начальник, на стороне другого убежденность. Это первый и единственный раз, когда Оутс прекословит Скотту. Оба жалеют животных. Но сейчас речь идет не только о животном. Решается вопрос тактики. Оутс не сдается. У него внушительный голос. Оутс не отстает от начальника и после того, как тот принял решение. Он уверен в своей правоте. Вилли не доживет до весны. Только недвусмысленный жесткий приказ может заставить Оутса подчиниться воле начальника. Склад устраивают в пятнадцати-двадцати километрах дальше от полюса, чем предполагалось. Затем они поворачивают обратно.

Этому эпизоду посвящено не одно исследование. О чем догадывался Оутс, был ли он провидцем, остались бы Скотт и его люди живы, если бы Вилли был умерщвлен? Он все равно умер. На обратном пути совсем обессилел и пришлось его добить.

Там, где по плану должен был помещаться склад, Скотт погиб, возвращаясь с полюса, — погиб от голода, переутомления и холода. В считанных километрах от тонны продовольствия и снаряжения.

За несколько дней до этого Оутс добровольно покинул палатку.

Они возвращаются на базу. Идут по следу, который проложили, когда двигались на юг. Но так как они тогда сбились с курса, в одном месте след образует широкую дугу. И Скотт решает срезать ее, проложив новый маршрут. Имя одного из каюров — Мирз. Он возражает, что более длинный путь может оказаться выгоднее, ведь они убедились в его надежности. Но Скотт, вероятно, не в духе. А в таких случаях он упрям, властен и немногословен — морской офицер в разгар шторма. Мирз оставляет старый след и ведет собаку по новому курсу, через плато между двумя рядами торосов.

Ясный солнечный день, отраженный снегами свет слепит глаза, люди сбросили верхнюю одежду и положили ее на сани. До сих пор собаки хорошо выдерживают испытание. Скотт не ждал этого. Ему свойственно досадовать, когда его пессимизм не оправдывается. Внезапно шесть собак проваливаются в трещину.

Вожака упряжки звать Осман. Он обладает недюжинной силой и крепко уперся лапами в снег, удерживая провалившуюся шестерку. Они висят в трещине на постромках. Трещина была закрыта свежим снегом. Две собаки стоят по другую сторону провала. Позади них — сани. Вдруг край карниза обламывается, и эти две собаки тоже с воем скатываются вниз.

Один Осман остается наверху. Скотт уже подбежал к трещине. Вдоль ее края Мирз положил для опоры две лыжные палки. Лежа на животе, он подползает к провалу. Сначала ничего не видит, только слышит, как скулят собаки. Когда же глаза после яркого света на плато осваиваются с сумраком в провале, он различает незадачливых псов, болтающихся на постромках. Задыхаясь в борьбе с ремнями, они карабкаются друг на друга. Осман стоит как вкопанный. Сани тоже стоят.

Их разворачивают боком к провалу — так надежнее. Затем Скотт прыгает через трещину и привязывает Османа к палке, чтобы ему было легче удерживать груз. Подходит Уилсон. Остальные члены отряда приотстали. Мирз все еще лежит на животе, глядя вниз. Докладывает: — Висят по-прежнему.

Однако в эту минуту две собаки вырываются из постромков и приземляются на уступе метрах в двадцати ниже.

Люди перебрасывают через трещину веревки, укрепляя ими упряжь, на которой висят собаки. Делают мостик из саней, прочно зачалив оба конца. Можно выпрягать Османа. Специалист по собакам Мирз предлагает, чтобы его спустили к бьющейся в постромках шестерке. Скотт колеблется. Спасти собак важно, но еще важнее не потерять человека. Наконец дает свое согласие.

Небо на севере хмурится. Знакомая картина, они знают: в несколько минут погода может измениться, наползет туман или безветрие сменится бураном. Показались остальные члены отряда. Кричать или махать им бесполезно, они далеко. В запасе есть еще веревки, Скотт с помощниками проверяют, надежно ли закреплены сани, осторожно подпрыгивают на краю трещины, заключают, что лед должен выдержать. Мирз обвязывается веревкой под мышками, чтобы обе руки были свободными. Он знает, чего можно ждать от собаки, когда она бьется, вися на ремнях. Садится на краю провала. Делает глубокий вдох и говорит:

— Пошел...

Двое спускают его в трещину, обмотав веревку вокруг воткнутой в снег палки, чтобы притормаживать. Вниз, вниз, метр за метром. Ошалелые от страха собаки лают как оглашенные. Видят приближающегося человека, узнают его.

Сколько раз он их бил. Теперь ради них рискует жизнью. Оказавшись в метре над собаками, он громко кричит на верхнюю. Она испуганно замолкает. Мирз молниеносно хватается за морду, не давая разжать челюсти. Обвязывает собаку взятым с собой концом тонкой веревки, перерезает постромку ножом, который держал в зубах, и пса вытаскивают наверх.

Собаки не глупые. Они понимают, что Мирз явился выручить их, но они одержимы страхом. Остальная часть упряжки висит ниже. Одна постромка не дает ему обогнуть собак, и он опускается им прямо на головы. Одна из них, дернувшись, вонзает зубы ему в ногу. Он сдерживает крик. И не отбивается ногами, чтобы не раскачаться на веревке. Нагибается, пытаясь схватить собаку за голову. Ремень сдавил ей шею, грозя задушить. Мирз кричит наверх:

— Майна!..

Его опускают ниже. Теперь он висит вровень с собаками. Одна из них, оттолкнувшись лапами от другой, которая висит под ней, норовит впиться ему клыками в лицо. Он ударяет ее по лбу кулаком. Отдача толкает его в сторону вместе с собакой. Сверху что-то кричат. Качнувшись обратно, он ухитряется обмотать собаку веревкой, и ее волокут наверх.

Мирз почти совсем выбился из сил. Не мешало бы выбраться из трещины и передохнуть. Но смогут ли два товарища вытащить его и потом снова спустить? Он кричит:

— Я повишу так!.. Отдохну немного!..

Прямо под ним четыре пса. Далеко внизу стоят на выступе еще два. Он различает их в голубоватом освещении. По бокам — ледяные стены. В самом узком месте расстояние между ними всего два метра. Трещина кажется бездонной. Вверху он видит полосу белого света.

Наконец кричит:

— Майна!..

Товарищи опускают его пониже. Ближайшая собака, похоже, потеряла сознание, полузадушенная ремнями. С ней он справляется без труда.

Пока один из его помощников вытаскивает собаку, второй должен удерживать Мирза. Время от времени ему на голову опускаются снежные хлопья. Снег попадает за шиворот. Он обливается потом и мерзнет.

Одна собака за другой извлекается из трещины. Наконец приходит его черед. Двое на краю провала медленно, метр за метром, выбирают веревку. Остается совсем немного, когда Мирза вдруг ударяет по лицу объемистый ком снега. Наверху что-то потрескивает.

Они не торопятся. Он говорит себе: «Хоть бы выдернули поскорей!..» Но они тянут медленно, ровно, спокойно. Что-то кричат — не разобрать, что именно.

Наконец он наверху.

С минуту лежит на краю трещины, свесив ноги вниз и положив голову на колени Скотта.

Серая хмарь, копившаяся у горизонта, пропала. Снова ярко светит солнце, искрится снег. Подъезжает следующая упряжка. Люди при ней еще ничего не знают. Весело машут руками и спрашивают, не надо ли чем помочь.

Две собаки остались на уступе внизу. Скотт говорит:

— Несите сюда самую длинную веревку. Тридцатиметровую.

Мирз:

— Мне надо сперва отдохнуть. Скотт:

— Я сам спущусь.

Вмешивается Уилсон. Он друг Скотта, это дает ему право голоса при начальнике экспедиции. Он говорит, что собаки нам нужны, но люди тоже, и ты — особенно. Спускаясь в трещину, ты будешь рисковать не только своей жизнью.

— Мы не можем уходить отсюда, бросив собак в расселине.

— Мы можем их пристрелить.

— Я спущусь.

Они укрепляют чалки саней, играющих роль моста. Людей прибавилось. Сколько человек могут стоять на краю трещины без риска сорваться вниз? Для страховки каждый стоящий у расселины связывается веревкой с товарищем, который становится поодаль. Скотт обвязывает вокруг пояса конец тридцатиметровой веревки. Заходит на сани и садится, свесив ноги вниз. Уилсон стоит с одной стороны, Мирз — он уже пришел в норму — с другой. Веревку обмотали вокруг лыжных палок, чтобы притормаживать.

Скотт командует начинать спуск. В расселине оказывается темнее, чем он себе представлял. Он наблюдает, как меняется цвет ледяных стен. Его обдает холодом, падающий сверху свет тускнеет. Голоса товарищей звучат необычно гулко. Он кричит им:

— Все в порядке!..

Крик раскатывается между стенами так, что слов не разобрать; одна из собак на уступе под ним испуганно воет. Кажется, вой этот сперва уходит в бездонный провал и возвращается оттуда, приобретя еще более жуткое звучание. Этаким глухой, пронзительный, загробный, пугающий вопль.

Метр за метром вниз, он висит спокойно, однако не без тревоги отмечает, что и просто висеть вот так тоже утомительно. В ушах шумит. Холод от ледяных стен обжигает кожу.

Он приближается к уступу. Преодолевая боль в шее, нагибает голову, чтобы как следует рассмотреть его. Длина уступа — метра четыре, наибольшая ширина — полтора. В двух местах он совсем покатый.

Скотт кричит наверх:

— Помедленней!..

Теперь надо раскачаться на веревке, чтобы, приблизившись к ледяной стене, попасть ногами на уступ. Иначе можно и проскользнуть мимо. Качаясь, он ударяется о стену и резко падает примерно на полметра вниз. Его тут же приподнимают.

Он достает уступ одной ногой, затем другой. Он потерял одну рукавицу и ушиб палец о выступ в ледяной стене. Подтягиваясь за веревку, прочно встает на ноги. В двух метрах от него стоят собаки. Они перестали выть.

Он понимает, что ему теперь предстоит. Сперва — освободиться от веревки, затем попытаться без страховки обвязать ею первую собаку. И ждать, пока ее поднимут.

В голубоватом сумраке собачьи глаза сверкают как раскаленные угли. Теперь все зависит от его самообладания и от сообразительности собак. Понимают они, зачем он спустился? За спиной у него скользкая ледяная стена. Уступ местами покрыт снегом, что под ним — не видно.

Он приближается к собакам сантиметр за сантиметром, что-то говоря ровным, но твердым голосом. Подойдя к первой, чешет ее за ухом. Она огрызается. Клыки сжимают его запястье. Он не дергается, чтобы не разъярить собаку. Заставляет себя стоять спокойно, и собака отпускает руку. Можно не спеша отвязать веревку от себя и обмотать ею собаку.

Есть, пошла вверх.

Пока он стоит внизу без веревки, есть время изучить очертания льда и переливы красок — от красных бликов над ним до черной бездны внизу. Вторая собака не отрывает глаз от его лица. Они глядят друг на друга.

Какова глубина этой расселины? Триста метров, шестьсот? Кто станет ее измерять... Может быть, она доходит до коренной породы самого холодного материка на земном шаре и окаймляющий ее фирн откладывался тысячелетиями? Сверху спускается веревка.

Он начинает напевать. Певец из него никакой, но он слышал, будто тихое пение успокаивает животных. Ему удается обвязать веревкой последнюю собаку, после чего он стоит на уступе, ожидая, пока ее поднимут. Имя этому — одиночество. Слышно, как наверху собаки

затянули драку. Что ж, так и должно быть — взбодрились после спасения. Он понимает также, что его товарищи должны сперва изловить драчунов, чтобы опять не свалились в трещину.

И он продолжает ждать, стоя на уступе без веревки и прислушиваясь. Здесь, внизу, все звуки искажаются, отдаваясь гулкими раскатами. Как бы лед не раскололся от звуковых волн, еще обрушится на него! Наконец сверху медленно спускается веревка.

Так, поймал. Наверху что-то кричат, слов не разобрать. Голая рука, с которой он обронил рукавицу, совсем заоченела.

Начинает обвязываться, а пальцы не хотят повиноваться. Он вынужден бросить и вторую рукавицу. Его бьет дрожь. Мысли путаются? Заставь себя думать спокойно. Один мизинец торчит, словно твердый сучок.

Подышав на него, он наконец обматывается веревкой; в мозгу туман — кажется, он замерзает? Ага, веревка на месте. Теперь затянуть узел. Выдержит ли? Он кричит, чтобы тянули. Поехали.

Похоже, узел держит? Он поднимается вверх. Видит над собой выступ; чтобы его миновать, надо оттолкнуться рукой. Рука не слушается. Край выступа сдергивает с него меховую шапку, царапает голову, но он слишком ослаб, чтобы чувствовать боль. Наконец он наверху.

Двое ложатся на сани, которые оттащили от трещины. Скотта кладут на них. Сверху его накрывает своим телом Уилсон. Потом ему дают горячий чай. Один из его товарищей вскипятил воду, пока остальные воевали с собаками и Скотт ждал внизу на уступе.

* * *

Когда они шли на юг с грузом для склада, Скотт отправил назад несколько человек, выполнивших свою задачу. Эту группу возглавил Тедди Эванс — человек, который спас «Терра Нову» во время шторма. Договорились, что Эванс и его спутники будут ждать Скотта в лагере «Безопасность». Здесь они и встречаются. Два пони околели.

— Сдохли, — спокойно докладывает Эванс. — Вечером были живы, но от корма отказались. А утром совсем обессилели и сдохли.

Эванс знал толк в морском деле. В животных разбирался куда хуже. Он не умел, как Оутс, ласково погладить морду лошади, вовремя сообразить, когда необходимо взять клок сена и растереть лошадиный круп.

Встречу в лагере «Безопасность» не назовешь радостной. Но начальник экспедиции держит себя в руках, он обязан быть рассудительным. Что толку обрушивать гнев на Эванса — или на туман, ползущий сейчас с океана на севере? Они отдыхают в лагере. Начальнику есть о чем поразмыслить. Характер Скотта не позволяет ему беззаботно смотреть в лицо трудностям.

К неудаче с пони добавляется нечто похуже.

По пути на юг врач экспедиции Эдвард Аткинсон был поражен снежной слепотой и оставлен в лагере «Безопасность» вместе с младшим офицером Томасом Крином. Выздоровев, Аткинсон отправился на Хат-Пойнт, где стоял домик, построенный экспедицией «Дискавери». Однако Аткинсон и Крин не вернулись оттуда. Возможно, оба продолжили путь до базы на мысе Эванса. Скотт беспокоится за них. У него есть и другая важная причина спешить на Хат-Пойнт. Было условлено, что люди на «Терра Нове» попытаются доставить туда почту, если узнают что-нибудь об Амундсене.

Захватив несколько человек, Скотт отправляется на Хат-Пойнт. Подойдя к хижине, они видят приколотую к стене записку: «В хижине лежит мешок с почтой».

Входят внутрь. Хижина пуста.

Ни мешка, ни людей, однако есть признаки того, что люди были здесь совсем недавно.

Видимо, Аткинсон и Крин забрали почту и пошли обратно в лагерь «Безопасность», но где-то по пути разминулись со Скоттом. Скотт нервничает. К тому же вид хижины пробудил в нем воспоминания. Здесь он провел долгие зимние месяцы во время экспедиции «Дискавери».

Отсюда вышел в первый, неудавшийся поход к Южному полюсу.

Но что могло быть в письме?

Ведь письмо должно быть?

Уж наверное у команды «Терра Новы» были важные новости, если они подходили к мысу Хат-Пойнт перед тем, как окончательно взять курс на Новую Зеландию?

Скотт срывается с места и поспешно возвращается в лагерь «Безопасность». Видит издали, что там появилась еще одна палатка.

Аткинсон и Крин живы-здоровы. Мешок с почтой при них. В нем одно-единственное письмо.

Письмо от Кемпбелла, с борта «Терра Новы».

* * *

Стоя на коленях на спальном мешке, Скотт вскрывает конверт. Он знает почерк Кемпбелла. Знает, что в письме должно упоминаться имя Амундсена. Не знает только, что о нем говорится: «Мы обнаружили его». Или: «Мы его не обнаружили». У него дрожат руки. В палатке так холодно, что у него идет пар изо рта. Он знает, что его товарищи окружили палатку — стоят тихохонько, молча, чтобы их не было слышно. Раздается громкий лай, который тут же удаляется. Понятно: они отогнали собаку.

Развернув листок, он читает:

«Мы обнаружили Амундсена в Китовой бухте, он на сто с лишним километров ближе к полюсу, чем наша экспедиция. Он поставил себе цель первым дойти до полюса. Люди у него сильные и опытные. Превосходные лыжники. Сам Амундсен человек твердый, сообразительный и волевой. У него больше ста собак. Мы видели, как его люди управляют ими. Это искусные каюры».

Скотт опускает письмо, в глазах у него темнеет, он тихо бранится. Вообще-то у него нет такой привычки. Он заплатил такую высокую цену за то, чтобы попасть сюда. Он никому не говорил о своей главной, великой цели: быть первым на полюсе. Официально экспедиция носит чисто научный характер. Но вся Англия знает — и Империя требует, чтобы он был первым. Разве Антарктида не британское владение?

У него шумит в ушах, он забывает, где сейчас находится. Может быть, он еще в Англии, еще можно отказаться от экспедиции? Он щиплет себя за бедро. Сквозь штаны и три слоя шерсти ногти почти не достают кожи. Ты стоишь на коленях на спальном мешке? Под тобой триста метров снега и льда.

Надо решать. Ты начальник, твое слово — закон. Можно ли перекроить планы и форсировать штурм полюса, отбросить науку, ясно, без экивоков заявить о нашей подлинной цели? Ты обязан довести до сведения своих людей содержание письма. Ты должен созвать их. Но что ты скажешь?.. Этого ты еще не знаешь.

С каждой минутой, что ты мешкаешь здесь, будет падать твой авторитет. Они скажут: «Он не знал, как поступить».

Он встает с тяжелой ношей. Засовывает письмо в карман. Оно написано на плотной бумаге, не сразу и сложишь. Он опять бранится. Вылезает из палатки.

Жестом подзывает Эдварда Эванса, просит его собрать всех людей. Они выстраиваются в шеренгу; он потребовал, чтобы и здесь соблюдался военно-морской устав. Мороз минус двадцать, острый северный ветер. Низко нависают тучи.

Здесь в Антарктиде царит такая тишина, что человеческий голос прорезает ее, будто нож. Когда собаки молчат, ты слышишь тишину — биение собственного сердца. Когда они тьякают, этот шум как бы рамка, оттеняющая тишину. Сейчас молчат все.

Люди построились, он не торопится. Наконец поднимается на специально насыпанный снежный бугор. Смотрит на своих спутников. Суровые лица, опаленные морозом, — теперь он знает этих людей, многие ему по душе, мысленно он уже выделяет наиболее выносливых и сноровистых. Они пойдут с ним на полюс.

Но что сказать сейчас?

«Мы форсируем наши планы и принимаем вызов?..»

Или: «Будем следовать нашему первоначальному плану. Не пристало нам участвовать в гонках к полюсу?..»

Они жадно всматриваются в его лицо. Он избегает этих вопрошающих, испытующих глаз.

Но теперь он знает, что надо делать. Перекраивать столь тщательно разработанные планы, начинать все сначала, принимать новые решения, рисковать всем, включаться в великую драму — больше той, в которой он уже задействован, — на это его не хватает. Быть сильным, опираясь на то, что утверждено, спокойнее.

Он говорит с натугой, и голос его далеко разносится в тишине:

— Кемпбелл пишет, что Амундсен находится в Китовой бухте, в ста километрах ближе к полюсу, чем мы. У него есть собаки, и он умеет с ними работать. Это значит, что он может пойти к полюсу раньше, чем мы с нашими пони. Мы будем действовать согласно первоначальному плану. Состязания из-за полюса не будет. Может быть, мы все равно опередим его.

Он отпускает людей жестом руки. Возвращается в палатку.

В лагере «Безопасность» хватает дел, но сейчас работа стоит. Он слышит, как кто-то шепчется около палатки, слышит негодующие возгласы. Похоже, назревает драка между двумя возмущенными людьми, одному из которых кажется, что другой недостаточно яростно прокликает Амундсена. Кто-то из офицеров шикает на спорщиков. Наступает вечер.

Однако негодование растет, множатся крики, ему ясно — выйди он сейчас и скажи: «Ну, что — поставим на карту все?..» — и они последуют за ним, поставят жизнь на карту. Но вправе ли он? В это время в палатку входят Уилсон, Эдвард Эванс и врач Аткинсон. Он встречает их молча, без обычной улыбки. Что-то происходит в этот вечер с их великим, умным, немногословным, замкнутым руководителем. Куда подевалось его нерушимое достоинство. Чертыхаясь, он выпаливает то, что давно накипело:

— Это же подлость! Разве не нам принадлежит право первыми достигнуть полюса? Амундсен предупредил, но недостаточно ясно! Он нечестен!

И он встает, сжимая кулаки, ярость выплескивается наружу. Таким они его никогда не видели — и никогда больше не увидят. Пришли с намерением отвести душу бранью (может быть, это утешит начальника экспедиции). А он сам чертыхается.

Кажется, его тошнит? Врач Аткинсон видит, что сейчас может произойти. Взяв в руки старый свитер, готов подставить, коли понадобится. Скотт дергает спальный мешок, у него слезы на глазах, вдруг взгляд его озаряет проблеск надежды, и он кричит:

— А не отправиться ли нам в Китовую бухту и задать им взбучку?.. Прогнать их? Это ведь наши владения?

Собравшиеся в палатке чувствуют себя побратимами. Их объединяет смелый план. Может

быть, и впрямь попытаться дойти по суше до Китовой бухты, неожиданно напасть на норвежцев и... что дальше?

Убить их?

Они прошли суровую выучку в военных школах, уж как-нибудь сумеют разработать план атаки. Но могут ли они осуществить такой план без приказа, освобождающего их от вины? Они умные люди. Знают, что тешат себя мечтой. Но сейчас не время строить воздушные замки.

Запал иссяк.

У него тоже.

Погодя, они потихоньку выходят из палатки. Снова он остается один.

На другой день бремя его тяжелее, чем когда-либо раньше. Они избегают смотреть друг другу в глаза.

А потому — работать, не жалея сил; ясные, твердые команды, каждый человек занимается своим делом. Не расслабляться!

Продолжаем действовать по плану.

* * *

Уцелевшие пони еще не вернулись на базу на мыс Эванса. По суше их не проведешь. Остается морской лед, он как будто достаточно крепок. Когда же они разбивают на нем лагерь, лед раскалывается. На долю Скотта и его людей выпадает ночь великого ужаса, самая страшная из когда-либо пережитых ими ночей. Три пони прыгают в воду. Льдины становятся на ребро, в небе плывут низкие тучи, море обрушивается на лед тяжелые волны. Появляются касатки. Они нападают на ближайшего к ним пони. Лошадь кричит и исчезает под водой. Остальные две пытаются уйти от хищниц, напрягая последние силы. Касатки настигают их.

Люди гонятся за двумя пони, которые еще мечутся по льду. Легкие на ногу собаки сами благополучно перебираются со льда на сушу.

Уцелевшие пони падают без сил у кромки льда, и люди на руках выносят их в безопасное место.

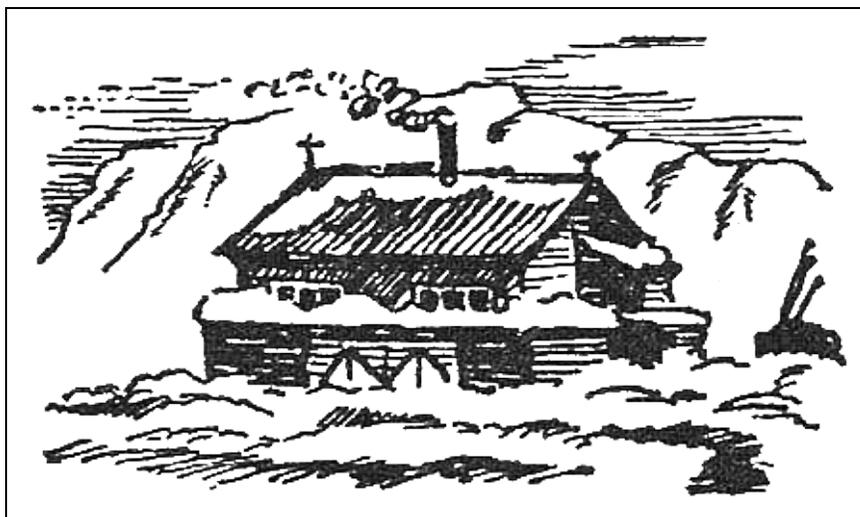
Вода между льдинами кишит касатками, она стала красной от крови, но волны уносят следы побоища.

Люди размещаются в домике, служившем экспедиции «Дискавери», и вынуждены жить здесь не одну неделю в ожидании, когда вновь станет лед. Из провианта у них только тюленина; топят тюленьим жиром в печке, сделанной из железной бочки. Одиннадцать человек спят бок о бок на полу. Среди них Скотт. За брезентовым пологом стоят последние два пони, участвовавшие в заброске на юг.

Начальник экспедиции скуп на слова. У него усталый вид.

Наконец восстанавливается сплошной ледовый покров и они добираются до базы.

На долю обитателей «Фрамхейма» выпадает нелегкая долгая зима. Круглые сутки ночная тьма, никакого намека на солнце. Только запылывает в небе полярное сияние, как очередной буран сразу гасит его. Морской и материковый лед сливаются в сплошной белой круговерти. В каморке, выкопанной в толще льда, между бураном вверху и черными водами моря где-то внизу сидит человек и крутит швейную машину.

Они отрыли целую сеть ходов и помещений под «Фрамхеймом». Там разместились склады, мастерские, баня. Торжество человека над бурями и снеговой пустыней. Архитектурный ансамбль из льда — и лишь изредка их посещает тревога: «А вдруг лед расколется и нас унесет в море?..» Каждый день начальник экспедиции совершает обход. Им это не по душе. Он умеет двигаться бесшумно. И не услышишь, как появился. Держится приветливо, но с холодком, пришел и глядит. Глаза глубокие, темные, улыбчивые — с виду. За улыбкой прячется подозрительность.

Люди, которых он взял с собой сюда, на полярный материк, словно созданы для работы подо льдом. Лыжник из Телемарка устроил себе столярную мастерскую, где он разбирает сани и обстругивает рубанком каждую часть, чтобы была тоньше и легче. Улав Бьоланд знает: от этой работы зависит, быть ли им первыми на полюсе. Сани массивны, весят семьдесят пять килограммов. Его задача — уменьшить вес без ущерба для прочности. У него ладные мужские руки, с деревом хорошо знакомы. Он явно не торопится. Вертит в руках полоз, изучая его, поворачивает так и этак, бракует, сердито отбрасывает в сторону. Решает все-таки помиловать, поминает недобрым словом столяра, который его изготовил, удрученно вздыхает, дышит на пальцы — в ледяной каморке минус двадцать, а работать надо без рукавиц. Свет большой лампы отражают тысячи кристалликов льда. В этом одно из его затруднений: свет падает на изделие под разными углами. Прежде чем приступить к работе, следует наточить лезвие. У него хороший глазомер. Он знает, что в этом деле он спец. При желании вполне может облапошить начальника. Взвесить сани на безмене и хвастливо заявить, что вес их убавился наполовину, а то и больше. Но торос не облапошишь. И никуда не уйдешь от износа на тысячекилометровом пути к точке на карте, где не ступала нога человека. Сани должны выдержать испытание.

Так что ему не до мыслей о зимнем мраке наверху, о море внизу, о непрочности льда, который способен расколоться однажды ночью и унести «Фрамхейм» в океан. Если ему не спится порой, то лишь оттого, что не дает покоя какой-то полоз. Его надо строгать именно так, а не иначе. Бьоланд действует поэтапно. Экспериментируя с одними санями, уменьшает их вес сперва до пятидесяти килограммов, потом до тридцати. Повозившись еще, — до двадцати двух.

Теперь сани изящны, как ивовый прут, стройны, как молодая голая женщина, прямее любого новобранца на плацу, но все равно гибкие — главное, гибкие. И крепкие. Он прыгает на них. Кладет сани на два ящика и вскакивает на них. Ящики ломаются. Кладет на полозья груз, многократно превосходящий вес, который сани понесут на юг. Полозья выдерживают.

Можно братья за дело всерьез. До сих пор он экспериментировал. Того, что сделает теперь, уже не переделаешь. Сани, которые он обстругает, отправятся в далекий путь.

Дышит на руки. Минус двадцать один. И тут заходит начальник экспедиции.

Это слабое место начальника, он не может не зайти. Он не скупится на похвалу людям и их сноровке. Но за его словами кроется подозрительность, и они ощущают ее в своих ледяных каморках. Парень из Телемарка лучше других переносит это испытание. В нем есть что-то от неприступности хвойного бора. Силен как медведь, широк в плечах, неразговорчив, себе на уме. Начальник в мягких кожаных туфлях бредет дальше.

В одном из коридоров, где, кроме него, никого нет, начальник экспедиции вдруг может начать подпрыгивать. Он не хочет, чтобы его люди это видели. И не надо, чтобы слышали и стали спрашивать себя, что это он делает. Чего доброго, посеешь зерно тревоги. Однажды ночью оно вдруг прорастет, и человек вскочит с диким криком, ощутив себя узником в камере ледяной тюрьмы. Вверху над ним — буран, кругом — великая пустыня, податься некуда. Но еще страшнее мысль: «Кажется, лед раскалывается?.. Нас уносит в море?.. Мы разбили лагерь здесь, чтобы быть на сто километров ближе к полюсу?» И дикий, отчаянный, безудержный вопль. Амундсену уже доводилось его слышать. А потому никто не должен видеть, как он прыгает.

Дурацкая затея. Если лед расколется, это произойдет внезапно. Сколько ни прыгай, словно блоха, ничего не узнаешь. И все же после прыжков ему как-то легче дышится. Опора под ногами крепкая, как скала. Он знает, что занимается самообманом. Позволяет себе ухмыльнуться. Но все-таки на душе легче.

До поры, до времени.

Выйти наверх и прислушаться — как ведет себя море?

Об этом никто не должен знать.

В этой каморке орудует рубанком Стюбберюд. Его задача — облегчить ящики для провианта. Они сколочены из свилеватых досок. Ящики — одно из слабых мест снаряжения. Они слишком тяжелы. Человек, который собирал «Фрамхейм» в Оппегорде, потом разобрал его и вновь собрал здесь, в Антарктиде, прилежно работает рубанком; большой фантазии тут не нужно, только квалификация. Рубанком стесывает упрямую древесину миллиметр за миллиметром. Теперь ящики годятся для дела.

А вот и ледяной закуток, где в тропической жаре — плюс десять — сидит человек с швейной машиной. Он обогревает свое помещение примусом. Влага от тающего льда собирается в мисках, расставленных по краям подвешенного к потолку брезента. Портного зовут Оскар Вистинг. Он мастер на все руки и наиболее близкий Амундсену человек. Пожалуй, единственный, кого начальник экспедиции может назвать своим другом. Вистинг перешивает палатки и одежду, он знает, какой шов самый надежный. И он начисто лишен лидерских задатков, а потому — идеальный спутник большого лидера.

Начальник экспедиции заходит и к Ялмару Юхансену. В каморке в толще льда встречаются два нестандартных человека. На людях они могут демонстрировать обоюдную вежливость. Юхансен намеренно употребляет при обращении слово «господин» с оттенком иронии. Амундсен говорит с ним чуть суше, чем с остальными, подчеркивая свой начальнический статус. Наедине, с глазу на глаз, они Далеко не так сдержанны. Вообще-то они могли бы относиться друг к другу с взаимным уважением. Оба — первачи по натуре. Первачи способны ненавидеть. Способны также чувствовать, что у них больше общего, чем у большинства. Но хватит ли одному

духу сказать об этом другому? Способен ли начальник сделать первый шаг? А если подчиненный откажет ему в дружбе? Готов ли Юхансен, подписав обезличивающий его контракт, шагнуть навстречу начальнику с риском получить отпор? Полярная пустыня — не то место, где можно позволять себе проигрыш. Ты обязан держать оборону. Против бурана, против всех, против самого себя.

Непросто это — здесь, в толще льда, встречаться один на один. Помещение просторное, а двум парам глаз тесно. Юхансен занят укладкой провианта. В этом — как и во всем прочем — он мастер. Не ему ли национальный герой Норвегии Фридтьоф Нансен обязан своим спасением и благополучным возвращением домой? Спасителя тоже чествовали. Так, может быть, он здесь истинный первач?.. Возможно, он знает ответ. Однако предпочитает молчать об этом — легко возбудимый, мрачный, непростой человек с горечью в душе. Он умеет укладывать провиант. Не оставляет ни малейших пустот. Размещает упаковки так, чтобы не болтались, не тряслись, занимали возможно меньше места. Допустим, это само по себе несложно. Но он обладает еще великим умением все укладывать так, чтобы нужную упаковку было легко извлечь, не нарушая порядка, и так же просто вернуть на место.

Это наука, которую не почерпнешь ни из каких инструкций. Руки сами все знают — и применяют свое знание в ту минуту, когда бесшумно входит начальник экспедиции.

Сюда не проникает гул бушующих наверху буранов.

И только частое дыхание двух людей нарушает полную тишину.

— Ну как, все в порядке?..

Начальник не наделен богатым воображением. Ему не дано находить забавные, оригинальные реплики, способные смягчить собеседника.

— А что, кто-нибудь сомневается?..

— Конечно, конечно, все в полном порядке! Я знаю, вы справитесь.

— А когда я не справлялся?

— Конечно, конечно, никто лучше вас этого не сделает!

Это что же, он тут ходит и вынюхивает, подразумевая, что я не умею укладывать груз? Это я-то? Сколько саней пришлось нагрузить! Скажи я сейчас: «Меня научил Нансен» — так ведь это будет неправда, не он меня, а я его учил. А как начальник взвился бы, задень я его самое больное, уязвимое место — зависть к Нансену.

Да только и говорить ничего не надо.

Он и без того сейчас как раз об этом думает.

И не отвечай ты больше, когда он снова заговорит.

Вообще, что за манера у всех тут — говорить и говорить? Трудно, что ли, помолчать?

— Ну, и какой же теперь вес?..

Не отвечай.

— Я спрашиваю: какой теперь вес получается? Сколько весит вон тот пакет пеммикана?

Не отвечай.

Повернись к нему спиной. Пусть убирается в своих кожаных туфлях, которые надевает, чтобы его не было слышно.

И начальник уходит, силясь сохранить свое достоинство, глубоко уязвленный, словно девственница с пылающим лицом, возмущенная грубой речью мужчин. Уходит, чтобы запомнить этот случай; у него заведено копить обиды. Он обладает потребностью и способностью мстить.

А тот, что остался, — он ухмыляется?

Нет. Подходит к стене и колотит лед кулаками. Пройдут и месяцы, и годы, прежде чем ты снова сможешь побыть один, совсем один в глуши норвежского леса или в толпе на площади.

Ты плачешь в своей ледяной каморке?

Бывают черные дни, когда за столом на них находит что-то звериное. Еды хватает. Вводить ограничения нет надобности. Пища простая, питательная. Но когда звучит сигнал, зовущий к столу, иные способны все бросить и ринуться бегом по ледяному коридору. Другие делают вид, что не слышали сигнала. Надеются прийти, когда остальные уже управятся с едой. Не дай бог наступить кому-то на пятки. Обернется и так на тебя посмотрит. Сперва молча, затем, прокашлявшись, вскинет кулаки над головой и рявкнет:

— Держал бы ты свои грязные ноги подальше от моих пяток!..

Они без конца огрызаются друг на друга. Кто-то положил свой табак слишком близко к чужой тарелке. Глядишь, и полетела коробка в стену. Кок Линдстрём — гладкий толстяк. Когда очень уж обругают, уходит с обиженным видом на камбуз, а вообще-то ему как с гуся вода. С другими дело обстоит сложнее.

Сиди здесь день за днем с одними и теми же неизлечимыми тупицами. День за днем одна и та же еда.

Отвратительный кофе.

Жир, который застывает в тарелках.

Вечно грязные ножи.

А тут еще этот начальник — вежливый, а когда и резкий, сухой, неспособный на настоящее дружелюбие. Он уставился на меня?

Они все таращатся на меня?

Черт бы их побрал.

И так неделя за неделей...

Но в них встроен маятник, который легко может качнуться в другую сторону. Малейший повод для празднования — и уже сияют, словно дети. Попытка испечь торт, не слишком удачная, но все-таки, всего с двумя свечками — больше расходувать нельзя, парадное блюдо с потрескавшейся, как старая кожа, жареной тюлениной, банка бобов на всех и не блестящие чистотой, зато острые ножи. Плюс стопочка. Они взяли с собой спиртное. Почти не прикасаются к нему. Начальник экспедиции знает, да и они тоже соображают, что к выпивке в этих краях следует подходить так же осмотрительно и учтиво, как к бранному слову на церковной кафедре. Крепкое словцо может внести оживление по великим праздникам. Взбодрить прихожан, заставить их проснуться. Но худо тому священнику, который возьмет в привычку сквернословить почему зря.

А потому спиртное лишь изредка появляется на столе, вызывая зато тем большую радость. Разве здесь кто-нибудь кого-то ненавидит? С какой стати?

Пусть наверху непогода!

Нам тут внизу от этого только лучше!

Хоть бы зима продлилась подольше!

Но что это — он опять выдает свою старую байку?.. Черт, сколько можно. Только одну и знает, а рассказывает-то как — тянет за душу, ему не жалко нашего времени. Наслаждается собственным голосом.

Я наслаждаюсь собственным голосом? А ты-то сам?

Только одну байку и знаешь? На вторую ума не хватает?

А ты и одной-то не знаешь.

А у тебя одна погода на уме. Талдычишь без конца: «Ветер сегодня».

Так ведь на самом деле ветер?

Эй, вы там, угомнитесь, лучше налейте стопочку!

Господи, как хорошо-то.

А правда, парни, чем нам плохо — там зима, непогодь, а у нас тут две бутылки початые и одна совсем нетронутая.

Хе-хе, нетронутая, как девственница.

Расскажите-ка эту байку.

Так ведь я уже рассказывал?..

Давай, рассказывай. Глянь сюда — совсем нетронутая.

Хоть бы зима продлилась подольше.

* * *

Прошел слух, что кто-то из них прикладывается тайком. И неизвестно, кому первому пришла в голову эта мысль — зерно, которое проросло на почве собственной тяги к спиртному. Проросло, и появилось подозрение, сосредоточенное на конкретном человеке. Сам он еще не знал, что его подозревают. Где встретятся два охотника пропустить стаканчик, непременно перемолвятся о том, что имярек большой любитель выпить. Пойти, что ли, сказать начальнику? Впрочем, начальник сам в один прекрасный день устроил проверку запасов спиртного. Не так уж много осталось. Он совещается с Линдстрёмом. Ключ от закутка, где стоят бутылки, есть только у одного человека — самого начальника экспедиции. Кок Линдстрем всегда обращается за ключом к нему. Но долго ли сделать второй ключ?

Точно, что ему стоит?..

Хе-хе, что ни говори, а руки у него искусные, захочет — справится.

Ты заметил, как он шатался вчера?

Чего не видел, того не видел. Но он как-то сразу отвернулся и выбежал на волю. Долго его не было. Сдается мне, мазал пальцы собачьим дерьмом.

Что?..

Не доходит? Один запах другой перебивает.

Девять человек спят в одном помещении. На верхних койках слишком жарко, на нижних слишком холодно. Чем дольше длится зима, тем хуже спится. Ночи длинные, лежи и прислушивайся, ведь, наверно, он по ночам прокрадывается на чердак, где хранятся бутылки. Не так-то это просто, да он ловкач, пользуется крошечной тьмой.

Ветер снаружи...

Проклятый ветер. При таком ветре разве услышишь, если кто-то крадется по дощатому полу.

Собака воеет. Именно сейчас. Как назло. Когда нужна полная тишина.

Ага, что это?..

Забывшись от волнения, слушающий выпускает заряд кишечных газов. Точно пароход гудит в тумане. Ликующие возгласы трех других, которым тоже не спится. Они отзываются под одеялами и в спальнях мешках своими ревунами. Но первый чертыхается:

— Ничего не слышно!..

Неужто не расслышал? Хе-хе.

Не расслышал того, что надо.

Теперь и другие прислушиваются. Кажется, кто-то не спит, а прикидывается спящим? Храпит понарошке? Или это не храп, а бульканье?..

Что начальник — спит? Не слышит бульканья?

Но ведь начальник смеялся вместе со всеми, верно? Значит, не спит. И ведь точно — булькало?..

Буран над Антарктидой, буран над домиком во льдах, над торчащей из снега черной трубой. Три пса принимаются выть. Им отзываются остальные.

В доме уже никто не спит.

Но ведь что-то было?..

За завтраком все сидят злые. Сегодня один из черных дней. Буран, наружу выйти невозможно.

Один из сидящих за столом покачивает свою чашку с остатками кофе:

— Слышите?.. Тот самый звук...

Озирается кругом. Не решается остановить взгляд на том, кого подозревает. Тишина, гробовая тишина.

— А ну его к черту... — говорит кто-то.

До конца зимы еще далеко.

* * *

Он идет прогуляться в царство великого безмолвия. Так он лечился, так утешался и в тот раз, когда пришел в Антарктиду на «Бельжике». Холодно. Мороз обжигает ноздри и горло, но он прикрывает нос рукавицей, держа обе лыжные палки в другой руке. Лыжи скользят неважно. Воткнув носки сапог в ремни креплений, он не спеша бредет мимо собачьих палаток. В палатках тихо. В небе вспыхивает полярное сияние, рождая красные блики на его кожаных рукавицах, и кажется — в воздухе перед ним плывут красные лодочки. Несколько секунд весь край озарен сиянием. Затем оно тускнеет, вновь оживает, уходит голубой рекой за горизонт на севере, перебрасывает через небо зеленую дугу. Он идет, ни о чем не думая.

Но постепенно являются мысли и, как всегда, выстраиваются в логическую цепочку. Первая мысль о Куке. Участнике борьбы за Северный полюс, которого объявили мошенником, — и наверно, по справедливости. Не ждет ли тебя такая же судьба? Если ты вернешься отсюда, не добившись успеха, тебя назовут обманщиком. Люди, что дали тебе деньги, парламент, пресса, весь мир, Нансен и Англия. Уж ты наслушаешься! А если возвратишься победителем?..

Впервые у него такое чувство, словно чья-то рука сжимает сердце и не хочет отпускать. Он пугается. Но в этом есть и маленькое утешение: если все кончится тем, что сердце откажет? Тогда пусть говорят обо мне, что хотят.

Нансен произнесет речь...

Король придет на похороны.

Газеты с траурными рамками.

Ему нравится эта мысль, и он смакует ее. Мороз уже не кажется таким жгучим. Ты должен победить либо умереть.

Победить либо умереть... Впечатляюще звучит. А и никуда не денешься, именно так стоит вопрос: «Ты должен победить или умереть...» Но у Скотта моторные сани?

И ты толком ничего о них не знаешь. Англичане на «Терра Нове» расхваливали их. Хотели меня напугать? Или правду говорили?

Медленно скользя на лыжах, он поднимается на возвышенность за «Фрамхеймом»; вспышки полярного сияния освещают кругозор. Не проходит дня, чтобы он не обдумывал подробности похода на юг.

Ему известен нрав каждой из ста десяти собак, он помнит их клички. Скрытно присматривался к каждому из своих людей. Поднимал каждые сани, проверял каждый узел, изучал каждый ящик. Составил график дневных переходов с возможными отклонениями, все

заучил наизусть — и сжег записи, чтобы не попали в посторонние руки. Помнит и знает все. Чувствует, что организм выдержит любую нагрузку.

Возвращается к собачьим палаткам. Сбрасывает лыжи и решает заглянуть в палатку, отведенную для сук. Две суки оценились.

Собаки узнают его по запаху и радостно поскуливают. Он чиркает спичкой и зажигает подвешенную посередине лампу.

Палатка большая. Собаки привычны к морозу, им здесь хорошо. Вдоль стен насыпаны снежные валики, чтобы собаки не порвали брезент, затеяв потасовку. У одной суки целых пять щенят.

Внезапно на глазах у него мамаша пожирает одного щенка. Все происходит так быстро, что он не успевает вмешаться. Секунда — и щенок в пасти, только хвостик торчит, виляя на прощание то ли весело, то ли трагически. Затем и он пропадает.

Он с трудом удерживается от рвоты. Коричневые глаза собаки становятся желтыми. Глядят на него с ненавистью — или с издевкой. Что это — сознательный поступок матери, решившей избавиться своего потомка от выпавшего на ее долю тяжкого труда, от избиения ослепленными жаждой славы, беснующимися людьми? Или же гротескное проявление юмора, собачьего презрения, с тонким намеком на то, что все мы смертны — и ты, человек, тоже? Глядя в эти глаза, он впервые ловит себя на том, что боится, как бы собака не бросилась на него и не перегрызла ему глотку.

Он делает шаг назад. Спотыкается о другую собаку, поспешно выпрямляется. Знает: если выдашь свой страх, они набросятся на тебя, словно стая голодных волков. В руке у него лыжная палка. Он замахивается...

Стоит так. Виляющий хвостик пропал.

Он выходит.

Непредсказуемое — вот что его страшит. Вроде того, что произошло сейчас. Пропасть, которой не видно за вьюгой. Воля, восстающая против твоей из глубин, которые тебе не дано измерить.

Утром он зашел к Вистингу и спросил:

— Что ты знаешь о моторных санях?..

— Я — о моторных санях? Ничего.

— Но что-то ты должен знать, не мог же ты отправляться сюда, не составив себе мнения о моторных санях? Тебе известно, что у англичан есть моторные сани?

— Я об этом как-то не задумывался.

— Все вы так! — кричит он. — Не задумывался! Один я должен думать. Можешь ты сказать хоть что-то о моторных санях?

Он схватил Вистинга за куртку, пытаясь его встряхнуть, но у того солидный вес, в своих огромных сапогах он твердо стоит на ледяном полу, дыша в лицо начальнику.

Наконец Вистинг медленно произносит:

— По-моему, они тут просчитаются...

— Ты так думаешь?

— Ага.

— А почему?

— Так мне кажется. Они отправились в путь без необходимого опыта. Говорят, взяли с собой лыжного инструктора? Надо было прежде научиться ходить на лыжах, а потом уже плыть сюда. Есть у нас причины считать, что в моторных санях они понимают больше?

— Нет!

— Вот именно, что нет. От этих шуток во льдах толку мало. Люди, лыжи и собаки — вот мой

ответ.

— Правильно — люди, лыжи и собаки!

Начальник вышел от Вистинга. Успокоился — на час-другой. А затем снова в голову лезет: что нам известно о моторных санях?..

От собачьих палаток до «Фрамхейма» натянута веревка. Когда идешь кормить собак, а снаружи беснуется вьюга, надо за что-то держаться, чтобы не заплутать. Застегнув дверь палатки, он становится на лыжи, чтобы идти обратно. И тут раздражается буран.

Здесь всегда так, ему ли не знать: будто вдруг прорвался громадный мешок. Где-то во мраке, затаив дыхание, чтобы не выдать себя раньше времени, хоронилось ненастье. А затем как ахнет!..

Одна лыжа срывается с ноги. Вережка вроде бы тут была? Теперь ее нет.

Он говорит себе: спокойно. Сидит на снегу. Повернувшись к ветру спиной, сжимается в комок и рассуждает: сейчас ты ровным счетом ничего не видишь, и если ошибешься направлением, ковыляя на одной лыже, тебе каюк. Кажется, ветер налетел слева? Повернись так, чтобы принимать его под углом справа. И ты найдешь веревку.

А если ветер изменил направление?.. Это часто бывает, а то и вовсе начнет кружить. Может, лучше сидеть на месте, пусть тебя занесет снегом? Восемь-десять часов как-нибудь выдержишь? А то и сутки?

Потом выберешься из снега.

Сколько сейчас — градусов пятьдесят будет?

Или товарищи тебя откопают?

Если тебя обнаружат живым в трех метрах от веревки, считай, что ты ударил в грязь обмороженным лицом.

Надо найти веревку сейчас.

Только не ходи по кругу.

Ни зги не видно, но ты знаешь, что ветер может стихнуть на минуту и тогда ты спасен.

Если не будешь зевать.

Но ветер не стихает.

Сидя на снегу в буран, он продолжает спокойно рассуждать. Если ветер не менялся, веревка должна быть вон там. А «Фрамхейм» — там. Вот и действуй.

Теперь ветер дует в лицо. Нога без лыжи проваливается в снег, он решает сбросить и вторую лыжу. И тут же раскаивается, потому что проваливается в снег выше колена, а затем, угодив обеими ногами в какую-то пустоту, и по пояс. Буран неумолимо насаждает, и у него вырывается крик.

Ветер рвет его крик в клочья и уносит, оставляя какой-то жалобный хрип. Его же голос, летевший с ветром к полюсу и возвращенный встречным шквалом?

Он бредет, разгребая ногами снег и вытянув руки в метельную тьму в поисках веревки. Где же она? Твердит себе, что лучше выдерживать одно направление, которое ему кажется правильным, чем кружить уткнувшись носом в снег, точно слепой пес. Снова кричит. Да нет, ни к чему это. Только попусту силы расходовать.

Внезапно руки его нащупывают человеческую ногу.

В самом деле, нога, и принадлежит она человеку, который держится за веревку. Человек вышел из «Фрамхейма» и пробивается против ветра к собачьим палаткам, разыскивая пропавшего в буране начальника экспедиции.

Это Юхансен.

Вместе они доходят обратно до «Фрамхейма».

Начальник отряхивается от снега, растирает обмороженное лицо, благодарит Юхансена и

смеется. Морозец сегодня! А дома сейчас разгар лета. Я потерял веревку. Ничего, все равно нашел бы.

— Вы уверены?.. — спрашивает Юхансен.

Вопрос остается без ответа.

А теперь начальник сидит в бане. Они обзавелись банькой. В камерке в толще льда, между антарктическим штормом вверху и притаившимися глубоко внизу темными волнами моря. Платформа, накрытая палаточкой, под платформой горят два примуса, жар от них греет сидящего в палаточке человека, вода от тающего льда собирается в лохани.

Великое блаженство.

Здесь человек наедине с собой, здесь время течет, не оставляя болезненных следов. Здесь ты можешь думать — и прощать.

Он дремлет в тепле, взвешивает Юхансена на чувствительных мысленных весах — и приходит к выводу, что Юхансен ему симпатичен.

Вечером в «Фрамхейме» праздник. Кто-то выпивает больше других?

Ничего подобного.

На родине лето в разгаре. А здесь сочельник.

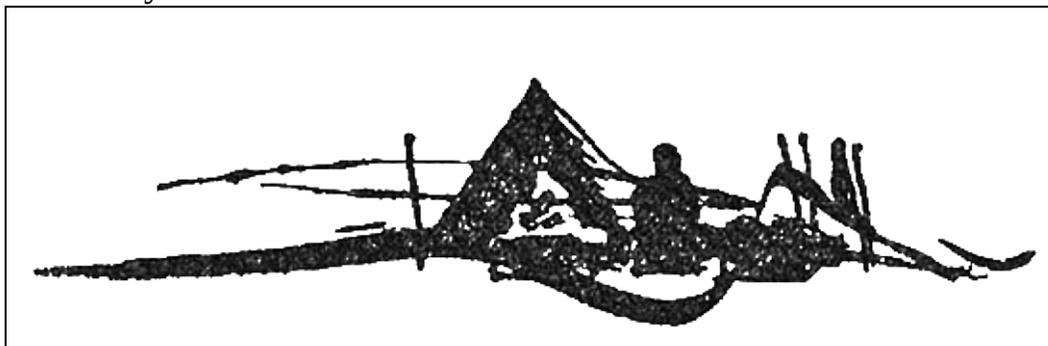
Суровые мужчины поют рождественский гимн.

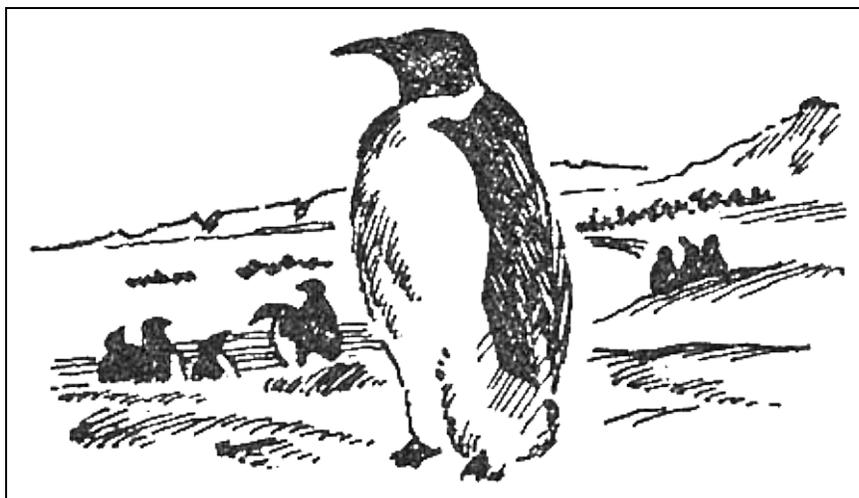
Расскажи свою байку...

Черт — опять он со своей байкой.

А хорошо нам здесь!

Расскажи свою байку.

Обычно капитан Роберт Фолкон Скотт ночью укрывался старой шинелью. На ней хватало красных нашивок, и она вполне внушительно смотрелась днем, когда висела на гвозде. Рядом он приколот на стене фотографии жены и сына. Письменным столом служили два старых ящика, накрытые клеенкой. На столе лежала библия, кроме того, еще две книги, бумага, ручка. Он был человек простых привычек. Засыпая, складывал руки на груди; храпел умеренно, как подобает офицеру. Не любил неприличных звуков, которые все равно доносились до его слуха из соседних помещений, где спали другие. Тщательно брился. Не забывал чистить зубы, но муштре не придавал чрезмерного значения. Ему было присуще чувство меры.

Стульев в комнате не было, а потому приходившие вынуждены были стоять перед ним. Из-за малости помещения стояли почти вплотную к капитану. Сам он сидел на койке. Предложить подчиненному сесть на кровать командира было бы нарушением устава. Одна из проблем, которые одолевали его в первые недели зимовки на мысу Эванса: как в такой ситуации поддерживать должный порядок и соблюдать дистанцию, в то же время проявляя необходимое дружелюбие?

Об Амундсене он никогда не заговаривал.

Дом был перегороден поперек в отношении два к трем. Меньший отсек отведен рядовым и младшим офицерам; их числом было больше. Разгороженные отсеки не сообщались. Пища мало чем различалась. В комнате офицеров выделялся большой обеденный стол. Дождавшись, когда все встанут у своих мест, входил командир. Он садился первым; затем — остальные. Еду подавал метрдотель в белом кителе. Снаружи бушевала вьюга.

Командир берет вилку и нож.

Офицеры берут вилку и нож.

Можно приступать.

Разговор течет весело и непринужденно, но если командир молчит, другие тоже молчат или говорят вполголоса. За столом собран не совсем обычный кружок. Здесь и врачи, и зоологи, и геологи — крупные специалисты в своей области, которым поручено вести исследования в Антарктиде. Кроме того, Империя требует, чтобы они покорили последний клочок на земном шаре, где еще не ступала нога человека.

Но командир не говорит об Амундсене.

Раз он не говорит, то и другие помалкивают, хотя от одного к другому передается безмолвное, напряженное, почти опасное недоумение. Он молчит об Амундсене? После первого шока, когда узнал, что норвежцы высадились в Китовой бухте, — ни слова об Амундсене? У нас

свои планы? Но ведь они подразумевали, что мы, и только мы покорим полюс. С появлением Амундсена картина изменилась. Не следует ли нам пересмотреть свои планы, сократить сроки?

Каждое воскресенье он проводит молебен. По этому случаю рядовые тоже собираются в офицерской комнате. Дело серьезное. Никому не дозволено увиливать. Все молитвенно сплетают пальцы. Кое у кого они поморожены. Свидание с господом такой же непременимый ритуал здесь, как и дома, в Англии. Красивым, ясным голосом он читает отрывок из библии и произносит шаблонные слова молитвы. Снаружи беснуется вьюга.

Он и по вечерам не говорит об Амундсене.

Начинаются толки за его спиной. Конечно, он знает об этом, но продолжает упорно молчать. «Он что же — не хочет?.. — спрашивают они друг друга, разгребая снег или таская сено косматым лошадам, страдающим от мороза. — Не хочет принять вызов?.. Мы ведь первыми должны прийти на полюс? Империя требует этого. Поэтому и были даны деньги на экспедицию».

Младший офицер Эдгар Эванс участвовал в первой экспедиции Скотта в Антарктиду. Капитан Скотт благоволит к нему. Эта доброта офицера к подчиненному сродни доброте крестьянина к лошади. От Эванса всякого можно ожидать. Он силен как бык и послушен, как дрессированный пес. Ведет себя хорошо, — когда командир поблизости; он выпестован трущобой и благодарен военному флоту, который извлек его из трущобы. Образцовый подчиненный идеального командира. Но каким он будет, если командир не окажется идеальным?

Эдгар Эванс начинает ворчать:

— Он что же — не хочет принять вызов?..

Спрашивает одного из других:

— Мы получим наши деньги, если капитан не будет первым на полюсе?..

— Наши деньги?..

— Если он разорится, потому что не придет первым?.. Уже не только офицеры, но и рядовые спрашивают:

«Он не хочет принять вызов?.. Говорит, что надо выполнять научную программу? Ему неизвестно, чего ждет от нас Англия? Кого интересует наука? Империя требует, чтобы мы покорили полюс».

Кавалерийский капитан Оутс, служивший в Индии, мультимиллионер и знаток лошадей, немногословный и надменный, но наделенный своеобразным чувством юмора, однажды вдруг разражается смехом:

— Он не хочет принять вызов?..

В составе экспедиции есть русский конюх Антон. Коренастый сильный коротыш, он задает корм лошадям и убирает навоз — работа, которой чурается кавалерийский офицер. Антон не очень силен в английском языке. Для всех загадка, каким образом он здесь очутился. Но Антон не глуп, и при других обстоятельствах он мог бы оказаться покорителем полюса. Он поворачивается к своему командиру, капитану Оутсу, и усмехается:

— Скотт, не принять вызов?..

Доктор Уилсон — научный руководитель экспедиции. Он на «ты» со Скоттом. Офицер Уилсон тоже относится к начальнику с абсолютной лояльностью. Ни слова протеста. Никаких неуместных жалоб. Никаких предложений пересмотреть план. Как ученый — он зоолог — Уилсон доволен тем, что Скотт придерживается первоначального плана и после того, как объявился Амундсен. Но у него есть чувство юмора. Предельно тактичное. Укладываясь спать, он поворачивается лицом к стене. В комнате царит мрак. И он говорит себе с улыбкой: «Скотт не желает принять вызов?..»

Тедди Эванс спас «Терра Нову», когда они попали в шторм на пути из Новой Зеландии. Он отчаянный удалец, человек беспредельного мужества. Бешено честолюбив, умен, одержим идеями, далеко не всегда склонен рассчитывать последствия своих действий. Чувство меры ему не присуще. Он считал само собой разумеющимся, что Скотт, узнав о присутствии Амундсена в Китовой бухте, тотчас пересмотрит свои планы и сожмет сроки, чтобы попытаться достичь полюса раньше норвежцев. Вместо осторожного, поэтапного движения на юг — могучий рывок, лишь бы прийти первыми, любой ценой, не жалея ни животных, ни саней, ни людей.

Но Скотт не желает.

Эванс желает. Хотел бы, в крайнем случае, принудить командира, будь это возможно, но как офицер он знает, что это невозможно. Железный закон военного флота действует и в Антарктиде. А потому для Эванса проблема заключается в том, чтобы, не бунтуя, повлиять на командира, заразить его своей волей и зажечь в нем искру там, где глаз видит одну золу.

Эванс не понимает. Скотт не желает принять вызов?..

Но вот в один из дней к Эвансу приходит посыльный: «Начальник экспедиции просит вас немедленно явиться к нему».

Эванс является, не сомневаясь, что Скотт решил обсудить со своим заместителем новый, лучший план. Сдержанно щелкает каблуками и вытягивается в струнку. В комнате тесно. Он стоит так близко перед Скоттом, что глядит на него сверху вниз. Капитан сидит на койке. Устав не позволяет предложить заместителю сесть рядом.

— Дорогой Эванс, я пригласил тебя, чтобы вместе обсудить один вопрос.

— Сэр?

— Я хочу, чтобы группа, которая пойдет на полюс, состояла по возможности из представителей всех родов войск. Конечно, мы — военные моряки, и, естественно, флот нам ближе. Но ведь Англия, наверно, пожелает, чтобы армия тоже была представлена?

Эванс безмолвствует.

* * *

На мысе Эванса люди тоже забираются в спальный мешок головой вперед, чтобы быть возможно дальше от остальных. Подальше от тех, что без конца треплют языком, храпят, плюются, рассказывают дурацкие байки, отравляют воздух трубочным дымом и тысячу раз слышанными остротами. Люди выходят из дома и блюют. Блевотина превращается в лед. Другие спотыкаются о замерзшую блевотину. Ненавидят виновника, проклинают его, ненавидят весь мир, Скотта с его характером, поднимают окаменелую от мороза блевотину, бросают в стену домика и убегают. Никто не должен знать, что они сделали.

Порой люди оказываются на грани безумия. Потихоньку встают среди ночи с мыслью о самоубийстве как о единственном спасении от невзгод. Мужество изменяет им — мужество людей, которых Империя хвалила за отвагу. Они срывают замки, добираясь до водки. Находят морс, пьют его, морс окрашивает злоумышленника, кража раскрывается, начальник экспедиции выговаривает наедине. Всесторонне обдумывается проблема: «Нам нужна гауптвахта? Но где ее устроить? Вырубить помещение во льду? Арестант может замерзнуть. Это будет бесчеловечное наказание. Не говоря уже о последствиях, которые еще надо основательно взвесить. Так, может быть, довольно выговора наедине? А затем, если понадобится, выговор перед строем?»

Буран день и ночь, забейся в берлогу, попробуй уснуть, но кто в состоянии спать круглые сутки во время бурана? Тут приходит на помощь военная дисциплина. Все стоят, пока не сел командир. Учтивый приглушенный разговор за столом.

Молебен.

Утренняя гимнастика.

В один из дней дана команда занести в дом несколько ящиков.

Их забыли снаружи, никто не знает, что в них лежит, кругом разбросано немало снаряжения, но постепенно наводится порядок. Оказывается, эти ящики были выгружены на берег, когда «Терра Нова» зашла сюда после встречи Кемпбелла и его людей с Амундсеном. Скотт в это время был на юге, руководил заброской.

В ящиках обнаруживают карты — может быть, важные, а может быть, и нет. Третьи сутки беснуется метель. В полдень светает самую малость, только-только рассмотреть стоящего рядом. Внезапно ветер подбрасывает в воздух какую-то бумагу.

Она была засунута в один из ящиков — видно, что-нибудь пустячное. Кто-то ловит ее рукой. Письмо. Стоит лютый мороз. Рука коченеет. Ветер вырывает из нее бумагу.

Скорее всего, это просто привет от Кемпбелла, но все равно: вдруг командир узнает или его заместитель Эванс, который в эту самую минуту подходит и орет на людей, как у него заведено. Они принимаются искать. Вот оно. Один из искавших наступил на него. Наклоняется, чтобы поднять, но тут налетает такой шквал, что не только письма — собственной руки не видно.

К тому же наступил вечер.

На другое утро разворачиваются обширные поиски. Начальнику экспедиции еще ничего не докладывали. Но Эванс поклялся, что письмо будет найдено, если это вообще письмо. Может быть, Кемпбелл сообщает что-нибудь важное. Эванс проклинает своего товарища, который сейчас уже вернулся в Новую Зеландию. Неужели не было лучшего способа передать письмо, чем сунуть его в ящик с какими-то картами?

Люди разгребают снег, люди чертыхаются, да много ли от этого толку, когда бушует метель. Снова наступает вечер.

Утром третьего дня погода отличная.

Лошадей выводят для разминки.

Эванс приказывает:

— Письмо должно быть найдено!

Начальник экспедиции уже в курсе. Его явно интересует это письмо.

Все копаются в снегу, все ищут. Внезапно кто-то из людей обращается к Эвансу:

— Сэр.

— Слушаю.

— Вон тот пони что-то жует. Выясняется, что пони жует бумагу.

В последнюю минуту письмо удастся спасти. Оно адресовано лейтенанту Эвансу, заместителю начальника экспедиции.

На конверте подпись Кемпбелла.

Эванс вскрывает конверт.

* * *

Кемпбелл рассказывает о своих наблюдениях при встрече с Руалдом Амундсеном в Китовой бухте. Норвежец произвел на него впечатление человека знающего и твердого. Его люди неразговорчивы; собаками управляют отменно. На лыжах ходят так, словно родились с ними. Но главное: норвежцы поставили большие палатки для собак. Из чего можно заключить, что Амундсен бережет их от мороза, задумав стартовать ранней весной. При таких условиях у него все шансы быть первым на полюсе.

Горькая пилюля для читающего письмо Эванса. Его мозг всегда полон дерзких идей, на любые трудности у него тотчас готов ответ. Известие о собачьих палатках Амундсена немедленно наводит его на мысль использовать палатки как ночное убежище для пони. И в несколько часов он набрасывает новый, более смелый план штурма полюса. Если осуществить этот план, можно в гонке победить норвежцев.

План Скотта предусматривал неторопливое продвижение вперед тремя последовательными и независимыми друг от друга отрядами. Отряд с собаками, отряд с пони и отряд с моторными санями. Когда будет достигнут ледник Бирдмора ^[16], где начнется долгий, адски трудный подъем на Полярное плато, дальше, в неведомое, к полюсу пойдут только пять человек, пойдут пешком, сами себе тягло.

По плану Эванса следовало стартовать еще до начала весны. Отряд с собаками и пони, взяв палатки, доходит до ледника Бирдмора и разбивает там лагерь, не дожидаясь конца зимы. Члены отряда подготавливают подъем, разведывают путь, не щадя ни собак, ни пони, в крайнем случае даже людей. А полюсная группа выйдет из зимовья со свежими силами по размеченному маршруту, с помощью передового отряда одолеет ледник Бирдмора и будет готова пройти последний этап до полюса, когда начнется антарктическое лето.

Но строгие правила флотского устава одолеть было труднее, чем бураны Антарктиды. Кемпбелл — подчиненный. Он написал другому подчиненному письмо, которое по смыслу и по форме можно истолковать как критику начальника экспедиции и его плана. Такую критику, коли на то пошло, следовало адресовать самому начальнику. Вежливо попросить командира еще раз взвесить свои превосходные наметки, учтя при этом по возможности соображения одного из его людей относительно некоторых подробностей плана штурма. Письмо подчиненного другому подчиненному принадлежит к категории личной корреспонденции. А как лейтенант военно-морского флота Эванс не вправе знакомить начальника британской экспедиции со своими личными письмами, пока начальник сам не выразил такого желания.

В то же время Эванс не мог доложить Скотту свой план, не указав, откуда почерпнул свои сведения. Умолчать об исходных соображениях значило бы обмануть командира. А за обман командира он мог быть предан суду военного трибунала. Сложная проблема, и он не один день ломал голову над ней, обдумывая в то же время свой план, сравнивая его с планом Скотта, видя преимущества собственного замысла, утрачивая отчасти уважение к командиру, но никак не показывая этого.

Пойти к доктору Уилсону и поделиться с ним? Кое-что говорит за такой ход, кое-что против. Уилсон человек умный, мягкий и доступный, умеющий внимательно слушать собеседника, хотя бы тот не мог сообщить ничего интересного. Наверно, он вскинет свою красивую крупную голову, одобрительно кивнет, выразит в основном согласие с Кемпбеллом, похвалит замысел Эванса и скажет, что надо бы все это доложить Скотту.

Ну а сам Скотт?

Начальник экспедиции придет к заключению, что не только Кемпбелл действовал за его спиной — так же поступил и Эванс, обратившись сперва к Уилсону. Было похоже, что весь альтернативный план покорения британцами полюса споткнется на уставе военно-морского флота. Однако Эванс не думал сдаваться.

Он не владел тактическими тонкостями. Не учитывал, что у человеческой души могут быть свои лабиринты, и не привык у входа в них надевать шелковые туфли. Тем не менее на этот раз он избрал верный курс.

Тедди Эванс решил раскрыть свои карты — только такой образ действий мог быть одобрен Скоттом. Передать командиру письмо Кемпбелла с облаченной в уставную форму вежливой просьбой прочитать его, отметив при этом, что Кемпбелл, очевидно, писал в спешке, готова

«Терра Нову» к отплытию. Отсюда серьезное нарушение правил обращения, однако же в письме есть один важный момент, сэр, на который я прошу вас обратить свое внимание. Лично я, несмотря на отсутствие опыта полярных путешествий, разработал нечто вроде альтернативного плана покорения полюса.

Эванс является к командиру.

Щелкает каблуками — не слишком сильно, чтобы не раздражать командира напоминанием о минусах его командирского статуса, — но все же щелкает, ибо командир есть командир и Эванс тщательно взвесил возможные последствия нарушения каких-либо уставных требований.

В закутке Скотта тесновато.

Командир сидит на койке.

Эвансу садиться на койку нельзя. Он вручает письмо, докладывает коротко и ясно и продолжает стоять, поскольку ему не предложено быть свободным.

Скотт читает медленно.

Читает снова, еще медленнее, он вполне усвоил искусство изображать невозмутимость. Его лицо бесстрастно.

Эванс тоже не обнаруживает признаков волнения, стоя «вольно» в полуметре от сгорбленных плеч Скотта и рядом с висящей на гвозде старой шинелью, рукав которой щекочет ему ухо.

Скотт кончил читать.

Поднимает голову.

Они смотрят в упор друг на друга.

Два сильных человека скрещивают взгляды — начальник экспедиции и его заместитель, спасший во время шторма «Терра Нову», о чем оба знают. Один вооружен опытом своего предыдущего путешествия в эти края, другой — моряк, только моряк, но обладающий несгибаемой волей, воображением, которого Скотт лишен, твердостью, которая естественна для него, Эванса, и которой командир в лучшем случае способен подражать, преодолевая отвращение.

Обоим все ясно.

Империи нужна победа, Амундсену нужен полюс. На выпад норвежцев можно ответить только контрвыпадом. Но может ли начальник экспедиции принять план своего заместителя, сделать его своим планом, поставить свою печать, взять ответственность на себя и, при успехе, пожинать славу? Скотт не тот человек, чтобы вскинуть руки и воскликнуть: «Ты нашел решение!» Такой поступок командира линейного корабля был бы нарушением устава.

Вот и сидит он, думает. В душе его тлеет уголек. Он не лишен способности ревновать, но ревность должна созреть. Мгновенная реакция не в его природе. Сила Скотта — в неспешном упорстве. Которое можно принять за неспособность действовать.

Проникся ли он неприязнью к Эвансу с того раза, когда во время шторма его заместитель проявил находчивость и отвагу, которым суждено войти в легенду в Империи?

И вот этот Эванс стоит перед ним — почти дерзко стоит, воплощение отваги, с готовым планом, с искрой в глазах, человек, способный руководить другими людьми.

Быть может, и жертвовать ими, да-да, и побеждать, принося их в жертву. Однако начальник экспедиции обязан все взвесить.

В этом его превосходство. За обязанностью взвешивать можно укрыть свою слабость. Догадывается ли он, что Эванс способен ненавидеть? Сам он способен смириться.

— Мой дорогой Эванс, — начинает он, и уже тон его голоса говорит Эвансу все, что требуется. — Мой дорогой Эванс, добрые намерения Кемпбелла, как и твои, не подлежат сомнению. Но его письмо и твои суждения по этому поводу не могут изменить моих планов. У

нас научная экспедиция. Будем продолжать работу так, словно норвежцев нет в природе. Зато я разрешил нашему доброму другу Уилсону отправиться на сбор яиц. Благодарю, Эванс. Он должен собрать яйца императорских пингвинов. Это очень важно для науки.

Императорские пингины кладут яйца у мыса Крозье. Это установлено предыдущими экспедициями. Однако самих яиц еще никто не видел. Мыс Крозье — одно из самых ветреных мест Антарктиды, сущий ад даже на здешнюю мерку. Яйца можно собрать только зимой, когда императорские пингины насиживают их.

Туда-то и намерен отправиться Уилсон. Он зоолог и при всем своем уме отчасти однодум. Готов рисковать своей жизнью ради того, чтобы подержать в руках яйцо императорского пингина. В этом отношении его выбор разумнее выбора других участников экспедиции. Они предпочитают рисковать жизнью ради того, чтобы в один прекрасный день достигнуть точки на карте, именуемой полюсом, которая, скорее всего, ничем не отличается от других точек южного континента.

Уилсон берет с собой Генри Бауэrsa, лейтенанта английских ВМС, обладателя на редкость большого носа, — такой профиль, раз увидев, не скоро забудешь. Он не ученый-специалист, зато мастер на все руки. Каменно невозмутим и наделен от природы загадочным даром безошибочно ориентироваться в тумане и вьюге.

Кроме него с Уилсоном идет будущий зоолог, студент Черри-Гаррард. Красивый молодой человек, он словно создан для того, чтобы сокрушать девичьи сердца, будь здесь таковые. Он может показаться хилым, но это не так, вот только с морозами не в ладу. Что не очень-то годится для полярника.

Вероятно, Скотт не без задней мысли снаряжает в путь эту троицу. Если их поход в разгар зимы пройдет успешно, может быть, удастся начать движение на юг раньше, чем предусмотрено его планом? Местность, отделяющая мыс Эванса от мыса Крозье, дикая и опасная. Высокие горы и трещины, теснины, где ветер бушует похлеще, чем на открытой равнине. Пороша подобна песку. Они тащат сани, перекинув веревки через плечо. Мороз поначалу не самый лютый — около минус сорока, и вечером в палатке при горящем примусе климат вполне сносный.

Однако температура понижается. Скоро мороз достигает минус шестидесяти трех. Забравшись в палатку, не сразу развернешь спальный мешок, так он смерзся. От снежной крупы одежда, согреваемая телом, сыреет; выбираясь из палатки, рискуешь окоченеть в полусогнутом положении, потому что влага тотчас становится льдом, превращая одежду в твердый панцирь.

Тем не менее они доходят до мыса Крозье. В лощине под горой Террор ^[17] сооружают каменную лачугу. И отсюда совершают вылазки к пингвинам. Повесть о том, как Эдвард Уилсон в буран и шестидесятиградусный мороз собирает дюжину пингвиньих яиц, упаковывает их и осторожно уносит с собой для последующего изучения, одна из самых прекрасных глав истории науки.

Внезапно разражается ураган. Палатку, которая лежала перед каменной лачугой, уносит ветром. Ночью шторм срывает брезент, служивший крышей.

Им угрожает смерть. Двое суток они без еды. Дождавшись, когда стихнет ураган, разжигают примус. Сидя на снегу среди каменных стен, наконец едят. Крыши по-прежнему нет.

Либо они найдут палатку, либо погибнут. Это совершенно ясно. Наметив три параллельных курса, они идут в ту сторону, куда дул ветер. До ночи остается всего несколько часов.

И тут один из них спотыкается о палатку. Она лежит под снегом. Ее придавило камнем, который порывом ветра сбросило со стены.

Они благополучно возвращаются на базу на мыс Эванса. Пять недель длился их поход.

Уилсон сберег яйца.

Всех троих укладывают в постель с сильными обморожениями.

Скотт сидит на краю койки Уилсона.

— Дорогой Билл, я восхищаюсь тобой и твоим подвигом. Рад, что тебе удалось принести яйца. Твоя экспедиция увенчалась полным успехом, в этом нет никакого сомнения. Я знаю, что вы перенесли немалые тяготы, но тем значительнее результат. И все же, дорогой друг, посмотрим трезво на вещи. Твоя экспедиция показала, что до конца зимы нельзя выходить на юг. Мы потеряем собак и лошадей. Возможно, и людей. Мы не можем себе этого позволить. Собаки понадобятся для других маршрутов, которые я намечаю здесь. И лошадьми нельзя рисковать без нужды. А потому договоримся, что наша экспедиция остается, как было решено с самого начала, научной экспедицией. И будем придерживаться первоначального плана. Нас будут критиковать за это. Одна из наших задач в том и состоит, чтобы не бояться критики.

Уилсон молча кивает.

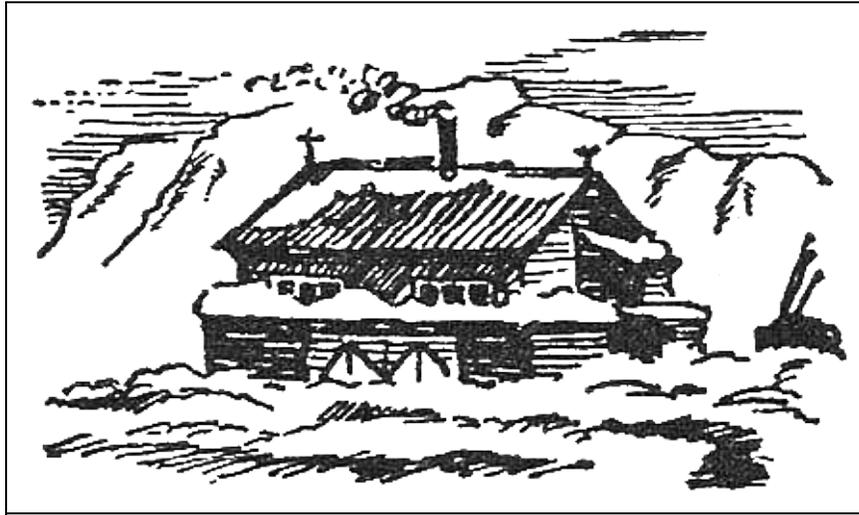
— Но я думаю, дорогой друг, что нам с тобой еще предстоит обсудить состав отряда, который пойдет на полюс, чтобы в нем по возможности были представлены все рода войск.

Уилсон снова выражает свою благодарность.

Эванс не присутствует при этом разговоре.

Зима подходит к концу. Приближается весна.

— Я весьма благодарен вам, господин Амундсен, и чрезвычайно рад, что вы согласились встретиться для интимной беседы. Вы знаете, сколь высоко я вас чту, это относится как к вашему богатому опыту путешествий в полярных областях, так и к вашей личности.

— Вы слишком любезны, мистер Скотт. Могу только сказать, что это тот случай, когда радость всецело на моей стороне.

— В таком случае, господин Амундсен, хотел бы предложить, чтобы мы оба попробовали, насколько это возможно, выяснить истину друг о друге. Мне было бы приятно, если бы мы могли обменяться мнениями с той изысканной вежливостью, которая так естественна для вас. Хотя, строго говоря, не в вежливости дело. Главное, чтобы мы попробовали достичь более глубокого понимания нашей ситуации — и нас самих.

— Я и тут совершенно согласен с вами, мистер Скотт. В глубине души я тоже способен видеть и говорить самую горькую правду о себе. И о других.

— Я пробовал дозвониться до вас, когда был в Христиании!

— Я слышал звонки, но не брал трубку. Стоял рядом с аппаратом и знал, что это вы звоните. Я трусил. Я не мог встретиться с вами и умолчать о том, что решил быть вашим соперником в этих краях. Это справедливо было бы расценено как прямая нечестность. С другой стороны, я не мог уже тогда сказать вам правду. Это смягчило бы потрясение, которое вы, по моим расчетам, должны были испытать. К тому же — что, на мой взгляд, немаловажно, — у меня могли возникнуть трудности с моим правительством. Вы, конечно, понимаете: учитывая зависимость Норвегии от Англии, норвежские власти могли потребовать, чтобы я отказался от соперничества с вами.

— Я понимаю, что выдаю собственное несовершенство, господин Амундсен. Но я желал бы, чтобы ваши власти остановили вас. Не потому, что это, по-моему, было бы справедливо. Но вы с вашим безмерным честолюбием, позволившим вам даже пойти на умолчание, которое я считаю бесчестным, вы должны понять, что меня тоже сверлит честолюбие.

— Всецело понимаю, мистер Скотт! И раз уж мы заговорили о желаниях, они есть и у меня. Взять, например, эти моторные сани. Хоть бы черт их побрал.

— Я и сам нередко разделял это ваше желание. Первые сани уже в преисподней. Провалились сквозь лед и пошли ко дну.

— Я чувствую потребность, мистер Скотт, подробнее осветить мои мотивы и мою тактику, когда я повернул с севера на юг. Понимаете, я не ученый. Главное для меня — рекорд. Хочу, чтобы люди говорили: Амундсен пришел первым. И хотя у меня есть свои сомнения насчет Кука и Пири — да-да, Пири тоже: верю, когда-нибудь будет доказано, что и он не дошел до

полюса, — все равно мое завоевание Северного полюса всегда омрачалось бы толками о том, что я не был первым. Это и заставило меня включиться в борьбу за Южный полюс, который является главной целью для вас. Верно я говорю? Разве не лжете вы всем и самому себе, когда утверждаете, что полюс — побочная цель вашей экспедиции? Вы боитесь признать, что мечтаете покорить полюс — и покорить его первым. Считаете это недостойным. Кроме того, мистер Скотт, вы не свободны от трусости. Не в том, что касается внешних опасностей, нет. Верю: ваше чувство долга способно при необходимости подвигнуть вас на самые рискованные поступки. Но достанет ли вам смелости совершить что-либо, что хоть в какой-то мере может показаться зазорным? Мне достанет. Я не боюсь сказать: у меня одна-единственная цель. Прийти на полюс первым.

— И поэтому я верю, что вы будете первым, господин Амундсен! У вас есть и мужество с нужной примесью бесстыдства, и безрассудная отвага, которая на мой взгляд, отдает глупостью, и, однако, чрезвычайно эффективна. Вам ведь известно, что Шеклтон наблюдал, как раскололись льды в Китовой бухте? И это было всего два года назад. Тем не менее вы именно там устроили свою базу.

— С моей стороны было логично пойти на этот риск, мистер Скотт. Я в буквальном смысле слова должен победить или умереть. После нечестного поступка, в котором я вам признался, только победа может спасти мою честь.

В Китовой бухте я на сто километров ближе к полюсу.

— И наверно, этого окажется достаточно.

— Кажется, вы расположены к пессимизму, мистер Скотт?

— Да. Думается мне, все дело в том, что у меня более богатая душа, чем у вас, — извините, но ведь мы обещали друг другу полную откровенность.

— Охотно прощаю, мистер Скотт! Продолжайте.

— Итак, я духовно богаче вас. Но это может оказаться минусом для человека, поставленного руководить другими людьми в чрезвычайных обстоятельствах. Генерал, отдающий артиллерии приказ обстрелять город, не должен испытывать особых угрызений от сознания, что убивает своих братьев. Конечно, ему легче, если за ним стоит Империя. Но при этом он должен принадлежать к числу ограниченных людей, готовых верить в правоту Империи. Тогда он будет верить и в свою правоту. Вы как раз такой человек, хотя за вами и не стоит Империя. У меня есть Империя, но я человек другого склада.

— Мое мнение — кто желает достигнуть цели, не должен чураться средств. Если вы прибыли сюда покорять полюс, мистер Скотт, почему бы вам не оставить все прочее и не попытаться достигнуть его первым?

— Вы когда-нибудь видели яйцо, господин Амундсен?

— Не понял...

— Это ваш плюс — что вы не всегда понимаете. Мой добрый друг мистер Уилсон доставил с мыса Крозье двенадцать яиц императорских пингвинов. До сих пор никто еще не видел этих яиц. Мои люди добыли их. Теперь эти яйца будут исследованы под микроскопом. Человек сделает маленький шаг вперед в своем познании мира. Мысль об этом радует меня.

— И я рад за вас, мистер Скотт. Но все же опять вынужден поймать вас на непоследовательности. Чего вы желаете больше всего? Уж наверное даже для вас полюс важнее яйца? Что до меня, не сомневаюсь, что я стал бы посмешищем, если бы люди сказали, дескать, он отправился покорять полюс, но потерпел неудачу, зато привез домой дюжину яиц.

— Которых никто в мире еще не видел.

— И которые не так уж необходимо было увидеть.

— Господин Амундсен, я охотно признаю, что вы наделены рядом качеств, которых я

лишен. Допустим, что мой характер благороднее вашего, однако это может обернуться слабостью для меня. Но извините за такой вопрос: вы и впрямь так спокойны в глубине души, как хотите казаться? Конечно, все люди в какой-то мере умеют скрывать свою внутреннюю тревогу, и все-таки. Позвольте спросить: вы не истерик?

— Думаю, вы довольно близки к истине, мистер Скотт. Мне и впрямь присущи элементы истерии. Это может быть связано с тем, что я никогда не жил, так сказать, естественной жизнью. Так, например, я не чувствую влечения к женщинам. Разумеется, стараюсь скрывать это, как могу. И, стремясь показать, что я тоже мужчина, иной раз позволяю себе пошлые остроты. Но дело в том, что я слишком умен. А еще и труслив. Все мы в чем-то трусливы. Строгий аскетизм моего нрава усугубляет честолюбие, которое и без того было бы достаточно сильным. Я держу в узде глубинные импульсы — оттого и до истерии недалеко.

— Случается ей прорываться наружу?

— Бывает, когда что-нибудь не по мне. Например, если собачья упряжка сбивается с курса. Один раз — ничего, я сдержусь. Но если несколько раз подряд, я не просто сержусь, а ору и беснуюсь. Мои люди не должны видеть этого. Когда подступает истерия, я, чтобы скрыть ее, сжимаюсь в комок и кусаю рукавицу. И уж тогда никакие чувства не мешают мне избивать собаку.

— Мне — мешают.

— Знаю. И поверьте, я тоже хотел бы быть другим.

— Эта истерия — она не может стать опасной, если прорвется в такой день, когда все будет поставлено на карту?

— Несомненно. Один из факторов, которые увеличивают мою тревогу и тем самым возможность истерических припадков, — сознание того, что вы свободны от истерии.

— Думаю, тут вы правы. Но зато я, если говорить о моих недостатках, лишен воображения. Годы службы на флоте усугубили этот изъян. Приказ есть приказ. Отменить приказ — дело нешуточное. Военно-морская служба невозможна без устава. Известно ли вам, что мои люди щелкают каблуками, войдя в закуток, который служит мне и спальней и кабинетом. И в котором я сижу на старой шинели.

— У нас все спят в одном помещении. Я узнаю любого из моих людей по звуку — и они узнают меня. Мне ненавистна интимность такого рода. Но я смеюсь, как и все. Думаю, это одна из моих сильных сторон.

— У вас, господин Амундсен, несомненно, много сильных сторон, но позвольте все же сказать — я еще раз прошу прощения, — что вы мне не нравитесь.

— Знаю. Я тщательно продумал это обстоятельство. И вот что странно: мне кажется, оно работает на меня. Ваша неприязнь разжигает во мне злость и гонит меня вперед. В то же время она в известной мере сковывает вас, потому что вы считаете это чувство недостойным.

— Кто-нибудь из ваших людей обнаружил вашу склонность к истерии?

— Один. Самый опытный и опасный. Он был вместе с Нансеном, прежде чем попал ко мне.

— Вы говорите: самый опасный?

— Потому что он единственный, у кого есть задатки руководителя. Остальных я сам выбрал. Они умельцы, превосходные лыжники, им не страшен мороз — ничто не страшно. Но личностями их не назовешь. Я сознательно подбирал людей по такому принципу. У них не должно быть сомнения в том, кто здесь начальник. Однако Нансен посоветовал мне взять с собой его человека. Тут у меня не было выбора.

— Разве Нансен не был вашим благодетелем и другом?

— Был — по видимости. Разумеется, мне приходилось укреплять это впечатление. Но в душе он, наверно, сомневался, что в его возрасте выдержит экспедицию к Южному полюсу.

Оттого ему было легче одолжить мне «Фрам», а заодно присвоить частицу славы, напоминая, что планы экспедиции к Южному полюсу были разработаны им, когда он зимовал в Северном Ледовитом океане. Недурно придумано. А навязав мне Ялмара Юхансена, он подложил мне свинью. Этот Юхансен слишком независим для подчиненного.

— И вы говорите, что он обнаружил вашу склонность к истерии?

— Он догадывается. И если она однажды прорвется, если я потеряю самообладание, думаю, это случится в его присутствии.

— Вы не очень способны дружить, господин Амундсен?

— Собственно, у меня есть лишь один друг — я сам. Можно еще добавить моего брата, Леона. Но я берусь предсказать — и думаю, это предсказание сбудется, — что брат, который сделал мне столько услуг, который так глубоко заглянул в мою честолюбивую душу, с которым я так откровенно советовался и который поэтому осведомлен о моей нечестности, в том числе по отношению к вам, этот брат не сможет всегда оставаться мне братом. Предвижу, что дело кончится разрывом.

— Могу с гордостью сообщить вам, господин Амундсен, что, когда умерли мой отец и мой брат, я один содержал всю семью.

— Совершенно согласен, что вы вправе этим гордиться. Но на этой почве не развилось ли ваше чувство долга до такой степени, что вы не можете позволить себе действовать аморально, даже будь это необходимо для достижения цели? Мистер Скотт?

— Сэр?

— Вы абсолютно честны, изображая себя человеком без нравственных изъянов?

— Отнюдь нет. И вот пример: я замечаю за собой растущую склонность к зависти. Когда мой заместитель, мистер Эванс, во время шторма южнее Новой Зеландии своими отважными действиями спас «Терра Нову», я всей душой завидовал ему. Понимаете, то был подвиг, который будут помнить всегда. Один человек спасает судно и весь экипаж. Может быть, в этом кроется истинная причина, почему я отверг задуманный им план, предусматривающий попытку покорить полюс раньше вас.

— Лично я считаю, мистер Скотт, что у плана Эванса есть шансы на успех. Чтобы победить меня и моих людей, нужен быстрый и смелый бросок.

— Знаю. Но это значило бы рисковать животными и людьми. С моим характером это не так-то просто. И вообще — смогу ли я, пользуясь чужим планом, считать себя победителем в борьбе за полюс? Разве не он будет победителем?

— Простите, мистер Скотт, я не могу удержаться от улыбки. Я вас вполне понимаю. И должен сказать, что вы мне все больше нравитесь.

— К сожалению, не могу ответить вам тем же.

— Я думаю, мистер Скотт, что вы погибнете.

— Я и сам так думаю. Но думаю также — нет, знаю, что умру честным человеком. И гордым.

— А я знаю, что смерть, если я погибну, дарует мне ореол, который закроет все мои изъяны.

— Выходит, строго говоря, вы не против того, чтобы погибнуть?

— Я предпочел бы жить победителем. Если же проиграю — лучше умереть. Думаю, если придя на полюс, я увижу там ваш флаг, то сыграю последний акт, хоть и трудно будет: поведу своих людей назад, заполняя дневник, который поведаст потомству, каким великим человеком я был, — и отыщу расселину во льду ночью, когда все будут спать.

— Если я обнаружу на полюсе ваш флаг, — честно говоря, предвижу, что именно это мне суждено, — я тоже поведу своих людей обратно. И буду считать своим долгом выжить. Если же все равно умру, думаю, молва о моем величии будет правдой.

— Это гордые слова, мистер Скотт. И вы вправе их произносить.

— Сдается мне, господин Амундсен, что к нашей интересной беседе мало что остается добавить. Позвольте только один вопрос под конец: что вы считаете главной слабостью моей экспедиции?

— Мистер Скотт, у нас на родине проводятся знаменитые лыжные соревнования, которые называются Холменколленские гонки. Было бы странно, если бы кто-нибудь из участников явился на эти соревнования с инструктором. Люди сказали бы с полным основанием, что этому человеку следовало пройти необходимое обучение задолго до того, как он вышел на старт.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, господин Амундсен. Не сомневаюсь, что мне предстоят гонки потруднее Холменколленских. До меня дошло, что ваши люди — искусные лыжники.

— Они относятся к числу лучших лыжников в мире. Но скажите мне, мистер Скотт...

— Сэр?

— Правду о моторных санях. Вы проклинаете их. Но может быть, они все-таки помогут вам достичь до полюса?

— Ваше беспокойство на этот счет вполне понятно, господин Амундсен. Моторные сани — новинка в этих краях, они могут опрокинуть все ваши расчеты. Я позволю себе под конец одно маленькое умолчание — стало быть, нечестность. Я лишен возможности посвятить вас в подробности относительно моторных саней. Когда вы намерены стартовать, господин Амундсен?

— К сожалению, я тоже лишен возможности сообщить вам что-либо еще. Но я желаю успеха вам и вашим людям, мистер Скотт! Мне известна ваша цель. И вам известна моя.

— Господин Амундсен, позвольте еще раз поблагодарить вас за любезнейшее согласие провести эту беседу со мной вдали от ваших людей!

— Это я должен вас благодарить, мистер Скотт! Надеюсь, мы согласимся не посвящать других в эту нашу откровенную беседу.

— Разумеется, господин Амундсен! Всего доброго!

— Всего доброго!

Начальник экспедиции не в духе. За завтраком они видят, что у него дрожат руки. Он никогда не выделялся умением поддерживать живой, веселый разговор. Либо ограничится коротким ответом, либо выдаст что-то вроде официальной речи. Сейчас он каждое утро встает в половине четвертого. Август, близится здешняя весна. Правда, она не торопится, с моря то и дело злыми ведьмами налетают штормы. Вроде бы все готово для старта. Сани вынесены наружу и нагружены. Упряжь осмотрена, все предметы одежды тщательно проверены. Но снова и снова выявляется и устраняется какой-нибудь пробел, изменяется какая-нибудь мелочь. Они видят за завтраком, как у него дрожат руки.

Они часто говорили между собой об этих моторных санях англичан. Большинство не верит, что от них может быть прок. Но начальник экспедиции злобно косится на тех, кто при нем громко произносит слово «мотор». А потому они предпочитают переводить разговор на собак. Их около сотни. Девяносто отобраны для решающего броска на юг. Сила так и прет из них. Они дерутся, кусают друг дружку за уши. Знают, что ухо жертва не сможетлизывать. От мороза раненые уши распухают, начинают гноиться. Правда, перед пострадавшим псом выстраивается очередь желающихлизать рану. И сам виновник тоже терпеливо ждет, когда представится случай загладить свой грех мягким влажным языком. На градуснике минус сорок пять.

Стартовать следует лишь после того, как температура поднимется до минус тридцати. Нужно дождаться, когда отбушуют бураны. Так сказал Ялмар, обойдясь без напоминаний о переделках, в каких ему довелось побывать. Против преждевременного старта высказывается и Хельмер, который управлял собачьими упряжками на Севере и, пожалуй, лучше других знает собак и все их повадки. Но что-то подсказывает им: упомяни кто-нибудь при этом моторные сани, начальник набросится с кулаками на грешника. Он похож на сильного, злого цепного пса — пса, который рычит и скалит белые клыки.

Однако людям не по себе, оттого что начальник экспедиции становится все мрачнее и угрюмее именно сейчас, когда им особенно нужен руководитель, не скупающийся на доброе слово. У каждого перед стартом свои заботы. Пришло время писать последнее письмо домой. Если люди не вернутся с полюса, сюда, во всяком случае, придет за почтой «Фрам». Не все одинаково сильны в родной грамматике. Большинство справляется с лыжной палкой лучше, чем с ручкой. И они с натугой выводят кривые буквы. За зиму чернила много раз замерзали и много раз оттаивали. Не так-то легко запечатлеть на бумаге теплые, человеческие слова. Но что-то все-таки получается. «Ты знаешь, я люблю тебя...»

Минус сорок пять.

Буран за бураном, а уже начался сентябрь. Те из обитателей «Фрамхейма», кто привык

просыпаться рано, видят, что начальник уже выходил посмотреть на погоду и теперь сидит понуриив голову. Сидит и молчит.

Но вот седьмого сентября погода вроде бы наладилась. Они решают восьмого трогаться в путь. Все готово. Собак распирает энергия. У одной из сук течка. В ночь на восьмое начальник почти не смыкает глаз. Чуть свет объявляет подъем. Они выходят наружу.

Погода сносная. На градуснике тридцать с хвостиком. От севера тянет колючим ветром. Он будет дуть им в спину. Какое-то время уходит на последние сборы. День уже в разгаре, когда все занимают свои места. Восемь человек пойдут на полюс. Девятый, кок Линдстрём, остается на базе один.

Они стоят у саней, настроение приподнятое, больше ждать неважготу. Одного из них тошнит, он заходит за торос. Линдстрём приносит дымящийся кофе и наливает каждому по полчашки на прощание. Вдруг упряжка Хельмера Ханссена срывается с места. На санях четыреста килограммов груза. Хельмер не успеваеа остановить их.

Может быть, это течная сука взбудоражила кобелей, энергия ищет выхода и гонит их вперед. Хельмер бежит вдогонку. Он вооружен кнутом и черными словами, да и лыжник не последний, но упряжка пропадает в снежном вихре.

С моря напоззает промозглый туман.

Следом за первой упряжкой бросаются собаки Вистинга. Он успеваеа упасть на сани и опрокидывает их. Собаки продолжают тянуть, он тормозит всем телом, снег набивается за шиворот и тает. Опрокинутые сани тянуть тяжело, собаки хоть и напрягают все силы, но развить такую же скорость, как упряжка Хельмера, не могут, и все же бегут, не обращая внимания на удары кнута. Вистинг вынужден отпустить сани. Подавленный, злой, со слезинкой в глазу, он бредет за ними следом. Где-то ведь собаки вынуждены будут остановиться. Там он их догонит.

Тем временем остальные члены отряда выпрягли своих собак и посадили на привязь. Туман с моря принес острый холод. Двое ходят взад-вперед по снегу, топая ногами, чтобы согреться: Ялмар Юхансен и начальник экспедиции. Ходят в тесном промежутке между санями и торосом. Сойдешь с колеи — провалишьься в рыхлый снег. Это никому из них не улыбаеа. И они продолжают ходить встречным курсом, задевая друг друга плечом.

Им никогда не давался разговор с глазу на глаз. Иное дело — при других, особенно если речь шла о конкретных деталях знакомого обоим вопроса. Если же они оказывались вдвоем, губы словно коченели, беседы не получалось.

Начальник знает, что сейчас думает Юхансен: «Слишком рано...» Но и Ялмар не ангел. У него в голове свое: «Я мог бы не хуже него руководить этой экспедицией...»

Его не оставляет затаенное недовольство тем, что он никак не мог взять себя в руки, чтобы быть в состоянии возглавить собственную экспедицию. Ты слишком любил кутить? Предпочитал жить минутой? У твоего нынешнего начальника хватало честолюбия бодрствовать, когда ты спал. Разочарование Ялмара собой находит выход в репликах, рассчитанных на то, чтобы задеть уязвимые точки начальника. Как сейчас, например:

— Моторные сани не стали бы убегаа...

В это время появляется пингвин. Признак весны. Они застывают на месте и глядят на него, раскрыв рот. Молодая птица в пасторском облачении важно шествует, смиренно кивая головой. Приветственный кивок вправо, кивок влево, проходит между ними, оборачиваеа и еще раз кивает на прощание. Пропадает в тумане.

Они стоят, уставившись друг на друга. Наконец Амундсен снимает рукавицу. Достает часы и рывкает:

— Целый час пропадают.

Тут они единогодушны — Ялмар Юхансен и начальник экспедиции. Юхансен тоже достает

часы, щурится, убеждается, что начальник прав, добавляет к его критике свои слова осуждения. Оба считают, что уж они-то быстрее вернули бы собак.

Но вот наконец все на месте. Можно трогаться на юг.

Между тем температура за один час понизилась на пять градусов. Над снегом плывут космы тумана. В редких окнах проглядывают далекие горы на западе, но тут же вновь сгущается туман. Глухо отдаются сердитые команды собакам. Следы от вылазок на заброску давно занесло. Но шесты с флажками стоят, с курсом никаких проблем, собаки распались и во всю прыть мчатся на юг.

Вдруг одна из сук принимается подпрыгивать на задних лапах. Запутывается в постромках, не может освободиться, падает на снег, и другие собаки волокут ее за собой. Приходится Вистингу распутывать ремни. Следующая за ним упряжка вынуждена остановиться, а передняя уходит далеко вперед. Только сука освободилась, как снова затевает пляску. Слышно крик замыкающего — это начальник экспедиции:

— Нас кто-то догоняет...

У суки Камиллы остались в «Фрамхейме» щенки. Трое щенков были вручены попечению Линдстрёма. Очевидно, они сорвались с привязи и бегут по следам отряда. В эту самую минуту проясняется. Туман как будто отступает к морю. Температура падает. Дыхание образует в воздухе клубы белого пара. Видимость хорошая. И в колее далеко позади видно три темных комочка, старательно перебирающих лапами. Сука встает на задних лапах, тьякает, они ее слышат и тьякают в ответ. Упряжка опять нарушает строй.

Бросайся на сани, опрокидывай их, один полоз врезается в глубокий снег, теперь попытайся развернуть сани поперек. Тогда собаки будут вынуждены остановиться. Направляющий кричит, желая знать, в чем дело. Товарищ сзади врезается в твою упряжку. Проклятия, крики, собачий визг — и за всем этим гамом великое безмолвие, белое, странное, недоброе.

Щенки догоняют их. Члены отряда разбивают свой первый лагерь на пути к югу. У них две палатки на восемь человек. Амундсен — старший в одной палатке, Ялмар — в другой. Оба знают: когда люди голодны, а продуктов в обрез, надлежит особенно строго следить за тем, чтобы никто из обитателей палатки не был обделен. Мороз достиг уже сорока пяти градусов. Снег озарен каким-то диковинным сиянием. Даже в палатке от него больно глазам. Дыхание четырех человек оседает влагой на брезенте. Влага замерзает. Сверкают ледяные бусины.

Собаки угомонились. Они зарываются в снег. Время от времени еще слышно чье-то тьяканье, но вскоре воцаряется полная тишина. Щенки припали к соскам матери. Завтра им придется умереть.

Это ясно всем. Невозможно идти к полюсу в сопровождении трех щенят. Сегодня они путались в постромках, творя беспорядок в упряжке. Или весело бежали рядом, пытаясь на ходу грызть ремни. Ялмар Юхансен озабочен тем, что на этом этапе маршрута собаки не станут есть щенят. Они еще недостаточно голодны. Выходит, щенята пропадут зазря. А кроме того ему не по себе от сознания, что убивать их придется ему. Никто не желает брать это на себя. Но ведь кто-то должен. Он считается самым бесчувственным.

Температура падает.

К утру она опускается до минус пятидесяти.

Начальник экспедиции рассчитывал, что по мере движения в глубь барьера температура будет повышаться. На это как будто указывал опыт Шеклтона. А выходит наоборот. За ночь увлажненная людским дыханием кожаная одежда задубела. Надевать ее — все равно что влезать в лубяной короб. И жди, пока своим телом нагреешь этот луб, чтобы можно было толком двигаться. Организм расходует тепло, а ведь ему работать при минус пятидесяти. Собак поднимают пинками. Три щенка кувыркаются на снегу, лова друг друга за хвост.

Им даруют еще один день жизни. В такой мороз люди не в состоянии четко мыслить.

По мере движения каравана на юг пар от дыхания девяносто собак и восьми людей окутывает его сплошной пеленой. Погода ясная, а их словно провожает облако тумана. И в этом тумане дыхание начинает сопровождаться каким-то потрескиванием. Станный и жуткий звук. Теплый выдох сталкивается с воздухом, который насыщен мельчайшими замерзшими капельками предыдущих выдохов. Собаки то и дело ложатся. Приходится поднимать их ударами кнута. Три щенка не отстают от отряда.

Пройдя шестнадцать миль, они разбивают лагерь.

Здесь он приводит приговор в исполнение.

Однако третий щенок спасается бегством, улепетывая обратно по их следам. Двух убитых щенят Юхансен бросает на снег. Собаки еще не настолько голодны, чтобы есть собачину.

Ночью Камилла срывается с привязи, и утром ее не видно. На градуснике минус пятьдесят два. Они знают, куда подалась сука и действуют без долгих рассуждений. Они еще люди. Престрюд и Бьоланд идут за ней вдвоем. Без палатки, без продуктов, разыграйся вьюга — будут и без ориентиров. Их только двое, и дыхание потрескивает при минус пятидесяти. Лыжи скользят плохо. Тело становится влажным от пота, и они знают: остановись — пот замерзнет и одежда задубеет так, что будет непросто нагнуться, чтобы поправить лыжное крепление.

Они находят суку, она лежит на снегу возле щенка. Он замерз.

Сука отказывается уходить с ними.

Они пристреливают ее и возвращаются к отряду.

В этот день замерзают компасы. Первой начинает бастовать стрелка на компасе Амундсена. Ее то и дело заедает. Затем и Вистинг кричит:

— Мой компас замерз!

Теперь у них нет приборов, чтобы ориентироваться в неизведанном краю.

Они еще могут отыскать склад на восьмидесятой параллели, который устроили осенью прошлого года. Разгрузить там сани и вернуться по своим следам в «Фрамхейм».

Право решать принадлежит лишь одному. Перед ним непростой выбор. Если он и теперь думает о моторных санях, то вслух об этом не говорит.

Следует приказ — короткий, твердый, резкий:

— Как только выйдем к складу, повернем обратно. Вечером в палатке он достает бутылку джина. Обычно он не разрешал употреблять спиртное в походе. Джин замерз. Бутылка лопается, когда они пытаются оттаять ее. Он собирает осколки, стараясь не выдать своего расстройства, и выбрасывает из палатки застывший джин.

В эту ночь собаки начинают чихать. Девяносто собак, сидя в круг около палаток, непрерывно чихают. Какой уж тут сон! На градуснике минус пятьдесят пять. На другой день они находят склад и разгружают сани. Можно возвращаться.

Он знает: в том, что они стартовали рано, его вина. Но он недостаточно велик, чтобы признать это. Не может позволить себе сказать: «Ты был прав, Ялмар». Мороз в пятьдесят пять градусов не располагает к уступчивости. Три собаки падают в упряжке, и никакой кнут не может поднять их на ноги.

Одна из них мертва.

Остальные две совсем обессилели. Приходится распрягать всех собак этой упряжки и сажать самых слабых на сани. Остальные бегут рядом.

Минус пятьдесят шесть. И колющий ветер в лицо.

Сани стали намного легче, но где гарантия, что они дойдут живыми до «Фрамхейма»?

Уже и часы начали замерзать. Первыми — часы Ялмара, хотя они лежали в кармане между курткой из оленьего меха и нижним бельем. Он достает их негнувшимися пальцами и подносит к

глазам в тускнеющем свете над равниной; высоко в небе обнадеживающе мерцают две звездочки. Он встряхивает часы. Замерзли.

Криком дает знать о своей беде — и один за другим отзываются все семеро. Вытаскивают часы, снимают рукавицы, отворачиваются от ветра. Рискают отморозить пальцы, проверяют — идут еще? Нет, замерзли. Время остановилось. Без часов им не дойти обратно до «Фрамхейма». Одна из собак принимается выть. Одновременно в тумане открывается просвет, и они видят у себя над головой звездную россыпь, которую тут же вновь застигает серая пелена.

Снег садится. Есть такое выражение. Большие участки, километров десять в ширину, если не больше, оседают на подстилающий слой старого снега. В темноте оседают с грохотом. Или с подавленным вздохом, как вздыхает человек в предсмертный час. Умиравший смиряется со своей участью и вздыхает. Снег садится.

Собаки принимаются выть. Один из людей кричит. Он окружен туманом. Ближайшая собака — серый ком. А тут еще внезапный грохот, и снег под ногами уходит вниз на полметра. Имя кричавшего останется неизвестным.

Минус шестьдесят. Пока мерзнут только щеки и нос, это еще не помеха движению. Но не дай бог обморозить ноги. Замерзнут пальцы ног — тогда дело плохо. Замерзнет пятка — непросто будет двигаться на лыжах.

Одна из собак Престрюда падает замертво. Так и кажется, что она перебирала лапами, пока совсем не окоченела. Тут силы покинули ее, она упала и, когда подошел каюр, была уже тверда как камень. Престрюд развязывает постромки. Будь у него силы, он разрубил бы тушу на части и скормил другим собакам. А впрочем, едва он остановил упряжку, как собаки одна за другой свернулись в клубок на снегу. Они скулят и тыкаются носом в снег, не в состоянии больше тянуть.

Приходится распрягать и эту упряжку. Две собаки трусят следом. Будут поспевать за группой — еще можно спасти их. Отстанут — навсегда упокоятся в объятиях мрака и великого белого безмолвия, смертоносного мороза здесь, на барьере. Престрюд идет на лыжах за упряжкой Ялмара Юхансена. Они замыкают группу.

Наступивший день раскинул над ними купол света. Но часы стоят, и остается рассчитывать лишь на собственные старые следы. Если их занесет — пищи пропало. Стрелки компасов прочно скованы морозом. Караван окутан пеленой белого пара. В этом облаке им продвигаться вперед.

Уже и упряжка Амундсена распалась. И тут происходит то, что потом он старался скрыть и что выяснилось только много лет спустя. Прошли годы, прежде чем в подвале одной гостиницы в Христиании были найдены дневники Ялмара Юхансена. И люди узнали правду о бегстве начальника экспедиции. Улав Бьоланд тоже заносил в школьную тетрадь скупые, нелицеприятные, жесткие слова, которые говорят о том же.

Однако известно ли нам, что именно случилось тогда с Амундсеном? Неожиданно он отрывается от группы. Он сидит на санях Вистинга. Собаки этой упряжки самые энергичные. Внезапно они прибавляют скорость. Следующая упряжка пытается догнать их, но вскоре отстает. В полчаса вся группа распалась на разрозненные звенья в морозной мгле. Никакого контакта между упряжками. Компасы замерзли. Часы не идут. Для ориентира есть колея, — а если ее занесет бураном?

Начальник экспедиции исчез впереди. Что с ним — нервное расстройство? Мы не знаем. Нагрузка на нервы была колоссальная. Она не убавилась от вынужденного отступления. Позднее в жизни он еще не раз проявит неуравновешенность. До сих пор он с честью выходил из всех трудных ситуаций. Теперь же он — шкипер, который покидает тонущий корабль. Если он поддастся панике, его поступку нет оправдания. Возможен и другой вариант, еще того хуже, но

тогда он хоть верен волчьим чертам своей натуры, — констатация, что сейчас все поставлено на карту. Так пусть слабые уходят. Сильнейшие выживут. Если все вернуться на базу — хорошо. Не все — так тому и быть.

Выжившие все равно продолжают борьбу за полюс, попытаются достигнуть его раньше Скотта.

Он вполне мог так рассуждать. С его холодным умом он мог яснее других видеть суть стоявшей перед ним задачи. К нечеловечески трудной цели он стремился с генеральским чувством долга. Его эгоизм не знал предела. И все же не исключено, что он испугался.

Последнее кажется наиболее вероятным. Это следует из того, что ему невозможно было признаться в трусости. Все его отношение к людям, лицо, обращенное к миру, ореол вокруг великого человека не допускали такого признания. Вместе с тем вряд ли им руководил страх смерти как таковой. Пусть даже угроза медленного замерзания Наверное пугала его больше, чем внезапная, возможно даже намеренная, кончина. Он боялся умереть именно при данных обстоятельствах — во время отступления, чреватого полным поражением, прежде чем представится возможность для новой попытки. Его одолевает страх. И он бежит.

Кричать ему вдогонку бесполезно. Сигналить друг другу взмахами рук — тоже. Погонять собак — без толку. Предел уже достигнут. Собаки плетутся как могут, они не в состоянии прибавить скорость. Ялмар Юхансен знает, что надо предоставить им выдерживать посильный темп. Иначе вся упряжка свалится.

Его сани замыкают группу.

Позади него бредет на лыжах Престрюд.

Он стонет:

— Ялмар!..

— Что?

— Кажется, я отморозил пятку!..

Престрюд хромает, нога еще слушается, его бы сейчас укутать, положить на сани, чтобы сапог не натирал ступню. Но собаки не потянут такой груз.

Между тем скорость их движения превышает возможности Престрюда. Он отстает. Притормаживать сани бесполезно. Либо предоставить собакам бежать в меру их сил, либо они остановятся и лягут на снег. Потом придется пускать в ход кнут, тратить собственные силы, чтобы поднять их и заставить бежать дальше.

Отставший лыжник все еще видит товарища впереди. Но с каждым шагом сапог все глубже вгрызается в пятку. Кажется, и вторая пятка туда же? Престрюд окликает Юхансена. Тот отзывается. Но разобрать его слов невозможно.

В душе Ялмара Юхансена зреет злость. Сперва он склонялся к мысли, что его товарищи впереди, не сумев сдержать собак, решили позволить им бежать, пока бежится, а потом где-то подождать отставших. Однако не видно, чтобы их кто-нибудь поджидал. До него начинает доходить горькая истина: они бросили нас. Уже вечер, мороз минус шестьдесят. И у нас нет палатки.

Да, на их санях палатки нет. Нет и котелка. Со свежими собаками они могли бы часов за двенадцать добраться до «Фрамхейма» — будь у них надежный компас и часы. Теперь у них ни того, ни другого, ни третьего.

Он пробует притормозить собак. Тщетно. Они наклоняют головы и тянут по-прежнему. Даже чуть бодрее прежнего, понимая, что возвращаются обратно; воображают, что еще есть надежда, если отдать последние силы. Но где-то позади тащится Престрюд. Он стонет от боли. Никто не слышит его стонов.

Юхансен останавливает собак, опрокинув сани. Кругом великое безмолвие. Единственный

звук — неестественное сопение одной собаки. Он подходит к ней. И застаёт ее мертвой.

Выпрягает, отбрасывает в сторону, хочет кричать, но не может, чувствуя, что он — один во всем мире, больше никого, до людей десятки километров, где-то позади остался лыжник, впереди вроде кто-то был и исчез? Ни звука. Сгущается мрак. Последняя, глубочайшая тишина. Конечная тишина, звенящая в ушах. Он наклоняет голову, прислушиваясь к своему запястью. Похоже, что и пульс замерз.

В это время появляется Престрюд. Он все еще заставляет себя идти. Обе ступни потеряли чувствительность. Силы на исходе. Опираясь на палки, он тихо говорит:

— Ты иди давай. Я пойду следом.

— Никуда я не пойду.

— Но я не могу поспевать за собаками.

Они снова двигаются на север. Совсем стемнело. Глаза едва различают след. Время от времени открываются просветы в тучах и тумане. В небе над Антарктидой висит покосившийся полумесяц. При его свете можно рассмотреть окружающий ландшафт. Кругом белым-бело, отлогие снежные склоны, торосы — и голубоватый след, единственная ниточка, связывающая их с человеческим миром.

Снова наплывает туман.

Снова Престрюд отстаёт. Отъехав, Юхансен останавливает собак, даёт им передышку, ждёт товарища. С каждым разом ждать приходится все дольше. Он убеждает себя, что в полночь идущие впереди должны остановиться, поставить палатку, разжечь примус и послать двоих им навстречу. Тем самым начальник экспедиции докажет, что он достоин быть руководителем.

Однако никто не движется им навстречу.

Но что это? Впереди что-то чернеется?

Наконец-то, он погоняет собак, они что-то учуяли и ускоряют бег. Но нет, это не люди. Четыре собаки, брошенные в пути. Они ещё живы. Пропустив сани мимо себя, с трудом поднимаются на ноги и плетутся следом.

Сильный мороз съедает шерсть на собачьих лапах. На снегу отпечатываются кровавые следы.

Надо подождать Престрюда.

Тот ещё ухитряется кое-как передвигаться. Юхансен кладёт его на сани, снимает с себя часть одежды, укрывает товарища. Предупреждает, что спать опасно. На беду, псы не справляются с грузом. Приходится Престрюду слезать. Он скатывается на снег, встает на ноги, и снова маленький отряд бредет на север.

Ночью Юхансен догоняет Хасселя. Он брошен впереди идущими. Он зол — как на тех, кто его бросил, так и на тех, кого поджидал. Ялмар Юхансен говорит, что нужно ещё дождаться Престрюда. Хассель и Юхансен вместе поносят начальника. Что это ему втемяшилось — ночью, в шестидесятиградусный мороз уходить вперед без компаса, с замерзшими часами? Затем Хассель объявляет, что не будет больше ждать. Они грызутся между собой. Юхансен забирает палатку с саней Хасселя. Хассель оставляет Юхансена и один продолжает путь по колее, ведущей на север.

Два часа ждёт Юхансен. Наконец показывается Престрюд. Кажется, ему вот-вот крышка. Однако Престрюд держится. Весь закоченел, но стоит на ногах. Говорить не в силах, только кивком даёт знать, что ещё попытается идти.

Под утро они выходят к спуску с материкового льда на шельфовый ледник. В этом районе уйма трещин. Престрюд проваливается, но трещина неглубокая, и Юхансен находит его в темноте. Снимает рукавицы, связывает постромки, накидывает петлю на окоченевшего товарища и, напрягая свои богатырские силы, выволакивает его вверх. Тем временем собаки

совершенно запутались в упряжи и не могут тянуть. В такую темень выпрячь их невозможно. Придется резать ремни. Он теряет нож, находит его, ранит собственную руку, отмечает, что кровь еще приятно греет. В сильный мороз любая рана легко может загноиться. Собаки свободны. Надо самому впрягаться в сани — не бросать же. Престрюд сидит на санях, помня: ни в коем случае не спать.

Собаки трусят за человеком — те, что еще живы; две остаются лежать позади. До «Фрамхейма» остаются считанные километры? Людей не видно. Колея, которая служит ориентиром, чуть темнее окружающего снега.

Он знает — их жизнь висит на волоске. То и дело походит к Престрюду и встряхивает его. Престрюд ворчит. Но он несгибаем, воля не сломлена, поднимается на ноги, заставляет их двигаться, медленно ковыляет за санями, которые тащит Юхансен, несколько раз падает, но не сдается. Одна собака ухитряется вскочить на сани. Юхансен не сгоняет ее. Покоритель льдов везет домой одного из своих псов...

И тут они теряют след. Какие-то часы остались до рассвета, но может быть тепла их тел достанет лишь на несколько минут... Если скоро они не выйдут к жилью — конец. Чу! Где-то вдали лает собака.

Они изменяют курс. Снова на их пути трещины. Не так уж опасно, если бы можно было издали высмотреть их и обойти. Нелепо погибнуть, когда спасение близко. Юхансен один ковыляет впереди на разведку, проверяет путь, возвращается по собственным следам, впрягается в сани, на которых сидит Престрюд. Проходит во тьме сколько-то шагов. Останавливается. Опять протаптыкает тропку и возвращается к саням.

Он не бессмертен. Много позже он лишил себя жизни. Но в эту ночь он спас две — свою и Престрюда.

Они находят «Фрамхейм».

Вваливаются в дом.

Кок Линдстрём на посту и наливает им горячего кофе.

— Тише, — говорит он, — начальник спит.

* * *

За завтраком разразилась гроза. Они не поздоровались друг с другом, когда начальник встал. Сидят за столом плечом к плечу, свитер одного трется о свитер другого. Прихлебывают горячий кофе, раздражаясь чавканьем соседа. Большинство плохо спало в эту ночь. Кое-кто и вовсе не сомкнул глаз.

И вот Юхансен поворачивается к начальнику лицом, три десятка сантиметров разделяют две обветренные физиономии. Оба не новички в полярных областях. Но человек, который был спутником Нансена, ощущает ледяное спокойствие, когда соседа трясет от напряжения. Долго они смотрят в упор друг на друга.

Начальник экспедиции молчит с открытым ртом; Юхансен, сжав губы, прокашливается в знак того, что слова уже на подходе. Внезапно начальник ставит чашку на стол резким движением и говорит:

— Что это вы так канителились сегодня ночью?

Молчание, тягучее молчание обволакивает сидящих за столом. Снаружи доносится собачий вой — напоминание о горькой действительности. Человек, к которому был обращен вопрос, не спешит с ответом. Все смотрят на него.

Он смотрит на начальника экспедиции. Вспоминает тот раз, когда, сбитый с ног белым

медведем, лежал на спине и стискивал руками шею зверя, пока Нансен не выстрелил.

— Странная манера, — произносит Юхансен, — гнать собак вперед при минус шестидесяти...

Амундсен вскакивает на ноги, опрокидывая табуретку, рука его ищет чашку, словно намереваясь бросить, но не находит ее. За столом тесно. Довольно нелепо стоять вот так в окружении восьми человек. Но чтобы сесть на место, нужно втиснуться между свитерами и локтями.

Юхансен повторяет:

— Странная манера гнать собак. Мы с Престрюдом едва не погибли. Я требую объяснения.

Юхансен неплохо разбирается в людях, и годы, проведенные во льдах, обострили его разум. Но он не учел одного обстоятельства. Ему известно честолюбие начальника, его неприязнь к тем, кто может быть ему ровней. Он знает, что Амундсен о себе более высокого мнения, чем он, Юхансен. Однако человек, во многом превосходящий того, кому подчинен, не учитывает, сколь велико болезненное самомнение начальника. Юхансен не мастер говорить. Он тщательно подыскивает нужные слова. Но находит — и они попадают в цель, поражая самое чувствительное место:

— Руководителю не пристало так себя вести. Следом звучит возглас Престрюда:

— У меня болит нога!..

Его крик запаздывает. Отвлекающий маневр уже не в силах повлиять на происходящее. Возможно, судьба Юхансена была решена именно потому, что вмешательство Престрюда запоздало. Они видят, как бледнеет лицо Амундсена. Он выглядит старше своих лет. У него грубые рабочие руки, морщины лоснятся, он небрит, веки воспалены после вылазки на юг. Профиль такой, что может нагнать страх на шайку разбойников. Только не на Юхансена.

Теперь и он встает, расправляя плечи. Они сидели рядом друг с другом, теперь стоят лицом к лицу. И человек, пытавшийся покорить Северный полюс, выпаливает в рожу тому, кто готов жертвовать собой и другими, лишь бы очутиться первым в противоположной точке земного шара:

— Я повторяю: руководителю не пристало так себя вести.

Сопровождая эти слова ругательством. Этакое штормовое предупреждение — если в нем была нужда после всего, что уже произошло. Брань не его специальность. В этом смысле он тугодум и ему не достает изобретательности. Но если уж чертыхнется, то от души.

Амундсен начинает запинаться. Такого за ним еще не замечалось. Он выдавливает из себя вульгарные слова, на какие они отнюдь не считали его способным. В нем было что-то от красной девицы. Он принуждал себя смеяться, слушая непристойные анекдоты. Сам в таких ситуациях выдавал что-нибудь донельзя пресное. Они и не подозревали, что ему известны такие выражения, какие он сейчас изрыгает.

Амундсен выбирается из тисков между двумя свитерами — Юхансена и Хасселя. Юхансен уже не может остановиться. Пристывает к обстоятельному объяснению. Возможно, считает, что, изложив голые факты, понудит начальника взять себя в руки. Напоминает, что Престрюд и он начали отставать, собаки падали замертво; а куда вы-то все подевались? У нас не было палатки. Не было примуса. Мы могли погибнуть. Престрюд обморозил обе пятки. Я требую объяснения.

Престрюд кричит:

— Я обморозил обе пятки!..

Амундсен:

— Стюбберюд и Хассель тоже обморозили. Верно я говорю?!

Обращаясь к ним.

— Да! Да! — откликаются оба.

Они знают, что он говорит правду; знают также, что он лжет. Сейчас, когда правдивое слово могло утвердить его право на звание человека и руководителя, он уклоняется от истины, предпочитая полуправду, равную лжи. Хассель и Стюбберюд обморозили себе обе ноги. Но сам-то начальник разве обморозился? Почему он первым сломя голову ринулся назад, на базу?

Юхансен мог бы на этом успокоиться. Возможно, это изменило бы его дальнейший жизненный путь. Он не успокаивается. У него есть право уравновешенного человека предаться гневу, когда для этого есть причина. И он повторяет свою ошибку, недооценивая безмерную страсть оппонента во всем быть первым.

Он спрашивает ледяным голосом:

— Кто первым дошел до базы — ты или они?..

Еще немного, и полетят по воздуху чашки. Простор для кулаков не больно-то велик. Но стол достаточно узок, чтобы сидящие с обеих сторон могли вмешаться в великую битву. До сих пор Стюбберюд молчал. Человек, который мало говорил, но который построил «Фрамхейм», рывком кладет ногу на стол между блинами и прогорклым маслом. Кричит:

— Вот, погляди!

Голая ступня, пятка величиной с брюкву, синяя, налитая болью. Престрюд тоже поднимает ногу, молча выпрастывает ее из туфли и показывает. Его ступня выглядит еще хуже.

Страсти несколько стихают. Начинается медицинская процедура. Ступни обертывают тряпками, смоченными в холодной воде. Затем эти тряпки снимают, дескать, теперь нужно положить горячие компрессы, а в заключение обмыть ступни раствором борной кислоты.

— Марш в постель! — командует начальник экспедиции.

— Да-да, в постель! — подхватывает Юхансен.

Разумная реплика, намек на возможность переговоров, обмен сигналами через окопы. Вистинг слышал, что обмороженные пятки следует держать повыше. Они мастерят по люльке на каждую больную ногу и подвешивают к гвоздям в потолке. Амундсен приносит молоток. Юхансен вколачивает гвозди.

После чего они расходятся. Снаружи бушует метель. В помещениях «Фрамхейма» тесновато. Все понимают, что предстоящие часы могут стать решающими для дальнейшего хода событий. Позволим каждому уединиться: кому в собачьей палатке, кому в холодильной камере под «Фрамхеймом», кому на грязной кухоньке. Пусть не мешают друг другу.

Трое лежат в постели с обмороженными ногами. Хассель, Стюбберюд и Престрюд. Путь к полюсу стал длиннее прежнего.

Начальник тоже уединяется. Есть во льду кабина, где никто долго не засиживается, хотя мороз избавляет от запахов и сиденье застлано тюленьей шкурой. Подходят другие, видят, что занято, и уходят. Он задерживается надолго.

Уединение придает ему силы, которых недостает другим. Он может спокойно обдумать случившееся. Он не боится, а впрочем, боится — его страшит утрата ореола, но в своем желании и способности предотвратить это зло он бесстрашен. Ему претит отступить перед человеком, подвергающим сомнению его величие. Инстинкт подсказывает ему формы тактического маневра; говорить полуправду свойственно его натуре. Сейчас перед ним два пути. Широкая душа выбрала бы другой. У него душа ограниченная, и он делает свой выбор, делает мастерски.

Обед.

Теперь за столом просторнее. Трое обморозивших ноги лежат в постели, морщась от боли. Еду им приносят. Гороховый суп и тюлений бифштекс. Они едят медленно.

Он прокашливается.

Настала решающая минута: он начальник и обязан принять меры. Все откладывают вилки и ножи. Все смотрят на него.

Он неторопливо произносит:

— Я передумал.

Вот уж чего они никак не ждали. Передумал — стало быть, признаёт свои ошибки? Он продолжает:

— Я пересмотрел планы похода к полюсу. Восемь человек слишком много. Пяти достаточно. Остальные трое пойдут на восток исследовать Землю Короля Эдуарда. Эти трое — Престрюд, Стюбберюд и Юхансен.

Покоритель северных и южных льдов встает, удар нанесен в самое сердце, это личная месть, противник не стерпел правды, теперь он меня выдворяет, потому что мне достало смелости высказаться.

Юхансен отвечает:

— А если я откажусь?..

Захоти он, сейчас мог бы взять верх. Отмахнуться от их бегающих глаз, собраться с духом, ударить кулаком по столу, вытащить контракт и разорвать его пополам. Остальные поддержали бы его — может быть.

Но как раз в этой ситуации начальник доказывает, кто здесь руководитель. Он предвидел такой ответ. Кричит:

— Бьоланд! Иди за мной!

Они выходят на кухню. Остальные не слышат, что там говорится.

Бьоланд возвращается. Амундсен зовет:

— Вистинг!

Вистинг выходит на кухню. Бьоланд уныло произносит:

— Я обязан молчать.

Один за другим туда, один за другим обратно. Наконец приходит очередь Юхансена.

Амундсен вручает ему бумагу. Письменный приказ. Юхансен освобожден от участия в походе к полюсу. Вместо этого он пойдет с Престрюдом на восток под начальством Престрюда.

Юхансен профессиональный военный. Сердиться его право, но отказаться выполнить приказ, составленный по форме на основании подписанного им контракта, — совсем другое дело. Он не говорит ни слова.

Следуют дни и недели, которых девять обитателей «Фрамхейма» никогда не забудут. Бураны чередуются с сильными морозами. Иногда с моря Росса наплывает сырой туман. Весна на подходе.

Может быть, англичане уже в пути?

Как ведут себя моторные сани?

Девять человек стараются избегать друг друга. Раньше они всегда ели вместе, теперь перекусывают наспех на кухне у Линдстрёма и за обеденным столом не собираются. Чинят упряжь, пострадавшую во время первой вылазки. Семь человек не знают, как подойти к Юхансену, чтобы выразить свое сочувствие. Они раскаиваются, они поступили несправедливо, чувствуют себя предателями. Но он не из тех, кто тает от одного доброго слова.

Начальник экспедиции вежлив в обращении с ним. Вежлив в меру, без перебора. Занимаясь снаряжением, они по-прежнему сидят рядом друг с другом. Иной раз даже едят вместе. Если один надеется, что другой спасует и возьмет обратно свои слова, это тщетная надежда.

Трое с обмороженными пятками в основном отлеживаются. Медленно, очень медленно нарастает новая кожа. В один из вечеров, полистав медицинский справочник, Престрюд говорит:

— Тут кое-что написано про обморожения. Похоже, мы неправильно лечились...

Начальник экспедиции с криком вскакивает на ноги, хватая первый попавшийся под руку

предмет и бросает. Этот предмет — шило, оно втыкается в стену, он выдергивает его из доски и кладет на стол дрожащими руками.

— Пошел ты! — кричит он. — Со своими справочниками! Если я говорю, что твоя пятка заживает, значит, заживает.

— Что-то уж очень медленно?.. — спрашивает Престрюд.

Юхансен произносит негромко, но метко:

— Нам ведь неизвестно, как себя оправдали моторные сани?..

Начальник выскакивает из помещения.

Над Антарктидой еще бушуют вьюги, дни идут, все готово для нового старта. В стенах «Фрамхейма» грязь, теснота, тяжелая атмосфера.

Наконец приходит день, когда пятерка трогается в путь, — Амундсен, Вистинг, Хассель, Бьоланд и Хансен. Собаки в полном здравии.

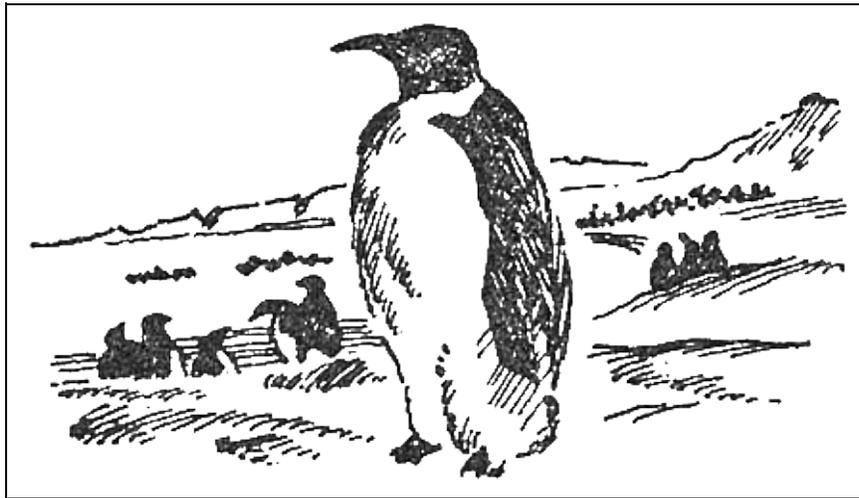
Прощальные рукопожатия, пожелания успеха. Амундсен и Юхансен стоят лицом к лицу. Над полярным краем ясное небо.

Они тоже обмениваются рукопожатием.

Юхансен:

— Желаю вам удачи в походе к полюсу. Амундсен благодарит и желает того же участникам похода на восток.

Курсом на юг выходит целая военная экспедиция. Первый отряд выступил 24 октября 1911 года. Он состоял из четырех человек и двух моторных саней с прицепами. Командиром был назначен Эдвард Эванс. Члены отряда — Дэй, Лэшли и Хупер. Моторы запускались с помощью паяльных ламп. На разогрев уходило больше часа. И производить его следовало с великой осторожностью, чтобы не полетел какой-нибудь подшипник. Наконец моторы принимались громко тарыхтеть, вся конструкция тряслась, и моторист тоже тряся, потому что в любой момент что-то могло сломаться — и разбирай всю машину в мороз и метель. Моторные сани обладали большой тяговой силой. Хвати их на две-три недели, это неимоверно облегчило бы Скотту и его людям перевозку тяжелого снаряжения.

Первому отряду устроили торжественные проводы. Стоя у домика в проливе Мак-Мёрдо, начальник экспедиции следил за санями в бинокль. В первый день они прошли без остановок полторы тысячи метров. Мотористы бежали рядом с санями, придерживая коченеющим пальцем регулятор газа. Стоило мотористу поскользнуться, как палец тоже соскальзывал. Подача горючего нарушалась. Мотор со стоном останавливался. Или же наоборот, пока моторист поднимался на ноги, обороты возрастали, сани набирали скорость, а впереди — торос, в последнюю секунду моторист, чертыхаясь, догоняет сани, хватается за руль, отворачивает в сторону, прицеп опрокидывается, гусеницы буксуют на снегу. Мотор перегревается. Приходится его выключать. Поднимай прицеп, заводи мотор, пока горячий; самому мотористу тоже жарко. Пошел. Опять моторист бежит рядом с санями, держа палец на регуляторе.

Первым серьезным испытанием для моторных саней стал подъем с морского льда на материковый. Это препятствие они одолели запросто. Казалось, с ростом трудностей они только лучше идут, и Скотт, продолжая следить за ними в бинокль, чувствовал, что у него вырастают крылья. Использование мотора во льдах занимало важное место в планах экспедиции. Трое моторных саней обошлись Империи в сотни тысяч фунтов стерлингов. Сам он смотрел на этот эксперимент с пессимизмом. И с оптимизмом тоже — в перспективе. Просто он не верил, что на его долю выпадет доказать выгоду моторных саней. Ему не изменяла скромность, и он оставался реалистом — до такой степени, что это становилось для него помехой. Постоянно он был чем-нибудь озабочен. Однако сейчас, глядя в бинокль, говорил себе, что на этот раз счастье на его стороне.

Через несколько дней тронулся в путь второй отряд. Им руководил сам Скотт. Этот отряд был главным, роль тягла выполняли пони. Они были в отменной форме; во время трудной зимовки им задавали корм по всем правилам, разработанным в английских поместьях, и отвечал за их состояние специалист по лошадям, капитан Оутс. Скотту пони очень понравились за то,

что у них не было заведено пожирать друг друга. При виде пса, поедающего своего собрата, ему становилось дурно. Он знал также о случаях, когда голодные люди во льдах съедали своих собак. Пони — милейшее животное. В его поведении есть нечто английское. Он способен глотать собственную сбрую. Но есть все подряд, как это свойственно собакам, не станет. К тому же рост пони позволяет человеку гладить его, не нагибаясь. Собака в роли тягла выглядит неестественно. Ей положено охотиться или лежать подле камина. Уилсон и Скотт загодя обсудили достоинства лошадей и собак. Подыскали — наполовину в шутку, наполовину всерьез — весьма веские аргументы в пользу пони. Не закрывая при этом глаза на пробелы в своих суждениях. И начальник экспедиции решил все-таки взять собак, чтобы и тут была соблюдена справедливость. Хотя ни он, ни другие члены экспедиции в них не верили.

Еще несколько дней, и выходит третий отряд. Его возглавляет специалист по собакам Мирз. У него есть русский помощник — Дмитрий. У каждого по упряжке. Они везут легкий груз и по плану должны развивать большую скорость. Участвуют в походе в основном затем, чтобы подтвердить правильность скептического отношения Империи к использованию собак в полярных областях.

Большая экспедиция движется через снега рассредоточенными группами — люди с энергичным профилем, крепкими руками, богатым опытом, с руководителем, который постоянно озабочен. Его беспокоит не столько вопрос — будет ли он первым на полюсе, хотя и это немаловажно; прежде всего он беспокоится за каждого из своих людей, а еще его тревожит собственное несовершенство. Вечерами, заполняя дневник, он снова и снова останавливается на этом вопросе. И всякий раз приходит к одному и тому же выводу: возможно, в этом коллективе достаточно моих данных, вообще же мне чего-то недостает.

Передовой отряд на двух моторных санях пробивается вперед между торосами и глубокими трещинами. Эдвард Эванс, тот самый, что хотел стартовать раньше, чтобы выиграть состязание с Амундсеном, не дает передышки своим подчиненным. Моторы перегреваются, приходится выключать их, чтобы не сгорели подшипники. Охлаждая моторы, не следует спешить, но и мешкать нельзя. Накрыв их шерстяными одеялами, люди бегают и прыгают по льду, чтобы не обморозить пальцы ног. Ветер срывает одеяла. Привяжи их. Веревка обледенела. Веревка задубела. Ложись сам на одеяло, лежащее на моторе. Мотор накалился. Одеяло тлеет. Вскидай на ноги, чертыхайся, сжимай кулаки на ветру, подавляя желание наброситься на соседа, плюй на снег и тверди: «Это все Амундсен виноват».

Дальше на юг.

Первому отряду предписано дойти до $81^{\circ}30'$ — с моторами или без них. Там они должны ждать следующую группу. Это военный приказ, и Эванс клянется, что никто — никто не догонит его и его людей. Выжимает все из людей и моторов. Брось на снег пустой бидон из-под керосина; при бидоне записка: «Все в порядке!» Поехали дальше.

Мотор перегрелся. Накрыть его одеялом.

Далеко позади трусят пони второго отряда. В составе этой группы младший офицер запаса Эдгар Эванс — мастер на все руки. Он может выковать железные шипы, починить сбрую в сильный мороз, разжечь примус при штормовом ветре. Один из тех младших офицеров, на которых опирается могущество Империи. Ему положено рассуждать в той мере, в какой это необходимо, чтобы передать рядовому приказ офицера. Но вот незадача: никто не знает, что Эдгар Эванс думает про себя. Никто не догадывается, что его сверлит один вопрос: «Получу я свои деньги, если Скотт не будет первым на полюсе?..»

Скотт восхищается Эдгаром Эвансом. И охотно выражает вслух это восхищение. Разумеется, как надлежит офицеру, разговаривающему с подчиненным: приветливо, с соблюдением дистанции, но без высокомерия, констатируя, что моя характеристика тобой вполне заслужена.

Почему-то пони начинают вставать на дыбы.

Это не входит в их расчеты. Согласно планам, тщательно разработанным в Англии и отчасти в домике в проливе Мак-Мёрдо, пони вовсе не должны вставать на дыбы. Дома, в Англии, совсем другое дело. Там это красиво. В этом даже есть свой смысл: всадник должен учиться управлять лошадью. Но вставать на дыбы во льдах, при остром ветре с поземкой, никуда не годится. Знаток лошадей Оутс теряет. Скотт привык со всеми вопросами касательно пони обращаться к наиболее сведущему члену отряда. На сей раз Оутс не знает ответа.

Туго приходится погонщику, когда понуро бредущий пони вдруг встает на дыбы. Следующий погонщик вынужден остановиться. До впереди идущего доносятся сзади невнятные крики, он сбивается с ритма, и вот уже весь караван стоит. И таких эпизодов сколько угодно. Повседневные мелкие неурядицы тормозят продвижение. Они на трое суток отстают от разработанного Скоттом графика.

Погода сносная. Но Уилсон заболевает снежной слепотой. Бредет по снегу, держась за сани, в глазах сильная резь, но он уверяет, что ничего страшного, плохо только, что зрение отказало, нет возможности вечером в спальном мешке делать записи в дневнике. Шутка довольно натянутая, но он бодрится. Знает, что через несколько дней боли пройдут и зрение вернется. Ему бы побыть в покое в темном помещении, сразу стало бы легче. Но до полюса тысяча километров — и столько же обратно. Погода хорошая на здешнюю мерку: над ледовым континентом высокое ясное небо, ярко светит солнце.

По следам пони бегут собаки. Они сокращают разрыв. Чужая запах мяса впереди, мчатся во всю прыть. Их взяли, чтобы доказать, что они не нужны. Мирз досадует. Ответственный за собак, он знает, что получит приказ возвращаться, прежде чем они достигнут полюса. А ведь ему тоже хочется быть в числе его покорителей.

Всем известно, что штурмовая группа будет состоять всего из пяти человек. Одним из них будет Скотт. Кто войдет в четверку?

Они не знают, что именно этот вопрос мучает самого Скотта. Больше всего его беспокоит моральная сторона проблемы. Как оценить людей справедливо, чтобы я мог сказать себе, что сделал правильный выбор. Лишь тогда смогу я со спокойной совестью приказать остальным: «Возвращайтесь».

Он исподволь присматривается к ним. «Вон тот — никудышный лыжник. А этот копается, разгружая сани. Но вот что существенно: с кем легче общаться? Кто обладает сильным характером, который позволит выдержать самые тяжкие испытания? Я наблюдал их всю долгую зиму. Но тогда мы жили под крышей».

Они находят пустой бидон из-под керосина. Под крышкой записка — «Все в порядке».

Настроение второго отряда поднимается, то же происходит с группой, которая мчится следом за ними на собаках. Если моторные сани, вопреки всем ожиданиям, выдержат, путь к полюсу будет легче. Сейчас они отстают от графика на четыре дня.

Впереди на снегу лежит еще один бидон, он даже красиво смотрится. Уилсон сдвигает повязку с больных глаз, чтобы они насладились видом черного предмета. Не иначе, новая добрая весть. Скотт выдергивает из-под крышки записку. Лопнул один цилиндр...

Сердце сжимается от сильного разочарования. Собравшись с мыслями, он говорит себе: «Моторы все одинаковые? Если один вышел из строя, скоро откажет и другой?» Чуть дальше им встречаются и сами брошенные моторные сани. Судно, потерпевшее крушение в снегах... Эванс и его люди перенесли груз на другие сани и продолжили движение.

Долг Скотта как начальника не выказывать своего разочарования, во всяком случае, держать его в узде. Если он обнаружит свои чувства, это передастся его людям и станет для них дополнительным бременем. Он превосходно справляется с задачей. Недаром прошел флотскую

школу. И вообще эта способность у него врожденная, составляет часть его нравственной силы. Он хлопает по спине своего друга Уилсона и смеется:

— Вот тебе еще один темный предмет! Погляди на мотор, какой он черный от масла и нефти!

Идет на лыжах назад ко второму отряду, чтобы лично предупредить его членов. Так им будет легче перенести разочарование. Тем временем первый отряд остановился на привал.

Рано утром следующего дня все двигаются дальше.

Вскоре группа Скотта замечает на снегу очередной бидон. Одно из двух... Прежде чем прочесть записку, Скотт говорит своим товарищам:

— Договоримся не расстраиваться. Они кивают.

Последний мотор начал барахлить.

Через один километр они обнаруживают его.

Но Эванс и его товарищи сами впряглись в сани и пошли дальше. С мотором или без — они должны дойти до 80°30'.

И никому ни за что не позволят догнать их.

Разражается буран.

Буран из самых свирепых, и они забираются в палатки, а пони стоят снаружи спиной к ветру и дрожат от холода. В шерсть въедается влага. Люди пытаются соорудить ограду из снега, но много ли толку от этого в бурю, которая сметает все преграды и сбивает с ног человека, если ему не за что держаться. Собаки зарываются в снег. Они рождены для такой жизни и пользуются передышкой. Люди в палатках залезли в спальные мешки. Глазам Уилсона заметно лучше. Скотт сидит с трубкой в зубах; в руках карандаш и блокнот, лицо озабочено. Всем одновременно спать нельзя. Кто-то должен дежурить на случай, если ветер порвет растяжки. Они не знают, что в нескольких милях впереди Эванс и его люди продолжают пробиваться сквозь буран.

Эванс никому ни за что не позволит догнать себя. Не он ли спас «Терра Нову»? Не он ли предлагал стартовать еще зимой, чтобы увеличить шансы опередить на полюсе Амундсена? Начальник экспедиции даже не захотел как следует обсудить его план. Что ж, Эванс выжал все возможное из моторных саней, оба мотора вышли из строя, и теперь четыре человека тянут сани, не щадя себя. Кругом беснуется вьюга. Он решил до вечера не устраивать привал. Эванс обладает беспредельным мужеством, геркулесовой силой, и он умеет быть безжалостным. Он — офицер. Гонит вперед своих подчиненных и самого себя.

На другой день погода получше. Главный отряд отстает от графика на пять дней.

Скотт говорит Оутсу:

— Позволительно ли заставить лошадей идти побыстрее, чтобы мы могли отыграть хотя бы часть потерянного времени? Хотел бы вместе с тобой рассмотреть эту проблему с учетом того, что нам необходимо вернуться на базу до начала осенних штормов. Однако мысль об Амундсене не должна влиять на наши рассуждения.

— По-моему, сэр, вполне можно заставить лошадей идти быстрее.

— Тогда так и сделаем, хоть нам всем и тяжело мучить животных.

* * *

Между тем собаки догнали лошадей. Второй и третий отряды вместе продолжают движение на юг. Под 81°31' они застают Эдварда Эванса и его людей. Эта четверка заполнила шесть дней ожидания, сооружая большую снежную пирамиду. Эванс не давал передышки себе и своим подчиненным, всех доводил до изнеможения, преодолевая трещины, борясь с бураном,

обмораживая ноги, заставляя механизмы работать на износ, лишь бы не дать идущим сзади догнать свой отряд. Встреча со Скоттом проходит далеко не в дружеской атмосфере.

С одной стороны, начальник экспедиции, упрямо стоящий на своем: двигаться не спеша, беречь силы, мы должны достичь полюса, но согласно тщательно разработанному мною плану. С другой стороны — Эванс, героический спаситель «Терра Новы», твердо решивший в поединке с Амундсеном поставить на карту все, включая собственную жизнь. И он уже доказал, что к полюсу можно идти быстрее, чем полагает благоразумный Скотт.

Когда-то они были друзьями. По видимости остаются ими и теперь. Разговаривают несколько возбужденнее, чем при расставании на базе, отчасти с жаром, который заставляет их забыть про мороз. Оба офицеры. Подчиненный знает, что командир есть командир. Но они уже не восхищаются друг другом.

Есть один способ умерить недовольство: пробиваться дальше на юг. Пока они в тумане выясняют отношения, слыша вой собак и возгласы людей, ставящих палатки и разжигающих примусы, пока Эванс сдерживается, чтобы не выпалить все, о чем думал и что хотел высказать, небо вдруг проясняется. Поразительное явление. В несколько минут туман развеялся. Над снегами Антарктиды пылает солнце. Тени густеют. Один из псов поднимает голову и воем приветствует свет. Голоса людей стихают. И вдали они видят горы — прямо на юге, на пути к полюсу. На эти горы им предстоит взбираться. Предстоит обливаться потом, напрягать мускулы, бить собак, выкладываться до конца — или умереть. Сейчас они на барьере. Им надо подняться на плато. Разность высот — две тысячи метров, а то и с гаком. Через теснины, через глубокие трещины в гиблой местности, где до них побывал только Шеклтон, проходит их маршрут.

Неприятнь Скотта к своему заместителю испаряется. Эванс поворачивается к Скотту с улыбкой, зовущей к примирению. Оба не чужды благоговения перед величавой природой. Они готовы обнажить голову при виде гор на юге.

Но уже надвигается непогода. Каких-нибудь полчаса, и картина меняется. По прошлой экспедиции Скотта в Антарктиду они знают, что буран здесь в несколько минут может смениться хорошей погодой и так же быстро ясное небо скрывается за облаками. Вот и теперь — на севере появилась стена тумана. Она приближается. Палатки уже стоят. Солнечный свет еще приветливо устилает снег красивым прохладным ковром. Люди смеются. Собаки едят. Но туман все ближе, ближе, и вот уже окутал крайнюю палатку.

Он такой плотный, что стоящие на ярком свету не видят своих товарищей в полусотне метров. Словно опустился занавес. С удивлением и беспокойством они замечают, что температура воздуха поднимается.

Им всегда не нравилось, когда она падала. Минус сорок — еще куда ни шло; минус пятьдесят уже опасно для собак и людей. Они никак не ждали, что температура может подняться выше нуля, мороз — смениться оттепелью. Как это происходит теперь.

Люди забрались в палатки. Брезент изнутри покрыт инеем, причудливым узором из ледяных бисеринок, которым можно любоваться, когда зажженная спичка или голубое пламя примуса превращают палатки в сказочный грот во льду, Но сейчас бисеринки тают.

Спальные мешки даровали им ночью относительный покой. Во льдах человек, лежа одетый в мешке, не может рассчитывать на крепкий сон. Он просыпается, зябнет, трет ступню о ступню, опять засыпает, находя отдохновение в быстротечных сновидениях. В общем-то ему не так уж и плохо, потому что это лучшее время суток. Но сейчас палаточный брезент принимается орошать его капелью.

Не может быть, чтобы такое когда-либо прежде случалось в этой стране морозов. Не иначе создатель от них отвернулся. Когда в спальный мешок ударяется первая капля, им еще невдомек, что происходит. Тем временем что-то находит на собак. Они воют, но воют не так, как обычно,

не дерутся и не обмениваются злобным рычанием, а, сидя на мокром снегу, наполняют туман тоскливыми звуками.

Скотт лежит на боку, заполняя дневник очередными наблюдениями. Вдруг на бумагу падает капля. Сегодня он решил писать чернилами. Много дней это было невозможно из-за морозов; он пользовался карандашом. Теперь капля попадает на слово, только что написанное характерным для него энергичным, несколько небрежным почерком, и на бумаге расплывается безобразная синяя клякса. В мозгу Скотта мелькает мысль: «Не суждено ли и мне стать неразборчивой кляксой?..»

Неприятно. Если бы еще можно было встать. Тогда капли с брезента не докучали бы так сильно. Но они вынуждены лежать под усиливающимся дождем в палатке. Надевают на головы капюшоны. Кто-то укрывается с головой в спальном мешке. Последнее спасительное средство, когда очень уж мерзнешь ночью. Однако сейчас холодная влага просачивается в мешок и они зябнут в единственном убежище, где прежде ухитрились сохранять тепло.

Кто-то говорит:

— Лучше выйти на волю.

Но на воле густыми белыми хлопьями падает снег, он переходит в дождь, который опять сменяется мокрым снегом, и липкая белая пелена укрывает сани, собак, лошадей. Палатки уподобляются маленьким белым пирамидам, снег не съезжает по скатам, а подтаивает от тепла изнутри. В палатках не прекращается капель.

И так всю эту долгую ночь. Настает утро, никто толком не спал. Оутс несколько раз выходил проверять, как себя чувствуют пони. Они стоят понуриив голову, и кажется, дождь вымывает из них последние силы. Внезапно одна лошадь, встав на дыбы, оглашает ржанием окружающий ее непроницаемый серый мир и падает на снег. Оутс ищет клок сухого сена, чтобы растереть ее. Но все, абсолютно все промокло насквозь. Снять с себя куртку — так ведь одежда тоже вся мокрая. Дрожа от холода под снегопадом, он растирает ослабевшего пони внутренней стороной шерстяного свитера. Так и проходит день. Вновь наступает ночь.

Они понимали, что могут замерзнуть насмерть на ледяном щите перед полюсом. Однако никак не предполагали, что можно погибнуть в оттепель. На другой день Скотт собирает людей на молебен. Они втискиваются в его палатку. Все не помещаются. Несколько человек стоят, сгорбившись, у входа. Что внутри, что снаружи — одинаково мокро и холодно. Кто-то лежит в спальном мешке, кто-то стоит на коленях. Ближайшие лица отделены от Скотта считанными сантиметрами. Торжественно и громко, как священник, он читает «Отче наш». Молебен окончен.

Оттепель продолжается.

Собак не видно. Они лежат где-то под мокрым снегом, дыша через крохотные продушины. В сильный мороз они прекрасно чувствуют себя в таких убежищах. Теперь же промокли насквозь и мерзнут. И все же лошадям куда тяжелее. Люди час за часом не отходят от них, растирают сеном. Еще две лошади упали на снег.

Неожиданно небо проясняется. Хорошая погода устанавливается так же быстро, как началось ненастье. Они выбируются из Палаток, сбрасывают мокрую одежду, помогают пони встать на ноги, из-под снега выглядывают собачьи морды. Обращая взоры на юг, участники экспедиции сперва видят все те же снежные просторы. А затем — этой картины они никогда не забудут — вдали на фоне голубого неба двумя могучими белыми колоннами вырастают крутые горные вершины. Они разделены перевалом. Должно быть, это и есть Ворота Шеклтона. Им предстоит взять этот перевал.

Они разгребают мокрый снег. Снимают палатки. Сушить что-либо сейчас бесполезно. Крепчает мороз, и они чувствуют, как дубеет мокрая одежда, видят, как трескается брезент

свертываемых палаток. Надо двигаться. Надо запрягать собак и пони. Только движение может спасти их от замерзания, если температура и дальше будет понижаться.

Она понижается. Но они поднакопили сил и злости. Полюс осмеливается ставить им преграды в виде оттепели — так они покажут ему, что их не сломить. Снова большой караван в пути. Люди тянут сани, тянут лошади, проваливаясь в снег копытами. Барахтаясь по брюхо в свежевыпавшем снегу, тянут собаки, они не могут толком опереться лапами, и каюр должен выходить вперед, прокладывая дорогу. Сани опрокидываются, каюр возвращается, чтобы поставить их прямо. Собаки барахтаются и тянут. И опять надвигается туман.

Впрочем, кажется, на сей раз обойдется. Можно подумать, что всевышний дразнит их; послушные его воле, грозя новой оттепелью, над скованными льдом белыми просторами все ближе плывут серые космы, а затем он гонит их обратно. Начинается подъем к перевалу. Солнце освещает склон. Они загодя видят трещины. Могут спокойно их обойти. Но в нескольких стах метров за ними ползет туман — и опять отступает. Всевышний явно хочет напомнить им, что не они хозяева здесь, на юге.

Метр за метром вверх. На пологих участках направляющие могут остановиться, чтобы передохнуть и поглядеть на идущих сзади. Однако то и дело встречаются кручи, где приходится разгружать сани и поднимать снаряжение на себе. Или же искать обход, привязывая к ногам шипы и поддерживая лошадей, чтобы не сорвались. Им ясно, что дальше никакие пони не пройдут.

Так ведь и по плану предусмотрено, что здесь лошадям придется умереть. Собаки поработают еще немного, потом их отправят обратно на базу. Скотт откладывает окончательное решение. Ему следовало бы еще вчера распорядиться, чтобы лошадей пристрелили. Но именно это страшит его больше всего. Хотя нет, еще сильнее терзает его другой вопрос: кому из людей скоро поворачивать назад, а кому идти с ним дальше к полюсу?

Стоя спиной к Оутсу, он как бы невзначай бросает:

— Сегодня вечером придется...

Оутс знает, что подразумевает Скотт.

Начальник экспедиции покидает стоянку, чтобы разведать маршрут на завтра. Оутс бросает на снег галету. Пони наклоняет голову за угощением. И получает пулю в затылок.

Собаки чувят кровь. Приходят в неистовство и отчаянно рвутся с привязи. Под звуки выстрелов одна лошадь за другой валятся на снег. Затем собакам предоставляется случай вволю поест мяса с кровью, по которому они так стосковались и которое им так необходимо. Кто-то из людей решается отведать конины. Другим она не лезет в глотку.

Скотт возвращается из разведки.

Палатки стоят на горном склоне; ночь, новолуние, в небе над лагерем и окружающей его страной сияет красавец месяц. Умеренный морозец, минус двадцать, в палатках почти жарко, люди спят, сытые собаки удовлетворенно постанывают.

Но Скотту не спится.

На другой день они продолжают карабкаться вверх. Уилсон делает зарисовки гор; собаки одолевают подъем куда легче, чем ожидалось. Тедди Эванс незаметно приближается к Скотту. Негромкие слова, без угодничества, подчеркнутое дружелюбие, попытка дать понять, не говоря об этом прямо, что я во всем подчиняюсь вашему руководству, хотя, признаюсь, в душе не все одобрял. Эвансу очень уж хочется участвовать в штурме полюса.

Скотт на вежливость отвечает вежливостью, на дружелюбие дружелюбием. Однако ничего не говорит о том, кого думает взять с собой.

Второй Эванс в отряде — младший офицер Эдгар Эванс — физически сильнее своего старшего по званию однофамильца. Молчалив, покладист, годен для всякой работы, предан как

пес, но выносливее любого пса.

Он тоже мечтает идти на полюс.

Поглядывает на своего однофамильца, ухмыляется.

А Скотт мается животом. Он то и дело вынужден уединяться за торосами. Не надо, чтобы другие видели, даже здесь, где невозможно скрыть что-либо от других. Он дорожит своим достоинством. Он стесняется. До полюса остаются считанные сотни километров, а его покидают силы. Сидя на корточках, он думает: «Кого мне взять с собой?..»

Подул холодный северный ветер, температура минус тридцать пять, в штаны набивается мелкий снежок, который тает, когда он затягивает ремень. Где сейчас Амундсен?

Ты все-таки соревнуешься с Амундсеном?

Твоя тайная цель, в чем тебе не хватило духу сознаться, — дойти до полюса раньше него?

А если он тебя опередит, при том что ты не соглашался признать, ради чего затеяна гонка, достанет ли тебе моральных сил выжить, когда ты, придя на полюс, увидишь, что проиграл?

За ночь желудок налаживается.

На другой день приходит пора отсылать собак на базу.

Он отдает приказ ответственному за них Мирзу. Мирз не военный служащий. Он бурно возражает:

— Разве вы не видите, сэр, что собаки еще могут работать, что их, может быть, до самого полюса хватит? Мы ведь хотим победить Амундсена — или нет?

— Мой план, дорогой Мирз, предусматривает использование собак в других экспедициях во время нашей второй зимовки. Вот почему их необходимо вернуть отсюда. Спасибо тебе за помощь. Ты отправишься сегодня обратно вместе с Дмитрием.

И все. Но у него опять нелады с животом.

* * *

Медленно продолжается подъем на плато. Люди сами волокут сани, подчас до восьми человек в одной упряжке. Для этого приходится одни сани оставлять сзади, потом спускаться за ними. Дорога становится вдвое длиннее. Скотт спрашивает себя, как лучше: шутить и смеяться или же помалкивать с хмурым видом, не выказывая ни дружелюбия, ни неприязни к своим спутникам. Может быть, попытки вдохнуть в людей бодрость для них только обременительны? Лежа ночью в спальном мешке, он размышляет об этом. Не может прийти к какому-либо выводу. Хорошо бы обсудить этот вопрос с Уилсоном. Когда они вернутся в Англию — он верит в это, молитвенно сплетая пальцы на животе, — надо будет встретиться с Уилсоном и подробно обсудить этот вопрос: попытка одного человека вдохнуть бодрость в другого воспринимается как помощь или обуза?

Теперь солнце светит круглые сутки. Ночью от него в палатках жарко. С неба льются потоки света, кругом ни одного темного пятна, на котором глаз мог бы отдохнуть. Линия горизонта сливается со снегом и льдами. Белые вершины, на которых не бывать ноге человека, вонзаются в небесную синеву, окрыляя человеческую мысль.

Верно ли он поступает, не говоря своим спутникам, кого возьмет с собой на полюс?

Но он еще не сделал выбор. Это обстоятельство мучает его. Он ловит себя на том, что отлынивает от работы, не тянет сани наравне с другими. Задумавшись, проваливается в трещину. Полчаса висит на лямках, говоря себе: ничего, тебе не впервой, выживешь и на этот раз. Его товарищи закрепляют сани на снегу и, страхуя друг друга, вытаскивают начальника.

Но он по-прежнему не знает, кого брать с собой на полюс.

Мысленно сравнивает их. Думая при этом о своей ахиллесовой пяте. Он недостаточно велик, чтобы сказать: «Задача мне не по плечу. Передаю руководство тебе, мой друг Эванс!» Он спрашивает себя, не делает ли возраст — ему сейчас 43 года — невозможным его участие в заключительном, решающем броске к полюсу. Хватит ли сил на обратный путь? И сам разоблачает свое притворство. Себя он уже отобрал. Он поведет группу на завоевание полюса, пусть даже осознает, что его спутники сильнее.

До сих пор он ни в чем им не уступал?

Уилсона он непременно должен взять. Уилсон его единственный друг, без Уилсона в палатке будет пусто. Уилсон все знает, все выдерживает, находит все, что теряют другие, умеет молчать и единственный из всех имеет право все говорить. Час пути без общения с Уилсоном — потерянный час. Поэтому Уилсон должен участвовать. Непременно должен, хотя бы выяснилось, что в физической силе он уступает другим.

До сих пор не замечалось ничего, что давало бы повод усомниться в нем?

Далее, надо брать с собой младшего офицера Эдгара Эванса. Эванс мастер на все руки, умеет чинить лыжные крепления в сильный мороз, ставить обледенелую палатку. Способен вечером латать рукавицы, когда все лежат в спальных мешках; он и лошадь и собака теперь, когда лошадей застрелили, а собак отправили назад на базу. Поэтому Эдгар Эванс должен идти на полюс.

Штурмовая группа должна состоять из пяти человек. Стало быть, остаются два свободных места. Скотта, представляющего военных моряков, постоянно тревожила мысль, как бы на долю его рода войск в этом походе не пришлось больше славы, чем на остальные. Поэтому желательно взять с собой представителя армии. Напрашивается кандидатура Оутса. Всем офицерам Англии, служившим за рубежом, будет приятно услышать, что в штурме полюса участвовал их товарищ из индийской армии. Оутс силен как медведь. Скотт выбирает и его, однако пока молчит об этом. Остается еще одно место.

Это место он может предоставить своему заместителю Тедди Эвансу. Правда, тут есть один, минус: Эдвард Эванс — военный моряк, а флот и так уже хорошо представлен. Поразмыслив, он приходит к выводу, что с таким же успехом можно взять Бауэрса. Бауэрс тоже лейтенант флота. Он ненавидит лыжи. Топает к полюсу по колено в снегу, проваливается по пояс и топает дальше, презирая лыжи. Бауэрс бессмертен. Скотт вносит поправку в эту фразу своего внутреннего монолога: «Бауэрс кажется бессмертным?..»

Значит, взять Бауэрса? Сам он мечтает об этом. В каком-то смысле он безликий. Невыразительное лицо, словно припорошенное снегом. Складки, врезанные морозами вокруг носа и глаз, от нас укрыты. В ретроспективе мы видим его покойником в палатке, но сейчас он жив, он в движении, слегка улыбающийся, немногословный, самый близкий человек младшего офицера Эванса бесцветный, замкнутый, но всегда тут как тут, если кто-то нуждается в помощи.

Но тогда не остается места для Эдварда Эванса?

Скотт стоит перед самым трудным выбором. Он говорит себе: «Я еще не решил!» Говорит также: «Как руководитель экспедиции я вправе отбирать лучших, и только их». Мысленно повторяет еще несколько банальностей, маскируя то, в чем не хочет, но вынужден признаться себе: «Тебе не хочется брать Эдварда Эванса?»

Ты знаешь, как лихо вскидывает руки Эванс, выступая перед аудиторией, где большинство составляют женщины? Представляешь себе его широкую улыбку, ослепительнее снегов Антарктиды, низкий чеканный голос, искрящиеся глаза — все то, что делало его виртуозом в сборе средств для этой экспедиции. Женщины не могли устоять против него. Брать его с собой?

Чтобы он стал покорителем полюса и, возвратясь домой, вскружил голову журналистам? Не будучи нелояльным ко мне ни в одном отдельно взятом вопросе, он сумеет оказаться кругом

нелояльным. Взять его?

Он постарается ускорить движение к полюсу, все время будет уходить вперед, оглядываясь назад с улыбкой, выражающей подчинение мне, однако напоминающей, что по справедливости я должен быть его подчиненным.

Он спас «Терра Нову». Он выжмет все из этого случая. И по праву: без него качаться бы нашим телам на волнах где-то к югу от Новой Зеландии.

Взять его?

Он сумеет дойти до полюса, и возможно, с ним мы будем первыми, ради этого он выложится весь. Не пощадит своих легких и мышц, лишится зрения от яркого света надо льдами, позволит солнцу расписать пятнами кожу лица, морозу — избороздить ее трещинами, обморозит все конечности. Возможно, умрет на обратном пути.

Но можешь ли ты положиться на это?..

Что я сейчас сказал?..

Он может выжить?..

Он не вор. Он вовсе не собирается украсть у меня славу. Но и не откажется взять все, принадлежащее ему по праву — праву наиболее сильного, отчаянного, опасного, мыслящего быстрее других, пусть даже не глубже других, и пусть ему суждено потерять все, но до тех пор он сумеет выиграть максимум.

Что же до тебя, то ты составил свои планы и будешь следовать им.

Они уже одолели горные склоны. Перед ними простирается плато. Там, впереди — полюс. Палатка поставлена. Люди забрались внутрь. Он просит их выйти.

— Но с тобой, мой друг Эванс, я хотел бы поговорить. Они остаются вдвоем.

В палатке один из них кричит, рвет на себе волосы, падает ничком на спальный мешок и стонет в голос, вскакивает и едва не забывает, что один — капитан английского флота, другой — лейтенант. Всего полметра разделяют их. Оба возбуждены. Оба правы. Драться нельзя. Над ними властвует железный закон. Ударь Эванс — и он будет арестован, когда вернется в Англию, пусть даже вернется покорителем полюса. Но сейчас он не в силах с собой совладать. Брызгая слюной в лицо Скотта, шипя синими губами, тихо говорит:

— У тебя неблагоприятные мотивы...

Он знает, куда целить, и попадает в яблочко. У Скотта теперь двоякий выбор. Побеседовать с человеком. Медленно разъяснить военную обстановку. Предложить подчиненному обсудить вопрос. Приводить свои аргументы, выслушивать ответные, признать собственное несовершенство, откровенно изложить все свои мотивы и закончить ссылкой на бесспорный факт: «Я твой командир. Мой долг — принять решение. Решение принято».

Либо так, либо оборвать разговор коротким: « Попрошу тебя выйти из палатки ».

Один сидит понурившись на спальном мешке.

Другой — не знает что сказать.

Кончается тем, что Эдвард Эванс пожимает руку Скотта. Поднимается и выходит из палатки.

На другой день те, кто не пойдет на полюс, отправляются в обратный путь. Прощание окрашено грустью. У всех свои предчувствия. Никто ни словом не выдает своих тревог. Еще с полчаса возвращающиеся помогают тянуть сани, затем приходит пора рукопожатий и добрых пожеланий. Эдвард Эванс — последний, с кем прощается Скотт. Они стоят в сторонке от остальных. Над полярным краем ясное небо.

Скотт:

— Я всегда восхищался тобой, дорогой Эванс. Эванс:

— Сэр. Англии не найти лучшего офицера. И они расстаются.

Но Эванс не простил и не забыл горечи разочарования.

Он намерен достигнуть базы в рекордно короткий срок. Когда их обволакивает туман, он не разбивает лагерь, а заставляет людей продолжать движение. Скоро они сбиваются с курса. Он заводит их в невысказанно трудную местность. Трещина за трещиной, здесь и палатку-то негде поставить. Сделаешь лишний шаг в сторону — и ухнешь в провал. В этот момент, когда все висит на волоске, как это было на «Терра Нове», он один карабкается дальше, убеждается, что трещины не такие уж глубокие и не слишком крутые, они скорее напоминают замерзшие покатые волны. Одолевает один гребень волны за другим, висит на руках над провалами, его товарищи остались позади, упади он теперь — это будет его последнее падение.

Ему удастся найти проход.

Он опускается на колени и плачет.

Он весь разбит, обессилен. Его лишили победы, он проклинает Скотта, лезет обратно по собственным следам, не показывает вида, что проиграл, — нет, он тот, кто больше любого другого заслуживал право быть победителем. Проводит своих товарищей через трещины, мимо провалов на прочный лед.

Однако на пути к базе он заболевает цингой. Теряет зубы. Истекает кровью. Временами теряет голову, выскакивает из палатки и кричит, что должен вернуться к Скотту, который движется к полюсу. Приходится силой затаскивать его обратно в палатку. Его укладывают в спальный мешок, один из участников группы уходит на лыжах вперед, отыскивает базу в проливе Мак-Мёрдо и приводит врача, доктора Аткинсона. Жизнь Эванса спасена.

А далеко на юге пять человек идут к полюсу. Руководитель отряда необычно скуп на слова. Время от времени поглядывает на Уилсона и вяло улыбается, как бы извиняясь за что-то, о чем не решается сказать. Один буран сменяется другим. Каждую неделю они теряют часы и дни.

Ночью почти не спят.

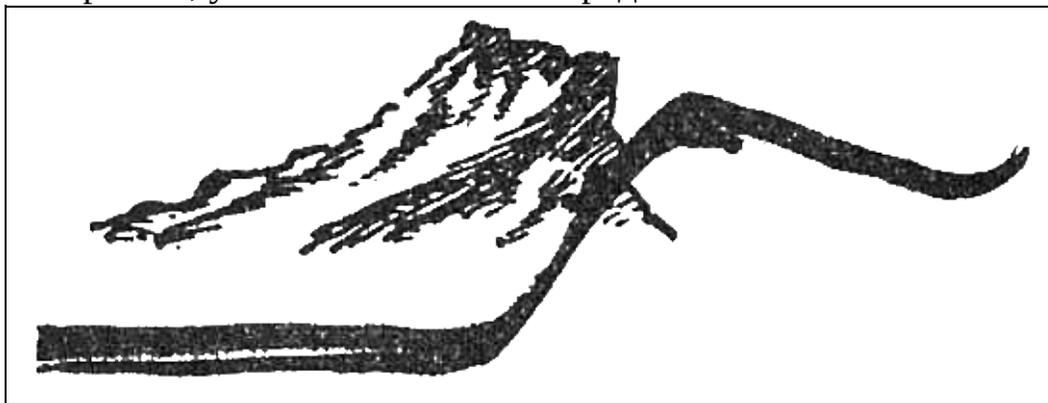
В эту пору, когда нагрузка возросла, а силы Скотта уже не те, что были на старте в проливе Мак-Мёрдо, нам слышны в его дневниковых записях более теплые, задушевные интонации. Он вырастает с ростом опасности. В предчувствии гибели находит гордые слова.

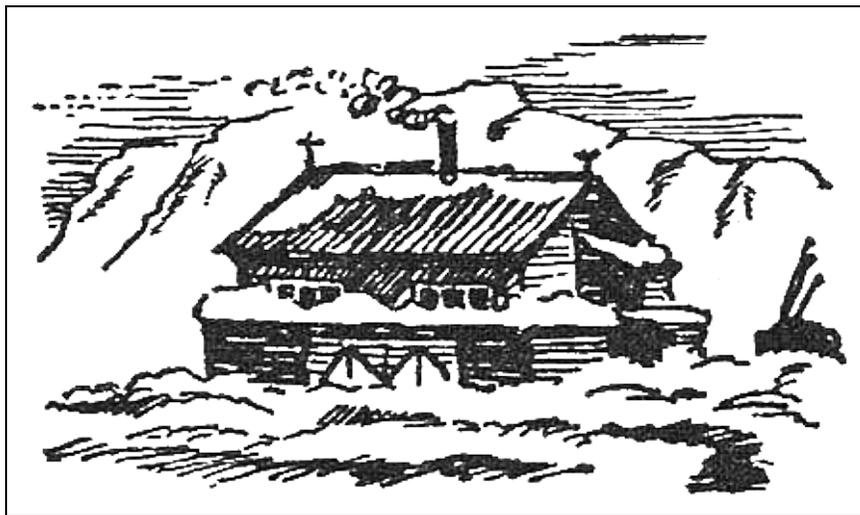
Наконец на самом плато выдается несколько дней хорошей погоды и они быстро продвигаются на юг. Место, откуда Шеклтон был вынужден повернуть назад, пройдено. Рельеф несложный. Лыжи идут хорошо. Завтра или послезавтра полюс будет взят.

Никто из них не страдает снежной слепотой.

Но самое острое зрение у Бауэрса.

— Сэр?.. — говорит он, указывая на что-то впереди.

Бьоланд спускается первым. Пологий склон, хорошая погода, легкая мгла, температура всего около минус двадцати, дует слабый норд-вест. Собаки тянут еще не совсем согласованно, но с каждым часом бегут все быстрее. Скорость такая, что никакой направляющий не нужен. Амундсен замыкает на лыжах, с трудом поспевая за остальными. Бьоланд никак не может избавиться от привычки забирать чуть вправо. Они наблюдают, как он старается исправить курс. Еле заметно поворачивает собачьи морды и кончики лыж влево, чтобы не уводили его в сторону. Но уже через несколько минут ему кричат сзади:

— Ты забираешь вправо!..

И так раз за разом.

Местность сравнительно несложная. Знакомая по заброскам осенью прошлого года. Они знают — главные трудности впереди. И все-таки мечтают найти среди неведомых гор большую дорогу на юг — через легкие подъемы и пологие спуски до самого полюса. Но это всего лишь грезы. Внезапно сани Бьоланда врезаются одним полозом в снег и опрокидываются.

И начинают медленно погружаться под звуки собачьего воя, который тут же обрывается. Хельмер Ханссен, едущий следом за Бьоландом, поспешно тормозит. Сани Бьоланда все глубже уходят в снег. Сбросив лыжи, он хватается за упряжь, помогая собакам тянуть. Сани все равно погружаются. Бьоланд срывает зубами одну рукавицу, вторую, голые руки не так скользят, отпускает ремни, берется за главную веревку, упирается ногами в снег и напрягает свои богатырские силы, чтобы удержать сани. Собаки стараются зацепиться когтями. Они и смелы и умны. Не хуже человека понимают ситуацию. Если сани совсем провалятся, они неизбежно провалятся следом. У Бьоланда есть нож. Он может выхватить его и обрезать веревку, жертвуя санями и снаряжением. Тогда им придется возвращаться в «Фрамхейм». Тогда полетит весь их график. Сейчас лыжником из Телемарка владеет тот же дух, что и начальником экспедиции: все или ничего. Лучше ухнуть в провал, чем поступиться возможностью быть первым на полюсе.

Хельмер опрокинул свои сани, чтобы собаки не рванули с места. Разбегаются и прыгает через трещину. Собственно, ее не видно, он может только догадываться о ее ширине. В прыжке слышит, как за его спиной рушится снег со льдом. Слева открывается черный провал. Хельмер приземляется на ноги Бьоланда. Хватается за веревку, оба тужатся до черноты в глазах — и, влекомые весом саней, вместе сантиметр за сантиметром скользят к трещине.

Они еще видят ящички. Собаки опять отчаянно воют. Появляется Амундсен и перемахивает на лыжах через расселину. Погода начинает портиться. Сгущается туман. Всего минуту назад была хорошая видимость. Теперь они с трудом различают упряжку Вистинга. Похоже, что левее трещина поуже. Вистинг решает рискнуть. Туман не обманул его? Они не знают: согнувшись в

три погибели, силятся не выпустить веревку, собаки впиваются когтями в снег. Ящики еще видно. Хассель кричит:

— Ну, угодили в чертову дыру!

Вистинг гонит свою упряжку через трещину. Его сани встают мостом над провалом. Похоже, что они стоят крепко. Хассель живо хватает лежащую на его санях аварийную веревку. Вдвоем они надежно зачаливают сани Вистинга с обоих концов. Есть надежная опора для дальнейших действий.

Амундсен на лыжах пересекает трещину в обратную сторону. Что-то обрушивается под ним. Он берет еще одну веревку с саней Ханссена. Они связывают сани Бьоланда с санями Вистинга. Только успели затянуть узлы, как сани Бьоланда уходят вниз еще сантиметров на тридцать. Задний конец их висит на веревке, передок удерживают собаки и два человека. Бьоланд кричит:

— Больше не могу!

Хассель:

— Вот чертова дыра!

Им удастся зачалить передок саней, и они выпрягают собак. Надо бы передохнуть. Однако кругом зловеще потрескивает. Бьоланд плюхается на снег, но почти сразу вскакивает и кричит:

— Надо посадить собак на привязь! Здесь кругом трещины!

Они поспешно сажают собак на привязь. Между тем снег кругом оседает. Разворачиваясь, Амундсен чувствует, как одна его лыжа пробивает снежный покров. Сани еще висят на веревках, но груз перетягивает, и они переворачиваются полозьями вверх. Двое — Вистинг и Амундсен — ложатся на живот по бокам расселины и смотрят вниз. Ящики повисли на веревках, крепящих их к саням. Ящик с кухонными принадлежностями угрожающе болтается. Чалки еще держат. Хассель кричит:

— Вот ведь чертова дыра!

Чтобы поднять ящики, надо спустить в трещину человека. Начальнику экспедиции следует поторопиться с решением. Они смотрят на него. Он замечает их взгляды. Они готовы сделать все, что он прикажет. Не дожидаясь его распоряжения, дружно изъявляют свою готовность. Им и так ясно, что он скажет, потому что его лозунг известен: все или ничего. Возвращаться в «Фрамхейм» за другими кухонными принадлежностями — значит рисковать проигрышем в гонке к полюсу. Он готов пойти на смерть — и повести за собой остальных. Но проигрывать ему нельзя.

А потому решение принято. Все четверо согласны спуститься на веревке в трещину. Никто не требует того же от него. В крайнем случае легче будет обойтись без кого-то другого. Он чувствует прилив сердечной теплоты, чувствует радость, придающую сил. В голове мелькает мысль: «Ты не ошибся в своем выборе людей!» Сухо произносит, что надо спускаться за снаряжением. Вроде бы ты, Вистинг, самый легкий из нас. Придется работать без рукавиц. У тебя крепкие руки. Они обвязывают Вистинга веревкой вокруг пояса. Другой конец закрепляют на санях Хасселя, двое ложатся на снег у края трещины и спускают Вистинга вниз.

Он снял меховую шапку. После они спросили его, зачем он это сделал. Наверно, чтобы лучше видеть, ответил он. Шапка могла налезть на глаза. Возможно, — а может быть, он, если не суждено вернуться наверх, предпочел бы с обнаженной головой уйти в тишину, превосходящую белое безмолвие? Итак, он в расселине. Веревка врезается в тело под мышками. Ему нужно, качаясь на ней, обмотать другой веревкой ящик, затянуть покрепче узел, развязать веревку, которой ящик прикреплен к саням, и подать его в сторону от себя и саней, чтобы четверка наверху могла его вытаскивать, пока сам Вистинг продолжает висеть внизу.

Под ногами не видно дна.

Снизу не доносится ни звука.

Сверху — напряженное дыхание и кряхтение, приглушенная брань, тьяканье пса, словно говорящее, что собаки тоже понимают серьезность положения и помогают людям тем, что не рвутся с привязи. Освободившаяся веревка спускается обратно.

Он обвязывает следующий ящик.

Руки ооченели. Он уже не помнит, куда подевалась шапка, ему трудно дышать, потому что обвязка сдавливает грудь. Сорвавшийся сверху кусок льда ударяет его по голове. Он невольно дергается. Веревка относит его в сторону. Ой-ой, кажется, ящик, с которым он сейчас возится, вот-вот выскользнет из своей обвязки. Придерживая ящик одной рукой, Вистинг другой обматывает его подъемной веревкой и выдавливает из себя:

— Вира!

Сверху доносится голос Хасселя:

— Ну и дыра, черт дери!..

Они вытаскивают все ящики. Поднимают сани. И наконец — Вистинга.

А начальник экспедиции уже стоит на коленях перед гладким куполовидным ледяным бугорком, на котором гудит зажженный им примус. Он варит шоколад. Хорошо для согрева. Правда, температура поднялась до минус пятнадцати, но зато сгущается туман. Видимость всего несколько метров. Голос начальника:

— Готово! Подходи!

Бьоланд садится на другой ледяной купол. И тот с треском рассыпается под ним.

Всем становится ясно, что эти красивые маленькие купола, которые до тумана переливались хрусталем в солнечных лучах, внутри полые, и под ними кроется бездна. Таких куполов кругом тысячи. Туман продолжает сгущаться. И новая догадка: все купола соединяются трещинами. Отряд окружен сетью трещин, подобной нервам в коже человека.

Выпив шоколад, они заключают, что вернее всего остановиться здесь. Собак кормят и сажают на привязь. Люди осторожно прощупывают снег лыжными палками, возвращаясь по собственным следам. Не так-то просто найти надежное место для палатки. Один колышек уходит в провал. Слышно, как он ударяется о стены трещины под ними. Они относят растяжку на три десятка сантиметров влево. Здесь колышек держится.

Наконец можно забираться в палатку.

Тотчас псы принимаются дружно выть. Может быть, не видя людей, чувствуют себя брошенными. Туман такой — хоть ложкой черпай. А может быть, собаки воют потому, что влага пропитала шерсть и они мерзнут. Люди сидят в палатке бок о бок. Слышат дыхание друг друга.

Хассель говорит, словно объясняя:

— Мы угодили в чертову дыру.

Вистинг — спокойно:

— Но мы опережаем график.

Бьоланд:

— Надо как-то выбираться из этой чертовой дыры.

Постепенно они засыпают. Один начальник экспедиции бодрствует. Полусидя-полулежа он спрашивает себя: «Вдруг вся палатка провалится? Тогда уж лучше спать?» Чтобы время шло быстрее, решает пересчитать в уме снаряжение. Он держит все цифры в памяти. В ящике номер один 5300 галет, общий вес 50,38 килограмма. Ящик номер два — 112 пайков пеммикана для собак, 11 упаковок сухого молока, шоколад и галеты, общий вес 80,4 килограмма. А как с медикаментами?

Зачем тебе медикаменты — как будто мы можем лечить друг друга на пути к полюсу? Аптечка первой помощи плюс старые зубоврачебные щипцы, которые зимой так и не понадобились. Ты взял их с собой в поход. Взял намеренно. Зубная боль способна душу

вымотать из человека. Так что в крайнем случае сможем выдернуть зуб. Но о лечении серьезных заболеваний на пути к полюсу говорить не приходится.

А еще ты захватил бритву.

Тоже не случайно. Ходить с бородой или без нее отнюдь не все равно: длинная борода обрастает сосульками, к ней пристаёт снег, и вместе получается колтун. Лучше всего короткая бородка. Она защищает лицо. Так что бритва нужна.

В отличие от медикаментов.

Он думает о своих спутниках, и на душе становится тепло. Опасения оставляют его, он уже уверен, что палатка не провалится. Ты знал, кого отобрать. Хельмер Юлиус Хансен, 41 год, он был с тобой на «Йоа», опытный каюр, на него вполне можно положиться. Сверре Хельге Хассель, 35 лет, участник второго плавания «Фрама», обогнул на лыжах острова Рингнеса в Северном Ледовитом океане. Он побывал во льдах еще до знакомства с тобой.

Улав Бьоланд, 37 лет, один из лучших лыжников Норвегии и всего мира, немногословный, но неприветливым его никто не видел, богатырь с душой мальчишки, первый на любой лыжне, незаменимый в самом длинном лыжном переходе, какой доньше видел мир. Оскар Вистинг, 40 лет, флотский офицер, совсем тебе незнакомый, когда ты его нанимал, а теперь самый близкий, если не единственный, друг. Человек, который вполне мог бы стать руководителем, но ему не хватает для этого самой малости, что тебя вполне устраивает. Надежный, коренастый, отнюдь не глупый, хотя мыслителем его не назовешь, и не слишком предприимчивый. А потому как будто созданный быть твоим другом.

Ну, а Юхансена ты сегодня ночью вспоминаешь?

Да, вспоминаешь, меж тем как остальные четверо, лежа на льду, спят, видят сны, храпят на разные лады. Ты знаешь, что сделал правильный выбор. Ты ведь не можешь себя переделать? Скажи себе правду в палатке между расселинами; собаки перестали выть, но чу — не треск ли доносится снаружи, возвещая, что сейчас палатка провалится вместе со всеми людьми? Да, сегодня ночью ты сознаёшься себе: был в группе один человек, способный оспорить твое право на руководство. Поэтому ты не взял его с собой.

Переделать себя? С какой стати? Или ты не лучше других знаешь, что делаешь, чего хочешь, во что это обойдется, или не продумал все до мелочей, перебирая тысячи вариантов, возможных в таких ситуациях? И ты знаешь, что сделал правильный выбор. Только явное невезение может лишить тебя победы. Способен ты себя переделать? В Норвегии ты вынужден был взять Юхансена, потому что этого потребовал Нансен. Догадывался ты уже тогда, что дело дойдет до стычки между Юхансеном и тобой? Ты сделал правильный выбор. Будь он здесь, пришлось бы терпеть молчаливый вызов твоему авторитету, невысказанную критику, терпеть человека, лучше разбирающегося во всем, подтачивающего твою уверенность в себе, которая может даже показаться самонадеянностью. И ты уже не был бы так уверен в себе. Не чувствовал бы себя абсолютно вправе быть руководителем. И сегодня, возможно, раскаивался бы в своем выборе.

Кажется, мы проваливаемся?

В таком случае мы не услышим критики и не узнаем славы. Но тебе хочется — и в момент катастрофы хотелось бы знать, что мир восславит вас, молчаливых отважных людей во главе с бессмертным руководителем, которого настигла смерть во время величайшего лыжного перехода, какой до сих пор видел мир.

Они не проваливаются.

На другой день отыскивают выход из чертовой дыры.

Теперь они вынуждены убить первую собаку. Сука по кличке Жеманница была ценная и не могла идти дальше. Они отмечают свой путь на юг пирамидками, чтобы легче было найти дорогу обратно. Восемь неродившихся мертвых щенят кладут на макушку такой пирамидки.

Будет корм для других собак на обратном пути.

Рядом лежит их мертвая мать.

Но когда они возобновляют движение на юг, кто-то всхлипывает. Кто именно, остается неизвестным. Их окружает густой туман. Они исследователи, однако слабости друг друга — не предмет их исследований. Одна из собак в упряжке оборачивается и воет.

Зарабатывает удар кнутом.

Дальше на юг.

Кто-нибудь слышал тишину? О ней не стоит говорить. Говорить о тишине в царстве тишины — все равно что указывать пальцем, приманивать ее, превращая в существо, которое будет вгрызаться в тебя, станет частью твоей плоти, заставит оглядываться по сторонам, когда ты будешь вылезать из палатки, оказываясь наедине с тишиной и зная, что здесь тебя подстерегает смерть.

Не говори о тишине.

На другой день три собаки срываются с привязи и бегут назад по собственным следам. Не иначе, все три были кавалерами Жеманницы. Теперь кобели хотят ее отыскать.

Они найдут ее.

Сожрут Жеманницу и щенят.

Дальше на юг.

Туман рассеивается. И тут — поразительное зрелище — с севера прилетают две большие птицы, описывают круг над ними и летят дальше на юг, словно хотят раньше них достигнуть полюса. Может быть, вознамерились пересечь весь материк?

Опять сгущается туман, опять хоть ложкой черпай, но все равно они делают приличные переходы — каждый день около тридцати километров. Собаки в прекрасной форме. Люди знают, что скоро они начнут тощать и слабеть, настанет день, когда придется гнать их вперед кнутами. Самим людям еще будет хватать еды. Но и их силы не беспредельны, тогда все будет зависеть от воли, тогда-то и станет ясно — годятся они в покорители полюса или нет.

Туман рассеивается. Настает утро с высоким, ясным, синим небом.

И они видят на юге горы — могучие, далекие, но все равно такие близкие в удивительно прозрачном воздухе. Через эти горы им надо перевалить. За горами — полюс. Они останавливаются и смотрят.

Да, за горами полюс.

Никогда еще не видели они таких высоких, таких могучих, таких крутых гор с пламенеющими на солнце ледяными шапками, под таким сверкающим небом.

Они продолжают идти на юг.

* * *

Они не ожидали, что горы будут так давить на душу. До сих пор в основном двигались по ровному льду, протискивались между торосами, перебирались через трещины, заглядывая в смертную бездну и подбадривая друг друга смехом. Шли до сих пор по укрывающему Антарктиду великому, необъятному ледниковому щиту с тайнами и буранами, внушающими человеку ощущение полной заброшенности. Теперь глазам их предстал собственно материк, который до них видели только Шеклтон и горстка его отважных спутников, — горы без имени и без лика, холодные и безвестные, с крутыми, иссиня-черными в лучах солнца склонами, с осыпями, где не держался снег. При лунном свете — словно застенчиво обнажающиеся королевы, непостижимые для человеческого ума, дикие в своей великолепии, недоступные для

обыкновенного человека.

Они не подозревали, что горы будут так давить. Последние десятки километров лыжи скользили отменно, погода держалась хорошая, легкие тучки смягчали солнечный свет. Теперь перед ними возвышались горы. То один, то другой великан словно чихал от гнева при виде приближающихся людей, и вниз по склонам катились огромные лавины, разбрасывая камни и глыбы льда. Горы сдавливали грудь, припечатывали человека к снегу, выжимая из его глаз изумление и страх, так что каждый из пятерки отводил взгляд в сторону, избегая смотреть на соседей. Вот как действовали на них суровые, могучие, неодолимые горы Антарктиды.

Туда им идти. Но пока что — молчи об этом. До сих пор ты странствовал в тумане между бездонными трещинами. Ну и что? Ты мог погибнуть, ты выбивался из сил, петляя между победой и смертью. И все же можно было сказать, что это были цветочки. Ягодки впереди — там, куда тебе лезть.

Ни слова об этом.

Ни слова собакам — они то и дело ложатся и глядят вверх, потом вопросительно смотрят на человека. Ни слова друг другу. Не позволяй проблеме тяготить тебя раньше времени. Поставь палатку.

Последняя ночь на барьере, прежде чем ты — если того пожелает всевышний и тебе будет сопутствовать удача — возвратишься сюда. Обнажил ли ты голову в знак почтения к полюсу, и может ли все равно — гнетущая мысль — оказаться, что не ты будешь там первым? Вернешься ли ты назад в таком случае? Он знает — да и остальным, надо думать, тоже понятно: если, придя на полюс, они увидят там другой флаг, у них не будет особого желания вернуться сюда живыми. А пока — не выходи из палатки, не смотри на горы.

Они ждут тебя в лунном сиянии, разбухая в потоках света, которые скатываются к палатке по снежным склонам. Не говори о них! Кажется, горы навалились на спальный мешок и сдавливают тебе сердце. Ты умеешь управлять собаками, ходить на лыжах, петлять между трещинами. Но сумеешь ли ты пройти через горные теснины, одну теснину за другой, минуя бездонные пропасти, сумеешь ли найти путь туда и обратно?

Они дают горам имена. Упоительное чувство властителя — указать на гору и произнести: «Эту гору назовем именем Нансена!» Не обладая изощренным темпераментом, присущим начальнику экспедиции, остальные члены группы не догадываются, какие подспудные источники питают сейчас его радость, гордость и, возможно, не очень ясное чувство мести. Мести кому? И за что? Гора Нансена неприступна. Не исключено, что начальник ловит себя на ошибке — не ту гору выбрал для этого имени... А то ведь стоило бы взойти на нее — пусть для этого пришлось бы крепко попотеть, потратить лишний день, все равно — стоять на вершине и думать: «Это гора Фридтьофа Нансена. Я открыл ее. Я дал ей название. Я стою на ее вершине...»

Но гора неприступна. Начальник экспедиции не скупится на имена для других вершин. Фамилия каждого, кто дал денег на экспедицию, увековечивается в названии гор Антарктиды. Энергичным почерком, с причудливой орфографией, он записывает их на бумаге. Четыре вершины получают названия в честь его спутников, и те не в силах скрыть свою гордость. Они не лишены многочисленных слабостей человека и его страсти лазить по горам.

И вот они пробираются через теснины, поворачивают в поисках другого пути, карабкаются по осыпям вверх и скользят вниз, видят, что половина дня потрачена впустую. Только не поддаваться унынию. Всевышний и погода милостивы к ним во время перехода через горы. Солнце окутано легкой мглой, оно припекает, но не обжигает кожу лица. Тумана нет. Буранов нет. Они выходят к пропасти, глубина которой никем не будет измерена. Над пропастью горбится снежный мост — узкий, но крепкий, быть может, он выдержит одновременный вес

двух человек, а повезет, так, пожалуй, и собак проведут. Глядишь, обойдется без потерь. Они должны решать. Он должен решать. Конечно, опасность провалиться и кануть в небытие есть, может грохнуться один, а могут и все, но если переправа пройдет удачно, мы выиграем время. Можно и повернуть назад, искать в горах другие пути, упираться в другие пропасти, осыпи и карнизы, где не пройдет никакая упряжка. Терять дни, а то и недели.

Один человек ступает на мост...

Улав Бьоланд не ощущает головокружения, но что-то зудит в затылке и в мышцах ног. Ему чужда романтика; перейдя на другую сторону, он не размахивает шапкой. Напротив: для надежности он привязал к сапогам шипы и теперь наклоняется, чтобы потуже затянуть один ремешок. Итак, мост выдержал. Он возвращается.

У одного края пропасти свет проникает вглубь. Забавное зрелище, заметил Бьоланд — потом, когда они ушли далеко от этого места.

Теперь испытывать прочность моста идут сразу двое, Хассель и Ханссен.

Хассель останавливается и несколько раз подпрыгивает.

Мост держит.

Здесь над ними возвышаются три вершины, две с одной стороны пропасти, третья с другой. В небе парит легкое облачко. И тишина — тишина, от которой можно свихнуться.

Только слышно, как прыгает Хассель.

Мост держит.

Они выпрягают собак, впрягаются сами, вес каждого саней — четыреста килограммов, они тянут медленно, вот перешли двое, за ними еще двое, они стараются ровно распределять нагрузку, что-то потрескивает под ними, но мост держит, и вот уже сани на другой стороне. Можно перетаскивать вторые.

Дальше следуют остальные, под конец и собаки, умные создания, понимающие, что не следует спешить, переходят через мост без перил, с бездонными провалами по бокам и с такими покатыми краями, что вся надежда на когти.

Все переправились.

И тут один из них — обойдемся без имен — вдруг чувствует головокружение. Он падает на снег. У него все кружится перед глазами. У начальника все предусмотрено, он знакомился с опытом альпинистов и знает о возможности таких приступов в горах. Присев рядом со своим товарищем, он успокаивает его. Ну-ну, ничего страшного. Скоро пройдет. Не придавай значения. С кем не бывает. Скажи спасибо, что раньше голова не закружилась. Я и сам неважно чувствовал себя, когда переходил через мост.

Остальные трое тактично отвернулись.

Начальник и на это горазд? Они и не подозревали, что он умеет шутить, успокаивать человека, обращаться с ним, как ласковая мать с ребенком, когда взрослый мужчина, поваленный навзничь страхом и горами, лежит на снегу, кусая рукавицу. А в голове у него непонятный шум, и он мечтает о таком далеком сейчас зеленом пригорке у родного дома.

Надо идти дальше.

Они обливаются потом на подъемах, нахлестывая собак, и мучаются жаждой. Организм выделил так много влаги, а взамен получил самую малость. Глоток-другой шоколада или чая на снеговой воде. Где ты, большой ковш колодезной воды? Сейчас, когда организм жаждет влаги, они фантазируют о воде. Сосут лед. Чуть-чуть помогает. Но много ли проку от толики прохлады на языке, от нескольких капель, после которых жажда еще сильнее. Останавливаясь передохнуть на подъеме, они говорят о воде. О прозрачных ручьях на родине, о ковшах с холодной водой — запорошил голову, и лей в рот... Кто-то сердито кричит:

— Нельзя ли заткнуться? Хватит душу выматывать!..

Собаки ходят, свесив язык. Едят снег. Наклонив морды, рыскают в поисках воды. Не находят. Они отощали.

Едят все, что попадется. Не убрал лыжные крепления — исчезнут в жадной пасти. Собаки пожирают собственный кал. Люди замечают за собой, что с ростом жажды тупеет ум, грубеют нравы, глаза становятся злее, речь вульгарнее. Они уже не отходят от палатки на десяток метров, чтобы справить нужду. Два шага в сторону — и хоть бы все видели.

Им снится вода.

Мысли о воде не дают спать по ночам.

Они ищут проходы и перевалы, находят — или думают, что нашли, — скользят по крутым откосам, обматывают полозья веревками, чтобы не ухнуть вниз по склону и раз навсегда утолить свою жажду. Им попадает гора, где можно карабкаться вверх по бесснежной осыпи и стоять на голой скале. Давненько...

Странное чувство: сняв рукавицу, подержать в руке камень, такой же твердый, как дома в Норвегии. Надо захватить несколько камней домой, — если им суждено вернуться, если эти горы пропустят их и они благополучно одолеют обратный путь.

Собранные камни оставляют на очередном складе. На полюс тащить их незачем.

Кто-то говорит:

— Если нас опередили...

Но и другая мысль приходит им в голову: «Что, если мы придем туда одновременно? Вежливо поздороваемся, поболтаем, выпьем по чашке шоколада — так, что ли? Или все будет иначе?..»

Стенка на стенку, палка на палку, учинить расправу, и пусть снег заметает следы? Пройдя такой путь и застав там других, неужели не постоим за свою победу?

Но они знают: все это бред мучимого жаждой человека, и не больше того. Они продолжают рваться вперед. Одолевают последнюю гору, и перед ними открывается широкий простор.

Они стоят в начале простирающегося к югу великого плоского плато.

Его видел Шеклтон. Однако вынужден был отступить. Они знали: дойдут сюда — победа будет в пределах досягаемости. И вот они здесь.

Они здесь, и пришло время... До сего дня они об этом помалкивали. Можно было говорить об этом в «Фрамхейме», когда до этого было далеко, когда собаки возились на снегу, не давая людям спать своими бесконечными драками. Теперь они одолели барьер и горные склоны вместе с собаками, яростно колотя их, глядя в следующую минуту. И мысленно примечая самых сильных и наиболее слабых, зная, что последним предстоит умереть первыми. Но может быть, именно к слабым они проникались особенной жалостью.

Жалостью?.. Мы били их? Орала и проклинали, изобретали новые виды кары. Плакали на остром ветру, коченели на морозе, с голыми руками барахтались на снегу, запрягая строптивного пса. Но все равно мы к ним привязались.

Теперь двадцати четырем собакам предстоит умереть. Потом мы будем варить собачину.

Остальные собаки пойдут с нами на полюс, выбиваясь из сил и тощая; какие-то будут убиты на обратном пути. По плану в «Фрамхейм» должны вернуться двенадцать собак.

Но двадцать четыре должны умереть здесь.

Справа висит крутой склон, по осыпи непрестанно скатываются лавинки. Резкие звуки словно кулаком бьют по барабанным перепонкам. Собаки сегодня здорово потрудились. Как будто знают, что дело идет к финишу — и спешат выложить все оставшиеся силы.

Поставить палатку здесь, на краю обрыва.

Ступай с оглядкой — и не позволяй жажде терзать тебя сегодня вечером. Это было бы недостойно. Тебе с твоей жаждой жить. Им умереть со своей.

Начальник уходит в палатку.

Он не в силах смотреть. Что ж — в палатку так в палатку, это его начальническое право. Можно понять и уважить, что он проявляет слабость и не скрывает своих изъянов в такую минуту.

Он разжигает примус.

Горелка громко гудит.

Звучит первый выстрел.

Он извлекает соринку из глаза. Тебе ведь необходимо дойти до полюса? Это входит в расплату. Еще один выстрел. Сердце сжимается от неожиданной мысли: «Уж не Ялмара ли они убивают сегодня вечером?..»

Выстрел за выстрелом, остальные собаки сбиваются в кучу и скулят. Но еще надо потрошить туши.

Происходящее теперь настолько отвратительно, что после они избегали говорить об этом. Острый тошнотворный запах горячей крови, кишок, печени, легких. Стая собак, скулящих от голода, измотанных тяжелой работой, ищущих, чего бы схватить и съесть. И которых тем не менее удерживает что-то непонятное; пусть они зажаты между склоном горы и обрывом, пусть посажены на цепь, все равно длина цепей вполне позволяет наброситься на еду.

Однако они не набрасываются.

Кого-то из людей выворачивает наизнанку.

Другой просит воды.

Но вот одна собака бросается к потрохам, за ней другая, миг — и все жадно глотают корм. Тычутся кровавыми мордами, жрут, набивая брюхо, катаются на снегу, смоченном кровью, драться уже не в силах — и незачем: еды хватает на всех.

Но кого-то из людей выворачивает наизнанку.

В небе над оставшимися позади вершинами разливается лунный свет, и подкрадывающаяся тишина, окружив палатку, лишает ее обитателей дара речи, так что вечер проходит без обычных разговоров.

Мясо сварилось на примусе, можно есть.

Прошу!

Они молча жуют и глотают.

Кто-то тихо произносит:

— Жутко пить хочется. Где бы водички добыть?

* * *

Это место они назвали Бойней. Задерживаться здесь было невозможно. В воздухе стоял запах крови. Обьевшиися собаки бродили пошатываясь и блевали потрохами, из пастей свисали кишки; люди просыпались с привкусом собачины во рту. Выходили из палатки и тоже блевали. Начали собираться в путь. Внезапно разразился буран. Но ставить палатку снова они не захотели. Спешили уйти с этой стоянки. Палатка задубела на морозе. Ее надо было свертывать предельно осторожно, чтобы брезент не лопнул. Собакам тоже не терпелось покинуть это место. Как только их запрягли, они сразу рванули вперед. Вниз по склону, а ведь полозья не были обмотаны веревками. Ехавший впереди Бьоланд исчез. Они услышали его крик. И увидели, что он вместе с собаками висит на постромках то ли над бездной, то ли просто над глубокой впадиной — не разобрать. Северный ветер гнал тучи снега. Они вытащили собак, вытащили Бьоланда. И продолжали путь.

Ветер дул справа. Вечером, разбив лагерь, они обнаружили, что с правой щеки слезла кожа. Она и раньше была источена морозом и ветром. Теперь метель довершила расправу. У каждого правая щека стала сплошной кровоточащей раной. Рана гноилась. Но они все равно шаг за шагом пробивались вперед, ориентируясь по компасу, скатывались по крутым склонам, протискивались между глыбами льда, час за часом обливались потом и мерзли на жестоком ветру.

Три дня длился буран. Три дня по утрам надо было заставлять себя подняться, выйти из палатки, запрягать собак и гнать их вперед, три дня они разгребали ногами снег, шаг за шагом приближаясь к полюсу. Они говорили:

— Хорошо, что ушли с Бойни!

Впрочем, теперь не только это побуждало их сражаться с бураном. Они чувствовали близость цели. До сих пор можно было приглушать лихорадочное предфинишное волнение. «Еще не один день, не одна неделя... Мы можем не опасаться встречи... пока. Еще долго не получим доказательства... Знай шагай и шагай — пока». Теперь же они знали, что в любую минуту могут увидеть чужой санный след на снегу. Следы людей, которые прошли здесь, быть может, всего несколькими часами раньше. Что тогда?..

Они скрывали свои мысли. Но настроение выдавали нежеланием говорить, резкими, отрывистыми, грубыми, раздраженными ответами на вопросы товарищей. Упорно топя друг за другом. Собаки чуяли: что-то не так. За время похода они научились прислушиваться к голосам людей. Понимали, когда можно разрешить себе вольности, а когда лучше вести себя смирно, чтобы не вытянули кнутом. Это были опасные дни. Но они продвигались на юг.

После гор все тянулось широкое открытое плато, понижающееся в сторону полюса. Но снег пошел какой-то странный, плотный и вязкий, как деготь. Сани и лыжи не хотели скользить. Приходилось вбивать ноги в снег, помогая собакам тянуть. А тут еще томительное волнение — что мы увидим, когда рассеется туман? Одна за другой плыли серые космы. На минуту откроют вид на юг и тут же опять закроют. На снегу — никаких следов, и никакие чужие запахи не дразнили собачьи носы.

Он притих. Они успели его изучить. Он мог сыграть роль доброго ангела — даже переиграть, мог при нужде подсобить другому. Не гнушался никакой работы, не щадил себя. Но они научились толковать признаки. Переигрывает роль всеведущего отзывчивого начальника — стало быть, у него зреет дурное настроение. Медленно твердея, превращается в ледяную глыбу. И за полосой преувеличенного дружелюбия последует день, когда его лучше ни о чем не спрашивать — не ответит. А не будешь спрашивать — может вдруг рывкнуть:

— Что это вы молчите?.. Что замышляете?..

Замышляете... Вот и прорвалась наружу его подозрительность. Кто знает, сколь глубоки ее корни. Возможно, теперь, когда они близки к цели, ради которой он обманул весь мир, ради которой поставил на карту свою и их жизни, ему начинает казаться, что они что-то замышляют? Столкнуть его в трещину? И пусть там кричит, а они попляшут наверху, поржут, достанут единственную фляжку с коньяком, выпьют за победу и вернуться живыми на родину, присвоив его торжество? Объявят миру, что он лишился рассудка, не дойдя до цели. Нервы не выдержали, взял да и прыгнул...

Могли такие мысли посещать его?

Мнилось ли ему, что кто-то из его людей сунул записку людям Скотта, когда те посетили «Фрамхейм»? И в записке были такие слова: «Наш начальник сумасшедший. Мы не дойдем до полюса, мы обречены на проигрыш...»

Нет, он не верил в это. Знал, что такого быть не могло. Но когда человека лихорадит от волнения, к тому же человека измотанного, отощавшего, с изъязвленной правой щекой, с

руками, которые трясутся, когда он вечером в палатке поднимает чашку с горячим шоколадом, и выводимые на бумаге буквы выдают пальцы, дрожащие от холода и переутомления, в таком состоянии разве не мог он подумать, глядя на своих спутников: «Не замышляют ли они чего втайне от меня?.. Не получу ли я нож в спину?.. Нет-нет, я знаю, что могу положиться на каждого из них. Но по ночам я выскакиваю из палатки в одном белье при минус тридцати — что я говорю, какое там белье, мы не раздеваемся, напротив, одеваемся перед тем, как забраться в спальный мешок. От меня воняет дерьмом. Да нет же, дерьмо замерзает, пот замерзает, правда, грязные лепешки оттаивают под действием моего тепла, хоть я этого не замечаю, и тело покрывается ссадинами от шерстяного белья, которое дубеет от застарелого пота. Выскакиваю из палатки. Плато, отделяющее нас от полюса, залито лунным светом.

И тишина, одна из собак подходит и обнюхивает меня, виляя хвостом, я слышу ее дыхание, слышу тишину, десятки километров тишины. Никаких следов Скотта не видно?.. Не слышно дыхания людей на юге?..»

Ты обманул весь мир.

Если вернешься домой победителем, мир скажет: «Хи-хи, он обманул весь мир».

Если же ты вернешься, проиграв соревнование, мир скажет: «Он обманул весь мир!»

Он стоит и дрожит, не надо, чтобы его видели; как они там в палатке — не спят? Лежат и следят за ним? Строят козни? Обсуждают замыслы втайне от него? Он не знает, какие вещи лежат в их личных сумках. Сказал им: «Берите что хотите, только чтобы вес не превышал трех килограммов!» Но ему следовало бы потребовать, чтобы показали? У них есть тайны от него? Свирепя, он забирается в палатку и поднимает всех четверых.

Берет себя в руки и говорит приветливо:

— Луница-то какая! Я в вас уверен, хе-хе, таких молодцов поискать! Ночь лунная! Может, снимемся и в путь, пока нас опять не накрыл туман? Я в вас уверен, знаю — силы найдутся...

Они согласны. Примус гудит. Чашка горячего супа, по порции пеммикана собакам — и в путь.

В этот день они проходят крайние южные пределы, когда-либо достигнутые людьми.

Они миновали рубеж, куда доходил Шеклтон. Дальше никто еще не бывал. Они обязаны в это верить. Лиши нас кто-нибудь этой веры, неизвестно, что произойдет. Вдруг кто-то другой, другие путники первыми дошли сюда, но мы об этом еще не знаем? Может быть, опередили нас на двадцать километров, может быть, всего на пятьсот метров?

Но буран замел их следы.

Они поднимают флаг. Вытягиваются в струнку.

И гонят вперед собак через белый простор плато. Один пес принюхивается, глядя на юг. Не первый день, не первую неделю псы принюхиваются, повернув морду когда на юг, когда на север. Просто они не придавали этому значения. Теперь же начальник экспедиции приходит в ярость. Теряя самообладание, орет на собаку. У него нет кнута, а лыжной палкой не дотянуться, но кажется — он готов наброситься на злодейку и топтать ее ногами. А та знай продолжает принюхиваться.

Еще две собаки делают то же. Люди смотрят друг на друга. Начальник зарылся лицом в шарф. Кто-то всхлипывает. Это Бьоланд. Он подходит к первой собаке, чешет ей за ухом и тихо говорит:

— Перестань... Перестань же...

Срывается на крик:

— Не то я убью тебя!..

На санях укреплены одометры — измерители пройденного расстояния. Члены группы всю дорогу вели подсчет и знают, что долгожданное событие должно произойти около трех часов

дня.

Голос начальника.

Они пришли.

И никого, и ничего, кроме тишины; никаких следов, никаких пирамидок, никаких палаток.

Ему бы сейчас смеяться или плакать, прыгать, размахивать руками. Как и его товарищам, которых тоже все последние дни сверлила тревога. Ничего подобного. Они просто обмениваются рукопожатиями. Похлопывают себя руками по плечам, чтобы согреться. Отмечают, что дело сделано. Но не пляшут. Ставят палатку. Кормят собак. Разжигают примус. Их снова ждет дорога. У каждого свои обязанности. Они достигли цели и обходятся без лишних слов.

Но он должен быть совершенно уверен. Посылает трех человек по трем направлениям — одного на юг, одного на восток, одного на запад. Бьоланда, Хасселя и Вистинга. Они идут на лыжах налегке. Задание: пройти двадцать километров, затем вернуться. Разразись буря, и он заметет их собственный след. Палатки не берут. Спального мешка не берут. Знают, что рискуют жизнью. Расходятся без рукопожатий.

В серой мгле на белом плато без единого ориентира исчезают маленькие темные пятнышки. У каждого по компасу.

Идут.

И возвращаются обратно.

Теперь никто не скажет, что они не были на полюсе. Были — даже за полюсом! Каждый час наблюдают солнце, чтобы возможно точнее математически определить свое место по отношению к географическому полюсу. Ставят палатку на заветной точке. Начальник кладет в палатку письмо.

Бесовское торжество. Манера гения праздновать победу. Письмо адресовано Скотту. Он просит Скотта, который, очевидно, будет здесь следующим (пишет он), захватить письмо с собой и передать королю Норвегии Хокону. Мало ли что может случиться с нами на обратном пути.

Желаем вам всего доброго!

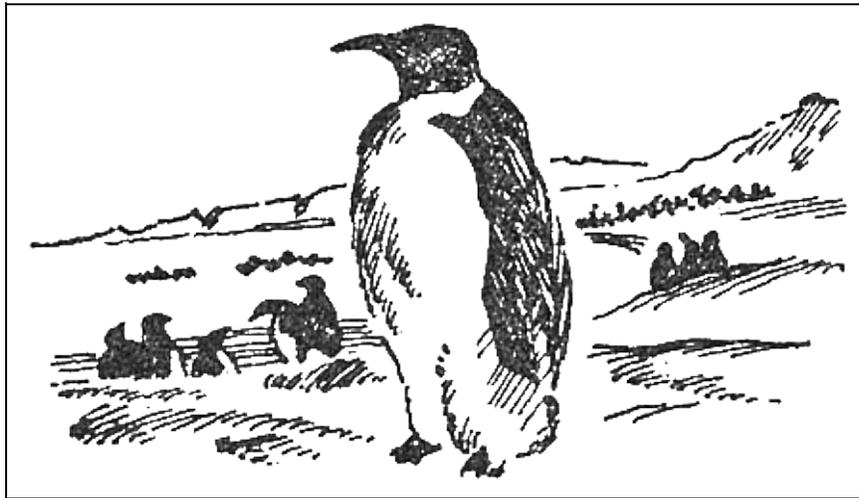
Коварное приветствие триумфатора человеку, который теперь обречен на проигрыш, изысканное по форме, освященное упоминанием короля, — неожиданный маленький завиток в момент победы, о котором будет упоминаться во всех будущих книгах.

Но что-то точит его. Зачем я здесь?..

Однако лучше не задерживаться.

Весь путь до «Фрамхейма» проходит гладко.

Бауэрс отличался хорошим зрением. Сейчас он прикрыл глаза ладонью от солнца и всмотрелся.

— Сэр?.. — сказал он.

Всю ночь в палатке царила сдерживаемая, почти мальчишеская радость. Какой уж там сон! Начальник экспедиции вынужден был то и дело шикать, точно учитель в классе, но и сам он заразился общим настроением и в утку предложил младшему офицеру Эвансу устроить состязание — кто быстрее добежит до полюса на лыжах. С утра они устремились к югу. День выдался мглистый, а севере плыли над снегом редкие клочья тумана, дул острый, пронизывающий ветер, но дул он в спину.

Волнение собралось в груди ноющим тугим комком. В любую минуту комок мог прорваться буйным, безудержным ликованием. Мог и затвердеть, мешая дышать, — как теперь. Бауэрс долго стоял, пристально глядя вдаль, стальные тоже глядели, но не могли ничего рассмотреть.

— Может, просто какая-то тень?.. — сказал он.

Но они уже начали ненавидеть его. Недовольно поглядывали на Бауэрса — готовые тотчас простить, если окажется, что он ошибся. Точка, где он как будто заметил тень, находилась чуть восточнее их курса. Неприметно они повернули туда. Эванс почувствовал жжение в кончиках пальцев.

В последние дни он небрежничал, без нужды часто снимал рукавицы и держал их в зубах, поправляя голыми руками лыжные крепления и палаточные растяжки. И вот теперь у него горели кончики пальцев. Вдруг Бауэрс круто остановился, опять показал рукой, произнес глухим, хриплым голосом:

— Сэр?..

Они окружают его. И видят то, что увидел он. Может быть, это тень — еще минуту они допускают такую возможность. Будь небо совершенно чистым, вероятность теней на снегу не вызывала бы сомнения. Кажется, тень кольшется? Она венчает шест?

Это флаг, его водрузили люди; кулак под ложечкой сжимается, пухнет, душит, кто-то отделяется то группы и блюет. Это Эванс.

Резкий голос Скотта:

— Идем туда!..

Бурный, постыдно беспорядочный поток мыслей пронизывает его голову, куда девалась строгая последовательность мышления, к которой он всегда стремился. Сплошная мешанина: «Мы проиграли?.. Что теперь скажут дома?.. Придется расплачиваться за то, что мы опоздали?.. Как теперь возвращаться на базу?.. Может быть, все-таки это что-то другое, — но что?.. Ведь это

флаг?.. Флаг Амундсена... Застань я его здесь... Снял бы шапку и поздоровался... вежливо... перед тем, как вонзить в него нож?.. Он надул меня... Его здесь нет... Или он еще здесь?.. Господи боже мой, теперь мы уж не вернемся на родину...

Зачем я стремился сюда?

С Эвансом что-то неладно?

Я должен был запретить ему ходить без рукавиц, пресечь эту рисовку.

Вот и флаг».

Скотт давно это знал, где-то в глубине, ниже сердца зрел нарыв, но понимал, что иного конца быть не может. «Разве не читал я и на лицах своих спутников тревогу, ложную надежду, не говорил себе по ночам в палатке: „Ты можешь прийти первым? Но знаешь, что будешь последним?“ Я готовился к проигрышу. Настраивал себя на то, чтобы достойно пережить его. Но не боролся в полную силу, чтобы избежать его. У моего заместителя, Тедда Эванса, которого я отослал назад, был другой план?..»

Вот он — флаг.

Они стоят, окружив его немым кольцом. Черный флаг на высоком шесте. Кругом — лыжные следы, отпечатки собачьих лап, санный след курсом на юг.

После того как здесь побывали норвежцы, еще не было снегопада. Видно желтые пятна, оставленные собаками, ямку, где справил нужду человек, прежде чем уходить. Эванса снова рвет. Он громко стонет. Резкий голос Скотта:

— Держать себя в руках!..

Но Эванс блюет. При других обстоятельствах он, услышав команду, сдержался бы, подавил, загнал обратно то, что подступило к глотке. Теперь же поворачивается к командиру, кривится, ухмыляется, машет рукой, зло смеется, снова блюет и заливается слезами.

Они проиграли. Стоят молча. Начальник говорит, что пора ставить палатку.

Но здесь ночевать они не хотят. Только не рядом с этим черным флагом, чужими следами, отпечатками собачьих лап. Они проходят еще с километр и разбивают палатку.

Сегодня все дается тяжело.

И не хочется говорить. Эванс уселся на сани и не слышит, когда к нему обращаются. По плану, прийдя на полюс, предполагалось устроить праздничный обед. Скотт распоряжается, чтобы этот пункт был выполнен. Они не скупятся на керосин. Чай и пеммикан, двойная порция шоколада.

Сбившись в кучу в палатке и дав работу желудкам, они ощущают глухое, животное удовлетворение. Мысли проясняются. Можно разобраться в случившемся. Итак, это произошло?.. Ладно, не будем думать об этом. Они дошли. Сидят в спальнях мешках. Не зябнут. Едят. В эти минуты им хорошо. Вот только разговор не клеится.

Ночью Скотт делает очередные записи в дневнике. Он знает, что его товарищи не спят. Он сохранил свой четкий, энергичный почерк: можно подумать, что сегодня ночью он старается придать буквам особую степенность. Слова сдержанные, но полные скрытой боли. Он держит в узде свое огорчение.

Наступает день, надо брать высоту солнца. Это — неприятная на морозном ветру обязанность Бауэрса. Внезапно он восклицает:

— Кому это надо?.. Ведь и так известно, где мы находимся?

Всегда образцовый офицер, он знает, как положено вести себя с начальством и как с подчиненными. Знает свои обязанности. Никогда не перечит. А тут вдруг повышает голос. Всего лишь короткая вспышка. Он тотчас дает задний ход, вновь держится с достоинством.

Но вспышка не прошла мимо внимания Скотта.

Когда Бауэрс показывает туда, где, по его расчетам, находится самый полюс, они замечают

палатку. Медленно подходят к ней.

Маленькая, невзрачная, бесстрашная, всего на одной стойке. Над палаткой, развевается норвежский флаг. Скотт первым забирается внутрь.

Он находит дощечку с пятью именами. Медленно читает их. Он совершенно упал духом. И не в том даже дело, что слава достается другому. Впрочем, это тоже играет роль; что-то упорно подкатывает к горлу, мысленно он видит толпы людей, но они не его приветствуют, видит газеты с крупными заголовками, но в заголовках не его имя. Он бьется головой о стойку. Хуже проигрыша мысль о том, что он мог выиграть — мог ведь? Может быть, виноват какой-то его внутренний изъян? Он должен был все подготовить и провести так, чтобы оказаться первым? Не потерпел ли он, наряду с физическим, еще и моральное поражение в борьбе за полюс?

Пять имен. Он медленно читает их.

У подножья стойки лежит мешочек. Он развязывает его.

Два письма, одно от Амундсена Скотту. Читает. И стискивает зубы. Вопрос: «Не будете ли вы так любезны захватить это письмо для его величества Хокона, короля Норвегии?»

Человек в палатке чертыхается — это издевательство. Ему предложено быть почтальоном. Все равно ведь вы на полюсе? Сделайте мне одолжение? Понимаете, все газеты напишут: проигравший доставил с полюса письмо от победителя. Письмо — королю Норвегии; офицер, верный своему королю, не может позволить себе утаить его, он обязан здесь на снегу и морозе щелкнуть каблуками и заявить перед богом и людьми: «Я захвачу письмо».

Амундсен понимал это. И не постеснялся. Человек в палатке чертыхается. Гонит прочь того, кто готовится влезть в палатку следом за ним: это его близкий друг Уилсон. Не хочет никого тут видеть. Не хочет выходить отсюда. Не хочет тут оставаться. Взяв мешочек, выбирается наружу через узкое отверстие. Обращает внимание на застёжки, которыми запирается палатка. Смотрит с досадой: какое простое и удобное устройство.

Итак, они на полюсе. Начальник берет себя в руки. Остальные соображают: лучше его не трогать.

Все члены группы соображают: лучше не трогать друг друга! Занимаются своими делами — или ничего не делают, отрешенно глядят на поземку, на приближающиеся космы тумана, прячут лицо в рукавицах, вспоминая родных там, дома. Вернемся ли мы?

Мы точно на полюсе?

Оутс мультимиллионер. Он прославился во время англо-бурской войны. Он дал денег на экспедицию. Мечтал о приключениях. Не считаясь с морозами, выполнял все свои обязанности, и он знает, что по праву находится здесь в ряду немногих сильных, почти несгибаемых людей, которые достигли полюса. Но ему хотелось быть здесь первым.

Уилсон набирает горсть снега и подходит к Скотту:

— Смотри, я обратил внимание, что здесь, на плато, у снега другая консистенция, чем внизу на барьере?..

Маленький намек начальнику: вот для чего мы здесь. Первые, последние — роли не играет, мы должны наблюдать и изучать, у нас научные задачи. Но умный Уилсон понимает Скотта. Не заблуждается и насчет собственного затаенного честолюбия. Оно молчаливо, благоразумно, старается не выпирать. Анализируя его здесь, на полюсе, он спрашивает себя: не будет ли разочарование подтачивать его силы на обратном пути, который им теперь предстоит? И как себя чувствуют другие?

Как Эванс?

С ним что-то случилось?

Что именно? Волдыри, которые внезапно вздулись на обмороженных руках? Что есть, то есть. Ему трудно держать лыжные палки. Похоже, с ногами дело обстоит еще хуже. Надо же

было случиться так, что волдыри вздулись именно тут, именно сейчас, словно некая психическая сила открыла путь физическим травмам в тот самый момент, когда от них наибольший вред? А может быть, виноват как раз недостаток психических сил?..

Они поднимают свой собственный флаг на полюсе. После чего разворачивают сани и покидают эту точку — самую негостеприимную на земле. До них тут побывало всего пять человек.

Теперь только бы не изменила удача. Больше сорока дневных переходов отделяют их от базы. Скотт распорядился выдавать по вечерам двойной паек. Объявляет об этом прямо с утра, когда они стартуют. Своего рода контрмера. Подавить коварное, гнетущее уныние при помощи кусочка замерзшего сала. Он рассуждает трезво: животное «человек» будет топтать на север, подстегиваемое надеждой получить кусок сала. Представим себе и мы разбитые мускулы, пустые желудки, отвисшие челюсти, обожженные лица — и глаза, загорающиеся при виде подтаявшего куса сала, в который можно впитаться зубами.

Ветер дует им в спину. Они ставят на санях парус, и удача сопутствует им. Они делают большие дневные переходы. Если бы только Эванс мог поспевать за своими товарищами. Но он тормозит их. Кажется даже, что он делает это нарочно, хотя и волдыри на руках тоже виноваты. Ему трудно держать лыжные палки. Он припадает на одну ногу. Его вообще не узнать. Демонстративно поворачивается к ним спиной. Они слышат, как он что-то бормочет. В их отношения вкралась нота неприязни. В принципе отношения между офицерами и младшими офицерами подчинены известным правилам, которые устраивают обе стороны. Приветливый, отчасти шутливый тон, узаконенное неравноправие — гарантия душевного равновесия. Теперь это равновесие нарушено.

Кажется, Эванс сказал: «Я получу свои деньги?..»

Очевидно, его беспокоит, сможет ли Скотт теперь полностью рассчитаться с ними, когда они вернутся в Лондон. Когда вернутся? Или — если!.. И все же не мысль о деньгах больше всего терзает Эванса. Он откололся. Он больше не член группы. Не выполняет своих обязанностей. Скотт не остается безучастным. По старой морской привычке — правда, здесь море скрыто льдами — сперва отводит подчиненного в сторону и отчитывает его. Добавляет, что это останется между ними. Для первого раза. И лучше избежать повторения.

Повторения не удастся избежать. Эванс не выполняет положенной работы. Днем, когда они спешат на север с попутным ветром, он отстает. Еле тащится сзади. Они уходят от него. Потом вынуждены ждать, теряя время.

Вечером в палатке все в сборе, неприязненная атмосфера, резкий голос начальника экспедиции, остальные молчат. Эванс сидит как побитая собака. Ничего не отвечает. Только дует. Эта сцена может совсем испортить атмосферу в группе до конца похода. Но начальник есть начальник. На другой день Эванс опять отстает.

Вечером он показывает им ногу. Страшная нога. Два ногтя отвалились. Скотту приходит в голову недобрая мысль: «Как бы нам не пришлось бросить его?.. Но этого я не могу... Может быть, более твердый человек решился бы?..»

Эванс говорит:

— Как бы вам не пришлось бросить меня?..

И смеется нехорошо, но слова произнесены, следуют бурные возражения, однако проблема названа и никуда не денешься от этой тяжести. Если им придется — или они будут понимать, что надо бы, зная, что не смогут?.. Так и так на них ложится дополнительное бремя.

Везение кончается, нет больше попутного ветра, и конец быстрому движению на север.

Уилсон падает и растягивает сухожилие. Он хромотает и не может тянуть сани в полную силу. Затем Скотт и Эванс проваливаются в трещину. Трещина неглубокая. Но Скотт вывихивает

плечо, Эванс ударяется головой. Несколько минут оба лежат без сознания. Наконец Скотт выбирается наверх и впрягается в сани.

— Надо идти дальше, — говорит он, кривясь от нестерпимой боли.

Вечером его почерк уже не такой четкий.

Эванса надо бы уложить в спальный мешок, дать ему отдохнуть. Он ведь ударился головой, его рвет. Похоже на сотрясение мозга. Он бормочет, что они, наверно, бросят его. Поэтому они заставляют его идти. Он с трудом переставляет ноги. На его руки, покрытые волдырями, страшно смотреть. Скотт раза два поскользывается и падает. Уилсон по-прежнему хромот после своего вчерашнего падения. Бауэрс и Оутс одни выполняют большую часть работы.

Скотт:

— Вечером двойной паек!

Но с продуктами туго. Тем временем они попадают в район сплошных трещин. Бредут, проваливаются, вылезают, теряют собственный след, оставленный при движении на юг. Теряют и голову. Не знают, в какой стороне искать склад, который должен быть где-то здесь. Находят его на другой день, когда продуктов остается всего на один раз поесть.

Завидев наконец пирамидку у склада, они одновременно видят знакомые горы на севере, через которые им надо перевалить. В душе рождается проблеск надежды.

Однако в упаковках склада недостает одной дневной порции галет.

Это непостижимо — и Бауэрс выходит из себя. Когда они уже лежат в спальнях мешках и Бауэрс спит, суховатый и в то же время такой душевный Уилсон, никогда не утрачивающий способности наблюдать, тихо рассказывает Скотту:

— Понимаешь, Скотт, он вдруг точно с цепи сорвался. Я стоял рядом с ним. Он совершенно потерял власть над собой. У него была пена на губах. Никакого чувства собственного достоинства. Ты бы слышал, что он говорил. Топал ногами по снегу и чертыхался — употреблял слова, каких я еще ни от кого не слышал. Как будто лучший друг предал его и издевательски съел последнюю галету, узнав, что нам предстоит... предстоит умереть от голода.

— Что бы такое могло случиться с Бауэрсом?

— Такое может с любым случиться.

— Но кто же мог взять эти галеты?

— Никто. Ошибка при счете, не доложили одну упаковку, когда собирали снаряжение. Или — кто угодно.

— Кто угодно?

— Да. Откуда нам знать, на что способны люди, когда голодают?

Снаружи бушует вьюга.

Они подошли к голым склонам. Снег не смог зацепиться за крутые осыпи. Горы ничем не пахли. Все заледенело, но они ползли на коленях по камням, снимали рукавицы и воображали, что ощущают тепло. Один из них — так фантазировали двое других, сидя рядом и болтая на коротком привале, — даже облизывал камни языком. Оба знали, что это неправда. Язык примерз бы к камню, и быть бы тому человеку прикованным к ледяной скале в трех тысячах метров над уровнем моря. Либо отрывай кончик языка с кожей, либо помирай с высунутым языком. Но ими владела какая-то бесшабашная удаля — умирать, так с музыкой! Мы продулись вконец, и каждый из нас кандидат на тот свет.

Вот идет Уилсон. Он все еще хромот, но лицо его светится безудержной чистой радостью. Он убежден, что нашел отпечаток. Уилсон давно фантазировал про какие-то отпечатки на здешних камнях, следы растений или животных. «Отпечатки доказывают», — вещал он своим мягким, вяловатым голосом в палатке как-то вечером, когда они еще шли на юг. Они не запомнили, что это доказывает. Теперь он предъявит им доказательство. Не замечает, что руки

голые, куртка распахнута, шапка набекрень — и это при ледяном норд-весте. Он нашел доказательство. Держит его в руках. Сегодня над Антарктидой сияет солнце. Дикая вершина вонзается в небо, чернеют осыпи, по которым скачут камни, переливаются синью ледовые кулуары. Тут и дьявол, тут и всевышний — в красках, в метели, в смертельной опасности, в голых скалах. И здесь люди в тяжелых сапогах, которые, тяжело дыша, садятся на камни и глубоко вздыхают. Но до Англии далеко.

Уилсон подошел к своим товарищам, захлебываясь восторгом. Вот доказательство! На этот раз они прислушиваются. Он нашел доказательство того, что некогда здесь зеленели растения и, возможно, ходили звери.

— И люди?.. — спрашивает Эванс.

Первый за много дней намек на человеческую реакцию у Эванса. Он возвращается к ним? Уилсон мгновенно соображает, что сейчас нельзя его разочаровывать. Черт с ней, с наукой.

— Да! — отвечает он торжественно. — Здесь некогда ступала нога человека.

— Британская? — спрашивает Эванс.

Быстрая улыбка, нерешительный жест — может быть, до правления ее величества Елизаветы Первой? Мы не знаем. Кто-то подавляет смешок. Как понимать Эванса: он глуп, безумен, опасен или на глазах у них превращается в старую дохлую клячу? Они не знают. У него на лице большие отеки. Тот, что на правой щеке, красного цвета. Похоже, вот-вот лопнет. И из щеки будет сочиться кровь. Другой белый, как стеарин. И выглядит твердым — ножом не проткнуть. От этих отеков заплыли глаза. Эванс вынужден откидывать голову назад, чтобы глядеть прямо.

Уилсон бродит по осыпям, собирая различные образцы. Он не может насмотреться на камни. Подходит Скотт. На горизонте опять появился туман. Ветер вихрит снег на юг. Скоро их с двух сторон обложит непогода, самый скверный случай — с одной стороны оттепель, с другой — мороз. В каких-нибудь десять минут обрастешь тяжелой ледяной коркой. Нужно двигаться дальше. Но Уилсон хочет взять с собой камни.

— Не больше четырнадцати килограммов, — произносит Скотт, помня, что согласно таблице, которую они с Уилсоном составили на базе, здесь, на складе, должно было оставаться столько-то провианта. Сани весят столько-то. Можно добавить четырнадцать килограммов. У них нет весов. Начинается спор. Уилсон хочет взять с собой свои доказательства. Скотт не против. Но сколько килограммов?

— Пойми, может быть, это единственное, с чем мы вернемся домой?.. — говорит обычно такой деликатный Уилсон своему уязвленному другу.

Жестокие слова — жестокие здесь, сейчас, в разгар их отступления, когда кругом таится смерть и с севера подкрадывается туман.

Они грузят камни на сани.

Никто не ворчит. В этом их гордость. Они пришли сюда за этим. Будут тянуть сани, пока не умрут. Но лишь один человек еще сохраняет силы: Бауэрс. В нем есть что-то от лошади. Чем тяжелее груз, тем сильнее он тянет. Молчит, как лошадь. Идет без лыж. Шел к полюсу по колено в снегу. По колено в снегу шагает обратно.

Они попадают на лед, изборожденный трещинами. Очень уж резко меняется вдруг обстановка, но назад пути нет. Они проложили курс. Тут их настигает ненастье. Всевышний долго колеблется — нагнать туман, от которого все промокнет, или напустить на них бурю, способную сбросить в пропасть пять человек и сани с полным грузом? Он выбирает бурю. Поставить палатку нет никакой возможности. Надо продолжать движение. Но кругом сплошные трещины. Они связываются веревками друг с другом и с санями. Нельзя допустить, чтобы их засыпало снегом, — замерзнут. Необходимо двигаться. Но каждый шаг может быть

шагом в трещину. Кто-то проваливается.

Они не знают, кто именно, знают лишь, что кто-то провалился: из-за вьюги им не видно друг друга. Они тянут за веревки. Они кричат. Голоса срываются. Это крики людей в судный день. Проклятия и обращенные к богу настоятельные, требовательные призывы. Кто-то спускается в трещину за упавшим. Два туманных силуэта выбираются наверх. Чей-то голос, громче других, пытается сосчитать темные пятна.

Держитесь вместе!

Держаться вместе? Но ведь они и так идут в связке. Похоже, начальник помутился умом. Он всегда соблюдал трезвую экономию в пользовании словами. Ничего лишнего, это могло подорвать уважение к флоту Империи. А теперь вот кричит людям, идущим в связке:

— Держитесь вместе!

Не видя толком друг друга, они не знают, в какую сторону движутся остальные. Иной раз тянут в разные стороны. Внезапно раздается чей-то хохот — громкий, грубый, вульгарный.

Кто это смеется — смерть или Эванс? Опустившись на снег на коленях, один из них смеется громко и грубо. С горных склонов позади скатываются шквалы. Втискиваются в бездонные трещины. Возвращаются оттуда. Похоже, развязалась веревка, которой к саням привязана палатка. Если ее унесет, им конец. Двое наваливаются на палатку. Двое других прижимают их своим телом, вдруг чей-то рыдающий голос зовет маму. Кто это — Эванс? Или кто-то другой не сдержался, чтобы потом уповать на то, что авось другие не разобрали, кто рыдал. Они продолжают движение.

Но вот на кого-то накатило. Он цепляется за куртку товарища и ударяет его по шее. Кричит: — Камни! Камни!

Подходит третий, пытается разнять. Завязывается перебранка. Уже не разобрать, кто первый начал. Буран ходит по кругу. Так им кажется. Они в центре. Была бы возможность поставить палатку, они забрались бы в нее, залезли с головой в спальный мешок, и пусть заносит снегом. Так и умерли бы, тешась последней благой ложью: «Нас здесь нет».

Но они здесь. Они продолжают пробиваться вперед. Сзади доносятся слабые окрики, точно легкие удары плетью. Кто-то заставил их идти в затылок друг другу. Сам идет замыкающим и покрикивает. Похоже, здесь меньше трещин. Уже давно никто не проваливался. Замыкающий — кто бы это мог быть? — кричит, чертыхается, взывает к всевышнему, умоляет их не поддаваться. Или им это чудится? И на самом деле звучит короткий, жесткий военный приказ: «Вперед — не то расстрел».

Это длится двенадцать часов.

Внезапно буран стихает.

Скотт:

— Придется срезать паек.

Ему бы сказать: «Увеличим паек». Как пришелся бы кстати сейчас такой стимул. Но чтобы порадовать людей таким распоряжением, необходима одна предпосылка: достаточный запас продуктов. А его нет. Продуктов осталось всего на один раз поесть. Срезать паек — хватит на два раза.

А потому — твердая, короткая, беспощадная команда. Когда они и без того еле ноги волочат. Срезать паек. Не обольщайтесь. Будем держаться. На урезанном пайке, пока не найдем склад.

Он должен быть где-то здесь?

Они помечали его красным флажком на шесте? Все остановились, всматриваются. Ложные крики: «Склад!..» Ложная радость — и тайное подозрение: кричащий знал, что никакого склада еще нет, хотел нарочно помучить их обманной надеждой. Они знают, что это не так. Но все

равно думают по-прежнему. Сопротивляемости пришел конец, и верх берут затаенные темные страсти.

Зоркий Бауэрс:

— Склад!

Стало быть, спасены — опять, на какой-то срок. Три часа уходит на то, чтобы добраться до склада. Еще час на установку палатки.

Они раскапывают провиант и керосин. Лежа в спальных мешках, пытаются снять мокрую одежду, чтобы хоть немного подсушить ее остатками собственного тепла, а снаружи снова разыгрывается буран. Начальник экспедиции говорит:

— Не провести ли мне короткий молебен?

Но руки его совсем окоченели. Пальцы не слушаются, он не может сплести их для молитвы. Один мизинец торчит особняком. Не желает прижиматься к другим пальцам. Сидя в сером свете внутри палатки, он рассматривает свои руки. Они изранены бураном и снегом, ветром и морозом. Волдыри, гнойные язвочки. Он не заметил их, когда ел?

Молебна не будет.

Внезапный крик Бауэрса:

— Керосина слишком мало!

Заправляя примус, он встряхнул бидон, но керосин как будто загустел от мороза. Бауэрса что-то насторожило, но голова слишком туго соображала. Он встряхнул еще раз. И понял, в чем дело, однако прогнал эту мысль как немыслимую.

Как же это... до людей сотни миль... кто-то проехал здесь на обратном пути?.. Они поместили бидон тут, на складе, когда шли на юг, количество керосина было тщательно измерено, и вот теперь его слишком мало. Бауэрс уже уверен в этом. Он выбирается из спального мешка.

Находит бидон, снова встряхивает. И бьет себя кулаком по голове.

Эванс смотрит на него туманными глазами и злорадно смеется.

Скотт — резко, отрывисто:

— Держать себя в руках!

Проверяет бидон. Откладывает его в сторону, смотрит на Уилсона, хотя понимает, что и тот не может знать ответа.

Говорит:

— Мы констатируем, что количество керосина сократилось. Я отмечу это в своей ежедневной сводке. Может статься, — добавляет он спокойно, — что мы будем вынуждены несколько урезать пайки. Может быть, в дальнейшем стоит есть пеммикан, не оттаивая его?

Ночью Эванс принимается ползать по палатке. Правда, места для этого занятия маловато. Но он карабкается через соседей, отодвигает мешающие колени, садится на чей-то живот и раздражается коротким, негромким, мрачным смешком. Скотт и Уилсон вылезли из спальных мешков. Погода вроде бы налаживается. Они тихо разговаривают с Эвансом, чтобы успокоить его. Уилсон предлагает спеть ему что-нибудь.

Эванс кивает.

И собиратель антарктических камней, возвращающийся из похода, человек, не знающий сердитых слов, начинает петь. Когда-то у него был не сильный, но приятный голос. Теперь от его певческих способностей мало что осталось. Он держит большого за руку; остальные тоже проснулись и слушают. Песенка короткая. Он повторяет ее снова и снова.

— Я получу мои деньги?.. — плачет Эванс.

— Конечно, конечно!

Его величество твердо обещал.

— Он сам тебе так сказал?

— Да! Да!

Вскоре Эванс засыпает. Однако он поминутно просыпается, как будто готов от малейшего шума вскочить на ноги. В палатке уже совсем светло. Его глаза горят безумным, буйным огнем.

Он кричит:

— Мы не справились с задачей?.. Я не получу своих денег?..

Они продолжают идти на север.

Лучший способ не потерять из виду Эванса — запрягать его в сани, точно лошадь, и гнать вперед. Но ему то и дело требуется отдыхать. Он падает и лежит в снегу. Раза два они пытаются поднять его пинками. Помогает. Скотт должен что-то решить. Он знает, что думают остальные. И сам не может отделаться от преследующей его мысли. Тебе принимать решение... Одно из двух: либо скормить ему таблетку, уложить в спальный мешок, он ничего не будет знать, а ты отдашь четкий приказ: «Идем дальше. Никому не оглядываться...»

Это один выход, но ты знаешь, что в таком случае никогда от него не избавишься. Он всегда будет тебя преследовать, вернешься ли ты домой живым или нет. В час твоей смерти будет стоять перед твоими глазами. И все же не исключено, что твой долг поступить именно так. Другой выход — тащить его с собой дальше; тогда ты не отдашь приказ бросить человека, тем самым приговаривая его к смерти. Зато ты всех обречешь на смерть.

Тебе выбирать.

Ты мечтал возглавить экспедицию к Южному полюсу?

Эванс опять лежит на снегу. Потом вдруг поднимается без помощи спутников. Смотрит на них и ухмыляется. Говорит, у него что-то с сапогом.

— С сапогом?

— Ага. Вы идите, не ждите.

Они идут дальше. Небось догонит. Последнее время он каждый день придумывает что-нибудь в этом роде. Дает им уйти вперед. Может быть, лелеет в своем больном мозгу надежду заставить их сбавить темп. Еще больше укоротить дневные переходы. «Я ведь умру?.. Знаю, что умру. Так почему бы всем не умереть? Они ищут способ отделаться от меня? Но я знаю, мое угрюмое, подозрительное сознание, по-своему обострившееся теперь, когда всего один шаг отделяет меня от бездны, говорит мне, что они не посмеют бросить меня. Хотя желали бы.

Они колеблются.

Хе-хе.

Не смеют, но хотели бы. Уступают мне... Дожидаются меня...»

Возможно, он думает так. А впрочем, скорее всего, эти мысли приписывает ему четверка, которая бредет дальше по снегу. Они не глядят друг на друга. Не могут управлять выражением своих глаз.

Сегодня он не придет?

Это он — вон то темное пятнышко далеко позади?

Снова Скотт устало отдает приказ:

— Надо сходить за ним.

Они оставляют сани на месте. Находят его через час. Он расстегнул штаны и стоит на морозе полуголый, потом начинает метаться, словно пес, которому оторвало ногу.

— Что с тобой? — спрашивает Скотт.

— Ничего, — отвечает он, ухмыляясь.

Надо тащить его с собой. Но сани-то не здесь. Двое идут за санями, один остается с Эвансом. Наконец поставлена палатка.

То, на что не мог решиться Скотт, происходит теперь без вмешательства проигравшего

руководителя.

Эванс постепенно угасает.

Под утро он умирает, не приходя в сознание.

Они забрасывают его снегом, и Скотт быстро, устало, жестко, с обидой в голосе читает свое «Отче наш».

Они продолжают путь.

«Мне следовало раньше отдать приказ оставить его?.. — думает он. — Но я горжусь тем, что не сделал этого».

* * *

Они медленно удаляются от места смерти. Такое впечатление, словно павшему солдату легче поспевать за товарищами теперь, когда он больше не может с ними идти. Подул крепкий попутный ветер, можно снова поставить парус. Сани катят быстрее, но в душе у них пустота, из-за которой каждый шаг становится мукой. А еще ими овладевает тупое раздражение. Где-то здесь должны стоять лыжи Бауэрса. Он оставил их, когда они шли на юг. Теперь его пилят с самого утра. Неужели будем тратить время на поиски этих лыж? Зачем ты их оставил? Совершенно не думал о нас — только о себе. Бросил свои лыжи. Если мы их не найдем, будешь всю дорогу до базы тормозить нас. Кто-то говорит:

— Всю дорогу до базы?.. Еще вопрос, дойдем ли мы?.. Наконец лыжи найдены. Бауэрс молча встает на них.

Скотт говорит — не может удержаться, знает, что его слова ранят, что он несправедлив, и все-таки:

— Ты ведь не умеешь ходить на лыжах?.. Чем ты занимался во время зимовки? Ты отлынивал. Не делал того, что тебе было предписано, не учился ходить на лыжах?

Но они идут дальше. Бегут от места смерти. У них еще на три дня продуктов. Где-то здесь, в царстве буранов и тридцатиградусных морозов, среди торосов и глубоких трещин, намного удлиняющих путь, должен быть склад.

Среди дня они находят его. Здесь хранится конина, которую заложили в склад, когда группа шла на юг. Еды на много недель. Но и здесь керосина меньше, чем следовало быть.

И здесь слишком мало — опять загадка, добавочный груз на психику. Тем не менее он вдруг проявляет характер. Встряхнув бидон и убедившись, — причем лицо его приобретает отрешенное, даже вялое выражение, которое нередко подвигало людей на ошибочное заключение, что перед ними рохля, — Скотт внутренне твердеет и поднимает обмороженный палец, призывая спутников умолкнуть.

— Начнем с констатации нескольких моментов, — говорит он. — Нам не хватает керосина — это факт. Мы не должны пасовать перед этим фактом. Сколько ни ломай голову над вопросом, чем вызвана нехватка, от этого керосина не прибавится. Во-вторых. Не будем вешать нос. Иначе наши шансы выжить сразу убавятся. Объяснения могут быть разные. Возможно, бидоны протекали, пока керосин не загустел от сильного мороза и не законопатил щели. Пока что мы не вправе упрекать кого-либо за то, что здесь произошло. Однако нам придется урезать пайки.

На складе огромный запас конины. Но они не догадались, когда шли на юг, разрезать мясо на маленькие куски, пока оно еще было свежее и мягкое. Теперь оно твердое, как кость. Рубить его — тяжелый труд; хорошенько отваривать — не хватает керосина. И все же теперь они могут поесть досыта. Разжевывая старую жилистую конину, чувствуют, как к ним постепенно

возвращаются силы и бодрость. Точно лошадь оживает в их организме. Она снова их лучший друг. Будь у них достаточно керосина, можно бы остановиться здесь, отъесться, переждать ненастье. Но уже на другой день они вынуждены двигаться дальше.

И тут руководитель совершает необъяснимую ошибку. Не отдает распоряжения взять с собой конину. Забывчивость? Возможно, голод, мороз, тяжелый труд затуманили сознание. А ведь они могли бы подкреплять силы, жуя мороженое мясо. Но они уходят от мяса. Позади остается гора еды. Несколько килограммов мяса на санях с лихвой возместили бы затрату сил на перевозку дополнительного груза. Но они оставляют мясо.

Видимо, в эту минуту Скотт — в последний раз — не смог проявить должной решимости. Ему не достало психической энергии. Спешить на север любой ценой, мяса не брать, раз все равно нет керосина? Или тащить мясо с собой, жевать и идти, зная, что во всяком случае им не грозит голод, пока на санях есть конина?

Похоже, что он не принял никакого решения. Они просто уходят от еды. Уходят в туман, метели, буран. Когда же вновь проясняется, начинает падать температура.

Удаляясь от конины, они фантазируют о еде. Снова и снова их подмывает привалиться к саням, уткнуться носом в шапку соседа и пошептаться о еде. Услышит сквозь мех? Несколько слов о еде — глядишь, и как будто прибавилось сил. Когда мы вернемся... Добрая трапеза: чай и горячее блюдо, есть медленно, не ленясь прожевывать, считая до тридцати между глотками... Продлить удовольствие...

Помню один обед...

Когда вернусь, буду наслаждаться каждым куском самых простых блюд, ведь они ничуть не хуже самых роскошных...

Сейчас бы пожевать холодного пеммикана...

А я выпил бы горячего шоколада...

Но теперь в пути четыре воли. Они не дают друг другу раскисать. Не подхлестывают резкими словами, а как бы чуть подталкивают слабейшего в спину, когда он начинает отставать. Потом приходит его очередь помогать тем, кто помогал ему. Они продвигаются медленно. Максимальный дневной переход — восемь-десять километров.

Непрестанно смотреть на компас. До рези в глазах. Говорить себе, что выбранный тобой курс, возможно, неверен. Вот и остальные не согласны с твоими выкладками. Один считает, что мы забираем слишком далеко на запад, другому кажется, что мы отклонились на восток. А расходиться в разные стороны нельзя. Борясь с собственными сомнениями, следуй курсом, в который не веришь, тащись вперед шаг за шагом, и ни слова о сомнениях, они отнимают последние силы... Облегченно вздохни, обнаружив, что курс все-таки был правильный. Вот следы, которые мы оставили, идя на юг.

Но вскоре следы опять пропадают.

Все же они выходят к складу в центре барьера. Здесь тоже керосина слишком мало. Когда настает время двигаться дальше, Оутс показывает свои ноги.

Он был неразговорчив последние два дня. Они видели, что он хромает. И вот перед ними его ступни — бывшие ступни, а теперь две колоды, распухшие, без ногтей на пальцах, отекающие, даже гниющие, не способные служить человеку опорой. И однако же служили до сих пор.

В это утро у Оутса на обувание уходит целых полтора часа.

Скотт наклоняет голову и молится:

— Господи, помоги нам всем. Аминь.

И они идут дальше на север. Оутс то и дело приваливается к саням, остальные ждут, наконец, укладывают его поверх снаряжения, но у них не хватает сил тянуть такой груз. Он скатывается сам на снег и лежит. Они говорят:

— Вставай же.

Он поднимается на колени. Наклоняет корпус вперед, берется руками за сани, ему помогают встать. Стоит шатаясь. И все вместе медленно бредут на север. Вечером, когда вновь поставлена палатка, — теперь на разбивку лагеря уходит вдвое больше времени, — Оутс наклоняется к Уилсону и спрашивает:

— У меня есть хоть какой-нибудь шанс?

— Честно говоря: не знаю.

Долго тянется тяжкая ночь. Утром Оутс просит их оставить его лежать в спальном мешке и идти дальше без него. Скотт отвечает, что это невозможно. Упрашивает Оутса попытаться и сегодня идти со всеми.

Но перед выходом Скотт отдает распоряжение ответственному за аптечку Уилсону раздать всем таблетки. В аптечке есть морфий. Дальше пусть каждый сам решает, принимать или не принимать эти таблетки.

Уилсон выполняет приказ.

Осилив еще один короткий переход, они снова разбивают лагерь и снова проводят беспокойную ночь. Рано утром Оутс говорит:

— Мне надо выйти. Возможно, я задержусь. Снаружи буран. Он вылезает из спального мешка.

Скотт просит его:

— Потерпи немного...

Оутс не отвечает. Они знают, зачем он идет.

Он выбирается из палатки. И задерживается.

В поведении Скотта больше не заметно проявлений слабости. Энергичным почерком он пишет в дневнике: «Оутс умер как британский джентльмен». Лежа в палатке во льдах Антарктиды, они не могут знать, что как раз в эти дни Амундсен на «Фраме» приходит в Хобарт в Тасмании. Во все концы света летят телеграммы о покорении Южного полюса. Долетают они и до Лондона. Поначалу происходит путаница. Люди думают, что полюса достиг Скотт. Печатаются экстренные выпуски газет с ошибочными заголовками. Затем вносятся поправки.

Тем временем три путника продолжают идти. Они знают, что на складе «Одна тонна», до которого по всем расчетам остается всего около двух миль, вдоволь провианта и должен быть керосин. По плану там их должна встретить упряжка с базы.

Им кажется, что они слышат лай. Они понимают, что это самообман, знают, как дорого обходится вспышка надежды, когда сменяется разочарованием. Но удержаться невозможно. Они приваливаются к саням, чтобы передохнуть. И заверяют друг друга:

— Слышишь — собака лает! Это наши идут... Но никто не приходит.

До сих пор Скотт и физически был самым сильным. Вечером в палатке он констатирует: «Я самый слабый из троих, оставшихся в живых».

Он осматривает свои ноги, правая ступня выглядит особенно скверно. С видимым спокойствием записывает в дневнике, что ему не избежать ампутации. Им удается совершить еще один дневной переход. После чего снова разражается буран. Они залезают в палатку. У них продуктов на два дня, керосина на один.

Они заключают, что остается единственный шанс: Уилсон и Бауэрс попытаются дойти до склада «Одна тонна» и, если найдут его, вернуться за Скоттом. На другой день двое выходят в путь. Но буран бушует пуще прежнего. Они вынуждены возвратиться.

В эти дни — мы не знаем точно, сколько дней, — в последний раз проявляется величие души трех путников. Никаких упреков друг другу. Деликатное молчание Бауэрса и Уилсона, словно они неприметно удаляются несколькими часами раньше своего великого руководителя,

оставляя его одного на сцене в свете истории. Скотт пишет. Он сидит в спальном мешке, гноющиеся ступни болят, последний керосин выгорел. В палатке тридцать градусов мороза. Сняв рукавицы, он пишет своим изящным, красивым почерком, разборчивым даже теперь, спокойно подбирая слова. Нотка отчаяния ощущается, но истерии нет. Ясная мысль, никаких оправданий, голые факты. Так формулирует он свое обращение к британскому народу. В свой последний час руководитель экспедиции показывает, что был рожден для руководства. Затем он пишет личные письма. Их тон теплее. Здесь, на смертельном морозе, слово обретает теплоту, какую редко встретишь в мировой литературе. Он пишет супруге Уилсона, благодаря за дружбу с ее мужем. Шлет матери Бауэрс слова похвалы ее сыну, который сейчас умирает подле него. Пишет своей матери. И наконец — своей жене, прося ее хорошенько заботиться о сыне. Он никого не забывает — страждущих, которым еще только предстоит ощутить страдания. Но он уже ощущает их боль — и свою.

Буран не унимается.

Бауэрс и Уилсон забрались в спальные мешки.

Лежат тихо.

Он дремлет и просыпается — сколько часов прошло или дней? Он не знает, никто не знает.

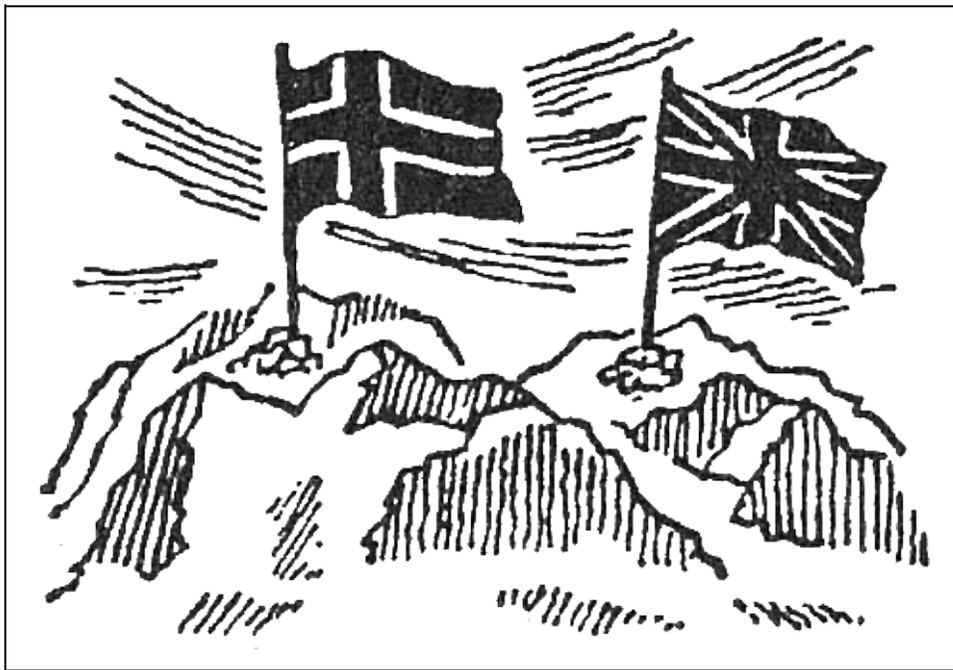
В последний раз достает свой дневник и карандаш:

«Ради бога, позаботьтесь о наших родных».

Кладет одну руку на спальный мешок спящего Уилсона. Хорошо уснуть.

Он слабо улыбается.

«Фрам» подошел к ледовому барьеру 8 января 1912 года. 30 января, забрав Амундсена и его спутников, судно взяло курс на север.

После благополучного плавания «Фрам» пришел в Хобарт в Тасмании. Амундсен известил мир о том, что Южный полюс был покорен в декабре 1911 года. Послал также телеграмму в Географическое общество в Христиании: «Юхансен устроил бунт. Пришлось исключить его из полюсного отряда. Его возвращение на родину не афишировать». Годом позже Юхансен покончил с собой.

30 октября 1912 года из британской базы в проливе Мак-Мёрдо вышла спасательная экспедиция. В ее составе был норвежец Трюггве Гран. 11 ноября экспедиция достигла склада «Одна тонна» и продолжила путь на юг.

Они нашли палатку.

Скотт лежал в спальном мешке, положив руку на своего друга Уилсона. В одном пьёксе нашли письмо Амундсена королю Хокону.

18 января 1913 года в пролив Мак-Мёрдо пришла «Терра Нова», чтобы забрать экспедицию Скотта. До этого дня только зимовщики знали о трагедии.

Судно взяло курс на север, и 12 февраля были переданы телеграммы о случившемся.

Госпожа Скотт в это время плыла в Новую Зеландию, чтобы встретить там своего мужа. Известия с «Терра Новы» еще не дошли до ее судна.

14 февраля 1913 года судно подошло к берегам Новой Зеландии. Госпожа Скотт сидела в шезлонге на верхней палубе. Радист принял телеграмму.

Капитан поднялся на верхнюю палубу.

Р. Амудсен. 1906 г.

Ф. Нансен, выдающийся путешественник, незаурядный ученый, неотомимый общественный деятель.

«Фрам» и его создатель Колин Арчер.

В качестве тягловой силы наряду с собаками в экспедиции Скотта использовались пони.

Скотт со своей женой Кэтлин незадолго до его отплытия в Антарктиду.

На «Терра Нове» к Антарктике.

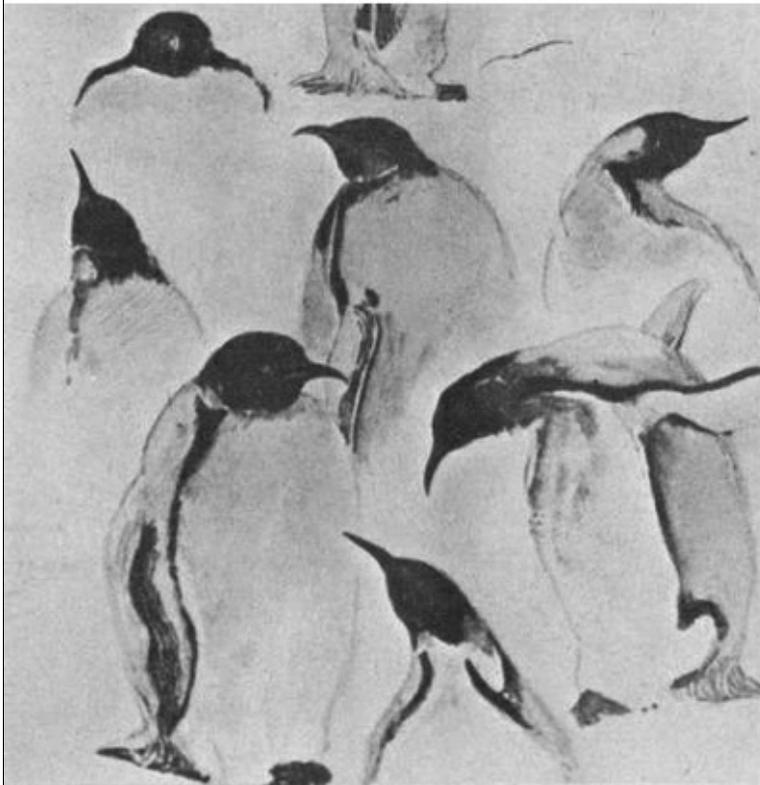
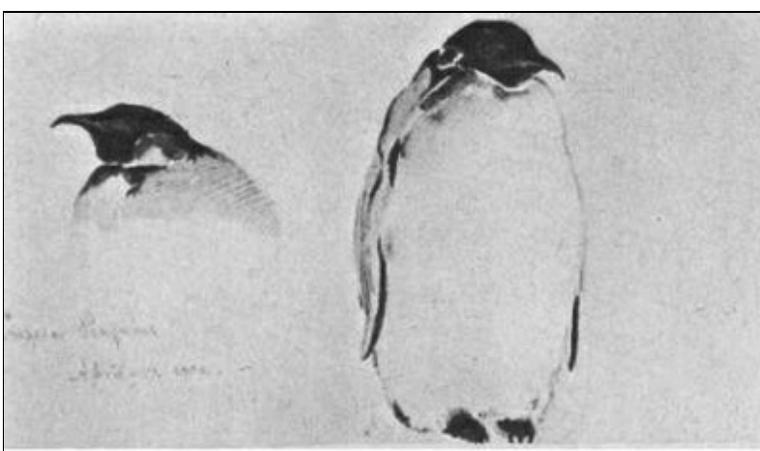
Февраль 1911 г. Участники экспедиции Скотта в хижине Шеклтона.

Эдвард Уилсон.

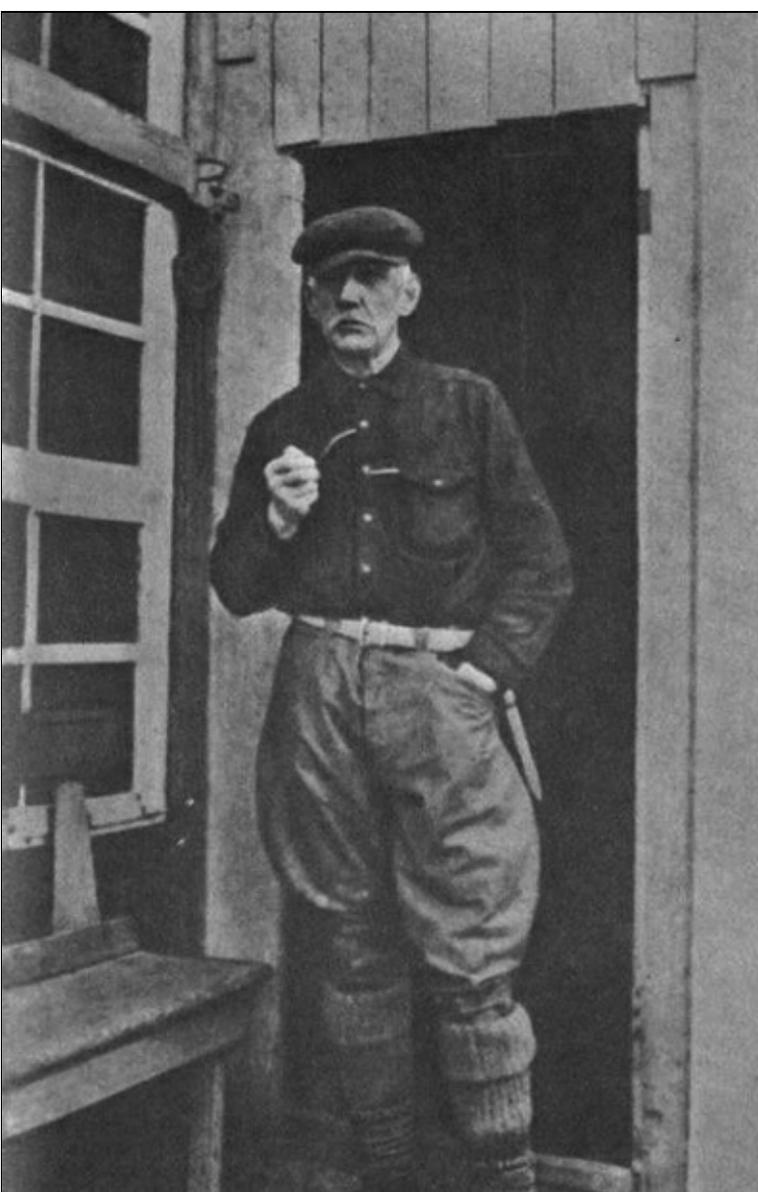
Эрнест Генри Шеклтон, соперник Скотта в исследованиях Антарктики.

Императорские пингвины, нарисованные с натуры Эдвардом Уилсоном во время экспедиции.

Р. Скотт: на пути к Южному полюсу.

Р. Амундсен.

Ялмар Юхансен.

Трудно поверить, что за стенами этого уютного жилища бушует ледяная стихия.

Скотт и его друзья на Южном полюсе.

Капитан Оутс.

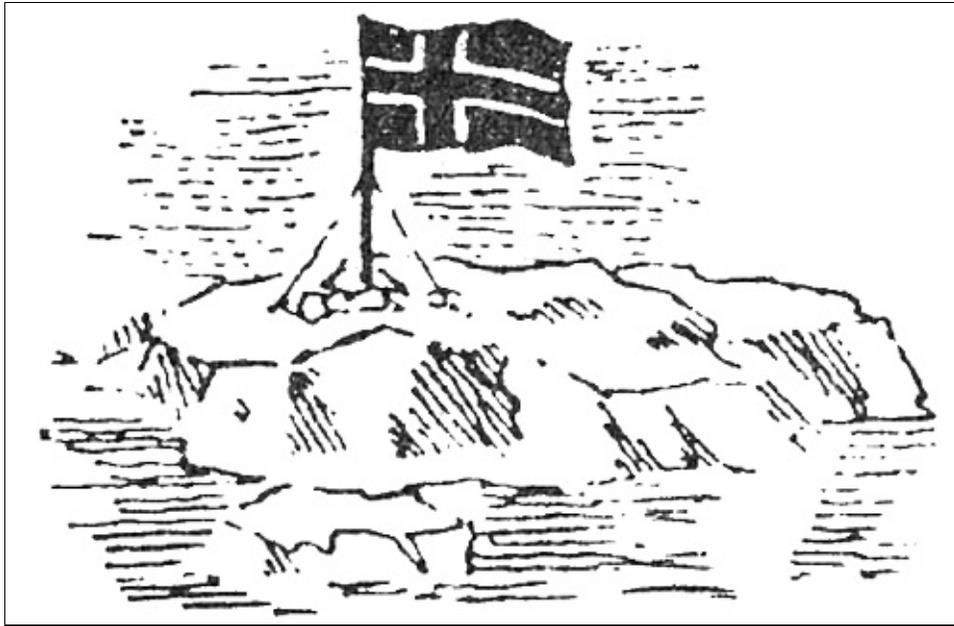
Возвращение «Терра Новы» в Лондон. 1913 г.

Амундсен. 14 декабря 1911 г. человек впервые достиг Южного полюса.

Могилы Скотта, Уилсона и Бауэrsa в ледяной пустыне.

Высокий молодой человек с редящими на висках светлыми волосами старался ступать возможно тише, чтобы не разбудить других. Ему удалось подняться из своей каюты, пересечь палубу и спуститься на лед, не потревожив даже собак скрипом морозной корки под меховыми сапогами. В сумерках он различал кругом черные носы: собаки лежали под снежной пеленой, высунув только морды наружу. Он встал на лыжи и пошел по лыжне, удаляясь от затертого льдами судна.

На нем было две пары шерстяного белья и безрукавка из верблюжьей шерсти, поверх безрукавки — два толстых свитера и плотная штормовка. Можно было надеть еще и кожаный костюм, но градусник показывал всего лишь минус тридцать пять, и он решил, что будет чересчур — только зря потеть. На ногах — портянки из домотканого сукна и пимы с подметкой из нерповой шкуры. Руки защищены варежками и рукавицами из волчьей шкуры мехом внутрь.

Пройдя по лыжне на север около трех километров, он оставил лыжи и взобрался на высокую ледяную глыбу. Стоя наверху, посмотрел сперва на свое судно. Оно слегка кренилось на правый борт, словно под напором штормового ветра. Три мачты торчали, как монументы бессмертному деянию или же самой Смерти, которую многие молодые люди встретили на пути к крайним точкам земного шара.

Он был вправе смотреть на судно с гордостью. Он доказал всему миру, что никакие льды не могут расплющить такой корабль и не способны чудовищным натиском утопить его в пучине. Судно пробкой выскакивало из грозных объятий, ускользая от гибели, точно безгрешная душа перед вратами ада. Льды не подминали его под себя, а выталкивали вверх, после чего расходились под тяжестью корпуса и судно гордо продолжало плыть вперед. Сантиметровой трещины во льдах было довольно, чтобы оно могло проложить себе путь к широкому разводью.

Несколько дней назад они — он и его люди — стояли на льду, выгрузив большую часть снаряжения на крепкую льдину. Маленькие человечки, которых бросало в дрожь при мысли о том, что судно может превратиться в щепки и останутся они без крова в огромном замерзшем

пустынном океане. Но нет, судно постонало, поскрипело, однако не ушло под воду.

Он стоит, обозревая безмолвные просторы, и у него вдруг возникает такое чувство, словно из мира теней явился некто и встал рядом с ним. Некто напевает, когда он напевает, вздыхает, когда он вздыхает, безмолвствует, когда он молчит. И не прогонишь его. Он ждет своего часа.

Молодой блондин поворачивается лицом на север, на юг, на восток, на запад. Ни души. Никого не видно, никого не слышно. Только космы тумана плывут в безбрежной белой пустыне.

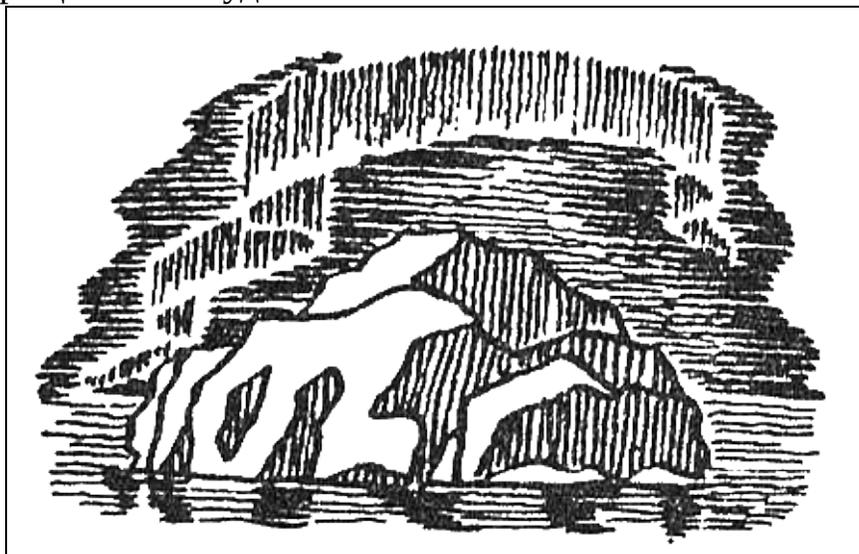
— Ты готов заплатить за то, чтобы достигнуть полюса?..

— Да.

— Цена может оказаться очень высокой.

— Пускай.

Не иначе, это его собственный внутренний голос задает вопросы и отвечает. Он часто слушал его и пытался понять, но, как правило, без особого успеха. Спустившись вниз, он снова встает на лыжи и возвращается на судно.

В жизни ему нередко доводилось бросать наезженную другими колею и прокладывать собственный путь. Вот и сейчас вспомнился эпизод, который когда-то причинил ему боль и который он всячески старался вытеснить из памяти. Сегодня снова всплыло в голове... Это было в Лондоне, во время одного весьма торжественного заседания в Королевском Географическом обществе, где он изложил свой замысел пройти дрейфом через Северный полюс на судне, построенном так, чтобы льды не могли его раздавить. Он увидел скепсис на лицах ученых мужей, насмешливые мины авторитетов. До той поры едва ли не каждое судно, отваживавшееся на поединок с паком, было нещадно раздавлено чудовищным сжатием льдов. И все кончалось тем, что команды были вынуждены покидать тонущие суда, чтобы пешком пробиваться к берегу. Тщетно. Большинство либо замерзло в пути, либо погибало от цинги и прочих пакостей. А он — молодой человек из маленькой страны, не заслуживший титулов и небогатый медалями, плечистый, высокий, с голосом, пробивающим брешь в тумане, легкий на подъем и не глупец — твердо верит, что нужно идти к полюсу, пристегнув доски к сапогам. Но ведь это уже не спорт, а совсем другое дело. Полярнику после кораблекрушения и без того надо нести изрядный груз, а тут еще волочи по снегу две доски?

Один из ученых мужей берет слово:

— Мне представляется, что наш уважаемый гость с присущим молодости легкомыслием

совершенно забыл о необходимости продумать все те проблемы, которые возникают при отступлении после того, как судно будет раздавлено льдами.

Гость отвечает густым басом, говорит на отличном английском языке, хотя и с потешным акцентом, вызывающим сдержанные улыбки аборигенов:

— Я думаю не об отступлении, не о пути назад, а только о пути вперед. Думаю о цели, которой должны достигнуть я и мои люди. Я сжигаю мосты. Мои люди одобряют такой образ действий — именно такой.

В зале воцаряется мертвая тишина. Вот как, он сжигает мосты?.. Теперь он замечает намек на восхищение на некоторых лицах. Враждебность на других. И скепсис, по большей части скепсис, недоверие; недоверие всегда было его злейшим врагом. Ему часто доводилось сжигать мосты. Как в тот раз, когда он пошел на лыжах через великий ледник, избрав для старта необитаемое восточное побережье. Его целью было западное побережье, с маленькими селениями, где можно было перезимовать при необходимости.

Необходимость возникла. Впоследствии месяцы, проведенные среди эскимосов Гренландии, он считал лучшими в своей жизни.

Или взять тот день, когда он вошел в комнату к ней, которая держала в руках их новорожденного. Она была словно изваяна из льда — красивая, молодая, умная.

Он сказал:

— Я решил идти к полюсу.

Она промолчала — знала, что возражать нет смысла, даже с ребенком на руках.

Сейчас он возвращается к судну. Проснувшиеся собаки бегут ему навстречу.

Ветер нес от судна запах свежесваренного кофе. Он подумал, что, возможно, уже не скоро вновь услышит этот запах. Если вообще услышит.

— Вот так-то, Варавва! — сказал он одной из собак. — Ты пойдешь со мной. Но тебе невдомек, что тебя ждет. Кончится тем, что ты будешь съедена своими товарками.

Осажденное льдами судно перед ним было единственным в своем роде. Построено из норвежского и итальянского дуба, из нектандры и длиннохвойной сосны. Форштевень толщиной около полутора метров, и такие же несокрушимые шпангоуты. Доброжелатели, видевшие судно под парусами, сравнивали его с плывущей по волнам розой. Менее доброжелательные уверяли, что оно похоже на яичную скорлупу, способную пойти ко дну так быстро, что не успеешь и флаг поднять. Но истина заключалась в том, что конструкция судна основывалась на идее, родившейся в его мозгу, и воплотили идею в жизнь первые специалисты в мире. Корпус был сделан округлым, чтобы выскальзывать из дьявольской хватки льдов. И он выдержал испытание.

Однажды ночью после того, как судно было затерто льдами, подводные силы затеяли бесовскую пляску, бросая на палубу огромные глыбы. Мачты и снасти дрожали и гнулись, словно деревья в шторм. Но судно в конце концов вырвалось из объятий смерти, прочная скорлупа осталась на плаву.

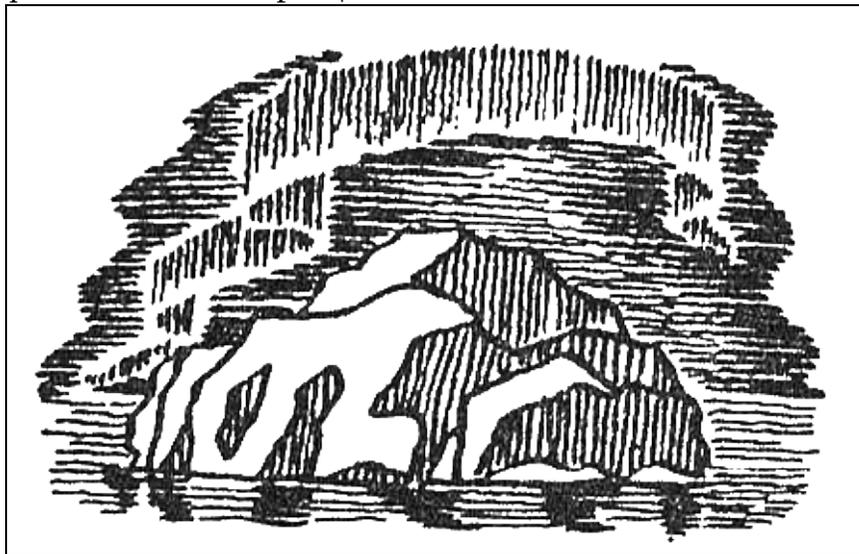
Он поднимается на борт. Его люди уже сидят за столом, их двенадцать, он тринадцатый. Ему освобождают место. Он незаметно обводит их взглядом. Народ все незаурядный. Физических сил им не занимать. Некоторые сверх того наделены особой сноровкой. Например, Ялмар. Он может поставить палатку в шторм и разжечь строптивый примус. В арктических областях тот, кому это дано, выживет, кому не дано — погибнет.

Когда громовой голос Ялмара раскатывается надо льдами, пятьдесят собак послушно ложатся на снег. Взяв на прицел серую точку за ухом белого медведя, стоящего на светлом фоне в полутора метра, он спускает курок — и медведь падает замертво. Ялмар необычайно силен. Гимнаст высокого класса, герой родного города, известный всей стране обладатель

множества серебряных кубков. Соображает быстро, когда время не ждет, невыносимо медленно, когда торопиться некуда. Утром за столом по нему не скажешь, что вчера вечером он чуть не расстался с жизнью. Он не смекалист с виду. Но это лишь с виду. Ялмар пойдет к полюсу вместе с ним.

Он боец, который не всякому повинуется, — только ему. К нему, единственному человеку, коим он восхищается, Ялмар почтителен, ему он верен и покорен.

Они допивают кофе и начинают прощаться.

26 февраля 1895 года двое начали странствие к полюсу. Лед искрился красными бликами, словно его окропила кровь от ножевого пореза: отблеск парящего в далеких небесах северного сияния. К тому же остающиеся члены команды развели на высоком торосе костер из старых ящиков. Его пламя отражалось в острых собачьих клыках и в блестящих бусинах инея на бородах хлопотливых людей. Искры от костра лихо кружились в пляске смерти, тщетно пытаясь взлететь до звезд.

Старт оказался неудачным. Через каких-нибудь пятьсот метров сломался полоз одних саней.

Ничего не поделаешь, пришлось возвращаться на судно.

Срочно выстрогали новый полоз. Заодно еще раз обсудили распределение груза. Впрочем, слово «обсудили» тут не годится. Все решал руководитель, он точно знал, где должна лежать каждая упаковка. У него было развито умение, не произнося ни слова, пресекать любые разговоры. Но в глазах его появился желтый отлив, способный ярко вспыхивать, как у больного пса от сильного жара.

Когда они стартовали в первый раз, весь лед был залит красным сиянием. Перед повторным стартом их окружал тяжелый от влаги густой туман и в серой каше глухо выли собаки.

Снова прощание с остающимися. Снова в путь.

Однако и на этот раз выяснилось, что сани перегружены. То и дело приходилось звать двух-трех человек на помощь, чтобы сдвинуть с места сани, упершиеся в ледяной бугор. Было очевидно, что вдвоем с таким грузом далеко не уедешь. Вечером в палатке Ялмар, который счел себя вправе высказаться после того, как был избран сопровождать руководителя к полюсу, заявил:

— У нас чересчур много саней! Они слишком тяжело нагружены. Или мало людей... Так

просчитаться!

И руководитель промолчал. Однако он был верен себе, и отливающая жуткой желтизной несокрушимая воля горела в его глазах, когда они во второй раз повернули и возвратились к судну. Странствие успело приобрести трагикомический оттенок. Они топали туда и обратно, словно в церковь на богослужение. Первый заметивший их из оставшихся на борту крикнул:

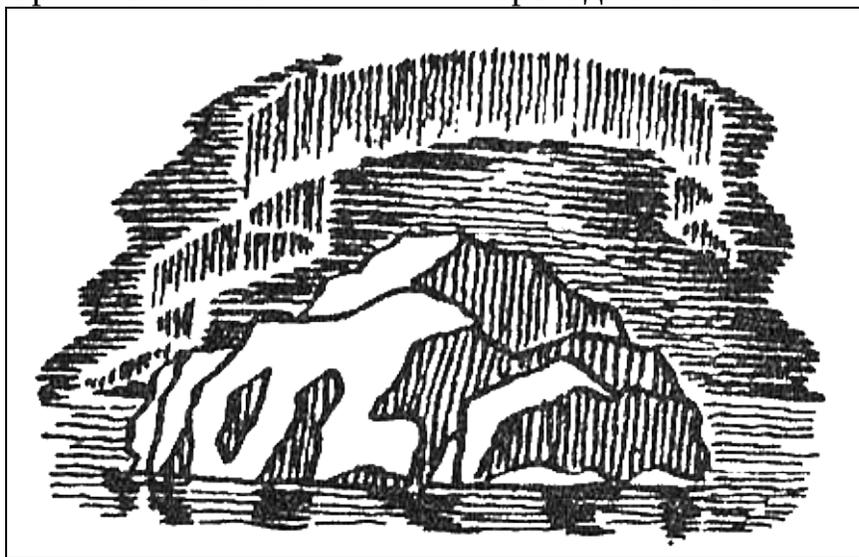
— Что, уже побывали на полюсе?

И все рассмеялись. Он тоже смеялся. Но все видели, что его лицо под слоем копоты, грязи и пота побледнело.

На этот раз была проделана основательная работа. Сани обстрогали, доведя их вес до минимума. Снова перебрали снаряжение и без жалости выбросили все, что не было абсолютно необходимо. Из шести саней осталось трое; на каждые по двести килограммов груза. Снова запрягли собак. Руководитель должен был идти с одной упряжкой впереди, прокладывая курс. За ним с двумя упряжками последует Ялмар.

Погода выдалась хорошая. Тяжелые синие тучи, но полное безветрие, и льды не громыхали. На этот раз договорились, чтобы их никто не провожал. На ходу они оборачиваются и машут руками тем, кто остается на борту.

Труднейший в истории человечества лыжный переход начался.

В мире только два человека, и весь этот мир — такое у них ощущение — замерзшее море. Вид тянущих сани собак усугубляет впечатление, что они — одинокие странники на мертвой планете под бледно-голубым небом, которое низко нависает над ними, затрудняя дыхание. Надо протискиваться между торосами и разводьями, проваливаясь по пояс в мокрый снег, приподнимать передок саней, чтобы скользили. Во рту кровавой привкус.

Большие торосы вынуждают их без конца менять курс и подолгу петлять, огибая полыньи. Приходится понукать собак, чтобы тянули в полную силу. В душе зреет чувство, которое было им знакомо и прежде, когда они находились в относительной безопасности на борту судна. Чувство совместных усилий и общей опасности связывает их, но и влечет за собой известную раздражительность. И как-то притупляет восприятие: мысль о неведомых угрозах отступает на задний план, а в глубине души таится росток неприязни, которая усиливается всякий раз, когда надо поднимать сани, погонять собак, протискиваться между торосами или валиться на мокрый снег. «Это он втянул меня в эту затею. — Внутренний голос Ялмара. — Если бы не он, не

пришлось бы так маяться...»

Руководитель ушел так далеко, что Ялмар не слышит, как он его окликает. Он гонит собак вперед — в голубой мерцающий сумрак, в белесый мир льда, где еще не ступала нога человека. Он понимает, что ни на минуту нельзя проявлять слабость, ведь как бы ни отстал Ялмар, он заметит это, и на его лице мелькнет молниеносная улыбка. Правда, улыбка, лишённая враждебности. Напротив — полная сочувствия. Но все равно руководитель не щадит ни собак, ни себя. Что до Ялмара, то его словно связывает с руководителем некая тайная сила и тянет вперед. Они в одно и то же время притягиваются и отталкиваются друг от друга.

Спускается ночь. Ночь, озаренная тусклым весенним светом полярной пустыни. Видно почти так же хорошо, как днем. Их следы, петляющие между торосами и полыньями, усугубляют чувство одиночества. Следы ведут прочь от судна, в великое неизвестное, где таится лишь одно великое известное — смерть.

У них есть маленькая чесучовая палатка без пола. Ветер, усиливаясь, достигает силы шторма. Придавлив снаружи края палатки снегом, они сидят в спальнях мешках и разогревают суп на нагревательном приборе, который называется примусом. Это шведское изобретение. Руководитель взял его с собой, чтобы испытать в трудных условиях. Разминая зубами толстые куски мерзлой медвежатины, они чувствуют, как к ним возвращаются силы. Но кульминация трапезы — горячий суп. Их голоса получают прежнее звучание. Ожившее мышление обретает свежесть. Они пробуют просушить варежки на собственном теле. Портянки — тоже. Заталкивают в пимы стельки из сухой травы. Впереди короткая ночь. Им нужны длинные дни, чтобы дойти до полюса раньше, чем кончатся продукты.

Дойти?

Или некий внутренний голос не задает уже сегодня вопрос, дойдут ли они? Первая же серьезная проба сил между ними и льдами, между ними и смертью, между ними и несчетными милями не шепчет на ухо так тихо, что почти не разобрать: «Не дойти вам до полюса...»?

— Не дойти вам до полюса...

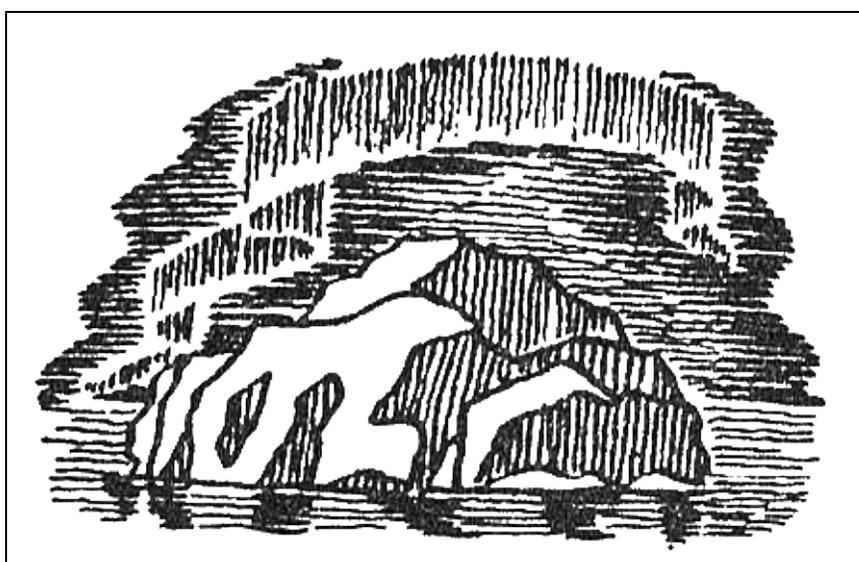
— Обратный путь к материку будет во много раз длиннее пути к полюсу.

— Судно постоянно перемещается. Так что вы его никогда не найдете.

— Так что вас никогда не найдут.

— А что забудут — так это точно.

Ночью зуб на зуб не попадает от холода. С мокрым от пота нижним бельем, в сырой от ледяной изморози верхней одежде они ворочаются в спальнях мешках и не могут уснуть. Эту проблему надобно решить безотлагательно, если они рассчитывают выжить. Они находят решение. Температура тела каждого около плюс тридцати семи. Ее надо использовать, пока она не выстужена ледяными ветрами. Они распарывают свои спальные мешки и сшивают их, делая из двух один. Поднатужившись, оба влезают в него. Тут нужна гибкость и согласованность движений. Теперь они согревают друг друга. Все-таки можно жить и в пустынном мире на подступах к полюсу.

Путь на север продолжает быть таким же трудным, мучительным, гиблым. Они сами впрягаются в сани, чтобы помочь собакам. И тянут, тянут; изборожденные складками суровые лица, обмороженные носы, заостренные пальцы ледяных рук и ног... Выбиваясь из сил, стремятся к точке на карте, где еще никто не бывал. Время от времени их мутит, и собаки дерутся из-за блевотины.

Они говорят друг другу «вы». Палатка такая низкая, что даже сидя они бодают ее изнутри. Нельзя протянуть руку, чтобы не задеть стенки или соседа. Естественно в таких случаях, соблюдая обычную вежливость, извиниться, сказать: «Я нечаянно». Но откуда взяться вежливости в неоглядной пустыне на пути к полюсу, где никто еще не бывал? В самые изнуряющие вечера в душе зреет ожесточение, перерастающее в злобу. И глаза руководителя наливаются желтизной.

Он вовремя замечает опасность. Заметив, осмысливает, делает вывод и отдает распоряжение; здесь он властелин.

— Будем каждое утро рассказывать друг другу какую-нибудь забавную историю, чтобы братья за дело с хорошим настроением.

Мокрые насквозь в крохотной палаточке. Голубое сияние озаряет ее и льды. Живое сияние над голубым безлюдьем. Но теперь надобно быть не поэтом, а эпиком. Вообще-то Ялмар хороший рассказчик. Однако именно сейчас в голове затор. Наконец, с трудом подбирая слова, он делится наблюдением, касающимся собак: две суки ревнуют друг к другу. Жмутся с двух сторон к здоровенному кобелю, который держит их в повиновении. Руководитель громко хохочет, так что грудная клетка ходит ходуном, и говорит:

— Вы молодчина, Ялмар.

Вечером того же дня оба приходят к выводу, что собаки — самая подходящая тема. Тут они поймут друг друга. Обоим свойственно любить собак и проклинать их, хулить и защищать. Но оба знают также, что завтра первые две собаки должны умереть.

И уже решено, какие именно: две самые слабые. Они пойдут на корм остальным. Живые сожрут своих мертвых товарок, как говорится, тепленькими. После чего, тощие, с разбитыми лапами, подгоняемые кнутами, пойдут дальше — вперед, к далекому полюсу.

Не разговаривая друг с другом, они быстро управятся с завтраком; не глядя друг на друга, выбирают из палатки. Им еще не приходилось убивать собак. Вернее всего воспользоваться

ружьями, но они должны беречь боеприпасы. Незачем трогать патрон, когда можно обойтись ножом. Наточив ножи, они обмениваются взглядами и заходят каждый за свой торос, волоча по рвущейся из рук собаке. Ялмар и тут доказывает свое превосходство. Один удар ножом — и готово.

Они разделяют туши и раздают куски голодным собакам, которые жадно глотают останки своих сородичей. У обоих такое ощущение, словно они переступили некую грань. Руководитель заметно подавлен, когда они вновь встречаются у палатки. Ялмар вытирает нож о штанину. Из глубин объединяющей их боли возникает надломленный голос руководителя:

— Может, перейдем на «ты»?

Странный монумент сотворен их руками, отныне они совокупны в добрых и недобрых делах на полюсе. История, которую надлежит рассказывать за завтраком, должна быть с перцем, чтобы прийтись по вкусу мужчинам. Но они понимают также, что одними историями сыт не будешь. И начинают есть сырую собачину. Нелегкое испытание. Они выдерживают его — с трудом, но выдерживают. Сделав еще один шаг на стезе жестокости, они обретают способность совершать великие подвиги.

Но тишина может свести человека с ума. Она особенно мучительна, когда ее прорезал какой-нибудь звук. Собачий лай, громкий возглас, скрип полоза о лед. После чего кажется, что весь мир затаил дыхание и боится выдохнуть. В это мгновение тишина может сокрушить человека.

Они взяли с собой два каяка весом по восемнадцать килограммов. Каяки уложены поперек саней. Не так-то просто привязать их крепко к саням. Но хуже всего то, что они постоянно цепляются за торосы, которые приходится огибать. Каяки понадобятся на обратном пути с полюса, когда они выйдут к открытому морю и победителям белого безмолвия надо будет уже без собак добираться до материка. Да-да, победителям, только так.

И тут оказывается, что обшивка обоих каяков порвана. Спусти их на воду сейчас, сразу пошли бы ко дну.

Но руководитель достоин своего звания. Он знает: от его воли зависит, сохранят ли они мужество и надежду.

Он приказывает немедленно разбить лагерь. В два счета поставлена палаточка, и в голубом ночном свете над ледяной пустыней двое трудятся большими иглами. Дыры в обшивке каяков

лагают кусками запасной палатки. Швы промазывают смесью копти и овсяной каши. Не ахти какая промазка, но сгодится.

Можно продолжать движение к полюсу. Руководитель вкалывает как зверь, шагая впереди и прокладывая курс на север. Он наделен огромной физической силой, годами тренировался в ходьбе на лыжах, прославился на весь мир дерзким лыжным переходом через Гренландию. В сопровождении одной лишь собаки пересек на лыжах всю Норвегию по горам с запада на восток. Местные жители говорили, что со времен короля Сверре никто не совершал такого перехода. Но ни одно странствие не было таким изнуряющим, таким надсадным, таким тягостным, как это. Польшы и разводья заставляли делать большие крюки. То и дело путь на север становился непроходимым. Руководитель был вынужден возвращаться к Ялмару и собакам, помогать им, когда они застревали. И получалось, что он дважды проходил каждый отрезок, отделяющий их от полюса. Ялмар лучше справлялся с собаками и располагал богатым набором крепких слов, которые сыпались на четвероногих бедняг. Так ведь другого языка они не понимали. Руководитель чувствовал, что Ялмар внимательно следит за ним, и ему это не нравилось, хоть он и говорил себе, что не следует принимать близко к сердцу такие пустяки.

А Ялмара оскорбляло, что руководитель неизменно давал ему понять: приказ есть приказ, и должен немедленно выполняться. Никакого равноправия. Хоть бы раз обратился с просьбой, которая во многих случаях действует лучше, чем приказ. Но было при этом и то, что крепло вместе с ростом тягот: дружба, в которой они как-то стеснялись признаться, но которая согревала их в ледяной пустыне.

Оба тосковали по кораблю, хотя ни за что не сознались бы в этом. И все же однажды вечером, когда они ели горячий суп чайными ложками, чтобы растянуть удовольствие, у одного из них вырвались слова о том, как хорошо было на корабле! И тотчас нахлынули воспоминания.

— Помнишь, как мы обнаружили, что на борту появились вши?

— Наверно, их занесли самоды, с которыми мы вели меновую торговлю в Сибири. На судно точно обрушилось нашествие вшей. Чего только мы ни делали, чтобы избавиться от них. Все без толку. Был даже момент, когда казалось, что на судне разразится бунт, если мы не управимся с этой нечистью. Тут кто-то вспомнил, будто вошь не выдерживает сильного мороза. И мы решили поставить все на эту карту, попытаться холодом уморить вшей. Вынесли на палубу всю верхнюю одежду и нижнее белье, всю обувь, портянки, перины, спальные мешки, даже скатерти, которыми кок так гордился. Задраили все входы, ведущие в каюты. Целую ночь двенадцать человек сидели в одних кальсонах и прислушивались, не донесутся ли снаружи звуки лебединой песни вшивого племени. Они ничего не услышали, но утром, выйдя босиком на снег, увидели, что их надежда сбылась: полчища вшей лежали лапками кверху, настигнутые неотвратимой карой. Судно вновь стало доброй обителью для людей, плывущих через Ледовитый океан.

После ночи, когда они почти не спали, вспоминая большие события на корабле, оба ощутили новый прилив сил.

У руководителя более чувствительное сердце, чем у Ялмара. Лежа в спальном мешке рядом со своим спутником, он думает о письмах, которые отправил домой с последней оказией, когда его секретарь сошел на берег в Северной Сибири, чтобы оттуда как-то добраться до Норвегии. В этих письмах, полных тепла и преданности жене и заботы об их новорожденной дочурке, самые прекрасные строки, какие когда-либо выходили из-под его пера. Ради своих близких он готов на все. Кроме одного: оставаться дома.

Снова они выбирают из палатки, запрягают в сани собак, продолжают идти на север. На север — с бесконечными крюками, напролом по мокрому снегу или в обход ледяных глыб величиной с хороший норвежский сарай. В голове у обоих упорно крутится одна и та же мысль.

И обоим не хватало духа сознаться в ней товарищу. Мысль, которая словно прочно примерзла к мозгу и не растает даже с приходом весны: «Мы не дойдем до полюса...»

Задумав идти на лыжах, оба знали, что берутся за исключительно рискованное дело. Никто еще не достигал полюса, и они уже пробились на север дальше, чем кто-либо до них. Далеко позади осталось дрейфующее судно. Найти его теперь будет невозможно. Остается лишь уповать на то, что они смогут добраться до Земли Франца-Иосифа и там им встретится какая-нибудь промысловая шхуна. Неисчислимы морские мили отделяли их от материка. В уме руководителя давно зрела догадка, что ледяные поля медленно смещаются. Существование течений в Ледовитом океане было доказано. Так почему не допустить, что есть течения, направленные с севера на юг? Он производил наблюдения и вечерами сидел в палатке над вычислениями. Его тревога росла, но он держал ее при себе. Не сомневался, что в любой ситуации может положиться на Ялмара. Однако сознание того, что они понапрасну рискуют жизнью, могло стать непосильным грузом даже для самого сильного.

В широкой груди руководителя застрял жгучий ком. Ему доводилось в прошлом трезво взвешивать шансы и, выдержав трудные испытания, побеждать, как в тот раз в Гренландии. Отплывая на север, он знал, что с ним добрые пожелания и гордость целого народа. Но никогда еще обстоятельства не заставляли анализировать стратегию поражения. Теперь, лежа ночью в одном спальном мешке с Ялмаром, размеренно дыша, чтобы казаться спящим, поживаясь от холода, он пункт за пунктом взвешивал лежащие перед ними возможности.

Мы можем дойти до полюса и умереть от голода на обратном пути, потому что нам не хватит провианта. У нас осталось двести суточных рационов для двоих и корма собакам на тридцать дневных переходов. Мы можем дойти до полюса, но не сможем вернуться живыми домой. Никто никогда не найдет наши останки. Люди установят факт нашей смерти, но не узнают о нашей победе. Это — одна возможность. Вторая: повернуть назад, не дойдя до полюса. Тогда у нас есть шанс живыми вернуться домой. Не очень большой шанс, но все-таки.

Ты должен выбрать. Либо поражение — и жизнь. Либо победа — и смерть. Если завтрашняя обсервация покажет, что льды дрейфуют на юг, придется решать.

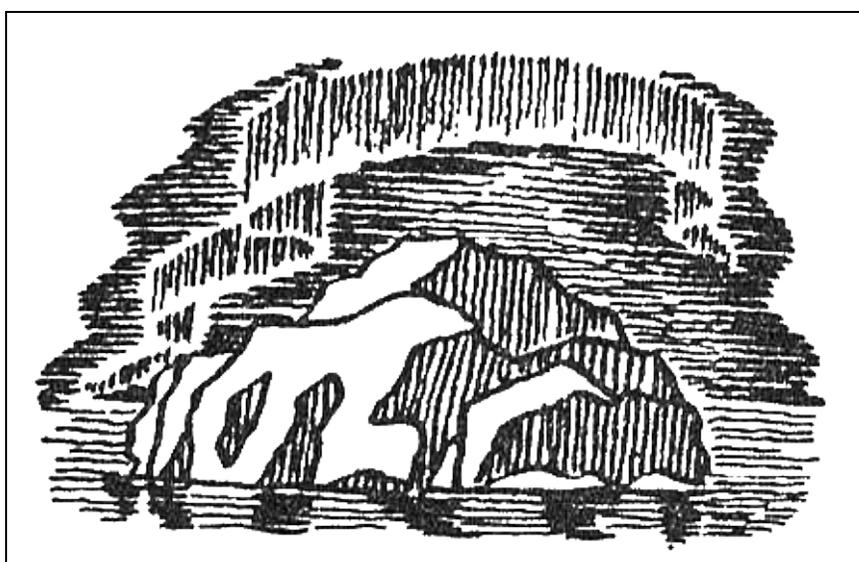
Завтрашний день настал — и он принял решение. Ялмар не удивился. Он был наделен инстинктом и незаурядным умом. Он восхищался руководителем и в полной мере доказал свою лояльность в тот день, когда они поняли, что битва за полюс проиграна.

Они повернули назад.

Они достигли $86^{\circ}14'$ северной широты. Еще никто не заходил так далеко на север. Мы знаем по их дневникам, что они трезво восприняли поражение. Между тем от материка их отделяли неисчислимы морские мили.

Руководитель снова шел впереди, прокладывая курс.

Неожиданно выяснилось, что они забыли завести свои часы в один и тот же день. Не зная точного времени, они не могли производить точных наблюдений, не могли определить, где находятся и в какую сторону следует двигаться.

Весна настигла их. Весна в Ледовитом океане — желанная и долгожданная. Когда же она наступила, все только осложнилось.

Снег между торосами пропитывался влагой. Часто под ним скрывалось разводье, и идущий впереди — руководитель — рисковал провалиться вместе с собаками и санями. Так и случалось не раз. Пока выберется, штормовой костюм основательно намокнет. При десяти-двенадцати градусах мороза одежда превращалась в ледяной панцирь, и внутри этого панциря был он. Каждый шаг становился испытанием. Обледенелые твердые рукава ранили кожу на запястьях до крови, как пилами. Болячки воспалялись, образуя язвы, которые удалось залечить лишь много месяцев спустя. Варезки и портянки они вполне прилично просушивали, засовывая на ночь под штанины.

Собаки делались все более строптивыми. Промокнут, одолевая вплавь разводье, потом обрастают ледяной коркой. Они перегрызали ремни упряжи, и ее без конца приходилось чинить. Леденящая работенка, когда температура вдруг понижается до минус сорока...

Стало туго с едой. Скромные дневные рационы урезали наполовину; собакам доставалось и того меньше. И вот очередное происшествие: сани руководителя наполовину в воде, собаки — в его упряжке их осталось всего пять — лежат на снегу, переводя дух. Вроде бы и на этот раз обошлось... Он переносит вес тела с одной ноги на другую, внезапно лед под ним обламывается, и он проваливается по колено в воду. Одной рукой держится за вбитую в снег лыжную палку, другой обхватил ледяной бугор. Постромки обмотаны вокруг пояса, и он орет на собак, чтобы они вытащили его. Собаки не трогаются с места. Глупость или мстительность: «Вот когда мы отыграемся»? Он знает, что Ялмар отстал метров на двести, если не больше. Звать его сейчас мало толку, оба привыкли слышать, как товарищ кричит на собак. Он чувствует, как лыжная палка подается, острие вот-вот выскочит из льда. Медленно, страшно медленно центр тяжести смещается, еще немного — нижняя часть тела перевесит и его засосет под большую льдину, которая словно разинула хищную пасть, готовясь проглотить человека. Он пробует все-таки крикнуть, но замечает, что, напрягая грудные мышцы, еще хуже расшатывает лыжную палку. В голове крутится мысль: если бы собаки только захотели, вполне могли бы вытащить его. Теперь они мстят человеку, который гнал их через полярную пустыню. Слыша, что Ялмар приблизился, он изо всех сил орет: «На помощь!» Лыжная палка срывается, он еще больше погружается в воду и понимает, что постромки могут зацепиться за край льдины и тогда быть ему под ней. Снова

кричит. Вода уже по грудь.

Появляется Ялмар. Бросив свою упряжку, он одним прыжком преодолевает полынью, едва не падает, но тут же выпрямляется, хватая руководителя за плечи, и мощным усилием один богатырь вытаскивает другого из полыньи.

Вечером в палатке они пытаются просушить одежду руководителя над пламенем двух плоских с ворванью. Вечерняя трапеза, как всегда, кульминационная точка дня. Она состоит из тонких ломтей медвежатины и шоколада.

Удобства ради шоколад разломали на маленькие куски, так что упаковать два совершенно одинаковых рациона было невозможно. Они раскладывают и перекладывают на дневнике руководителя две кучки, пока оба не приходят к согласию, что вроде бы получилось поровну. Один отворачивается. Другой несколько раз вертит дневник:

— Правая или левая?

— Левая.

Они медленно съедают шоколад. Снаружи тоскливо воют голодные собаки.

С каждым днем их все больше тревожит то, что они не могут производить точные наблюдения. Руководитель высказал предположение, что можно наблюдать луну и с ее помощью определять свое местонахождение. Но для этого требовались таблицы, которые он вроде бы захватил с собой, когда они покидали судно. Выясняется, однако, что он ошибся. Таблицы остались на борту.

Хотя они залатали каяки, все же по швам просачивалась вода. Требовался новый ремонт. У них было с собой немного смолы и мела, они приготовили замазку и законопатили самые большие щели. Спустили каяки на воду и положили сани поперек; получилось относительно надежное плавучее средство. На санях сидели две собаки. Остальные ушли в мир иной, и последняя из них лежала мясом в каяке. Накануне вечером они смешали ее кровь с остатками пшеничной муки, замесили «блины» и поджарили на ворвани. Не сказать чтобы вкусно, но есть можно.

— А это главное, — заметил Ялмар.

Выйдя на каяках в широкое разводье, где плавал битый лед, они вдруг прямо перед собой увидели лежащего на льдине морского зайца. Здоровенный тюлень весил, должно быть, несколько сот килограммов. Каяк Ялмара оказался ближе, и он успел прицелиться раньше, чем руководитель нашел свое ружье. После Ялмар говорил, что это был лучший выстрел в его жизни. Пуля поразила зверя в лоб между глаз. Хотя тюлень лежал, свесив в воду задние лапы, он не успел съехать с льдины, лишь опустил голову, как бы в прощальном кивке, и застыл, убитый наповал. Руководитель молниеносно схватил лежавший под рукой гарпун, и вместе они оттащили тюленя подальше от края льдины.

Перед ними на льду покоился провиант на несколько недель. Но огромный зверь в любую минуту мог соскользнуть в воду и утонуть, если бы раскололась льдина. И они принялись лихорадочно трудиться, чтобы сохранить самую большую когда-либо подстреленную ими добычу. Вонзили в тушу еще один гарпун, и обмотали литье вокруг тороса. Решили, что вернее всего будет разделать тюленя на месте, а затем перевезти через разводье по частям. Засверкали в воздухе отменно наточенные финские ножи. Работа была опасная. От крови и жира льдина стала скользкая, как мыло, чуть что — поскользнешься. Рукава и штанины тоже пропитались жиром и кровью. Они трудились не один час, и в разгар работы один из каяков накренился от удара проплывавшей мимо льдины. Легкого крена было достаточно, чтобы лежащие на лодке сани съехали за борт и потащили ее за собой. И как раз в этом каяке лежала большая часть оставшегося у них снаряжения. Каяк на глазах наполнялся водой. Нельзя было мешкать ни секунды. Ялмар расстегнул свой поясной ремень, лег на лед, зацепил пряжкой лодку и

попытался вытащить ее из воды. Не вышло. Ледяным голосом, словно во рту был снег, руководитель произнес:

— Главное — патроны! Если намокнут, нам конец. Кажется, впервые в жизни голос его дрожал.

И наверное, впервые в жизни у него дрожали руки.

Ялмар прыгнул с льдины в другую лодку, где лежали запасные полозья из мельхиора, которые они взяли, чтобы проверить, не будут ли сани лучше скользить с такими пластинами. Отвязав один полоз, Ялмар вернулся на льдину, где с ножом в руках, весь в тюленьей крови, стоял руководитель. Тюлень лежал перед ними с распоротым брюхом. С принужденным спокойствием, готовый вот-вот сорваться, руководитель отчеканил:

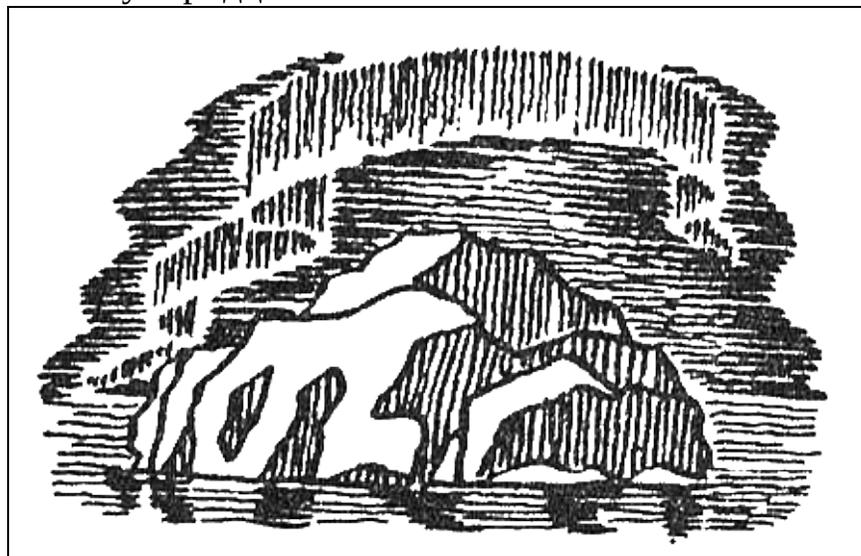
— Прежде всего надо вытащить патроны.

К счастью, они лежали в специальной упаковке с ручкой, наподобие маленького чемоданчика. Согнув крючком конец полоза, они легли на живот и с третьей попытки ухитрились зацепить упаковку. Вытащили также медицинские инструменты. Остальное могло подождать теперь, когда они подстрелили тюленя.

Их жизнь зависела от патронов. Руководитель зарядил ружье, направил дуло вверх и спустил курок. Раздался выстрел. Позже они извлекли из воды остатки снаряжения. Вечером сидели у плошки и ели полусырую тюленину.

В небе над полярными льдами светила большая круглая луна.

На градуснике было минус тридцать пять.

В Арктику пришла весна, среди дня температура воздуха поднималась выше нуля, по ночам опускалась всего до минус двадцати. Льдины в разводьях таяли, образуя кашу, по которой невозможно было плыть на лодках. Лед трескался, и путь им пересекали все новые разводья. Они давно уже начали высматривать землю, однако без успеха. Нервы у обоих были расшатаны, отношения напряжены. Руководитель постановил сделать короткую остановку там, где они вытащили на лед тюленя. Остановка была вынужденной; он был не из тех, кому по душе ожидание.

Все их имущество, включая палатку и спальные мешки, отсырело; последние остатки овсяной муки смешались с соленой водой. Однажды вечером, когда руководитель растапливал ворвань для топлива и освещения, он нечаянно толкнул примус рукой и опрокинул его. Горячий

жир разлился, и вспыхнуло жаркое пламя. Он живо нагнулся за снегом, чтобы прекратить горение, но огонь пополз по растекшемуся жиру и подпалил палатку. Когда опрокинулась лодка, один коробок со спичками намок, и спички разложили для просушки. Теперь они загорелись, одна за другой. Ялмар, отдохавший после изнурительного дня, метнулся вперед, не вынимая ног из спального мешка, и прокатился по огню, но потушить пожар не смог. Руководитель сгреб охапку снега и льда, бросился с этой ношей на палатку, загасил почти весь огонь, однако чесуча продолжала гореть. Могучими обмороженными пятернями он сорвал с головы широкополую шляпу, которая защищала его от солнца и которой он очень гордился, и принялся сбивать ею пламя. Казалось, половина палатки охвачена огнем. Пламя добралось до небрежно оставленного патрона, и он взорвался. К счастью, пуля никого не задела. Тем временем Ялмар выбрался наружу из спального мешка и вступил в схватку с огнем. Палатка рухнула, придавив руководителя и гору снаряжения, пожар наконец заглох, но от палатки уже мало что осталось.

Лица обоих путешественников были вымазаны жиром и копотью. Кисти руководителя покрылись ожогами. Штаны прогорели на коленях. Боль была адская, но он не показывал вида. Две оставшиеся собаки не были посажены на привязь. Отскочив в сторону, они неистово лаяли, напуганные пожаром. Ялмар легко отделался, только прожег огромную дыру в спальном мешке.

Это случилось как раз в канун Ив́анова дня. С утра оба они представляли себе, как запыхают дома, в Норвегии, костры на зеленых лугах, в горах и у моря и любители природы всю ночь напролет будут плясать и отводить душу дружеской беседой. Они держали эти мысли при себе.

Тоска по дому могла стать слишком сильной, поделись они ею друг с другом. Но теперь отмалчиваться не было смысла. Сидя бок о бок на прогоревшем спальном мешке, они ели полусырую тюленину и запивали ее теплым жиром.

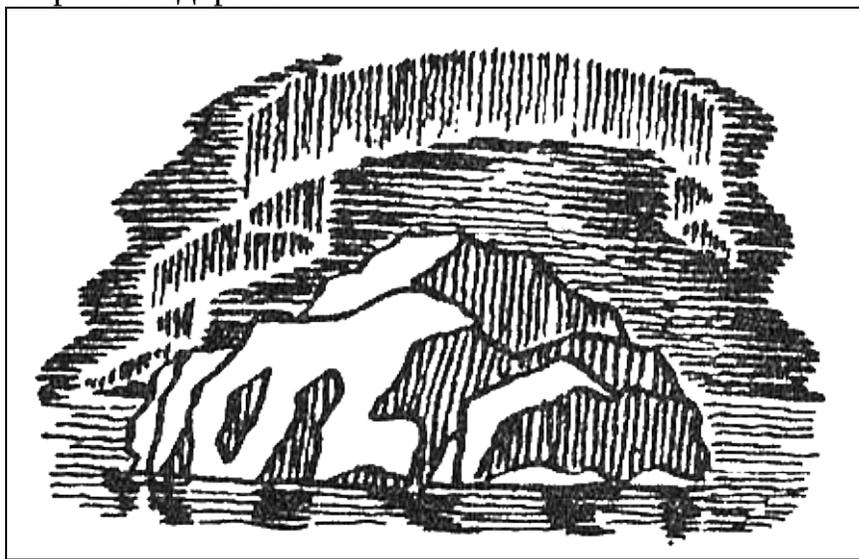
Руководитель сказал:

— Речь идет о жизни и смерти.

Ялмар ответил негромко:

— Все как-то легче, когда подумаешь, что завтра Ив́анов день.

Они уснули под открытым небом, прижимаясь тесно друг к другу, чтобы ни капли человеческого тепла не пропало даром.

не может идти. У него свело все мышцы от шеи до икр, и при попытке повернуть голову, обросшую безобразно длинными жирными волосами, в нее словно вонзался острый нож. Оба — и он и Ялмар — понимали, что теперь все решает даже не столько физическая сила, сколько сила духа. Допусти они слабинку — проиграют гонку со смертью. Настоящий богатырь — руководитель запросто поднимал тяжелые сани, спокойно садился на влажный морской лед, нарочно ходил с раскрытой грудью, чтобы показать своему единственному зрителю, что не страшится мороза. Добром это не могло кончиться. И вот теперь он лежит на санях. Впереди сотни миль пути, кругом неведомые просторы замерзшего океана. Не видно ни паруса, ни дымка из паровой трубы и никаких следов, если не считать отпечатков собственных ног на снегу. По ночам в небе над ними золотыми монетами мерцали бледные звезды.

Сказал ли сразу руководитель Ялмару, отводя глаза в сторону: «Забирай собак и уходи»? Если и сказал, то у обоих достало такта сделать вид, что ничего не было сказано. Совершенно ясно, однако, что теперь власть переходит к Ялмару. Он снимает с одних саней то, что осталось от начального груза, и переносит на другие. На освободившихся санях делает высокую постель из грязной одежды и мокрых шкур; под голову руководителю кладет его пимы. И трогается в путь вместе с собаками. Они продвигаются медленно. Ялмар может тянуть лишь одни сани за раз. Протопав сотню метров, возвращается за вторыми. Лежащий на них спит или делает вид, что спит. Лицо его исчерчено глубокими бороздами, будто прорезанными ножом. На темном фоне ярко выделяются белые губы. Оба все больше помалкивают.

Но вот, когда Ялмар в очередной раз возвращается за санями, на которых лежит руководитель, тот отдает распоряжение:

— Я остаюсь, ты иди.

Впервые Ялмар отказывается повиноваться, хотя сам еле держится на ногах.

Идут часы. За облаками медленно парит тусклый солнечный диск. Резво махая крыльями, над ними изредка пролетают морские птицы. Может быть, они из любопытства меняют свой курс, чтобы взглянуть на маленький отряд — собак и людей. Судя по тому, что птиц становится больше, где-то недалеко должна быть земля. Они должны дойти до этой земли, чтобы выжить. Там будет шанс встретить промысловиков. Они не знают, в какой она стороне — на западе или на востоке. Часы стоят, и нет никакой возможности произвести точную обсервацию.

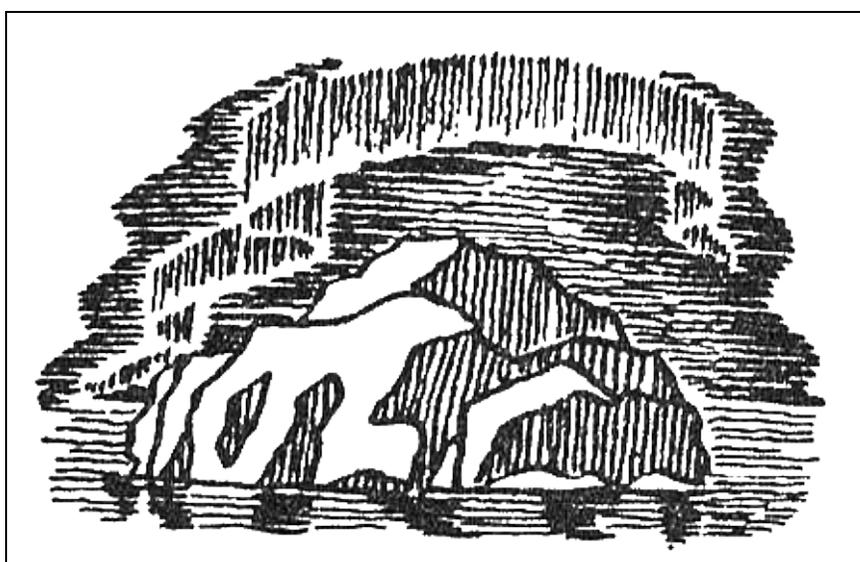
Дни идут, перемежаясь светлыми ночами. Ялмар привычно топает по снегу — мокрый от пота изнутри и от снега снаружи. Он плюет кровью, стало быть, она еще струится во всех частях его тела. Он бредет через светлую летнюю ночь с серыми льдами вдоль горизонта, идет и идет, пока не сваливается от усталости. Когда же возвращается за вторыми санями, происходит чудо. Руководитель скатывается с саней на снег, кривясь и ревя, точно раненый медведь. Стоя на коленях, упирается руками в ледяной бугор и блюет. Потом вдруг резко выпрямляется и рывком встает на ноги.

— Я живой! — говорит он Ялмару.

— Зато я еле жив, — отвечает тот.

Хватает одну из собак и заходит за торос; нож при нем. Он закалывает собаку, собирает кровь в кружку и делит мясо с последним псом. Кровь они смешивают с остатками овсяной муки и пекут «блины» на ужин.

До чего же вкусно! Руководитель проводит ночь сидя, чтобы спина не заболела снова.

Ялмар сидел на льду недалеко от разводья, латая пострадавшую от огня палатку. Сидел без шапки; свой финский нож воткнул в снег рядом с собой. Что-то заставило его обернуться — и в четырех метрах от себя он увидел голову огромного белого медведя, который смотрел на него, лежа на снегу. Ялмар вскочил, чтобы схватить ружье, но сразу вспомнил, что оставил его на бугорке поодаль. В ту же секунду медведь, оскалив огромную пасть и злобно рыча, бросился вперед. Ялмар метнулся в сторону, поскользнулся и больно ушиб колено о твердый лед; хорошо еще, головой не ударился. У него потемнело в глазах, а когда он опомнился, то обнаружил, что лежит между передними лапами медведя. Прямо над ним нависла брызжущая слюной разинутая пасть с красным языком и желтоватыми клыками. Промахнувшись в первом броске, зверь поднял могучую лапищу, чтобы прикончить жертву. Ялмар рывком подался назад и железной хваткой стиснул глотку медведя своими обмороженными пальцами. Зверь снова промахнулся: должно быть, не рассчитал расстояние. Под нажимом пальцев Ялмара из медвежьей глотки вырвался свирепый хрип. Затем Ялмар как-будто услышал крик — то ли это человек кричал, то ли медведь рявкнул, борясь с удушьем... Ялмар все еще лежал между передними лапами зверя, который запросто мог раздавить его. Снова крик — точно, крик, со стороны разводья. Это руководитель увидел, что происходит. Он стоял у воды, около пришвартованного ко льду каяка. Его ружье лежало в лодке, надежно укрытое на носу от соленых брызг — не сразу достанешь. Прыгнуть в лодку, протиснуться под санями вперед за прикладом, по дороге схватить патроны... Он оступился, и одна нога выше колена ушла в ледяную воду. Его глаза были устремлены туда, где огромный медведь наклонился над маленьким человеком в черном, который изо всех сил стискивал горло зверя. Подскочила собака, тощая, но бесстрашная, несказанно обрадованная случаем принять участие в такой увлекательной охоте. Медведь отбросил ее могучим взмахом лапы. Неистово лая, она снова пошла в атаку, теперь сзади. Пришлось медведю развернуться, чтобы дать ей хорошего шлепка. Удар пришелся по ребрам пса, и он с иступленным воем покатился кувырком к разводью. Ялмар не замедлил воспользоваться представившимся шансом. Выпустив горло зверя, он вскочил на ноги и отпрянул, нашел взглядом торчащую из снега рукоятку ножа. Пока будешь нагибаться за ним, медведь успеет ударить... Горящие злобой желтые глаза зверя были устремлены на него, в хищной пасти кипела пена. Ялмар крикнул руководителю:

— Поторапливайся, слышишь, не то будет поздно!

Руководитель возился с ружьем. Патроны были уже в кармане, но он никак не мог нащупать нужный. Сорвавшись с места, он бросился к Ялмару и медведю, которые сошлись в решающей схватке. Медведь навалился на Ялмара и сбил его с ног. Грянул выстрел. Картечь попала прямо в ухо зверя. Новый выстрел, и он упал замертво. Тут же они увидели еще двух зверей, двух годовалых медвежат, и Ялмар сходил за своим ружьем. Звереныши с любопытством выглядывали из-за тороса. Путешественники подстрелили их. Ялмар сказал:

— Молодое мясо лучше старого.

Они вдоволь поели медвежатины, а из трех шкур вышла хорошая подстилка. Теперь им ночью было тепло в спальном мешке.

Они продолжали идти на юг.

Это было невыразимо трудное странствие. Сани опрокидывались всякий раз, когда они огибали высоченные торосы; лодки текли, когда надо было пересекать разводья. Они знали: единственный шанс попасть домой этим летом — использовать и морозные светлые ночи над полярным океаном, чтобы добраться до земли, пока там еще можно застать зверобоев. Идя на крайний риск, они снова проверили поклажу и выбросили все, что не было им крайне необходимо. Даже от медицинских инструментов избавились, уповая на то, что они им никогда не понадобятся.

И вот однажды Ялмар объявил, что видит землю. Руководитель тотчас возразил, что он ошибается; как же так — сделано важное открытие, которое должно было принадлежать ему... Взяв маленький бинокль, висевший у него на ремешке на шее, он поднес его к глазам. И понял, что его сбilo с толку большое светлое облако на юге — на самом деле вовсе не облако, а крутой горный склон.

Ялмар радостно закричал:

— Дня за два дойдем!

Он ошибся. У них ушло на это две недели.

Яркий свет, когда солнце прорывалось из-за туч, скрадывал расстояния, приближая дали. К тому же за горой, на которую они смотрели, не высились другие горы, не с чем сравнить.

Путь был тяжелейший. Разводья полны ледяной каши. Кругом вздыбленные сжатием торосы. Опасности подстерегали их на каждом шагу. К тому же снова стало туго с провиантом. Тюлени явно предпочитали места с более прочным льдом. И только на суше могли они

рассчитывать выйти на медведей.

Им было ясно: речь идет о жизни и смерти. И когда голод стал подтачивать преграждающий путь пессимизму инстинкт самосохранения, в душу начала закрадываться мрачная мысль: «Ну, дойдем мы до земли, а что толку, если не встретим зверобоев? Может быть, нас будут разделять сотни миль. Или ляжет туман, и нас за две мили не будет ни видно, ни слышно. Но все равно во что бы то ни стало нам необходимо добраться до земли, пока еще есть патроны».

В конце концов они подошли к огромному прибрежному ледяному барьеру. Стена льда, расписанная струйками воды, вздымалась вертикально вверх. От одного взгляда на нее кружилась голова. Когда отколовшиеся от такой громады льдины сталкиваются между собой, кажется, что схватились в поединке могучие богатыри. Проигравший должен умереть. А то и оба погибают. В своем, чуждом человеку мире.

Три дня и три ночи шли они на веслах, прежде чем, полумертвые от голода, отыскивали место, где можно было высадиться на берег. Мокрые насквозь, они брели по снежной каше, измотанные до такой степени, что сразу погрузились в сон, едва прилегли отдохнуть. От палатки остались одни лоскуты. И кровом им было только белое сияние арктической ночи.

Наконец они просыпаются. Смотрят на берег, где были причалены лодки. Одна из них медленно уплывает. Руководитель вскакивает на ноги, выдергивает из кармана часы, сбрасывает часть уцелевшей верхней одежды и бежит к морю. Температура воды немногим выше нуля, но он с ходу ныряет и плывет саженками. Связанные вместе веревкой каяки не могли развить большую скорость. Один из них, до которого ближе, развернулся поперек течения. Другой удаляется по течению носом вперед, за ним будет сложнее угнаться.

В первый миг у него такое чувство, словно он очутился под ледяными струями водопада. Вынырнув, хватает ртом воздух. Он наделен богатырской силой, прекрасно плавает на груди и на спине. Тем не менее с трудом поспекает за лодкой. Но главная помеха — холод. Он ложится на спину, сберегая силы. Видит на берегу Ялмара, бегающего взад-вперед по льду. Ялмару остается только ждать, и он обращается к богу с немой молитвой. Единственной, какая сейчас приходит в голову. Если у всевышнего есть хоть капля совести, пусть поможет руководителю выдюжить.

А у руководителя коченеют мышцы. Похоже, расстояние между ним и лодкой сокращается. Это придает ему бодрости. Хорошо еще, что ближе тот каяк, в котором лежит большая часть снаряжения.

Ялмар вне себя от тревоги. Он мечется по берегу в одних только кальсонах с дырами на коленях. Штаны снял и засунул под рубашку, чтобы отдать руководителю, если тот сумеет выплыть. Наконец руководитель поровнялся с ближайшей лодкой. Но самое трудное, пожалуй, еще впереди. Надо окоченевшими пальцами ухватиться за верхний край борта и подтянуться, толкаясь при этом левой ногой, чтобы правую занести в лодку. После чего найти в левой руке силы, чтобы, опираясь локтем на борт, выдержать из воды все тело.

Не получается. Первая попытка неудачна. Он ждет, собираясь с силами, а ведь с каждой секундой из тела уходят остатки тепла. Он весь закоченел. Сделав глубокий вдох, опускает обратно правую и толкается уже двумя ногами. Есть, получилось. Навалившись на борт, переводит дух; с одежды стекает в море ледяная вода. Нащупывает весла, садится и энергично гребет. Да нет, какая там энергия... Брюки на коленях уже задубели, быть новым болячкам. Голова плохо соображает, и лодка, подчиняясь веслам, удаляется от берега. Однако тут до него доносятся испуганные крики Ялмара. Он собирается с мыслями, ловит вторую лодку, проверяет, не залила ли вода скудные остатки снаряжения. Гребет к берегу.

Дальше происходит нечто такое, что позволяет увидеть в нем железного сверхчеловека.

Впрочем, железо это живое, подвижное. В воздухе над каяком проносятся две птицы. Он хватается ружье и стреляет в первую. Попадает, целится во вторую. Едва не промахивается, однако несколько дробинок все же поразили цель, потому что плавно махавшие крылья складываются и птица косо падает в море. Он подбирает первую жертву, но со второй приходится повозиться. Идет единоборство между раненой птицей и вышедшим из ледяной купели человеком. Птица тяжело взлетает на метр-другой, однако тут же падает обратно на воду. А каяки, обычно так легко скользящие по волнам, вдруг становятся неуклюжими, когда надо их повернуть, чтобы догнать птицу. Наконец он ловит ее, сам чуть живой.

Руководитель добирается до берега. Тем временем Ялмар успел разжечь примус. Стуча зубами, не в силах вымолвить ни слова, руководитель глотает чашку обжигающего бульона; у них еще оставалось несколько кубиков. С помощью Ялмара он сбрасывает с себя одежду. Надевает подсушенные Ялмаром штаны и его запасную рубашку, рваную и заскорузлую от жира. Залезает в спальный мешок и выпивает еще чашку бульона, закусывая сырым тюленьим жиром, после чего сердце и легкие постепенно приходят в норму.

Ялмар ходит в одних кальсонах, готовя праздничный ужин из двух птиц, которые безмятежно летели над безбрежным ледовым простором, не подозревая о подстерегавшей их опасности.

Руководитель проспал двенадцать часов подряд. Когда поднялся, услышал голос Ялмара: — Я видел следы медведя поблизости.

Они продолжали движение на юг. По-прежнему разводья были заполнены ледяной кашей — на хрупких каяках не пробьешься. Пришлось тащить сани вдоль берега, под нависающими сверху крутыми скалами. То и дело с гор срывались небольшие лавины. Нагрузка на мышцы была огромная, и когда руководителя снова свалил прострел, Ялмар не выдержал напряжения. Два дня он вез на себе больного и оставшееся снаряжение, потом и его силам пришел конец. Жизнь путешественников висела на волоске. Тогда руководитель, взревев от боли, скатился с саней, невероятным усилием воткнул их торчком в снег и стал подниматься, держась за сани, пока не выпрямился в полный рост.

— Все, отпустило, — заверил он Ялмара.

Он продержался еще два часа, пока они не нашли бухточку, где скалы нависали не так круто и за большими камнями нашлась укрытая от северного ветра хорошая площадка для стоянки.

Они разбили лагерь и вечером всесторонне обсудили положение. И хотя руководитель отлично знал, что решать придется ему, он, подчиняясь и тут голосу разума, внимательно выслушал мнение Ялмара. Суть вопроса заключалась в том, что, если в ближайшие дни они не встретят промысловиков, придется зимовать здесь, в высоких широтах. Физически они выдержат, но как насчет психики? Лишь очень волевые люди способны вынести долгую зимовку в каменной лачуге, когда месяцами царит полярная ночь и кругом на тысячи километров простирается безлюдная пустыня. И еще одно, решающее обстоятельство. Возможно, у них останется сил, может быть, хватит воли и мужества, чтобы выжить, но как с патронами? Без них смерти не миновать.

И они согласились, что надо пройти еще хоть несколько миль на юг. Заодно им стало понятно, почему на обратном пути получались такие короткие переходы. С горы отчетливо было видно, что льды дрейфуют на север. Будь это так, когда они сами шли на север, возможно, достигли бы полюса? Удача не сопутствовала им. Руководитель и его верный спутник пошли против стихий — и проиграли.

В эти дни полярное лето с его суровыми проблесками солнца отступало под натиском осени. Скоро опять нагрянет зима... Впервые за все странствие они начали корить друг друга за те или иные действия. Хотя оба понимали, что это никуда не годится. Надо во всем быть заодно, вместе трудиться, потеть, мерзнуть, чтобы сохранить хоть какой-то шанс на выживание.

Каждый патрон был у них на счету; все же удалось подстрелить несколько медведей. Прибитое волнами к берегу сосновое бревно, которое, наверно, проделало немалый путь от лесов Сибири, легло коньком в сооруженной ими каменной хижине. Высота потолка позволяла выпрямиться в рост — но только одному зараз, второму уже не хватало места.

Лучшими днями зимовки были те, когда они попросту отсыпались. Однажды проспали двадцать два часа подряд. Их выручала медвежатина. Оба прибавили в весе, отяжелели, мышцы без нагрузки стали вялыми. Они с содроганием думали о весне, когда придет пора сниматься с места и снова брести, выбиваясь из сил, по мокрому снегу, плыть по разводьям, забитым салом.

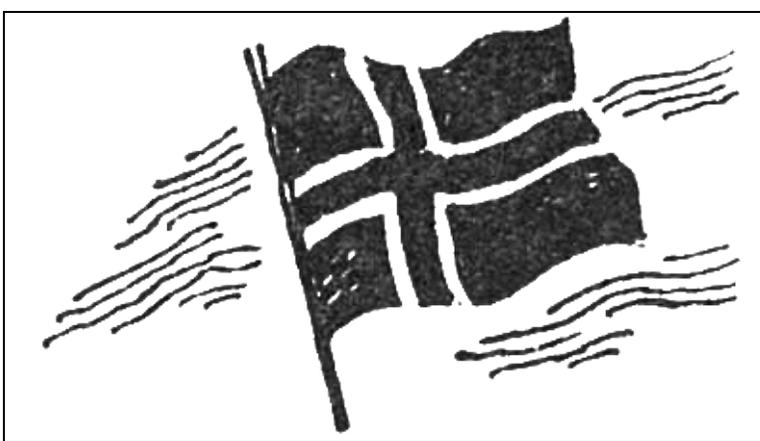
Они не знали, на каком острове находятся.

Может быть, это Земля Франца-Иосифа? И если так, то какая оконечность — северная или южная? Вправе ли они рассчитывать на то, что промысловые суда заходят так далеко?

Пришла весна, и с оставшейся горсткой патронов они двинулись дальше на юг. Последний шанс...

Однажды, когда они, валясь с ног от усталости, присели отдохнуть на голом клочке земли ниже ледника, совсем рядом сошла мощная лавина. Сошла так стремительно, что они едва успели отбежать в сторону, волоча за собой один каяк. Второй накрыло массой снега, и больше они его не видели. Тот самый, в котором лежали патроны. У них еще оставалось несколько кусков медвежатины. Дней на восемь должно было хватить; если потуже затянуть ремни — на две недели. Дальше — голод.

В тот вечер руководитель попросил оставить его одного. Кругом простиралась безбрежная ледовая пустыня; казалось бы, одиночества не занимать. Но Ялмар послушался, спустился к воде и сел в уцелевшую лодку спиной к руководителю. Теперь оба могли спокойно поразмыслить.

Руководитель сказал себе, что вот и встретились они лицом к лицу с той опасностью, вероятность которой он учитывал с самого начала. «Я считался с возможностью нашей гибели. Один из нас еще может на что-то рассчитывать. Много говорит за то, что за этой грядой, которая высится перед нами, — открытое море. Там один из нас может сесть в лодку и попытаться дойти на веслах до Шпицбергена. Он выдержит, если возьмет все оставшееся мясо. Пусть Ялмар сделает такую попытку. Если доберется до людей, сможет рассказать, что мы прошли на север так далеко, как никто до нас еще не заходил. Мы видели простирившиеся к полюсу льды и можем засвидетельствовать, что в той стороне нет никакой земли. Тем самым наш поход оправдан с научной точки зрения. Я останусь здесь. Может быть, еще удастся ловить руками рыбу, как я с успехом делал это в прошлом. Или поймаю тюлененка и заколю его ножом. Какие-то шансы у меня еще есть... Если Ялмар встретит зверобойную шхуну, направит ее сюда. Завтра утром вручу ему письменный приказ».

Ялмар сказал себе: «Ему идти... Возможно, я сильнее его, но он мозговитый и такой уравновешенный, он доберется до людей. Я должен остаться здесь. Он ни за что не согласится с таким планом. Значит, надо взять нож и вскрыть себе вену. Тогда он останется один и сможет добраться до людей.

Но с этим можно подождать до завтра».

Когда наступило завтра, они волоком потащили каяк через гряду. Каждый знал, что задумано другим. Сидя на самом гребне, где открывался вид на обе стороны, они услышали лай. Руководитель живо поднялся и зашагал на звук. Из-за тороса навстречу ему вышел какой-то человек.

Они замахали шапками.

Они обменялись рукопожатиями.

Хау ду ю ду.

Хау ду ю ду.

* * *

Нансен в пожилом возрасте.

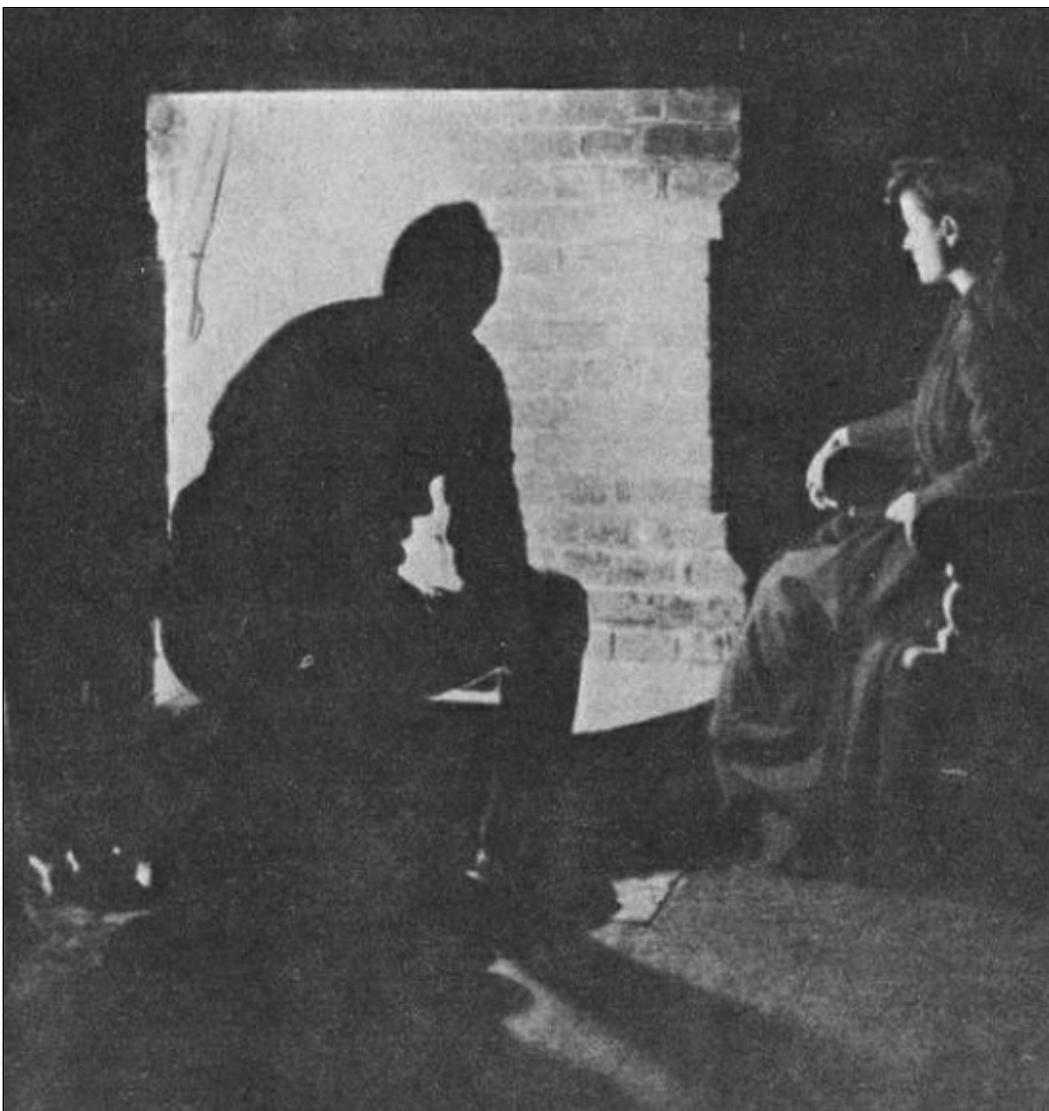
В детские годы. / Нансен-гимназист.

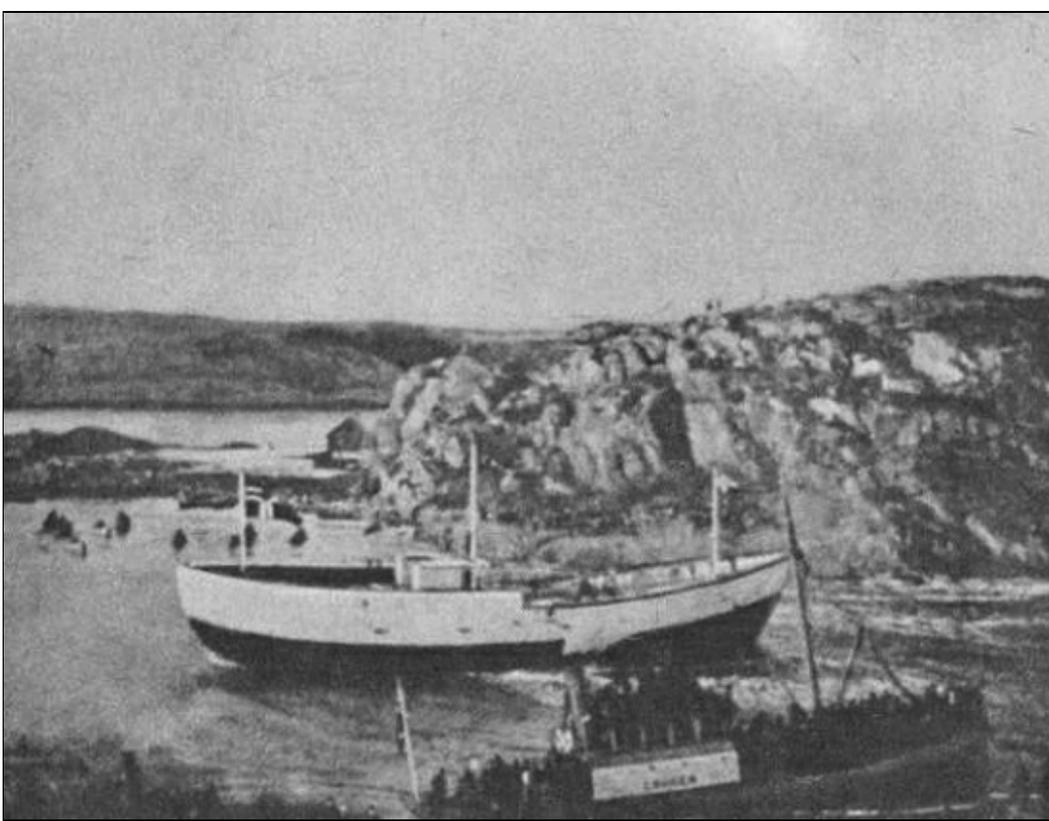
Дои родителей Нансена.

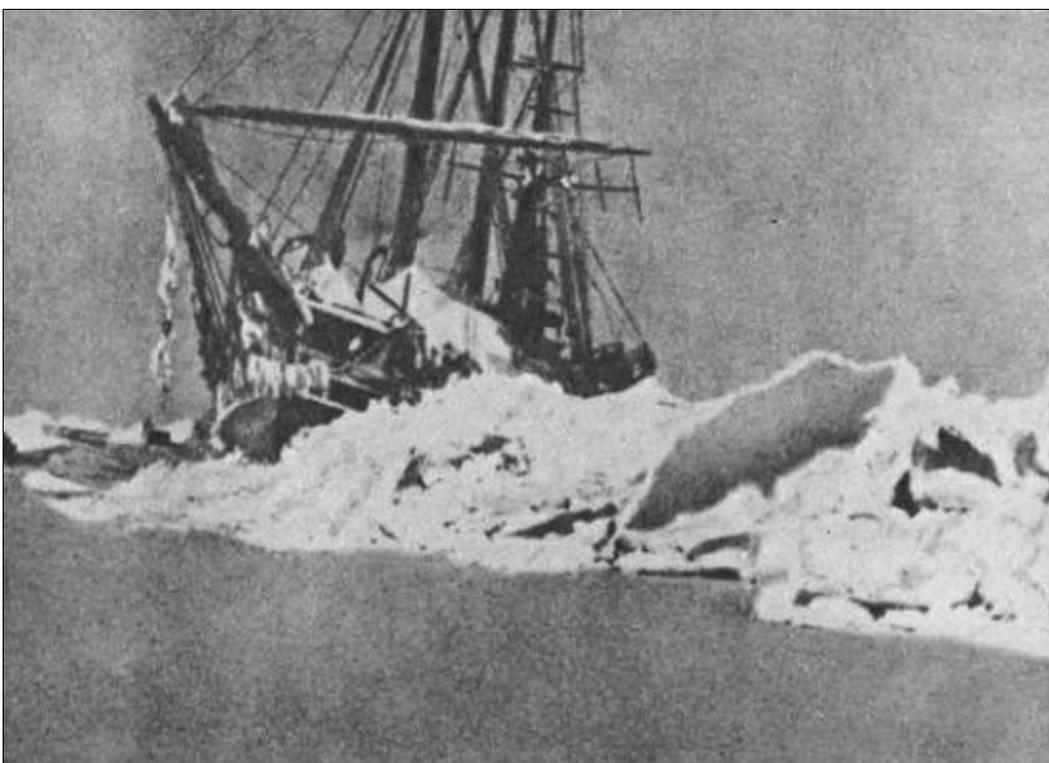
В лаборатории Бергенского музея.

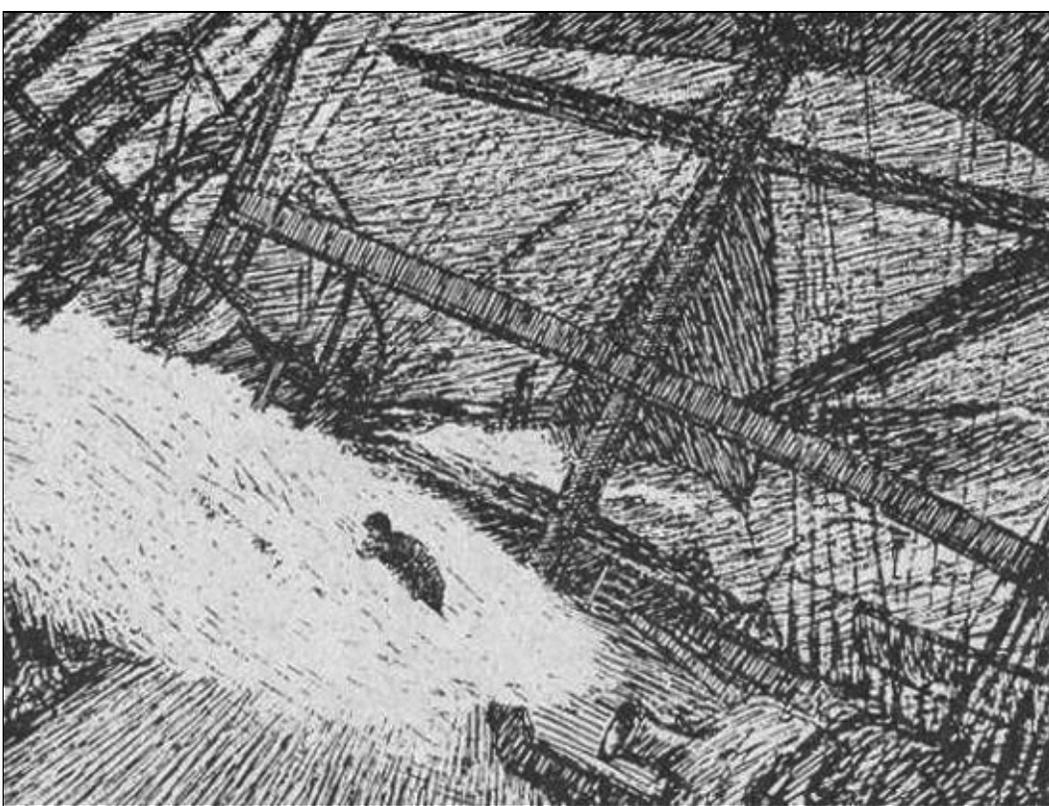
Нансен со своей женой Евой.

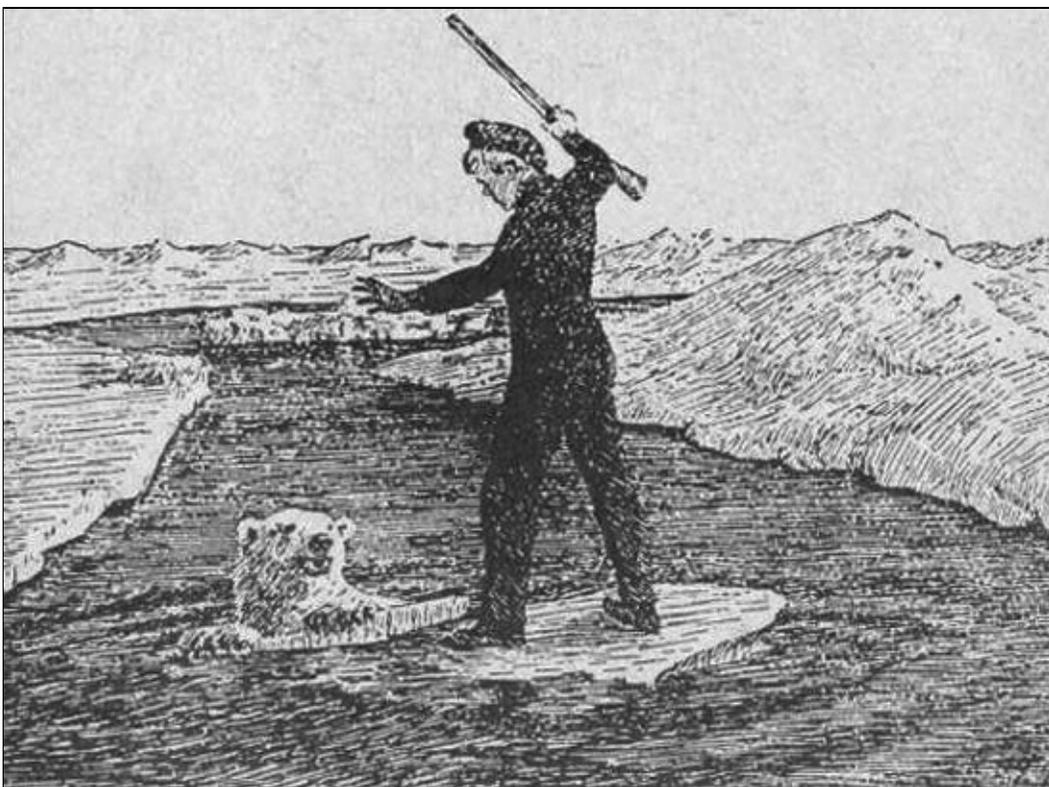
Спуск «Фрама» на воду.

Во льдах.

Волны штурмуют «Фрам». Рисунок Нансена.

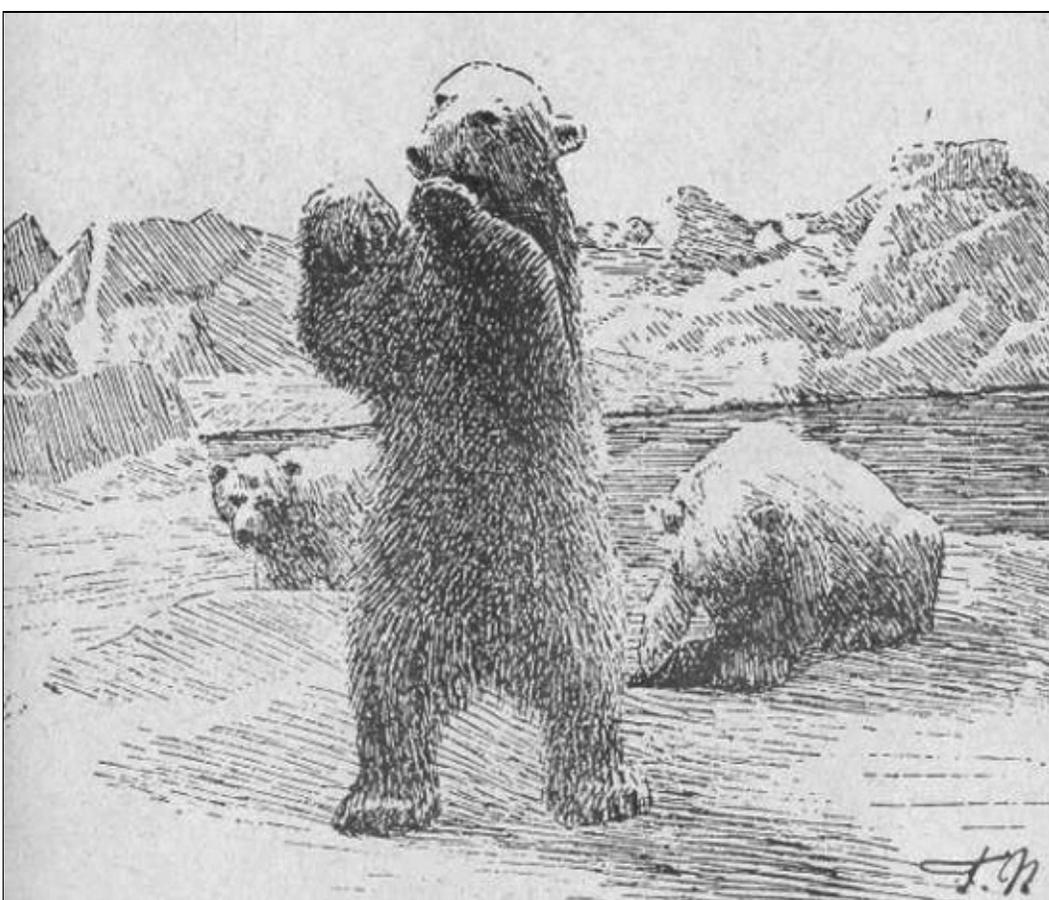
«Трудно прицелиться, стоя на этой льдине». Рисунок Нансена.

Зверь нападет. Рисунок Нансена.

С добычей!

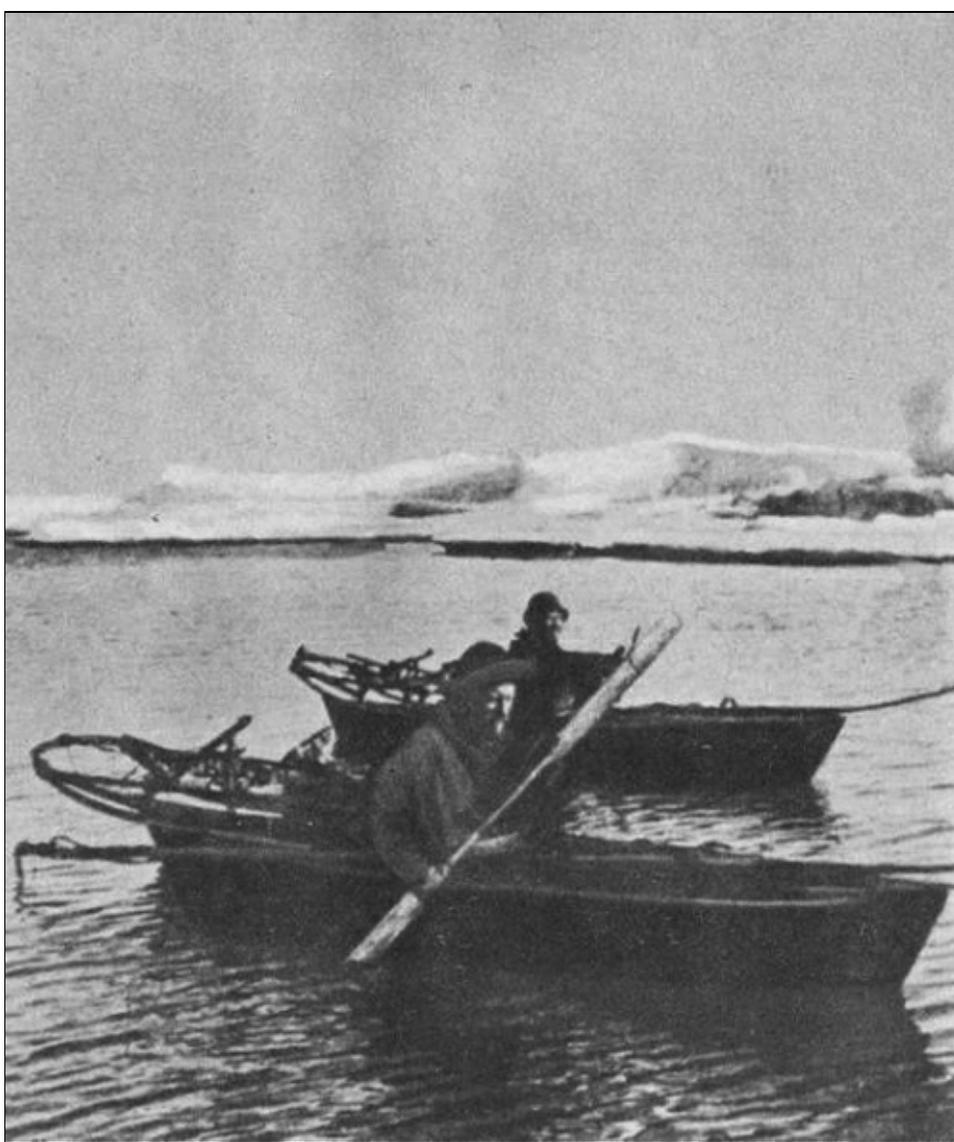
Белые медведи. Рисунок Нансена.

На солнышке.

Нансен перед хижиной Джексона.

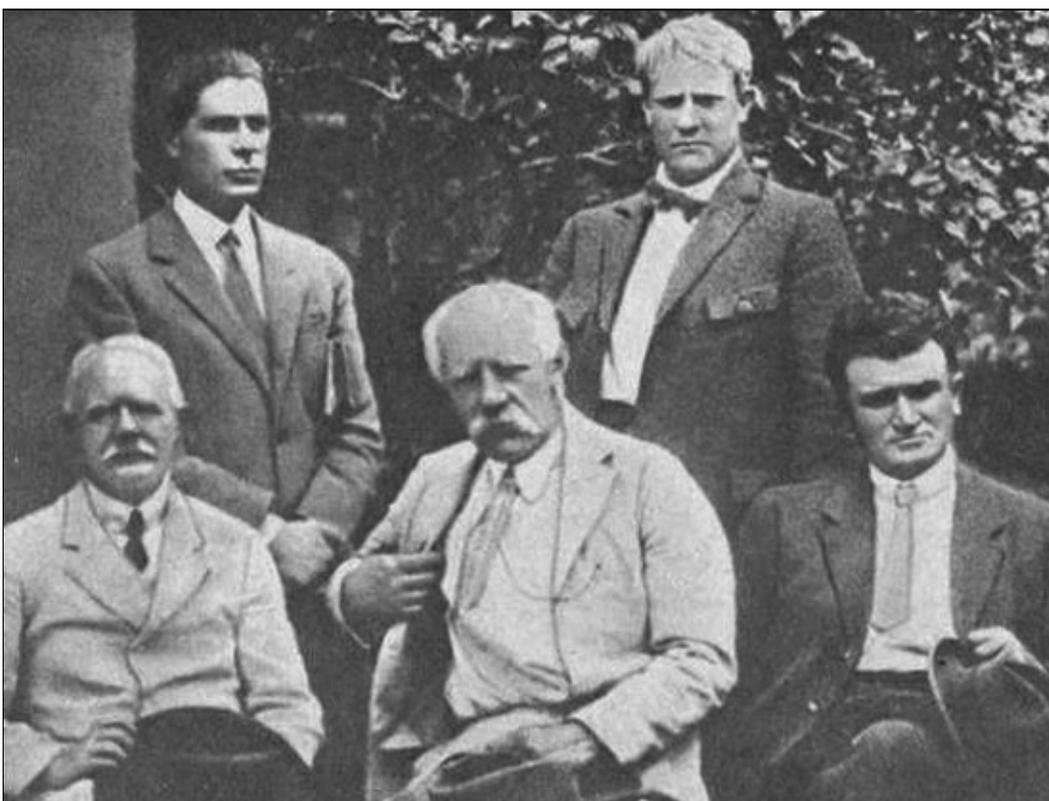
Нансен и Юхансен на каяках.

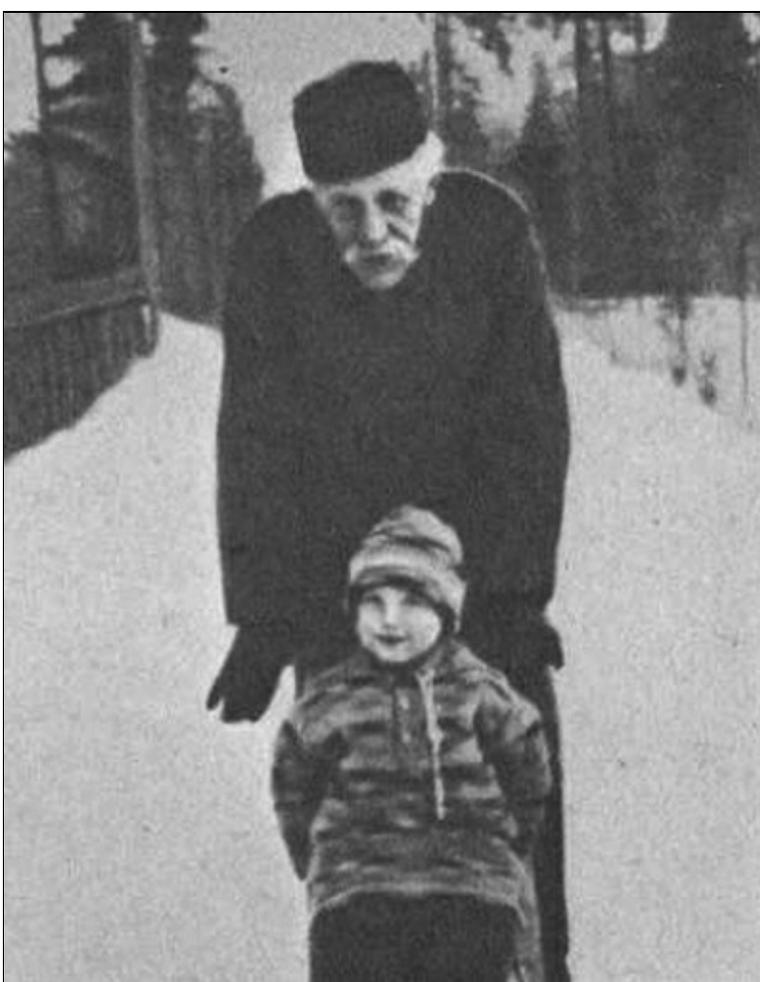
В поисках земли.

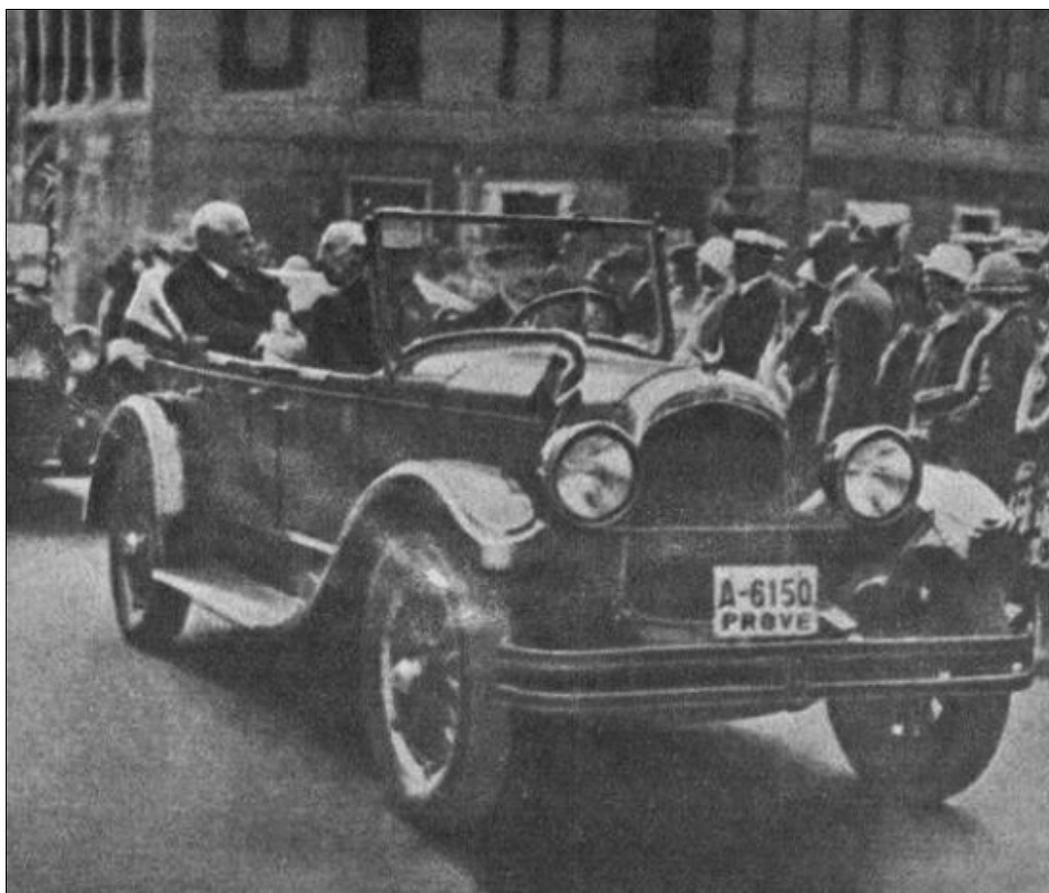
Вперед море.

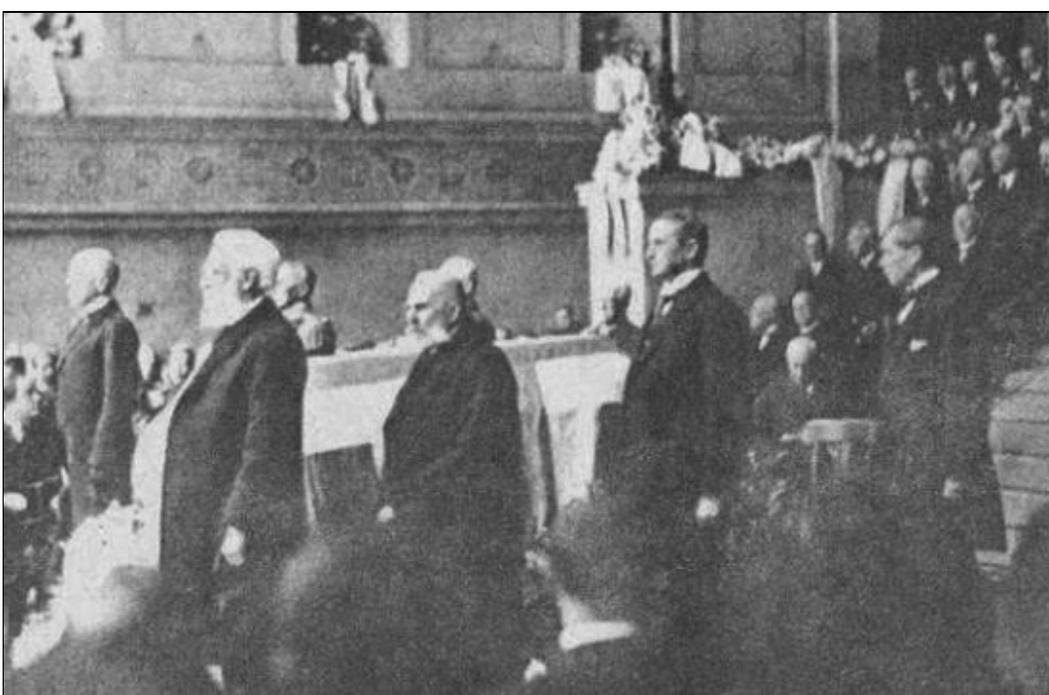
Нансен (в центре) в Армении. 1920 г.

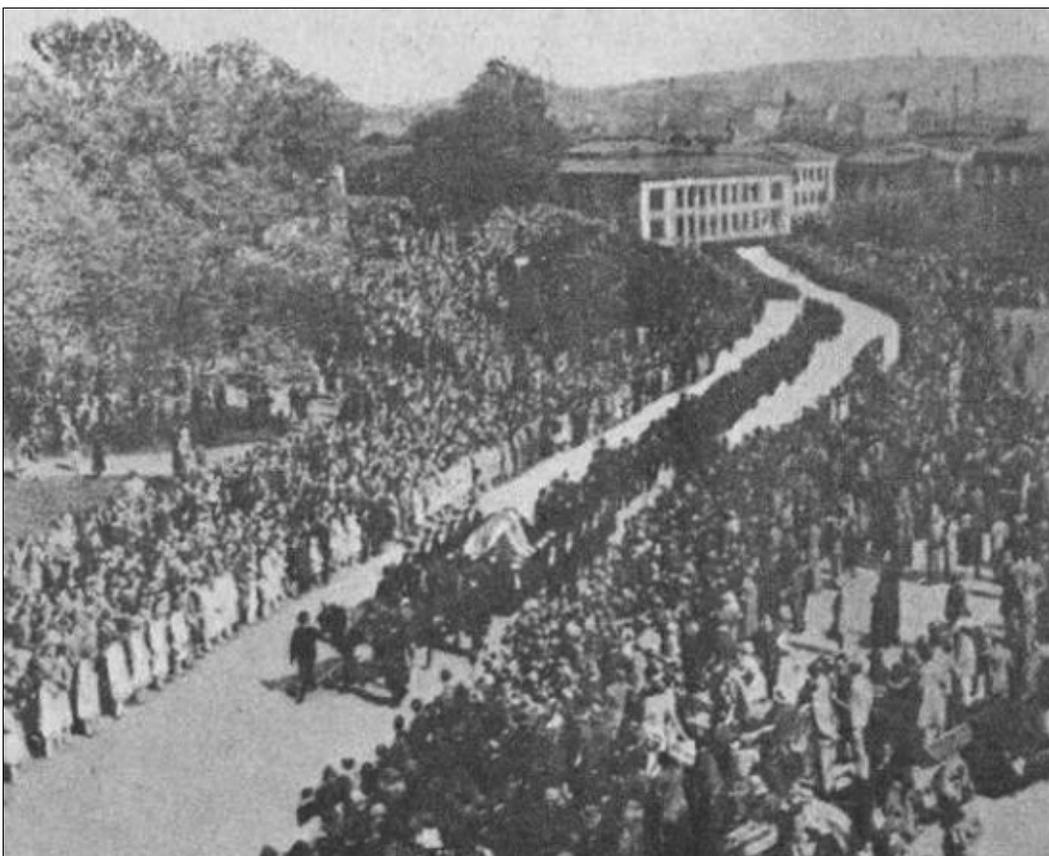
Маленькая Ева с дедушкой.

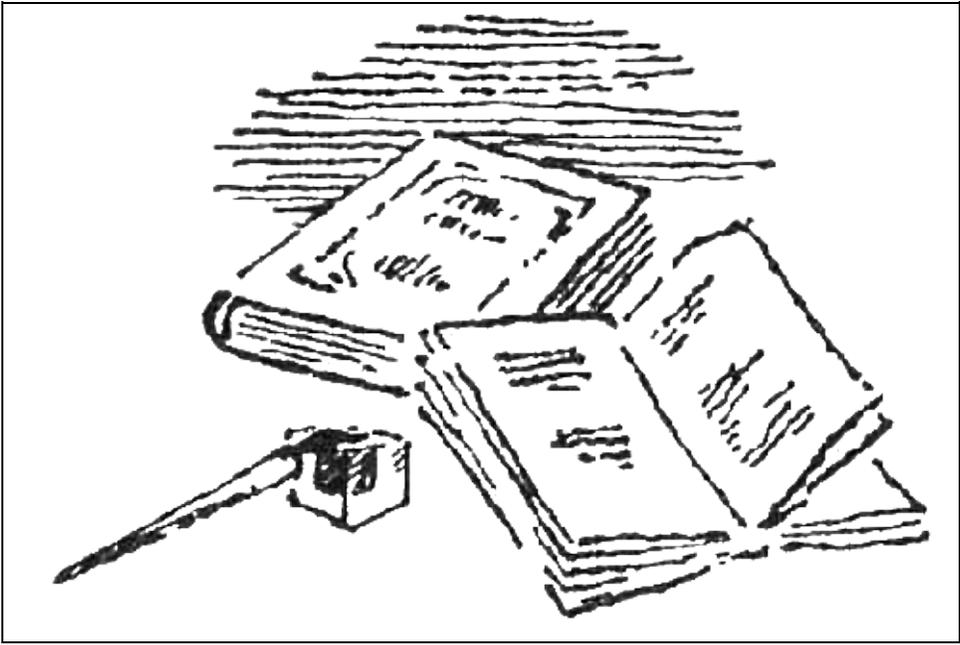
Амундсен и Нансен в 1925 г.

У гроба великого путешественника.

Жители Осло прощаются с Нансеном. 17 мая 1930 г.

Два важных события переживает каждый человек. Не по нашей воле нас бросает в жизнь, и уходим мы из нее навсегда, независимо от того, желаем ли жить вечно. И столько же, сколько существует людей на земле, существует и способов расходовать время, отведенное нам на жизнь.

Большинство живет в упорной борьбе за существование и умирает, не оставив после себя яркого следа — звено в невидимой цепи минувших поколений. Но бывают люди, творящие благо или причиняющие зло значительному числу своих современников. Дух, образ и имена их живут после физического исчезновения этих людей.

Странно, однако, что люди, творящие благо человечеству, исключительно редки. Но именно таким человеком был появившийся на свет 10 октября 1861 г. старший сын Аделаиды и Бальдура Нансенов. Он родился в семье норвежца-адвоката, на старинном живописном хуторе близ столицы страны — Христиании. Ныне родина Нансена лежит в черте города Осло.

Счастливо вошел в жизнь Нансен. Он никогда бесцельно не растрачивал того, что ему даровала природа. Нансен начал сознательную жизнь умственно и физически хорошо подготовленным. С детских лет он обдуманно воспитывал свой дух и тело в твердой решимости добиться завоеваний и побед в грядущей борьбе. В конце своего пути он мог с полным правом сказать, что побеждал без кровопролития и завоевывал не для себя. Он отдавал многое, ничтожно мало получая взамен. Вот почему Нансен пережил время, отпущенное ему на жизнь, творя и поныне добро среди нас, живых; вот почему мы не забыли его.

Семья Нансенов была образованной и культурной. Видные граждане столицы, крупные ученые, писатели и художники постоянно посещали дом родителей Фридтьофа. Отец его был невысоким шуплым человеком. Ни физически, ни духовно он не выделялся. Был неизменно вежлив, педантичен, заботлив и несколько ограничен. Он казался безропотным и замкнутым. Его убеждения вполне укладывались в рамки юриспруденции и библии. Напротив, мать обладала сильным умом, была энергична и деятельна. Она имела самостоятельные суждения, отвергала предрассудки, критически относилась к авторитетам и условностям этикета. Она любила природу и увлекалась спортом, шокируя обывателей неженским занятием — лыжными прогулками в лесу Осло.

Юноша унаследовал черты характера обоих родителей. От отца он воспринял научную методичность и точность в работе, правдолюбие, высокое чувство долга и часто охватывающее его ощущение крайнего одиночества. От матери к нему перешли энергия и воля, любовь к природе, презрение к предрассудкам, условностям и снобизму. Лишь в одном сошлись характеры родителей — они любили простую и скромную жизнь и воспитывали детей почти в спартанском духе, приучая их к бережливости, — черта, которую Нансен высоко ценил в зрелые годы.

У мальчика помимо семьи был и другой могучий воспитатель. Великолепный норвежский бор с его холмами и горами начинался у ворот дома. Летом — прогулки пешком, зимой — лыжи, и как развлечение, и как занятие. Сейчас лыжный спорт является национальным видом спорта в Норвегии, но в прошлом столетии дело обстояло иначе — горожане чуждались обширного леса Осло. Лишь редкие посетители проникали в чащу для наблюдений за природой; они-то, вероятно, и становились исследователями и учеными. Природа — подлинный крестный юного Фридтьофа. Природа, а не человек — его самый большой учитель, могучий творец его поразительной личности. И лучше всех понимал это сам Нансен, который писал: «В чаще, в уединении леса, откуда открывается вид на высокую гору, в вересковой пустоши, вдали от

беспорядочного гула — вот где формируется личность». И в другом месте: «Из пустоши, из уединения, из величавой и безыскусственной природы всегда приходят новые люди».

Подростком Нансен один или с младшим братом Александром отправлялся в лес с удочкой для форели, а позднее — с дробовиком для охоты на дичь и зайцев. Имея при себе немного хлеба и спички, он мог целыми днями находиться в лесу, а случалось, оставался в чаще недели. Он жарил на углях форель и проводил ночи под мерцающими звездами или довольствовался первобытным убежищем под деревом. Он стремился бороться за жизнь собственными силами. Преодолевать препятствия, воздвигнутые природой, природными же средствами, без чьей-либо помощи — вот что давало ему веру в себя и огромное удовлетворение. Когда Нансен путешествовал или совершал восхождения, плавал и боролся, его сердце билось бодрее и веселее. Он вдыхал аромат нагретых солнцем сосен, запахи вереска и мха, они наполняли его легкие. Его глаза разбегались при виде бесконечно менявшейся красоты природы, неисчислимых сочетаний цвета и совершенной формы. Он сливался с природой, был Питером Пенем, северным Робинзоном Крузо.

Когда кончилась юность Нансена, он в совершенстве знал лес Осло. Теперь его влекли к себе величественные контуры горных цепей и высокогорные плато Ютунхейм и Рондане, самые глухие и безлюдные области страны. В природе он познал истину, смог ощутить цельность и вечность мира. В лесной глуши он чувствовал себя свободным, душа его смягчалась, — он был самим собой. Позднее, когда Нансена томило одиночество, он искал покоя в уединении лесов и гор, здесь он находил уют и чувствовал себя дома. Он писал в своем дневнике: «Мой дом — там, где природа величава и спокойна, куда не доносится гул ярмарочной площади».

Так Нансен обрел себя.

В то время, когда ему предстояло выбрать факультет университета, молодой человек имел разносторонние интересы. Временами он мечтал стать художником. Его отличные рисунки пером, позднее иллюстрировавшие отчеты об экспедициях, а также свидетельства его преподавателя говорят о том, что Нансен и на этом поприще мог бы добиться многого. Одинаково глубоко он интересовался физикой и химией, геологией и астрономией, математикой, историей и философией. Избрал он зоологию, ибо знал, что именно эта наука позволит ему лучше всего совместить любовь к природе с жизнью под открытым небом.

Студентом Нансен по совету своего профессора Коллета решил отправиться на промысловом судне-тюленебойце в Северный Ледовитый океан для изучения фауны Арктики. В 1882 г. двадцатилетний Нансен на судне «Викинг» отправился в свое первое плавание в арктические воды.

Нансен был потрясен безбрежными просторами Арктики, мощью и суровостью ее ландшафтов, великолепной игрой красок — отблеском неба на снежных полях и темных водах. Он испытывал удовлетворение и гордость от сознания собственного бесстрашия, видя, как многие, попав в Арктику, находятся во власти страха, угнетены, совершенно беспомощны в бескрайних пустынях, где мгновенно стираются и исчезают следы человека. Нансен писал в своем дневнике, что лишь тот, кто ищет покоя, вечности и свободы, обретет здесь то, что искал. Беспредельная Арктика стала для взрослого Нансена тем, чем были для мальчика леса и горы родины.

Среди охотников на тюленей Нансен отличился как прекрасный стрелок. Он прерывал научные исследования для опасной охоты на белого медведя. Часто приходилось и плавать в ледяной воде. В конце июня «Викинг» был затерт дрейфующим льдом у восточного побережья Гренландии. 24 дня суденышко беспомощно дрейфовало во льдах, и молодой Нансен мог беспрепятственно заниматься наблюдениями. Они имели большое значение для его будущего.

Были видны мерцающие глетчеры и зубчатые пики Гренландии, но подвижные льды

держали судно, не подпуская его к берегу. Нансен убедился в том, что неизученную часть этой огромной terra incognita можно исследовать путем дрейфа во льдах. Заинтересовался он также появлением органического ила, обнаруженного им на плавучих айсбергах.

Наконец «Викинг» вырвался из железных объятий льда и Нансен возвратился в Норвегию. По рекомендации профессора Коллета он получил место хранителя зоологического отдела в Бергенском музее, еще не сдав экзаменов. Бергенские ученые, обладавшие широтой взглядов, свободные от предрассудков, произвели большое впечатление на молодого человека. Здесь был доктор Армауэр Ханссен — ревностный последователь Дарвина, открывший возбудитель проказы — лепрозную палочку. Он познакомил Нансена с учением Дарвина о происхождении видов, и эта теория была полностью принята молодым натуралистом и философом, тесно связанным с жизнью природы — фауны и флоры. Теперь авторитет отцовских религиозных убеждений пал. Верой Нансена стали вселенная и вечная природа.

Пять лет Нансен был занят биологическими исследованиями в Бергенском музее, где он опубликовал ряд научных работ. Он отказался от предложений работать зоологом в Англии и Америке, предпочитая сохранить независимость. После трехлетнего напряженного труда он представил свою первую работу по биологии «К анатомии и гистологии мизостомид» — весьма серьезное исследование, в корне менявшее представления об этих крохотных, едва видных глазу многощетинковых червях. Он изучал моллюсков, ракообразных, низших морских позвоночных. Главное внимание Нансен уделял исследованию центральной нервной системы, изучая в ней, как он говорил, происхождение мысли.

Двадцатипятилетний Нансен закончил труд о нервной системе асцидий и *Muxine glutinosa* (т. е. класса панцирных моллюсков) и слизистого угря — *Marsipobranchii*. Эта работа позднее воплотилась в докторскую диссертацию «Строение и связь гистологических элементов нервной системы». Защита диссертации вызвала оживленные дебаты, а позднее труд Нансена получил признание как первый вклад в эту область науки. Впоследствии Нансен совместно с профессором Гульдбергом опубликовал труд «О развитии и строении кита».

Нансен погрузился в исследования по зоологии с сосредоточенностью, характерной для всех его занятий. Когда он днями просиживал в Бергене за микроскопом, отец, сам большой домосед, вынужден бывал писать ему, чтобы он не губил свое здоровье столь долгим пребыванием взаперти. С другой стороны, в трехмесячной научной командировке на биологической станции в Неаполе Нансен был, по свидетельству итальянских коллег, самым жизнерадостным человеком в коллективе. Светловолосый гигант-северянин мог отдаваться развлечениям, веселиться и танцевать всю ночь напролет. Он ревностно занимался всем, за что брался.

В период научных занятий в Бергене Нансен однажды услышал о предстоящих лыжных соревнованиях в Христиании, отделенной от Бергена тремястами километров горного ландшафта. Железная дорога еще не была построена, и Нансен двинулся напрямик через горы на лыжах, принял участие в соревнованиях, добился награды и на лыжах же вернулся в Берген, где вновь погрузился в научные изыскания. Он приобрел репутацию лучшего лыжника столицы. В 1881 г. им была получена вторая награда на национальных соревнованиях конькобежцев, и его результат был превзойден только будущим чемпионом мира. Вместе с тем Нансен был решительным противником начинавшихся тогда состязаний и рекордов, порождавших бездумных мускульных роботов и акробатов. По мнению Нансена, идея спорта — выковыривать характер и волю, переносить людей на лоно природы.

Приблизительно в это время Нансен сшил себе своеобразный спортивный костюм и головной убор. Практичный, но непривычный с виду, этот наряд вызывал насмешки и критику. Но молодого Нансена, волевого и независимого, не тревожило то, что говорят о нем другие.

В 1884 г. он отбыл военную службу рядовым, и некоторые из его аристократических знакомых были шокированы, узнав, что он с такой же легкостью сближается с бедняками крестьянами, как и со знатными друзьями. Нансену претил снобизм в любой форме, и он никогда не судил о человеке по его титулу или положению. Истинный натуралист и дитя природы, он всю свою жизнь ценил в людях характер и качества, а не их социальное положение. Деньги для него всегда были средством и никогда не являлись целью. Иметь скромные желания, считал Нансен, гораздо выгоднее, чем много зарабатывать.

Через четыре дня после защиты докторской диссертации Нансен отправляется в путешествие, которое принесло ему мировую славу. Он мечтал о Гренландии с тех пор, как увидел в дрейфующих льдах с палубы «Викинга» ее суровые берега.

Вдохновленный и подстрекаемый своим великим современником — шведским путешественником Норденшельдом, двадцатилетний Нансен ринулся в рискованную экспедицию. Замысел его был прост — пересечь Гренландию на лыжах. Этот спорт в те времена был мало известен за пределами Норвегии, а центральная часть Гренландии была совершенно не изучена. Мировые авторитеты высмеивали и критиковали безумный, по их мнению, план, но это не могло повлиять на Нансена.

В то время населен был только западный берег Гренландии, восточный же был совершенно необитаем. Поэтому все предыдущие попытки проникнуть в глубь страны начинались от поселений на западном берегу, чтобы обеспечить возможное возвращение. Но Нансен не искал возможности возвращения. Великий замысел исходил из противоположного расчета: отправиться на лыжах от необитаемого восточного берега и с самого начала сжечь за собой мосты. Населенный западный берег должен был стать теперь целью, и Нансен мог сэкономить тяжелое снаряжение и продовольствие, необходимые для обратного пути при ином маршруте.

Нансену не удалось получить денежную субсидию от правительства, но средства были предоставлены одним датчанином. Большая часть снаряжения была сконструирована самим Нансеном: легкие и прочные нарты для палатки и продовольствия, снегоступы для восхождения на крутой подъем, лыжи специального типа для продвижения по плато и т. д. Для участия в экспедиции были отобраны пять норвежских граждан в возрасте от 24 до 46 лет, все опытные лыжники. Двое из них были лапландцы.

В июле 1888 г. Нансен и пять его товарищей погрузились в две небольшие шлюпки в подвижном льду у восточного берега Гренландии, покинув парусное судно под 65° северной широты. Они почти достигли берега, когда одна из лодок была сжата льдом и основательно повреждена. Пришлось вытащить ее на льдину для ремонта. Погода испортилась, и мелкий лед спрессовался; льдина быстро устремилась на юг, все дальше от земли. Двенадцать дней люди боролись за свою жизнь на дрейфующей льдине, стремившейся унести их в Северную Атлантику. Наконец льдину подхватил водоворот и ее прибило к берегу. Это оказался дикий и пустынный берег в пятистах километрах южнее намечавшегося пункта высадки экспедиции. Еще двенадцать дней Нансен и его товарищи пробивались на север сквозь предательский лед. Гигантские глыбы льда, низвергавшиеся с нависших глетчеров, грозили положить конец экспедиции. В конце концов людям удалось снова достигнуть 65° северной широты и вытащить на берег свои лодки.

15 августа началось восхождение на обрывистый берег, покрытый мощным ледяным щитом. Лед перекрещивали трещины и опасные расселины. После недели трудных испытаний удалось достигнуть плато, и здесь, на покрытой снегом равнине, можно было передвигаться значительно быстрее. При попутном ветре палатка служила парусом на тяжело нагруженных нартах. Нансен и его спутники пересекли Гренландию, достигнув высоты 2700 м над уровнем моря. Здесь температура в палатке падала иногда ночью до -45 °С.

Через шесть недель напряженного труда, голода и постоянной жажды экспедиция достигла берега открытого моря у Амералик-фьорда. Из палатки и ивовых лоз была изготовлена легкая утлая лодка, и в ней Нансен и его друг Свердруп отплыли к эскимосскому селению Готхоб, куда позднее пришли и остальные участники экспедиции.

Впервые Гренландия была пересечена. Получены новые важные знания во многих отраслях географии. Последний пароход уже ушел из Гренландии несколько недель тому назад, и Нансену с товарищами пришлось провести зиму и весну среди эскимосов. Жизнь в эскимосском поселке дала Нансену большой опыт и ценнейшие уроки, которые он никогда не забывал. «Как мы первобытны, и насколько был бы правилен взгляд так называемых дикарей на нас сверху вниз», — писал Нансен. Он восхищался социальной организацией эскимосов, их дружелюбием и гостеприимством, незлобивостью, их глубоким отвращением к войне и убийству. Нансену было горько думать, что культуре и моральным устоям этого народа грозит гибель в результате проникновения цивилизации.

Труд Нансена «Жизнь эскимосов» был крупным вкладом в этнографию и пламенной защитой маленького народа.

Кроме нового в географии гренландская экспедиция Нансена внесла важный вклад в ряд других, еще не решенных научных проблем. Открытие Нансеном второго полюса холода в северном полушарии и произведенные измерения были очень важны для метеорологов, позволив объяснить условия погоды в Северной Атлантике и Европе. Это открытие выявило черты сходства ледникового периода в Европе и Северной Америке и принесло новую информацию также гляциологам и геологам.

Вдобавок Нансен стал героем молодежи всего мира и содействовал популяризации нового вида зимнего спорта, до той поры почти неизвестного за пределами Норвегии — мы говорим о лыжном спорте. Успех экспедиции зависел от старинного норвежского лыжного мастерства, и лыжи быстро распространились по свету. Первый лыжный клуб вне Норвегии появился в Шварцвальде, и Нансен был его почетным председателем.

Когда Нансен по возвращении из экспедиции шествовал в сопровождении народа по столице Норвегии, его увидел один семнадцатилетний юноша. Это был Руалд Амундсен, впоследствии покоритель Южного полюса.

Однажды на лыжной прогулке в лесу Осло Нансен встретил молодую девушку, любившую лыжный спорт почти как его мать. Это была Ева Саре, прославленная певица, дочь крупнейшего норвежского гидробиолога. Ева Саре стала Евой Нансен, подлинным другом, сердечным, умным и благородным. В презрении к предрассудкам она соперничала с Нансеном.

Ни большие перемены в жизни, ни свадебные торжества не заставили Нансена забыть об иле, собранном на дрейфующем айсберге у Восточной Гренландии. Анализ показал, что ил растительного происхождения и содержит одноклеточные организмы такого же типа, как ил, собранный Норденшельдом в Беринговом проливе. Нигде больше этот ил не встречался. Более того, американское судно «Жаннетта», направлявшееся на розыски Норденшельда, затонуло в районе севернее Берингова пролива, а через несколько лет клеенчатые брюки матроса с погибшего корабля были прибиты льдом к южной оконечности Гренландии. Копьеметалки типа, применяемого эскимосами близ Берингова пролива, также прибывало к берегу Гренландии, а плавник, имевший жизненно важное значение для населения Гренландии, оказался сибирского происхождения. Океанское течение, определявшее тогда дрейф, по-видимому, пересекало Северный Ледовитый океан на высоких широтах севернее Шпицбергена. Нансен заметил, что все предыдущие экспедиции к Северному полюсу направлялись против этого предполагаемого течения и поэтому были неудачны. Он пришел к выводу, что все попытки достигнуть Северного полюса начинались не с того конца, подобно тому как и прежние

неудачные попытки пересечь Гренландию.

В феврале 1890 г. Нансен выступил в Норвежском Географическом обществе, сформулировав свой проект экспедиции к Северному полюсу. Он перечислил все очевидно непреодолимые препятствия, с которыми сталкивались прежние экспедиции, и заключил: «Если мы со вниманием отнесемся к существующим силам природы и попытаемся действовать заодно с ними, а не против них, мы найдем самый легкий путь к Северному полюсу». Нансен пояснил, что его планом предусматривается постройка непотопляемого корабля, который, дрейфуя в подвижном льду, мог бы быть отнесен предполагаемым течением от Сибири в Северный Ледовитый океан. Для успеха, по его словам, были необходимы только две вещи — хорошая одежда и большой запас продовольствия. Главной задачей должно было стать не покорение географической точки Северного полюса, а исследование земного магнетизма, атмосферы, северных сияний, инсоляции, изучение крупных проблем океанографии, геологии, метеорологии, зоологии и палеонтологии.

Пораженная аудитория безмолвствовала.

Два года спустя Нансен представил свой подробный план на рассмотрение Королевского Географического общества в Лондоне. Присутствовали крупнейшие исследователи Арктики и другие знаменитости эпохи. Отсутствовавшие прислали свое мнение письменно. Один за другим знаменитые пионеры Арктики критиковали и отвергали план Нансена как невозможный, нелогичный и еще раз невозможный. Одним из немногих уверовавших в реальность необычного проекта был президент общества Клементе Маркхем, но его не было на заседании. Нансен хладнокровно заявил критикам: «Так как я не услышал здесь возражений по существу, я полагаю, что мы можем положить конец дискуссии». И Нансен, хоть и слыл атеистом, закрыл заседание словами: «Человек должен и будет иметь мужество, он обязан идти вперед и утешать себя ясной верой в высшую силу и не страшиться никого и ничего».

На этот раз родина не отвернулась от Нансена. Норвежское правительство ассигновало две трети средств, намеченных на экспедицию, а взносы частных лиц, которым подал пример король, дополнили сумму финансовой помощи.

Непотопляемое судно было построено по чертежам Нансена и кораблестроителя Колина Арчера верфью в Лаврике близ Осло. Каркас корабля большой прочности из тяжелых дубовых шпангоутов был обшит тройным рядом особо прочных досок. Корпус судна был коротким, широким и с выпуклыми боками — по замыслу Нансена, льды должны были выдавливать судно вверх, выталкивая его из громоздящихся льдин, а не сдавливать бока чудовищными громадами торосов. Ева Нансен окрестила это уникальное судно «Фрам» («Вперед») — имя корабля символизировало идею Нансена сжечь за собой все мосты.

В Иванов день 1893 г. Нансен и избранные им члены экспедиции, всего тринадцать человек, поднялись на борт «Фрама», который отплыл в открытое море из Осло-фьорда. Десятки тысяч людей толпились на берегах фьорда с песнями, размахивая руками; гремели салюты, и многочисленные суда сопровождали «Фрам» первые мили пути.

Спустя месяц «Фрам» достиг ледового пояса к северу от берегов России; здесь, насколько хватало глаз, видны были только дрейфующие льды. На борт были взяты сибирские ездовые собаки, и затем «Фрам» вошел в неизведанный арктический океан. После того как был открыт ряд неизвестных до того островов, корабль обогнул северную оконечность Старого Света. Так далеко на север пробилось лишь одно судно — «Вега» Норденшельда. Под 75°50' северной широты Нансен встретил кромку мощного льда и решил здесь пришвартоваться.

Паровая машина и винт были демонтированы, руль вынут наверх, и тринадцать человек с собаками начали готовиться к зимовке на судне во тьме арктической ночи. В начале октября вечером, когда члены экспедиции сидели за мирной беседой в кают-компании, раздался громовой удар и корабль вздрогнул. Началось сжатие льдов. Безмолвный ранее мир огласился страшным грохотом. Все кругом громыхало, скрежетало, ломалось и гремело, как гигантский орган. «Фрам» медленно выпирало наверх, пока судно не успокоилось на вершине ледяного тороса. Непотопляемый «Фрам» выдержал первое испытание. Для Нансена и его товарищей это было триумфом.

Одно открытие вскоре вызвало переворот в географических представлениях, но в то же время послужило большой помехой плану Нансена. Измерения глубин показали, что принятая до того теория мелких глубин арктического бассейна ошибочна. Океан оказался более глубоким, чем до того полагали или подозревали. Это создавало иные условия для океанского течения, и Нансен понял, что скорость «Фрама» будет значительно зависеть от направления ветра.

Ветер оказался непостоянным. Лед, державший «Фрам» в объятиях, сначала двигался на юго-восток, но через месяц повернул на север. Еще через два месяца лед вернулся на прежнюю широту, лишь несколько восточнее места, с которого начался дрейф «Фрама». По мере того как менялось с северного на южное направление дрейфа, изменялось и настроение тринадцати пленников от надежды к отчаянию. Дни проходили в измерениях и наблюдениях.

Через полтора года жизни на судне, январской ночью экипаж был разбужен громовым гулом и толчками, потрясавшими «Фрам». Оказалось, что столкнулись две мощные льдины, нагромоздив огромный торос, надвигавшийся на «Фрам». Люди сошли на лед, куда были перенесены аварийные склады продовольствия, и ждали гибели корабля. Ледяные валы с грохотом приближались к «Фраму», лед каскадом падал на палубу и засыпал левый борт. Но и на этот раз «Фрам» вышел невредимым из схватки и лишь поднялся на вершину всхолмленного льда. В это время корабль находился под $83^{\circ}30'$ северной широты, установив рекорд продвижения на север.

Измерения температуры и другие наблюдения в течение долгого времени подтвердили верность гипотезы Нансена о полярном течении, хотя и стало ясно, что «Фраму» не удастся с математической точностью пересечь Северный полюс.

Вскоре Нансен задумал осуществить еще более смелый план. Он решил оставить «Фрам» и на лыжах отправиться к Северному полюсу. Товарищем он избрал лейтенанта Юхансена — опытного лыжника. Старый товарищ по гренландской экспедиции, капитан «Фрама» Свердруп назначался главой группы, остававшейся на судне.

14 марта 1895 г. Нансен и его товарищ двинулись на лыжах, взяв курс на север от вмерзшего в лед «Фрама». Продовольствие было погружено на нарты с упряжкой ездовых собак. Нансен рассчитывал достигнуть полюса после 50 дней лыжных переходов. Он считал невозможным на обратном пути искать «Фрам» во льдах. Путешественники намеревались после покорения полюса выйти к Земле Франца-Иосифа севернее Новой Земли.

Путешествие оказалось более трудным, чем предполагалось. Двое мужчин должны были постоянно помогать собакам и подталкивать нарты, чтобы преодолеть торосы и кряжи льда. Обледеневшую одежду невозможно было высушить ни днем, ни ночью. Вскоре путешественники открыли, что продвижение на север бесцельно — дрейф относил смелых путешественников на юго-запад. Нансен увидел, что тратит силы в борьбе против природы, а не заодно с ней. Он решил отказаться от прохода к полюсу и двинуться на юг, к материку. Была достигнута рекордная широта — $86^{\circ}14'$, до полюса оставалось всего $3^{\circ}46'$.

Обратный путь был тяжелым. Высокие торосы и открытые полыньи замедляли продвижение. Погода часто портилась, завывал шторм, стояли туманы и температура неделями

держалась ниже 40 °С. Пришлось забивать собак одну за другой, чтобы прокормить остальных животных, пока не была убита последняя. Юхансен, безоружный, вынужден был однажды вступить в схватку с опрокинувшим его навзничь белым медведем, и только меткий выстрел Нансена спас жизнь его товарищу.

После пяти месяцев невероятных усилий Нансен и его спутник открыли в дрейфующих льдах три небольших, покрытых льдом острова. Нансен назвал их именами жены, дочери и матери.

У кромки льдов открылся Северный Ледовитый океан. Легкие каяки были спущены на воду, и путешественники проплыли мимо множества островов. Собственно, сами того не зная, они достигли Земли Франца-Иосифа. Из-за остановки хронометра Нансен не мог точно определить координаты на местности.

С тех пор как Нансен покинул «Фрам», миновали весна и лето. В августе смелые путешественники построили из камней хижину для встречи арктической зимы, используя полозья саней как рычаги. Моржовые лопатки служили заступами. Кровля была устроена из моржовой шкуры, а трубу выложили из снега. Вся обстановка дома состояла из каменного ложа. Здесь Нансен и его верный товарищ прожили более девяти месяцев, добывая себе пищу охотой на моржей и белых медведей. Уроки жизни у эскимосов помогли зимовщикам выжить.

Лишь в мае 1896 г. арктическая зима отступила. Двое людей смогли продолжать плавание в каяках по полярному морю. Однажды ночью, когда они отдыхали на льдине, оба каяка со всем грузом отошли от льда и их стало быстро уносить в океан. Нансен бросился в ледяную воду и поплыл изо всех сил — надо было во что бы то ни стало вернуть единственный источник жизни. Подгоняемые ветром лодки плыли быстро, и когда пловец наконец настиг каяки, он совершенно окоченел и покрылся коркой льда. Нансен едва мог вскарабкаться в лодку... В другой раз на каяк Нансена в море напал морж и едва удалось довести поврежденную лодку до берега какого-то острова для ремонта. Здесь оказались следы собачьих лап, и вскоре Нансен услышал человеческие голоса — впервые за столько месяцев. Нансен встретился с английской экспедицией Джексона. Вблизи стоял корабль, на котором Нансен с товарищем в августе 1896 г. и прибыл в Норвегию.

Несколько дней спустя прибыл в Норвегию и «Фрам». Все люди были здоровы. Судно, перед тем как вырваться из льдов между Шпицбергенем и Гренландией, достигло почти той же северной широты, что и двое лыжников.

Спустя несколько лет Нансен передал «Фрам» Амундсену, который отправился на прославленном корабле на завоевание Южного полюса в Антарктику.

Весь мир чествовал Нансена. Он стал профессором зоологии (позднее и океанографии) в Норвежском университете. Премии, почетные звания, членство в многочисленных обществах и академиях дождем сыпались на знаменитого путешественника из различных стран Старого и Нового Света. Толпы людей устремлялись на его доклады и отзывались с похвалой о его книгах. Но Нансена не радовала такая жизнь. Контраст между подлинным уединением в грандиозной Арктике и шумной суматохой городской толпы вокруг знаменитости был слишком велик, и Нансен чувствовал себя несчастливым и одиноким. «Я пристально и безнадежно смотрю в пустоту», — писал он в своем дневнике. И чествуемый герой Арктики чувствовал себя потерянным. Его лицо стало более суровым и строгим.

Подлинный ученый, Нансен продолжал работать. Одно исследование за другим выходили из-под его пера. Он и его сотрудники превратили Норвегию в центр современной океанографии.

Когда в 1894 г. Норвегия согласилась на унию со Швецией, дед Нансена Ханс Хейердал Нансен, как член парламента, добивался полной свободы и равенства в отношениях двух братских народов. Однако к 1905 г. права Норвегии были постепенно ущемлены и народом

овладело стремление видеть свою родину независимой. Фридрих Нансен вскоре стал одним из руководителей в международном споре, в который были втянуты Англия, Германия, Россия и Франция. Его просили возглавить норвежское правительство, но Нансен никогда не стремился стать политическим деятелем и отказался от предложения, хотя и согласился представлять Норвегию на международной арене. Он был послан в Данию к принцу Карлу и вел с ним переговоры о принятии Карлом норвежской короны и вступлении на трон Норвегии под именем Хокона VII.

Немало потрудился Нансен и над укреплением дружбы и сотрудничества между Норвегией и Швецией. Когда же была провозглашена независимость Норвегии, Нансен, считавшийся другом британского двора, был назначен норвежским посланником в Лондоне. Его письменный стол в кабинете посланника помимо официальной переписки был завален научными трудами, картами и рукописями.

В 1908 г. Нансену удалось подписать важный договор о нейтралитете с Англией. Затем Огромное желание, по его словам, разбить цепи города и вернуться в родные леса и горы заставило Нансена подать в отставку. После трех лет отсутствия он вернулся к научным занятиям в Осло.

Ева Нансен была больна. Прежде чем Нансен пересек море, она скончалась. Это был страшный удар. Нансен чувствовал себя более одиноким, чем когда-либо. Он замыкался на весь день и половину ночи в рабочей башенке своего дома и спускался вниз к своим пятерым детям лишь тогда, когда кухонный гонг объявлял о спартанской трапезе. Нансен не оставлял своих ежегодных охотничьих походов в горы. Он принял также участие в нескольких океанографических экспедициях в Северной Атлантике, после чего опубликовал ряд работ по проблемам океанографии и метеорологии, среди них исследование «Изменение климата в историческую и послеледниковую эпохи». Кроме того, он написал самый значительный в литературе труд по истории полярных экспедиций начиная с 1500 г. В 1913 г. Нансен с энтузиазмом принял участие в поездке по бесконечной сибирской тайге, что на время принесло успокоение его душе.

Нансен с его умом и высоким чувством морали с глубоким отвращением относился к войне. «Безумный кошмар, — писал он. — Цивилизация, ставящая насилие выше блага народов, не в состоянии вести человечество вперед. Идеалы и мораль могут быть поруганы, и это будет оправдано словами о выгоде нации. Торжественные обещания могут быть растоптаны, разрешаются ложь, обман и убийства, коварство и лицемерие. Человек становится изменником, если не желает уничтожать любыми средствами противников своего народа. Европейская культура пала, она прогнила изнутри». Нансен защищал культуру туземцев Гренландии и народов Сибири. Он восхвалял так называемых дикарей, которые и помогают друг другу, и, спаянные миром и братством, побеждают стихию.

Хоть Норвегии удалось остаться вне первой мировой войны, Нансен жестоко страдал из-за ежедневного истребления людей, из-за будущего, которое сулит война человечеству. Он писал: «Должно наступить возрождение, новая эпоха придет с новыми идеалами, духовные ценности снова будут почитаться, а материальные — ничего не будут стоить. Будут уважать только разум. Тогда толпа и посредственные люди не будут править миром, а великие личности поведут человечество навстречу величественному золотому веку».

Германия объявила о начале неограниченной подводной войны, и маленькая Норвегия, обладавшая большим торговым флотом, жестоко страдала. Положение страны стало отчаянным, когда в 1917 г. США заявили о прекращении снабжения продовольствием нейтральных стран из-за необходимости поставлять продовольствие своим союзникам. Нансен был командирован в Вашингтон. После длительных переговоров он обеспечил Норвегии наиболее благоприятные

условия в соглашении с США.

Во время первой мировой войны Нансен выступал за нейтралитет Скандинавских стран. Он говорил, что великий долг малых стран, стран нейтральных, — бороться за сохранение лучших сторон человеческой морали, хранить и развивать свое культурное наследие и во время войны, и после нее. Нансена чрезвычайно заботило то, что воюющие страны нарушали этические и возвышенные стремления людей в отчаянной схватке за существование и победу. «Без подлинной морали, — говорил Нансен, — подлинная культура обречена».

Каннибальские оргии первой мировой войны окончились. 13 миллионов растерзанных тел было погребено. Бесчисленное множество людей стали калеками, больными, контуженными, безумными, горе и отчаяние пришло в миллионы прежде счастливых семей. Хаос, уныние овладели Центральной Европой. Революция пылала на востоке Европы. Спекуляция и озлобление расцвели в других уголках континента. Наука стала производить во все большем количестве страшное оружие для уничтожения еще больших масс людей в случае новой мировой войны.

Предпринимались попытки борьбы с безумием, попытки предотвратить новую войну. Нансен был избран Англией и США арбитром в случае спора этих держав-победительниц. Он мужественно поддержал идею Лиги Наций и был главным действующим лицом в движении за вступление в Лигу Норвегии и остальных Скандинавских стран. На предварительных переговорах в Лондоне и Париже Нансен представлял взгляды нейтральных стран и поднимал свой голос против планов превращения Лиги Наций в расширенный блок держав-победительниц.

В 1919 г. Нансен писал: «Спасение и будущее человечества — в союзе народов, в объединении наций».

В 1920 г. была создана Лига Наций со штаб-квартирой в Женеве, а спустя два месяца здесь же обосновался Международный Красный Крест. В это время проблема военнопленных казалась неразрешимой. Национальные организации Красного Креста были беспомощны, и Международный Красный Крест обратился к Лиге Наций, которая занялась этим трудным вопросом еще до своей первой ассамблеи. Секретарь Лиги Наций Филипп Ноэль Бейкер был направлен в Норвегию, чтобы уговорить Нансена оставить научные занятия и посвятить себя организации репатриации сотен тысяч исстрадавшихся военнопленных.

В свое время Нансен обратился к соотечественникам с призывом принять в свои семьи голодающих детей из Германии и Австрии. Более шестидесяти тысяч детей были доставлены поездами в Скандинавские страны. Но задача, возложенная теперь на Нансена, была неизмеримо более обширной и трудной. Самый благородный период его жизни начался, когда Нансен приближался к своему шестидесятилетию.

В России — в Сибири и Туркестане — более полумиллиона пленных уже гибли от тифа, холода и голода. В дополнение к бесчисленному множеству пленных солдат царское правительство переселило в различные области России около 350 тысяч гражданского населения — мужчин, женщин, детей и стариков — из Польши и Галиции. Их страдания были неопишуты. Скандинавский Красный Крест оказывал им медицинскую помощь и еще до победы Октябрьской революции вывез 60 тысяч тяжело раненных пленных. После революции в России пленные, захваченные царскими войсками, неожиданно стали свободными гражданами, и переполненные поезда везли их на запад, навстречу свободе. Из отдаленных районов Сибири и Причерноморья бесконечные толпы пленных пробивались пешком через гигантскую страну в поисках свободы. Многие находились в плену уже пять лет. Восстали чехословаки, захватили Сибирскую магистраль и присоединились к белым армиям, на помощь которым пришли державы Антанты. Белые наступали с юга — к северу от Украины — и с востока. В Польше и

Прибалтике кипела ожесточенная борьба. Красные и белые схватились в смертельной борьбе, а измученные и вырвавшиеся из плена люди оказались в ловушке, снова отрезанные от родных рубежей.

Первым делом Нансена было добыть средства на репатриацию пленных. После отчаянных призывов и долгих переговоров отозвались некоторые из малых стран — Норвегия, Швеция, Дания, Голландия, Швейцария, а позднее также Англия и Франция. Нансену удалось обеспечить средства (полмиллиона долларов) для начала своего колоссального труда. Сам Нансен работал без вознаграждения, он разъезжал в вагонах третьего класса и останавливался в самых дешевых гостиницах.

Лига Наций не признавала Советскую Россию, и в качестве ответной меры Советское правительство отказывалось вести переговоры с Нансеном, действовавшим по поручению Лиги Наций. Без тесного сотрудничества советских органов с властями западных держав усилия Нансена были бесплодны. Однако русские были готовы сотрудничать с Нансеном как уполномоченным отдельных правительств.

В самый короткий срок Нансен создал частную центральную организацию путем координации работы Красного Креста с существовавшими благотворительными обществами в США — с квакерами и другими корпорациями, представительства которых вместе с уполномоченными от Советского, германского и австрийского правительств были собраны в Литве, в Каунасе. Созданная Нансеном организация получила название «Помощь Нансена» и пользовалась непосредственным правом сношений с Западом и Востоком — с Советской Россией. Товарные составы с продовольствием, одеждой, медикаментами под контролем Советского правительства шли в лагеря военнопленных в Сибирь, Туркестан и Причерноморье. Пломбы и подпись Нансена на опечатанных в вагонах грузах должным образом уважались всеми. Все грузы доходили по назначению. Поезда, доставлявшие освобожденных военнопленных, немедленно возвращались для дезинфекции в сборный пункт — порт Нарву.

Между Советской Россией и Польшей вспыхнула война, транспорты были вынуждены уходить из Нарвы морем. После ряда бесплодных жалоб Нансен лично направился в Лондон и добился освобождения 14 захваченных немецких судов. Эти суда были приспособлены под транспорты, перевозившие пленных из Нарвы в родные места. В обратный рейс транспорты брали партии русских пленных, возвращавшихся из лагерей Центральной Европы на территорию Советской России. Свыше 200 тысяч русских военнопленных было возвращено таким образом на Родину.

Балтийское пароходство не могло разрешить все транспортные проблемы. Как-никак военнопленные принадлежали к 26 нациям Европы, многим из них предстояло проделать путь от северных морей до Афганистана, Китая и Владивостока. Нансену удалось организовать американское благотворительное общество, и оно вместе с Красным Крестом предоставило средства в один миллион долларов. Были зафрахтованы по невысокому тарифу суда. Открылись новые сборные пункты на Кавказе и на русском побережье Черного моря.

Целый поток проблем хлынул также с Балканского полуострова. Греция и Югославия, например, пытались эксплуатировать труд 25 тысяч болгарских военнопленных. Сотни греческих детей потеряли родителей и в военное время были усыновлены в Болгарии. Пришлось создать особую организацию для выявления этих детей и обмена их на заложников, которых удерживало греческое правительство.

Нансен преодолел все препятствия. Менее чем через год, в сентябре 1921 г., Нансен — верховный комиссар Лиги Наций — смог доложить Ассамблее Лиги, что 447 604 военнопленных из 26 стран возвращены к родным очагам. Расходов потребовалось менее одного фунта стерлингов на человека. Секретарь Лиги Наций Ноэль Бейкер имел основание

воскликнуть, что едва ли есть страна в Европе, где бы матери и жены не плакали от благодарности за содеянное Нансеном.

Не завершив труда по репатриации, Нансен получил от Лиги Наций поручение заняться еще одной, казалось бы неразрешимой, проблемой. Мировая война оставила огромные области в развалинах. Население вынуждено было бежать. Европу наводнили бездомные беженцы — мужчины, женщины и дети. Они кочевали из одной страны в другую, переживая жестокие мучения. Все это создавало сложную международную проблему. Положение беженцев стало отчаянным, когда белые армии, пытавшиеся возродить царизм, были разгромлены и выгнаны из России.

Нансен предостерегал державы Антанты от планов интервенции против Советской России. Произошло то, что он и предсказывал — интервенция потерпела полное фиаско, унеся несчетное число жизней. Множество беженцев вместе с остатками разбитых белогвардейских войск скопилось в изнуренных, истерзанных войной странах Европы. Полмиллиона русских белоэмигрантов в Польше, Германии, Балканских странах и Китае взывали о помощи. Константинополь с его турецким, греческим, армянским и русским населением вдруг стал пристанищем сотысячной белой армии. Белоэмигранты никому не были нужны. Разрешения на работу не было. Угрожали эпидемии. Интеллигентные русские женщины из-за куска хлеба становились проститутками.

Нансен обратился ко всем женским организациям Европы, апеллировал ко всем правительствам. Отозвались Франция и США. Советское правительство даровало амнистию 25 тысячам донских казаков, пожелавшим вернуться на родину. 10 тысяч казаков приняла Болгария, 20 тысяч — Бразилия. Вскоре Нансен освободил Константинополь от беженцев, расселив их в 45 странах. Многие из белоэмигрантов впоследствии возвратились на родину.

Правительство Великобритании, истратившее грандиозные суммы на интервенцию против Советской России и на финансирование белых армий, ныне держало остатки разбитых белогвардейских войск в Египте и на Кипре, что стоило ему также колоссальных средств. Дело было передано в руки Нансена, он получил огромную сумму под свою ответственность с правом распоряжаться могущей образоваться экономией по своему усмотрению. Нансен помог эмигрантам расселиться в Югославии, истратив менее половины ассигнованных сумм. Экономия была использована на нужды других беженцев.

Белоэмигранты, наводнившие Европу, оказались перед серьезной проблемой. Большинство из них не имели паспортов и легальных видов на жительство. К тому же все правительства запрещали въезд белоэмигрантам. Весной 1922 г. Нансен разрешил этот вопрос. Был создан особый «нансеновский паспорт» для всех стран мира. Эмигранты получили защиту международного права и возможность трудиться. Все они были размещены и зарегистрированы. Большинство из них принадлежало к привилегированным группам — дворяне, помещики, офицеры и т. п. Прежде всего предстояло выяснить, что они умеют делать. Это обстоятельство осложнило положение Нансена. Поползли клеветнические слухи, будто он собирает информацию для передачи эмигрантов Советской России.

Конечно, это было гнусной ложью. Напротив, трудами Нансена во многих странах были открыты русские школы и дошкольные учреждения, а с помощью США был основан русский университет в Берлине. Русские ученые и работники умственного труда быстро растворились в западном мире, тысячам людей была обеспечена подходящая работа.

Тем временем еще одна катастрофа обрушилась на послевоенную Европу. Турки, отражая греческое нападение, изгнали огромные массы людей. Более миллиона греков и армян погибли во время бегства, полмиллиона достигли островов Архипелага, а 80 тысяч сгрудились в Смирне, которая была сожжена турками. Каблограмма из Константинополя Нансену от одного из его

помощников взывала о немедленной помощи полутора миллионам людей, стоявших перед неминуемой смертью. Через несколько дней Лига Наций ассигновала необходимую сумму (в особенности велик был вклад Англии), и Нансен вскоре прибыл в мир хаоса и отчаяния. Стали приходить сюда и эшелоны с продовольствием. Нансен спешно завязал переговоры с воюющими сторонами — Турцией и Грецией. Несмотря на бесконечные препятствия, удалось репатриировать полмиллиона людей. Для спасения полутора миллионов греков по проекту Нансена создавались новые отрасли промышленности, была предпринята организация колоний, осушались болота и поднималась целина.

Несмотря на всю свою энергию, Нансен не смог добиться от правительства более эффективной помощи. Даже благотворительные организации истощили свои средства, а миллионы беженцев переживали невероятные страдания. Эмигранты являлись изгнанниками, их не защищало ни одно правительство. Нансен стал для них правительством, наряду с великими державами. Он создал перспективу миллионам людей, которые иначе, без «нансеновских паспортов», без нансеновской помощи и нансеновского пособия присоединились бы к толпам безработных беженцев.

Жестокое разочарование постигло Нансена, когда Лига Наций отклонила его настойчивые попытки спасти от уничтожения армян. Это было ударом для Нансена, поколебало его веру в Лигу. Теперь его кипучая энергия обратилась на оказание помощи голодающим в России.

* * *

Нансен был первым и самым энергичным поборником принятия Германии в Лигу Наций. Он мужественно боролся за восстановление дружественных отношений России с западными странами. Он видел, что Европа не сможет иметь будущего, пока новая Россия и Запад не смягчат свой роковой спор.

Уже весной 1919 г. Нансен увидел угрозу голода в России и просил поддержки у Гувера. Он обратился за помощью к четырем державам — Англии, США, Франции и Италии. Тысячи русских крестьян умирали от голода, а четыре державы соглашались передать России продовольствие только в том случае, если советские вооруженные силы прекратят борьбу против белых армий и войск Антанты. Разумеется, Советское правительство отвергло эти притязания.

Нансен вновь апеллировал к Антанте и снова встретил отказ. Через два с половиной года голод в России поразил ужасом весь мир. Президент Красного Креста в отчаянии телеграфировал Нансену. Женевская конференция тринадцати государств, к которым присоединились 60 благотворительных организаций, уполномочила Нансена вступить в переговоры с Советским правительством и обеспечить контроль за распределением продовольствия, которое должен был прислать Гувер.

Предвидение Нансена подтвердилось еще раз, но сотни тысяч людей погибли до прихода помощи. Тонны норвежской рыбы срочно грузились для отправки в Петроград, но этого было недостаточно. Многим миллионам людей и среди них восьми миллионам детей угрожала голодная смерть.

Нансен срочно приехал в Москву для встречи с руководителями Советского государства, которые согласились на создание Международного Комитета помощи голодающим во главе с уполномоченным Нансена и уполномоченным Советского правительства. Необходимые для оказания помощи голодающим транспорт, связь, аппарат управления, госпитали, кухни, топливо и ремонтные базы в пределах России находились в полном подчинении Нансена. Нансену и его

помощникам гарантировалась свобода передвижения.

Со своей стороны Нансен пытался получить от Лиги Наций заем для закупки продовольствия в количествах, достаточных для борьбы с голодом.

Вскоре Нансен вновь был в Женеве. В день празднования двадцатилетней годовщины его возвращения из путешествия на «Фраме» Нансен выступил со страстной речью на Ассамблее Лиги Наций. После двух недель политических переговоров его просьба о займе была отвергнута... Помощь умирающим русским крестьянам была бы воспринята как поддержка Советского правительства. Антанта же не признавала Советскую Россию и проводила ее блокаду.

«Найдется ли в этом собрании хоть один человек, который мог бы сказать: „Пусть погибнет лучше 20 миллионов людей, чем помочь Советскому правительству?“» — говорил Нансен. Он добавил также, что урожай этого года в Канаде позволяет экспортировать в три раза больше хлеба, чем нужно для прекращения голода в России, что в США излишки пшеницы уничтожаются из-за отсутствия покупателей, что в Аргентине сжигают как топливо излишнюю кукурузу, а пароходы Америки и Европы стоят в бездействии.

Ассамблея ответила громкими аплодисментами, но не займом. Нансен тяжело переживал это. А на Брюссельской конференции Антанты Советскому правительству было отказано в кредитах для приобретения продовольствия до тех пор, пока Россия не признает и не уплатит долгов царского режима.

Нансен обратился к частной благотворительности. Ежемесячно от голода умирали десятки тысяч русских крестьян, 45 миллионов людей голод держал мертвой хваткой. Сотни тысяч людей погибли до прихода помощи Нансена.

Враги распространяли грязные слухи о том, будто продовольствие, доставляемое Нансеном, конфисковала Красная Армия. Нансен смог без труда опровергнуть эту ложь.

Ужасы голода, виденные Нансеном, с трудом можно было себе представить. В выступлениях в Европе и Америке он смог поразить совесть спящего мира. Несчастье стало понятно всем. Была создана «Миссия Нансена». Отовсюду — с Запада, из Южной и Северной Америки, Африки и Японии потекли взносы частных лиц. Советское правительство немедленно предоставило в распоряжение Нансена полмиллиона долларов. Поддержку и помощь оказали папа и многочисленные церковные организации, независимо от вероисповедания. Наконец норвежское правительство откликнулось на призыв Нансена, его примеру последовали Другие малые государства и одна из великих держав — США. Нансен воспрянул духом. Однако к этому времени около 3 миллионов русских умерли от голода. 7 миллионов беспризорных нуждались в заботе. Из 60 помощников Нансена в России 10 заразились сыпным тифом и умерли. Но 15 миллионов людей получали питание от организации Нансена, катастрофический голод был побежден.

В 1922 г. Нансен получил Нобелевскую премию мира. Всю сумму премии он отдал на благотворительные цели и помощь беженцам.

13 мая 1930 г. Нансена не стало. В возрасте 69 лет он скоропостижно скончался, когда сидел в своем кресле на балконе и любовался красотой весеннего сада.

Нансен показал человечеству путь к весне. Горячее сердце и высокий дух Нансена плавил снег и лед. Они доказали, что все люди — коммунисты и некоммунисты, цивилизованные и нецивилизованные, христиане и евреи, атеисты и верующие — должны трудиться во имя общей цели: спасения мира от самого страшного бедствия — гнусного безумия войны.

Хроника жизни Р. Амундсена, Р. Скотта и Ф. Нансена

Р. Амундсен

1872 — 16 июля родился в Борге.

1894–1896 — матрос на парусных шхунах; плавал в Норвежском и Гренландском морях.

1897–1899 — первый штурман на судне «Бельжика» в бельгийской антарктической экспедиции А. Жерлаша.

1903–1906 — плавание на шхуне «Йоа» вдоль северных берегов Северной Америки. Открытие Северо-Западного прохода.

1910–1912 — руководитель норвежской антарктической экспедиции на «Фраме».

1911 — 14 декабря вместе с другими членами экспедиции достиг Южного полюса.

1918–1920 — участие в экспедиции на судне «Мод» вдоль Северного морского пути.

1925 — полет со Шпицбергена в сторону Северного полюса.

1926 — 11–13 мая совершил перелет через Северный полюс в Америку.

1928 — 18 июня вылетел из Тромсё (Норвегия) на поиски группы участников экспедиции Нобиле.

1928 — 31 августа у северного берега Норвегии были найдены предметы с самолета Амундсена.

Р. Скотт

1868 — 6 июня родился в Плимуте.

1883–1887 — служил на флоте; корабельный гардемарин.

1887 — произведен в младшие лейтенанты.

1891 — становится лейтенантом.

1900 — назначен командиром будущей антарктической экспедиции.

1902–1904 — экспедиция в Антарктику на корабле «Дискавери».

1905 — опубликовал книгу «Путешествие на Дискавери».

1908 — женится на Кэтлин Брюс.

1909 — у Скотта рождается сын Питер.

1909 — начинает подготовку ко второй антарктической экспедиции.

1910–1912 — экспедиция на «Терра Нова».

1912 — 17 января Скотт, Уилсон, Оутс, Бауэрс и Эванс достигают Южного полюса.

1912 — 17 февраля погибает Эванс.

1912 — 15 марта — гибель Оутса.

1912 — 29 марта Скотт делает свою последнюю запись в дневнике.

1912 — 12 ноября обнаружена палатка с телами Скотта, Уилсона и Бауэрса.

Ф. Нансен

1861 — 10 октября родился в усадьбе Стуре-Фреён близ Христиании (Осло).

1881 — плавал на судне «Викинг» в Гренландском море; поступил консерватором в

Бергенский музей.

1884 — опубликовал первую статью о плавании у восточных берегов Гренландии.

1887 — встретился с Норденшельдом для обсуждения плана Гренландской экспедиции.

1888 — перешел на лыжах через Гренландию.

1889 — возвратился в Норвегию после зимовки в Гренландии; женился на Еве Саре.

1890 — выступил с планом экспедиции в околополярную область.

1891 — опубликовал книгу «Жизнь эскимосов».

1893–1896 — возглавлял Норвежскую полярную экспедицию на судне «Фрам»; предпринял санный поход к Северному полюсу.

1896 — в Норвегии учрежден Фонд Нансена, средства которого предназначались на развитие научных исследований.

1897 — присуждена Константиновская золотая медаль — высшая награда Русского географического общества.

1897–1905 — занимался подготовкой к публикации научных материалов по результатам полярной экспедиции 1893–1896 гг. на судне «Фрам».

1898 — посетил Россию; избран почетным членом Петербургской Академии наук.

1902 — возглавил Центральную международную океанографическую лабораторию в Христиании.

1906–1908 — посол Норвегии в Англии.

1910–1911 — опубликовал двухтомную монографию «Родина туманов», посвященную истории ранних исследований в Арктике.

1912 — предпринял океанографическую экспедицию на яхте «Веслеме» в район Шпицбергена.

1913 — совершил плавание на пароходе «Коррект» в устье Енисея и предпринял поездку по Сибири и Дальнему Востоку.

1914 — опубликовал книгу «Страна будущего» о сибирском путешествии.

1919 — опубликовал в «Записках Норвежской Академии наук» труд об изменениях климата.

1920 — назначен председателем комиссии Лиги Наций по делам военнопленных; посетил Советскую Россию; встретился с А. М. Горьким.

1921–1923 — возглавлял комиссию помощи голодающим Поволжья.

1922 — выпустил вместе с А. М. Горьким и Г. Гауптманом книгу «Россия и мир»; присуждена Нобелевская премия мира, значительная часть которой была истрачена на устройство двух показательных сельскохозяйственных станций в СССР; избран почетным членом Моссовета.

1924 — избран пожизненным президентом международного общества «Аэроарктик» по изучению Арктики с помощью воздушных кораблей.

1925 — возглавил комиссию Лиги Наций по оказанию помощи и репатриации армянских беженцев; посетил Армению, Грузию, Поволжье.

1926 — опубликовал труд о колебаниях климата в послеледниковое и историческое время.

1927 — опубликовал книгу «По Армении».

1928 — председательствовал на Втором конгрессе общества «Аэроарктик» в Ленинграде.

1929 — опубликовал книгу «Через Кавказ на Волгу».

1930 — 13 мая умер.

Об Арктике и Антарктике

Арктика — северная полярная область Земли, включающая окраины материков Евразии и Северной Америки (за исключением южной части Гренландии, полуострова Лабрадор), почти весь Северный Ледовитый океан с островами (кроме В. и Ю. Норвежского моря), а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Южная граница Арктики совпадает с южной границей зоны тундры. Площадь около 27 млн. кв. км; иногда Арктику ограничивают с Ю. Северным Полярным кругом (в этом случае площадь Арктики — 21 млн. кв. км). Площадь советского сектора Арктики около 9 млн кв. км (6,8 млн. кв. км — водное пространство).

Северный полюс — точка, в которой воображаемая ось вращения Земли пересекает ее поверхность в Северном полушарии. Располагается в центральной части Северного Ледовитого океана, где глубина превышает 4000 м. Круглый год в районе северного полюса дрейфуют мощные многолетние паковые льды. Средняя температура зимой около -40°C , летом преимущественно около 0°C . Первыми достигли северного полюса американцы Ф. Кук в 1908 г. и Р. Пири в 1909 г.

Антарктика — южная полярная область Земли, включающая Антарктиду и прилегающие к ней участки Атлантического, Индийского и Тихого океанов, а также острова: Южная Георгия, Южные Сандвичевы, Южные Оркнейские, Южные Шетлендские и др. Площадь около 52,2 млн. кв. км. Антарктика — наиболее суровая область Земли с очень низкими температурами воздуха, сильными ветрами, снеговыми бурями и туманами. Почти вся Антарктида — область постоянного мороза. Средняя мощность ледникового покрова 1720 м., наибольшая — свыше 4300 м., общий объем льда 24 млн. куб. км. Ледниковый покров спускается в океан, образуя на значительном протяжении шельфовые ледники.

Южный полюс — точка, в которой воображаемая ось вращения Земли пересекает ее поверхность в Южном полушарии. Располагается в пределах Полярного плато Антарктиды на высоте 2800 м. Толщина льда в районе южного полюса — 2810 м. Среднегодовая температура воздуха составляет $-48,9^{\circ}\text{C}$ (максимальная $-14,7^{\circ}\text{C}$, минимальная $-74,3^{\circ}\text{C}$).

В 1958 г. британско-новозеландская экспедиция В. Фукса и Э. Хиллари осуществила первый трансантарктический санно-гусеничный поход от моря Уэдделла через южный полюс к морю Росса.

Из «Географического энциклопедического словаря»

(М., «Советская энциклопедия», 1983)

Произведения Коре Холта

Музыкант и тамада. 1941.
Преступление. 1945.
Рассвет. 1946.
Ночные гости. 1948.
Великое распутье. 1949.
Братья. 1951.
Право на месть. 1953.
Люди у рубежа. 1954.
Гордое поражение. 1956.
Буря под утренней звездой. 1958.
Мятежники у моря. 1960.
Старинный путь к Любви. Рассказы. 1961.
Ловец жемчуга. 1965.
Король. Ч. I. 1965.
Король. Ч. II. 1967.
Король. Ч. III. 1969.
Кристина Тунсбергская. 1971.
Воскресение. 1971.
Лица при полусвете саг. 1971.
Тризна по женщине. 1972.
Привет из Рафнаберг. 1973.
Люди с озера Сваншё. 1973.
Состязание, 1974.
Морской герой. 1975.
Длинные мили до рая. 1977.
Сын земли и неба. 1978.
Гости из неведомого. 1980.
Фрагменты картины. Очерки. 1981.
Мрачные улыбки. 1981.
Правдивая повесть о жизни лжеца. 1982.
Дальнейший путь. 1983.
Лесовик. 1984.
Странствие. 1986.

Для молодежи:

Коробейник Туре. 1939.
Туре находит дорогу. 1940.
Ура учредителю праздника. 1945.
Кленг Пеерсон и чубатый Нильс. 1948.
Беглец Оскар и Мария с пещерного озера. 1959.
Лошадь на все деньги. 1970.
Посланец из Тюнсберга. 1985.
Беглец из Стиклестада. 1986.

Рекомендуемая литература

Круг источников по истории открытия полюсов Земли исчисляется многими сотнями, если не тысячами названий (если принимать во внимание не только книги, но и статьи в журналах и газетах). В этом «море» литературы мы выбрали лишь небольшое число публикаций, ориентируясь главным образом на те работы, в которых наиболее обстоятельно освещена жизнь и деятельность главных героев книги — Нансена, Скотта и Амундсена. Помимо того, добавлены отдельные работы, содержащие обзоры по истории полярных исследований. Для более удобного использования приведенный список разделен на две части — арктическую и антарктическую.

Арктическая часть

- Амундсен Р. На корабле «Мод». Экспедиция вдоль северного побережья Азии. М.-Л., ГИЗ, 1929. 310 с.
- Амундсен Р. Перелет через Ледовый океан. М.-Л., ГИЗ, 1927. 202 с.
- Амундсен Р. Плавание Северо-Западным проходом на судне «Йоа». Л., Главсевморпуть, 1935. 468 с.
- Амундсен Р. По воздуху до 88° северной широты. М.-Л., ГИЗ, 1926. 274 с.
- Амундсен Р. Полет до 88° северной широты. Первый полет над Северным Ледовитым океаном. Л., Изд-во Главсевморпути, 1936. 385 с.
- Амундсен Р. Северо-Восточный проход. Экспедиция на «Мод» вдоль северного побережья Азии 1918–1920. Л., Изд-во Главсевморпути, 1936. 449 с.
- Амундсен Р. Северо-Западный проход. Плавание на судне «Йоа» 1903–1907. Л., Изд-во Главсевморпути, 1939. 433 с.
- Атлас Арктики. М., ГУГК, 1985. 204 с.
- Бегоунок Ф. Трагедия в Ледовитом океане. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 297 с.
- Белозоров С. Т. Открытия и исследования в Арктике и Антарктике. Одесса, 1966. 74 с.
- Гассерт К. Исследование полярных стран. История путешествий к Северному и Южному полюсам с древнейших времен до настоящего времени. Одесса, 1912. 206 с.
- Дьяконов М. А. История экспедиций в полярные страны. Архангельск, 1938. 484 с.
- Зубов Н. Н. В центре Арктики. М.-Л., Изд-во Главсевморпути, 1948. 392 с.
- История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. Л., Морской транспорт, 1956. 592 с. Т. 2. Л., Морской транспорт, 1962. 766 с. Т. 3. Л., Морской транспорт, 1959. 509 с. Т. 4. Л., Морской транспорт, 1969. 616 с.
- Корякин В. С. Был ли Ф. Кук на Северном полюсе? — «Природа», 1975, № 7, с. 74–84.
- Лактионов А. Ф. Северный полюс. 3-е изд. М., Морской транспорт, 1960. 525 с.
- Нансен Ф. Среди льдов и во мраке полярной ночи. Т. 1–2. М., 1897.
- Нансен Ф. Среди тюленей и белых медведей. На вольном воздухе. Л., Изд-во Главсевморпути, 1939. 661 с.
- Нансен Ф. «Фрам» в Полярном море. Т. 1–2. М., Географгиз, 1956. Т. 1. 368 с. Т. 2. 351 с.
- Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., Гидрометеиздат, 1971. 452 с. 2-е изд. Л., Гидрометеиздат, 1986.
- Норденшюльд О. Полярный мир и соседние ему страны. — «Землеведение», 1912, кн. 1–2, с. 1–64, кн. 3–4, с. 65–184.
- Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики. Л., Изд-во Главсевморпути, 1935. 302 с.

- Пасецкий В. М. Находки, которые открывают тайны. М., Транспорт, 1964. 359 с.
- Пасецкий В. М. Путешествия, которые не повторятся. М., Мысль, 1986. 270 с.
- Пири Р. Э. Северный полюс. М., Географгиз, 1948. 196 с.
- Рабо Ш., Виттенбург П. Полярные страны 1914–1924. Л., 1924. 182 с.
- Родаль К. Север. Природа и жизнь полярного мира. М., Географгиз, 1958. 248 с.
- Русские арктические экспедиции XVII–XX вв. Вопросы истории изучения и освоения Арктики. Л., Гидрометеиздат, 1964. 232 с.
- Спирин И. Т. Покорение Северного полюса. М., Географгиз, 1950. 316 с.
- Стефенссон В. Гостеприимная Арктика. Л., Изд-во Главсевморпути, 1935. 514 с. 2-е изд. М., Географгиз, 1948. 328 с.
- Толмачев А. И. Северные полярные страны. 2-е изд. Архангельск, 1935. 137 с.
- Фрейхен П., Саломонсен Ф. Когда уходят льды. М., Географгиз, 1963. 448 с.
- Центкевич А., Центкевич Ч. Завоевание Арктики. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 387 с.

Антарктическая часть

- Аверьянов В. Г., Кобленц Я. П. 150-летие открытия Антарктиды и советские исследования в Антарктике. — «Информационный бюллетень Советской Антарктической экспедиции», 1970, № 77, с. 5–18.
- Авсюк Г.А., Карташов С. Н. 150 лет открытия Антарктиды русской экспедицией. — Антарктика. Доклады комиссии, 1968. М., 1971, с. 5–12.
- Австралия и Океания. Антарктида. (В серии «Страны и народы»). М., Мысль, 1981. 301 с.
- Амундсен Р. Южный полюс. М., Молодая гвардия, 1937. 433 с. 2-е изд. В кн.: Р. Пири. Северный полюс. Р. Амундсен. Южный полюс. М., Мысль, 1972, с. 250–538.
- Амундсен. Р. Южный полюс. Плавание «Фрама» в Антарктике 1910–1912. Л., Изд-во Главсевморпути, 1937. 422 с.
- Антарктика. Материалы по истории исследований и по физической географии. М., Географгиз, 1958. 445 с.
- Астапенко П. Д. Путешествие к острову четырех вулканов. М., Гидрометеиздат, 1964. 156 с.
- Атлас Антарктики. Т. 1. М.-Л., ГУГК, 1966. 225 с. Т. 2. Л., Гидрометеиздат, 1969. 598 с.
- Беллинсгаузен Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 гг. 2-е изд. М., Географгиз, 1949. 3-е изд. М., Географгиз, 1960. 448 с.
- Белов М. И. Открытие ледяного континента. — «Известия Всесоюзного географ. общества», 1970, т. 102, № 3, с. 201–208.
- Борхгревинк К. Э. У Южного полюса. Год 1900. М., Географгиз, 1958. 326 с.
- Бэрд Р. Над Южным полюсом. Л., Изд-во Главсевморпути, 1935. 420 с.
- Бэрд Р. Э. Снова в Антарктике. Л., Изд-во Главсевморпути, 1937.
- Вилле Г. Г. В плену белого магнита. Л., Гидрометеиздат, 1965. 343 с.
- В стране белого сфинкса. Л., Гидрометеиздат, 1966. 339 с.
- География Антарктиды. М., Мысль, 1968. 439 с.
- Гиавер Д. Модхейм. Два года в Антарктике. М., Географгиз, 1958. 256 с.
- Гусев А. М. В снегах Антарктиды. М., Мысль, 1973. 371 с.
- Дубровин Л. И., Петров В. Н. Научные станции в Антарктике (1882–1963). Л., Гидрометеиздат, 1967. 282 с.

- Корякин В. С. Причина гибели экспедиции Р. Скотта. — «Природа», 1978, № 10, с. 80–94.
- Кручинин Ю. А. Путешествие в ледниковый период. М., Морской транспорт, 1963, 136 с.
- Кузнецов М. А. Под крышами Мирного. М., Транспорт, 1964. 271 с.
- Ладлем Г. Капитан Скотт. Л., Гидрометеиздат, 1973, 229 с.
- Лебедев В. Л. Антарктика. М., Географгиз, 1957. 192 с.
- Лосев К. С. Антарктический ледниковый покров: история и современное состояние. М., Наука, 1982. 159 с.
- Лосев К. С. Страна вечной зимы. Л., Гидрометеиздат, 1986. 112 с.
- Маккензи Д. Хиллари против Фукса. Л., Гидрометеиздат, 1967. 190 с.
- Марков К. К. Путешествие в Антарктиду. М., Изд-во Московского ун-та, 1957. 222 с.
- Марре М. Семеро среди пингвинов. Л., Гидрометеиздат, 1967. 227 с.
- На самой южной земле. Сборник статей участников советских антарктических экспедиций. М., Географгиз, 1959. 471 с.
- Петров И. Г. Через полюс недоступности. Л. Гидрометеиздат, 1971. 192 с.
- Пристли Р. Антарктическая одиссея. Северная партия экспедиции Р. Скотта. Л., Гидрометеиздат, 1985. 360 с.
- Рыбаков С. Н. Живая Антарктика. Л., Гидрометеиздат, 1976. 183 с.
- Скотт Р. Ф. Последняя экспедиция Р. Скотта. Личные дневники капитана Р. Скотта, которые он вел во время экспедиции — к Южному полюсу. М., Географгиз, 1955, 408 с.
- Слевич С. Б. Антарктика в современном мире. М., Мысль, 1985. 223 с.
- Современная Антарктика. Сборник статей. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 374 с.
- Сузюмов Е. М. Дуглас Моусон и Антарктика. Л., Гидрометеиздат, 1970. 216 с.
- Трешников А. Ф. Антарктика: исследования, открытия. Л., Гидрометеиздат, 1980. 120 с.
- Трешников А. Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М., Географгиз, 1963. 431 с.
- Фукс В., Хиллари Э. Через Антарктиду. М., Мысль, 1973. 294 с.
- Хват Л. Б. Пришедшие издалека. М., Географгиз, 1963. 190 с.
- Эммануэль М. Почему бы нет? Л., Гидрометеиздат, 1973. 208 с.

Составил Л. Р. Серебрянный

Нобиле, Умберто (1885–1978) — итальянский дирижаблестроитель, генерал. Командир дирижабля «Норвегия» в экспедиции Р. Амундсена в 1926 г. Руководитель итальянской экспедиции к Северному полюсу на дирижабле «Италия» в 1928 г. В 1932–1936 гг. работал в СССР.

Северо-Западный проход — морской путь вдоль северного побережья Америки.

Франклин, Джон (1786–1847) — английский исследователь Арктики, руководитель экспедиции в поисках Северо-Западного прохода в 1819–1822, 1825–1827 и 1845–1847 гг. Погиб во время последней экспедиции.

Северо-Восточный проход — морской путь вдоль северного побережья Евразии. В СССР — Северный морской путь.

Акерсхюс — старинная крепость в центре столицы Норвегии г. Осло (быв. Христиания).

Маркхем, Клементе — английский географ, секретарь (1866–1881) и президент Королевского Географического общества (1883–1905), секретарь (1859–1887) и президент Хаклюитского общества (1889–1900). Участвовал в поисках последней экспедиции Д. Франклина в 1850–1853 гг. Руководитель экспедиции в Перу в 1852–1853 гг.

Англо-бурская война (1899–1902) — захватническая война Великобритании против бурских республик Южной Африки — Оранжевого свободного государства и Трансвааля. Эти республики потерпели поражение и были превращены в английские колонии. Коренное африканское население оказалось под двойным гнетом — буров и английских колонизаторов.

Шеклтон, Эрнест (1874–1922) — английский исследователь Антарктиды. Участник экспедиции Р. Скотта в 1901–1903 гг. Руководитель экспедиции 1907–1908, 1914–1917 и 1921 гг.

Хат-Пойнт — мыс на берегу залива Мак-Мёрдо ($77^{\circ}49'$ юж. ш., 65° вост. д).

День рождения первенца. — Сын Скотта Питер впоследствии заслужил мировую известность благодаря своей деятельности в области охраны окружающей среды.

Юхансен, Ялмар — норвежский полярный исследователь. Участник экспедиции в Арктику на «Фраме» в 1893–1896 гг. и в Антарктику в 1910–1912 гг.

Китовая бухта (бухта Уэйлз) — выемка на краю шельфового ледника Росса в его западной части. Обнаружена в 1900 г. англо-норвежской экспедицией К. Борхгревинка.

Сибирские пони. — Имеются в виду низкорослые лошади, закупленные в Северо-Восточном Китае (бывш. Маньчжурия).

Эребус — действующий вулкан высотой 3794 м на западном побережье моря Росса. Имеет форму конуса.

Земля Короля Эдуарда — современное название полуострова Короля Эдуарда VII. Расположен к востоку от шельфового ледника Росса. Открыт в 1902 г. экспедицией Р. Скотта.

Ледник Бирдмора — в Трансантарктических горах. Открыт в 1908 г. экспедицией Э. Шеклтона. Назван по имени мецената, финансировавшего экспедицию.

Террор — потухший вулкан высотой 3262 м на западном побережье моря Росса. Имеет форму конуса.